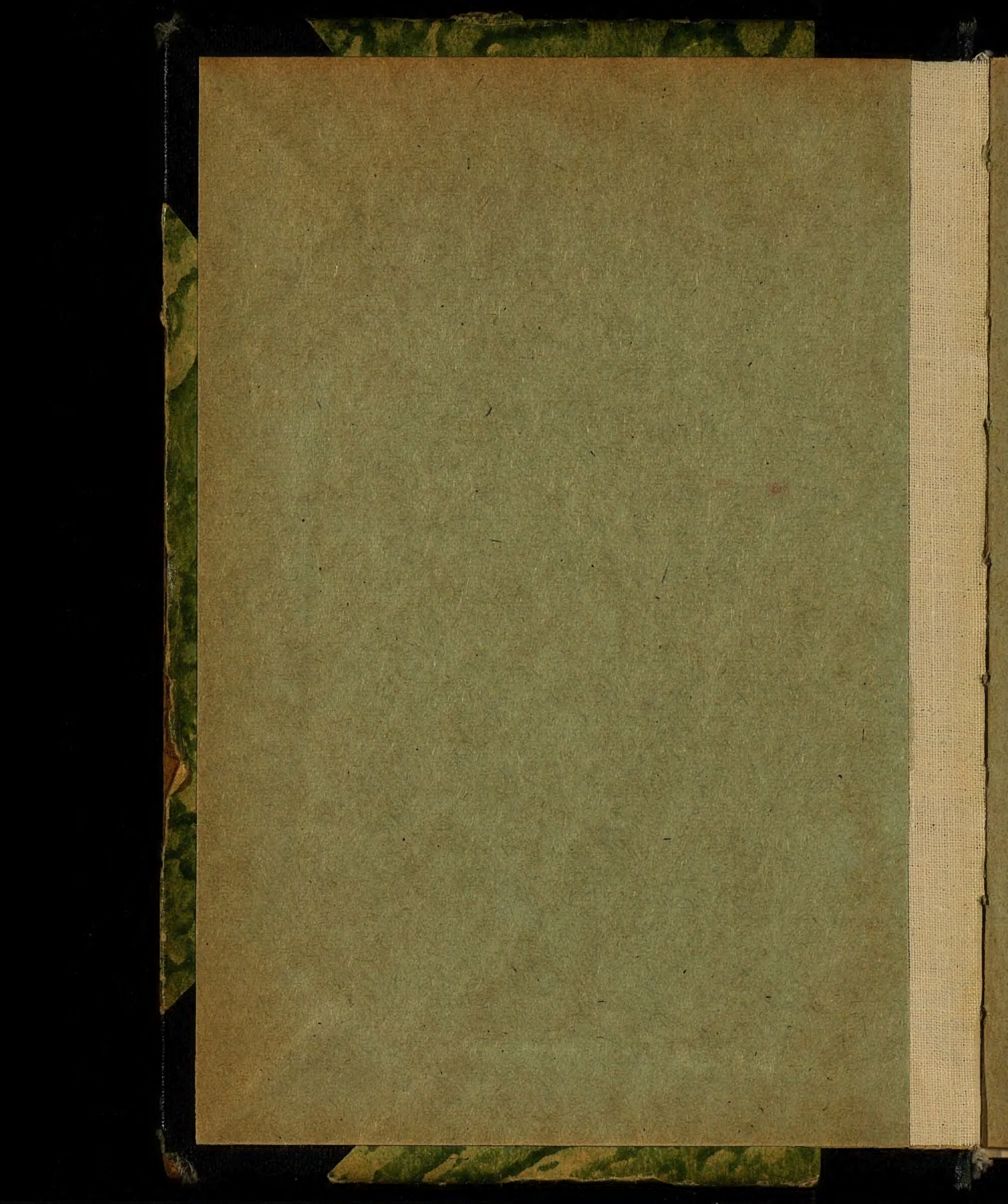
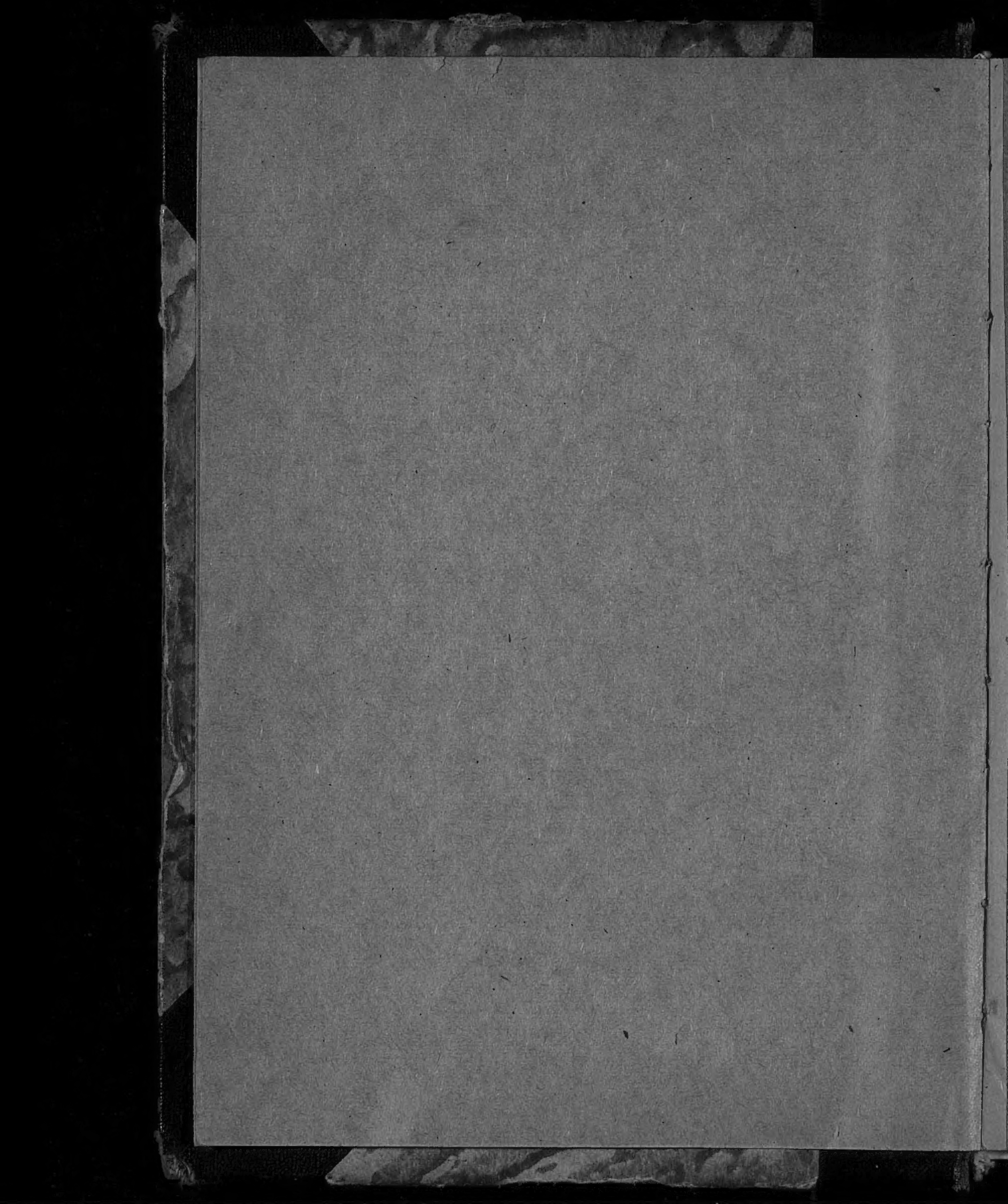
Троцкий Л.

История русской революции.

Т. 2. ч. 2.

Берлин, 1933

Л. ТРОЦКИЙ

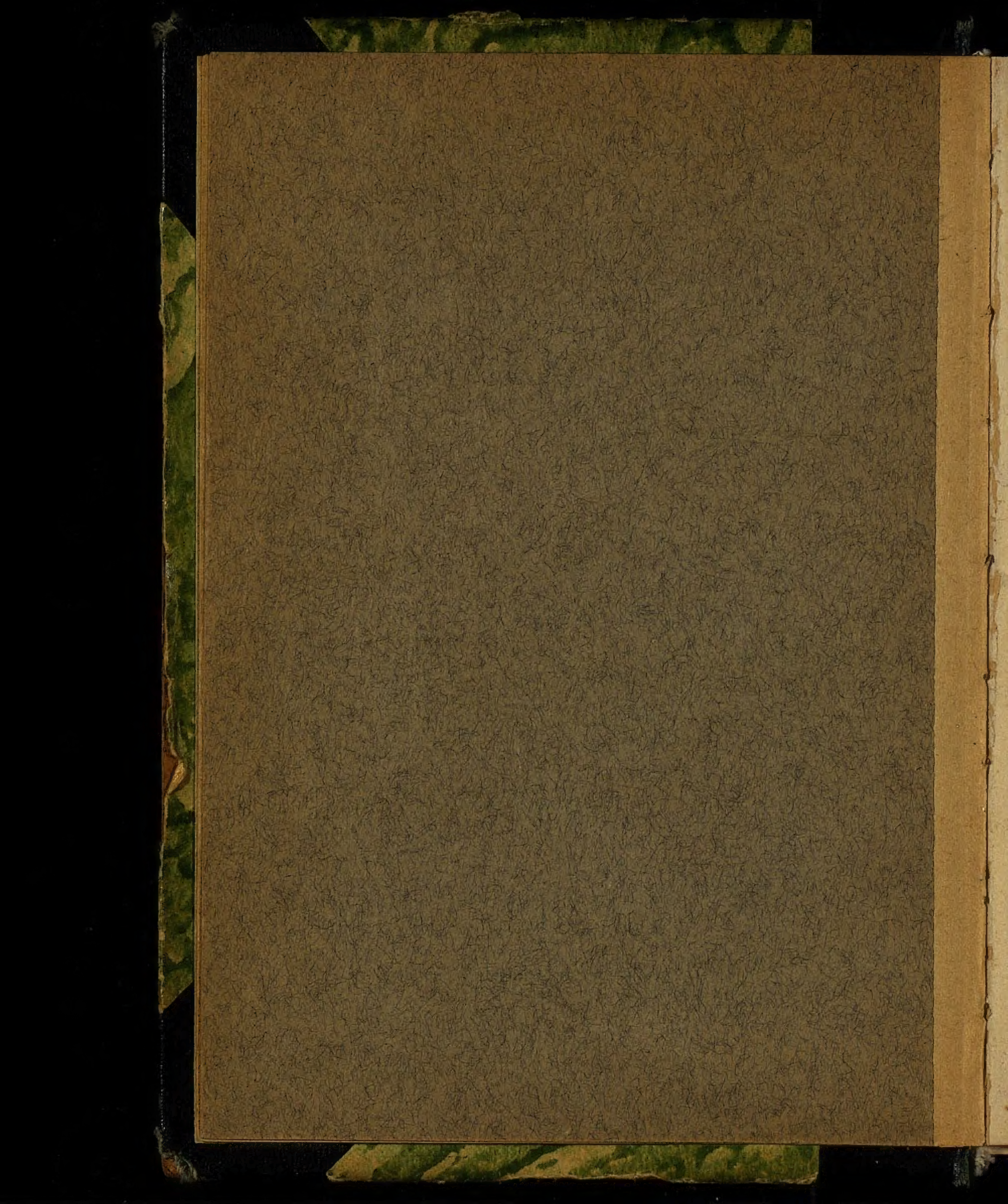
ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

II

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

2

ИЗ-ВО „ГРАНИТ“
БЕРЛИН

Л. ТРОЦКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОМ II

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗ-ВО „ГРАНИТ“ · БЕРЛИН 1933

Л. ТРОЦКИЙ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗ-ВО „ГРАНИТ“ · БЕРЛИН 1933

«Energiadruck», Berlin SW 61

КРЕСТЬЯНСТВО ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Цивилизация сделала крестьянина своим вьючным ослом. Буржуазия в конце концов изменила лишь форму вьюка. Едва терпимое у порога национальной жизни, крестьянство остается по существу и за порогом науки. Историк интересуется им обычно так же мало, как театральный критик — теми серыми фигурами, которые подметают подмостки, носят на спине небо и землю и моют уборную артистов. Участие крестьянства в революции прошлого до сих пор остается едва освещенным.

«Французская буржуазия начала с освобождения крестьян, — писал Маркс в 1848 году. — При помощи крестьян завоевала она Европу. Прусская буржуазия была так ограничена своими узкими, ближайшими интересами, что потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контр-революции». В этом противопоставлении верно то, что относится к немецкой буржуазии; но утверждение, будто «французская буржуазия начала с освобождения крестьян», представляет собою отголосок официальной французской легенды, оказавшей в свое время влияние даже на Маркса. На самом деле буржуазия, в собственном смысле слова, противодействовала крестьянской революции, насколько хватало сил. Уже из деревенских наказов 1789 года местные вожди третьего сословия

выбрасывали, под видом редактирования, наиболее резкие и смелые требования. Пресловутые решения 4 августа, принятые Национальным собранием при зареве сельских пожаров, долго оставались патетической формулой без содержания. Крестьян, которые не хотели мириться с обманом, Учредительное собрание заклинало «вернуться к выполнению своих обязанностей и относиться к собственности (феодальной!) с надлежащим уважением». Гражданская гвардия не раз устремлялась в деревни на подавление крестьян. Городские рабочие, становясь на сторону восставших, встречали буржуазных усмирителей камнями и осколками черепицы.

В течение пяти лет французские крестьяне поднимались во все критические моменты революции, препятствуя сделке между феодальными и буржуазными собственниками. Парижские санкюлоты, проливая свою кровь за республику, освободили крестьян от феодальных пут. Французская республика 1792 года означала новый социальный режим, в отличие от немецкой республики 1918 года или испанской республики 1931 года, которые означают старый режим минус династи. В основе этого различия не трудно найти аграрный вопрос.

Французский крестьянин непосредственно не думал о республике: он хотел сбросить помещика. Парижские республиканцы обычно забывали о деревне. Но только крестьянский натиск на помещиков обеспечивал создание республики, очищая для нее почву от феодального хлама. Республика с дворянством не есть республика. Это отлично понимал старик Маккиавели, который за четыреста лет до президентства Эберта, в своей флорентийской ссылке, между охотой на дроздов и игрой в tric trac с мясником, обобщал опыт демократических переворотов: «кто хочет основать республику в стране, где много дворян, не сможет этого сделать, если сначала не истребит их всех». Русские мужики были в сущности того же мнения, и они это обнаружили открыто, без всякого «маккиавелизма».

Если Петроград и Москва играли руководящую роль в движении рабочих и солдат, то первое место в крестьянском движении надо отвести отсталому великорусскому земледельческому Центру и среднему Поволжью. Здесь пережитки крепостничества сохранили особенно глубокие корни, дворянская собственность на землю носила наиболее паразитический характер, дифференциация крестьянства отставала, тем более обнажая нищету деревни. Вспыхнув в этой полосе уже в марте, движение сразу окрашивается террором. Усилиями правящих партий оно вводится вскоре в русло соглашательской политики.

На промышленно-отсталой Украине сельское хозяйство, работавшее на экспорт, приобрело гораздо более прогрессивный, следовательно, более капиталистический характер. Расслоение крестьянства здесь зашло значительно дальше, чем в Великороссии. Борьба за национальное освобождение неизбежно тормозила, по крайней мере, до поры до времени, другие виды социальной борьбы. Но различия областных и даже национальных условий выразились, в конце концов, лишь в различии сроков. К осени территорией крестьянского восстания становится почти вся страна. Из 624 уездов, составлявших старую Россию, движением захвачено 482 уезда, или 77%; а без окраин, отличающихся особыми аграрными условиями: Северного района, Закавказья, Степного края и Сибири, из 481 уезда в крестьянское восстание вовлечено 439 уездов, или 91%.

Способы борьбы различаются, смотря по тому, идет ли дело о пашне, лесе, пастбищах, об аренде или наемном труде. Борьба меняет формы и методы на разных этапах революции. Но в общем движение деревни прошло, с неизбежным отставанием, через те же две большие стадии, что и движение городов. На первом этапе крестьянство приспособляется еще к новому режиму и пытается разрешить свои задачи через посредство новых учреждений. Однако, и здесь дело идет больше о форме, чем о существе. Московская ли-

беральная газета, окрашенная до революции в народнические цвета, с похвальной непосредственностью выражала самочувствие помещичьих кругов летом 1917 года. «Мужик смотрит вокруг, он пока ничего не делает, но вглядитесь в его глаза, и глаза говорят, что вся земля, которая лежит вокруг него, — его земля». Незаменимым ключом к «мирной» политике крестьянства является апрельская телеграмма одного из тамбовских сел Временному правительству: «Желаем сохранить спокойствие в интересах добытых свобод, а потому запретите сдавать земли помещиков до Учредительного собрания, иначе мы прольем кровь, а пахать ее другим не дадим».

Мужику тем удобнее было выдерживать тон почтительной угрозы, что в нажиме на исторические права ему почти не приходилось непосредственно наталкиваться на государство. На местах отсутствовали органы правительственой власти. Милицией распоряжались волостные комитеты. Суды находились в расстройстве. Местные комиссары были бессильны. «Мы тебя выбрали, — кричали им крестьяне, — мы тебя и выгоним».

Развивая борьбу предшествующих месяцев, крестьянство в течение лета все ближе подходит к гражданской войне и левым своим крылом переступает через ее порог. По сообщению земельных собственников Таганрогского округа, крестьяне самовольно захватывают сенокос, отбирают землю, препятствуют запашкам, назначают произвольные арендные цены, устраняют хозяев и управляющих. По донесению нижегородского комиссара, насильственные действия и захваты земель и лесов в губернии участились. Уездные комиссары боятся оказаться в глазах крестьян защитниками крупных землевладельцев. Сельская милиция малонадежна: «бывали случаи, когда чины милиции участвовали вместе с толпой в насилиях». В Шлиссельбургском уезде волостной комитет запрещает землевладельцам рубить собственый лес. Мысль крестьян проста: никакое Учредительное собрание не сможет возродить из пней

срубленные деревья. Комиссар министерства двора жалуется на захват покосов: сено для дворцовых лошадей приходится покупать! В Курской губернии крестьяне поделили между собою удобренные паровые поля Терещенко: владелец состоит министром иностранных дел. Коннозаводчику Орловской губернии Шнейдеру крестьяне заявили, что не только выкосят в его имении клевер, но и самого его будто бы «сдадут в солдаты». Управляющему имения Родзянко волостной комитет приказывал уступить крестьянам покос: «если вы не будете слушать земельного комитету, будет с вами поступлено иначе, будете вы рестованы». Подпись и печать.

Изо всех углов текут жалобы и вопли: от потерпевших, от местных властей, от благородных свидетелей. Телеграммы землевладельцев представляют собою самое блистательное опровержение грубых теорий классовой борьбы. Титулованные помещики, владельцы латифундий, духовные и светские крепостники заботятся исключительно об общем благе. Враг — не крестьянин, а большевики, иногда анархисты. Собственные имения интересуют лэндлордов единственно лишь с точки зрения преуспеяния отечества.

Триста членов кадетской партии, из Черниговской губернии, заявляют, что крестьяне, побуждаемые большевиками, снимают с работ военнопленных и производят самовольную уборку урожая: в результате угрожает «невозможность платить налоги». Смысл существования либеральные помещики видели в поддержании казначейства! Подольское отделение Государственного банка жалуется на самоуправство волостных комитетов, «председателями коих часто являются пленные австрийцы». Здесь говорит оскорбленный патриотизм. Во Владимирской губернии, в усадьбе нотариуса Одинцова, отбирается строительный материал, «заготовленный для благотворительных учреждений». Нотариусы живут только для дел человеколюбия! Епископ подольский доносит на самоуправный захват леса, принадлежащего архиерейскому дому.

Обер-прокурор жалуется на отобрание у Александро-Невской лавры луговых земель. Игуменья Кизлярского монастыря призывает громы на членов местного совета: вмешиваются в дела монастыря, конфискуют в свою пользу арендную плату, «возбуждают монахинь против начальства». Во всех этих случаях затронуты непосредственно интересы церкви. Граф Толстой, один из сыновей Льва Толстого, сообщает от имени Союза сельских хозяев Уфимской губорнии, что передача земли местным комитетам, «не ожидая решения Учредительного собрания... вызовет взрыв недовольствия... среди крестьян-собственников, которых в губернии более двухсот тысяч». Родовитый помещик печется исключительно о меньшем брате. Сенатор Бельгардт, собственник Тверской губернии, готов примириться с лесными порубками, но скорбит по поводу того, что крестьяне «не желают подчиняться буржуазному правительству». Тамбовский помещик Вельяминов требует спасти два имения, которые «служат нуждам армии». Случайно эти имения оказываются его собствеными. Для философов идеализма помещичьи телеграммы 1917 года представляют сущий клад. Материалист увидит в них скорее выставку образцов цинизма. Он прибавит, пожалуй, что великие революции отнимают у имущих даже возможность пристойного лицемерия.

Обращения потерпевших к уездным и губернским властям, к министру внутренних дел, к председателю совета министров по общему правилу безрезультатны. У кого же просить помощи? У Родзянко, председателя Государственной думы. Между июльскими днями и корниловским восстанием камаргер вновь чувствует себя влиятельной фигурой: многое делается по его телефонному звонку.

Чиновники министерства внутренних дел посылают на места циркуляры о предании виновных суду. Заскорузлые самарские помещики телеграфируют в ответ: «Циркуляры без подписи министров-социалистов силы не имеют». Так обнаруживается польза социализма.

Церетели пришлось преодолеть застенчивость: 18 июля он посылает многословное предписание о принятии «скорых и решительных мер». Как и сами помещики, Церетели заботится только об армии и государстве. Крестьянам кажется, однако, что Церетели ограждает помещиков.

В усмирительных методах Правительства наступает перелом. До июля применялось преимущественно заговаривание зубов. Если воинские отряды и посылались на места, то лишь в качестве прикрытия для правительственного оратора. После победы над петроградскими рабочими и солдатами кавалерийские команды, уже без уговаривателей, поступают непосредственно в распоряжение помещиков. В Казанской губернии, одной из наиболее беспокойных, удалось — по словам молодого историка Югова — только «путем арестов, ввода вооруженных команд в деревни, даже возрождения порки... заставить крестьян на время смириться». И в других местах репрессии не остаются без действия. Число пострадавших пемещичьих имений в июле несколько снизилось: с 516 до 503. В августе Правительству удалось достигнуть дальнейших успехов: число неблагополучных уездов с 325 упало до 288, на 11%; число захваченных движением имений уменьшилось даже на 33%.

Некоторые районы, наиболее до сих пор беспокойные, затихают или отходят на второй план. Наоборот, районы, вчера еще благонадежные, сегодня вступают на путь борьбы. Всего месяц тому назад пензенский комиссар рисовал утешительную картину: «Деревня занята уборкой урожая... Идет подготовка к выборам в волостные земства. Период кризиса власти прошел спокойно. Образование нового правительства встречено с большим удовлетворением». В августе от этой идиллии уже не остается и следа: «Массовое хищение садов и порубки леса... Для ликвидации беспорядков приходится прибегать к вооруженной силе».

По общему характеру своему, летнее движение все еще относится к «мирному» периоду. Однако, в нем

наблюдаются уже, правда, слабые, но безошибочные симптомы радикализации: если в первые четыре месяца случаи прямого нападения на помещичьи усадьбы убывают, с июля они начинают возрастать. Исследователи устанавливают в общем такую классификацию июльских столкновений в порядке убывающего ряда: захваты лугов, урожаев, продовольствия и фуража, пашни, инвентаря; борьба из-за условий найма; разгромы имений. В августе: захваты урожаев, запасов продовольствия и фуража, лугов и покосов, земель и леса; аграрный террор.

В начале сентября Керенский, в качестве Верховного главнокомандующего, повторяет в особом приказе недавние доводы и угрозы своего предшественника Корнилова против «насильственных действий» со стороны крестьян. Через несколько дней Ленин пишет: «Либо... вся земля крестьянам тотчас... Либо помещики и капиталисты... доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания». В течение ближайшего месяца это стало фактом.

Число имений, охваченных аграрными столкновениями, поднялось в сентябре, по сравнению с августом, на 30%; в октябре, по сравнению с сентябрем, — на 43%. На сентябрь и первые три недели октября приходится свыше трети всех зарегистрированных с марта аграрных столкновений. Решительность их выросла, однако, неизмеримо больше, чем их число. В первые месяцы даже прямые захваты различных угодий принимали вид сделок, смягченных и прикрытых соглашательскими органами. Теперь легальная маскировка отпадает. Каждая из отраслей движения принимает более дерзкий характер. От разных видов и степеней нажима крестьяне переходят к насильственному захвату составных частей помещичьего хозяйства, к разгрому барских гнезд, к поджогам усадеб, даже убийствам владельцев и управляющих.

Борьба за изменение условий аренды, в июне превышавшая по числу случаев разгромное движение, в октябре не составляет и $1/40$ числа разгромов, причем

и само арендное движение меняет свой характер, становясь лишь другой формой изгнания помещиков. Запрещение купли-продажи земли и леса уступает место прямому захвату. Массовые порубки и массовые потравы принимают характер намеренного уничтожения помещичьего добра. Случаев открытого разгрома имений зарегистрировано в сентябре 279; они уже составляют более восьмой части всех конфликтов. Октябрь дает свыше 42% всех случаев разгрома, зарегистрированных милицией между февральским и октябрьским переворотами.

Особо ожесточенный характер приняла борьба из-за леса. Деревни часто выгорали до тла. Строевой лес крепко охранялся и продавался дорого. Мужик изголодался по дереву. К тому же настала пора запасаться на зиму дровами. Из Московской губернии, Нижегородской, Петроградской, Орловской, Волынской, со всех концов страны поступают жалобы на разгром лесов и захват готовых дровяных запасов. «Крестьяне самовольно и беспощадно рубят лес». «Крестьянами сожжено 200 десятин помещичьего леса». «Крестьяне Климовического и Чериковского уездов уничтожают лес и губят озимые поля»... Лесная стража спасается бегством. Стонет дворянский лес, щепки летят по всей стране. Мужицкий топор отбивает в течение всей осени лихорадочный такт революции.

В районах, ввозящих хлеб, продовольственное положение еще резче, чем в городах. Не хватало не только пропитания, но и семян. В вывозящих районах, вследствие усиленной выкачки продовольственных ресурсов, положение было немногим лучше. Повышение твердых цен на зерновые хлеба ударило по бедноте. В ряде губерний начались голодные волнения, разгромы хлебных амбаров, нападения на продовольственные органы. Население переходило к суррогатам хлеба. Шли сообщения о заболеваниях цынгой и тифом, о самоубийствах на почве безвыходности. Голод или призрак его делал особенно невыносимым соседство довольства и роскоши. Наиболее нуждающиеся слои деревни выдвигались в передние ряды.

Волны ожесточения поднимали со дна немало мути. В Костромской губернии «наблюдается черносотенная и антиеврейская агитация. Преступность развивается... Замечается упадок интереса к политической жизни страны». Последня фраза в донесении комиссара означает: образованные классы поворачиваются спиною к революции. Неожиданно раздается в Подольской губернии голос черносотенного монархизма: Комитет села Демидовки не признает Временного правительства и «вернейшим вождем русского народа» считает Государя Николая Александровича: если Временное правительство не уйдет, то «мы примкнем к немцу». Такие смелые признания, однако, единичны: монархисты из крестьян давно перекрасились вслед за помещиками. Местами, как в той же Подольской губернии, воинские части, вместе с крестьянами, громят винокуренные заводы. Комиссар доносит об анархии. «Гибнут села и люди; гибнет революция». Нет, революция далека от гибели. Она прокладывает себе более глубокое русло. Ее неистовые воды приближаются к устью.

В ночь под 8 сентября крестьяне села Сычевки, Тамбовской губернии, с дубинами и вилами, идя со двора на двор, созывают всех, от мала до велика, громить помещика Романова. На сходе одна группа предлагает отобрать имение в порядке, разделить имущество между населением, постройки сохранить для культурных целей. Беднота требует сжечь усадьбу, не оставлять камня на камне. Бедноты больше. В ту же ночь море огня охватило имения всей волости. Было сожжено все, что поддавалось пламени, даже опытное поле, вырезан племенной скот, «пьянствовали до безумия». Огонь перекидывается из волости в волость. Лапотное воинство не ограничивается уже патриархальными вилами и косами. Губернский комиссар телеграфирует: «Крестьяне и неизвестные лица, вооруженные револьверами и ручными гранатами, громят имения в Раненбургском и Ряжском уездах». Высокую технику в крестьянское восстание внесла война. Союз собственников доносит, что за три дня сожжено 24

имения. «Местные власти бессильны восстановить порядок». С запозданием прибыл отряд, посланный командующим войсками, введено военное положение, запрещены собрания, идут аресты зачинщиков. Овраги завалены помещичьим добром, реки поглощают немало награбленного.

Пензенский крестьянин Бегишев рассказывает: «В сентябре все поехали громить Логвина (его громили еще в 1905 году). К имению и от него тянулась вереница упряжек, сотни мужиков и баб стали угонять и увозить скот, хлеб и пр.». Вытребованный Земской управой отряд пытался отбить кое-что из захваченного, но баб и мужиков собралось к волости около 500 человек, и отряд разъехался». Солдаты, очевидно, совсем не рвались восстанавливать попранные помещичьи права.

Начиная с последних чисел сентября, в Таврической губернии, по воспоминаниям крестьянина Гапоненко, «крестьяне стали громить экономии, разгонять заведывающих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, мертвый инвентарь... Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались»... «Сперва приходили только пешком, брали и носили, — рассказывает минский крестьянин Грунько, — а потом уже позапрягали коней, кто имел, и целыми обозами возили. Не было розмина... Так возили и носили, как начали с 12 часов дня, двое суток днем и ночью без перебива. За эти двое суток очистили все». Захват имущества, по словам московского крестьянина Кузьмичева, оправдывали так: «Помещик был наш, мы ему работали, и достояние, бывшее у него, нам одним должно достаться». Некогда дворянин говорил крепостным: «вы — мои, и все ваше — мое». Теперь крестьяне откликнулись: «барин наш, и все добро наше».

«В некоторых местах стали тревожить помещиков по ночам, — вспоминает другой минский крестьянин Новиков. — Все чаще стали гореть помещичьи усадьбы». Дошла очередь до имения великого князя Нико-

лая Николаевича, бывшего верховного главнокомандующего. «Когда забрали все то, что можно было забрать, то принялись ломать печи и выбирать вьюшки, вынимать полы и доски и все это таскать домой»... За этими разрушительными действиями стоял многовековой, тысячелетний расчет всех крестьянских войн: срыть до основания укрепленные позиции врага, не оставить место, где он мог бы преклонить голову. «Более благоразумные, — вспоминает курский крестьянин Цыганков, — говорили: «Не нужно уничтожать постройки, они нам будут нужны... для школ и больниц», — но большинство было таких, которые кричали, что нужно все уничтожить, чтобы негде было укрываться на случай-чего нашим врагам»... «Крестьяне захватывали все помещичье имущество, — рассказывает орловский крестьянин Савченко, — выгоняли помещиков из имений, выламывали в домах помещиков окна, двери, полы, потолки... Солдаты говорили, что если разорять волчиные гнезда, то нужно и волков подавить. Через такие угрозы главные и крупные помещики поскрывались, поэтому убийств помещиков не было».

В деревне Залесье, Витебской губернии, сожгли амбары с зерном и сеном в принадлежащем французу Барнарду имении. Мужики тем меньше склонны были разбираться в подданстве, что многие помещики спешили переводить свои земли на привиллегированных иностранцев. «Французское посольство просит принять меры». В прифронтовой полосе в середине октября трудно было принимать «меры» даже и в угоду французскому посольству.

Разгром большого имения под Рязанью шел четыре дня, «в грабеже участвовали даже дети». Союз земельных собственников довел до сведения министров, что если не будут приняты меры, то «возникнут самосуды, голод и гражданская война». Непонятно, почему помещики о гражданской войне все еще говорят в будущем.

На съезде кооперации Беркенгейм, один из вождей крепкого торгового крестьянства, говорил в начале сентября: «Я убежден, что не вся еще Россия превратилась в сумасшедший дом, что пока — обезумело, главным образом, население больших городов». Этот самодовольный голос солидной и консервативной части крестьянства безнадежно запоздал: как раз в этом месяце деревня окончательно сорвалась со всех петель благоразумия и неистовством борьбы далеко оставила за собой «сумасшедшие дома» городов.

В апреле Ленин считал еще возможным, что патриотические кооператоры и кулаки потянут за собой главную массу крестьянства на путь соглашения с буржуазией и помещиками. Тем неутомимее он настаивал на создании особых советов батрацких депутатов и на самостоятельной организации беднейших крестьян. Месяц за месяцем обнаруживал, однако, что эта часть большевистской политики не прививается. За вычетом Прибалтики, батрацких советов совершенно не было. Крестьянская беднота также не нашла самостоятельных форм организации. Объяснять это только отсталостью батраков и беднейших слоев деревни значило бы обходить существо дела. Главная причина коренилась в существе самой исторической задачи: демократического аграрного переворота.

На двух важнейших вопросах: аренды и наемного труда — убедительнее всего обнаруживается, как общие интересы борьбы с пережитками крепостничества отрезали дорогу к самостоятельной политике не только бедноте, но и батракам. Крестьяне арендовали у помещиков в Европейской России 37 миллионов десятин, около 60% всей частно-владельческой земли, и уплачивали ежегодную арендную дань в 400 миллионов рублей. Борьба против кабальных условий аренды стала после февральского переворота важнейшим элементом крестьянского движения. Меньшее, но все же очень значительное место заняла борьба сельских рабочих, противопоставлявшая их не только помещичьей, но и крестьянской эксплоатации. Арендатор боролся

за облегчение условий аренды, рабочий — за улучшение условий труда. Оба они, каждый по своему, исходили из признания помещика — собственником и хозяином. Но с того момента, когда открылась возможность довести дело до конца, т. е. отобрать землю и самим сесть на нее, беднота переставала интересоваться вопросами аренды, а профессиональный союз начинал терять свою притягательную силу для батрака. Именно сельские рабочие и бедняки-арендаторы своим присоединением к общему движению придали крестьянской войне последнюю решительность и бесповоротность.

Не с такой полнотой, поход против помещиков захватывал и противоположный полюс деревни. Пока дело не доходило до открытого восстания, верхи крестьянства играли в движении видную, подчас руководящую роль. В осенний период зажиточные мужики со все возрастающим недоверием глядели на разлив крестьянской войны: они не знали, чем это кончится, у них было, что терять, — они отодвигались к стороне. Но отстраниться полностью им все же не удалось: деревня не позволила.

Замкнутее и враждебнее, чем «свои», общинные кулаки, держали себя стоявшие вне общины мелкие земельные собственники. Крестьян, владевших участками до 50 десятин, насчитывалось во всей стране 600 000 дворов. Они составляли во многих местах хребет кооперативов и политически тяготели, особенно на юге, к консервативному Крестьянскому союзу, составлявшему уже мост к кадетам. «Отрубники и богатые крестьяне, по словам минского крестьянина Гулиса, поддерживали помещиков, пытаясь унять крестьянство уговорами». Кое-где, под влиянием местных условий, борьба внутри крестьянства принимала свирепый характер уже до октябрьского переворота. Особенно жестоко страдали при этом отрубники. «Почти все хутора, — рассказывает нижегородский крестьянин Кузьмичев, — были сожжены, имущество их было частью уничтожено, а частью захвачено крестьянами». Отрубник был «помещичьим слугою, доверенным нескольких

помещичьих лесных дач; был любимцем полиции, жандармерии и своих господ». Наиболее богатые крестьяне и торговцы некоторых волостей Нижегородского уезда скрылись осенью и вернулись на свои места лишь через два-три года.

Но в большей части страны внутренние отношения деревни далеко еще не достигали такой остроты. Кулаки вели себя дипломатично, тормозили и противодействовали, но старались не слишком противопоставлять себя «миру». Рядовая деревня, со своей стороны, очень ревниво следила за кулачеством, не давая ему объединяться с помещиками. Борьба между дворянами и крестьянами за влияние на кулака проходит через весь 1917 год, в разнообразных формах, от «дружественного» воздействия до свирепого террора.

В то время, как владельцы латифундий заискивающе открывали перед крестьянами-собственниками парадные двери дворянского собрания, мелкие землевладельцы демонстративно отмежевывались от дворян, чтоб не погибнуть вместе с ними. На языке политики это выражалось в том, что помещики, принадлежавшие до революции к крайним правым партиям, перекрашивались теперь в цвет либерализма, принимая его, по старой памяти, за защитный цвет; между тем, как собственники из крестьян, нередко поддерживавшие раньше кадетов, теперь отодвигались влево.

Съезд мелких собственников Пермской губернии в сентябре резко отмежевывался от московского съезда землевладельцев, во главе которого стояли «графы, князья, бароны». Владелец 50 десятин говорил: «Кадеты никогда не ходили в армяках и лаптях и поэтому никогда не будут защищать наши интересы». Отталкиваясь от либералов, трудовые собственники искали таких «социалистов», которые стояли бы за собственность. Один из делегатов высказывался за социал-демократию. «...Рабочий? Дайте ему земли, он придет в деревню и перестанет харкать кровью. Социал-демократы у нас земли не отнимут». Речь шла, конечно, о меньшевиках. «Своей земли мы никому не отдадим.

Легко расстаться с ней тому, кому легко досталась она, как, например, помещику. Крестьянину же земля досталась тяжело».

В этот осенний период деревня боролась с кулаками, не отбрасывая их от себя, а, наоборот, заставляя их примыкать к общему движению и прикрывать его от ударов справа. Бывали даже случаи, когда уклонение от участия в разгроме каралось смертью ослушника. Кулак вилял, пока мог, но в последнюю минуту, почесав лишний раз в затылке, запрягал кованную телегу сытыми лошадьми и выезжал за своей долей. Нередко она оказывалась львиной. «Попользовались, главным образом, зажиточные, — рассказывает пензенский крестьянин Бегишев, — у которых были лошади и свободные люди». Почти теми же словами выражается и орловец Савченко: «Воспользовались большинство кулаки, которые были сыты и было чем лес возить»...

По подсчету Верменичева, на 4954 аграрных конфликта с помещиками в течение февраля-октября приходится всего 324 конфликта с крестьянской буржуазией. Замечательно яркое соотношение! Оно одно неоспоримо устанавливает, что крестьянское движение 1917 года, в социальной основе своей, было направлено не против капитализма, а против пережитков крепостничества. Борьба с кулачеством развернулась лишь позже, уже в 1918 году, после окончательной ликвидации помещиков.

Чисто демократический характер крестьянского движения, который должен бы, казалось, придать официальной демократии несокрушимую силу, на самом деле полнее всего обнаружил ее гнилость. Если глядеть сверху, крестьянство сплошь возглавлялось эсерами, выбирало их, шло за ними, почти сливалось с ними. На майском съезде крестьянских советов Чернов получил, при выборах в Исполнительный комитет, 810 голосов, Керенский — 804, тогда как Ленин собрал всего-на-всего 20 голосов. Недаром Чернов именовал себя селянским министром! Но недаром и стратегия сел круто разошлась со стратегией Чернова.

Хозяйственная разобщенность делает крестьян, столь решительных в борьбе с конкретным помещиком, бессильными пред обобщенным помещиком, в лице государства. Отсюда органическая потребность мужика опереться на сказочное государство против реального. В старину он создавал самозванцев, сплачивался вокруг мнимой золотой грамоты царя или вокруг легенды о праведной земле. После Февральской революции он объединялся вокруг эсеровского знамени «Земля и воля», ища в нем помощи против либерального помещика, ставшего комиссаром. Народническая программа относилась к реальному правительству Керенского, как поддельная царская грамота — к реальному самодержцу.

В программе эсеров всегда было много утопического: они собирались строить социализм на основе мелкого товарного хозяйства. Но основа программы была демократически-революционная: отобрание земли у помещиков. Став перед необходимостью выполнять программу, партия запуталась в коалиции. Против конфискации земли непримиримо восставали не только помещики, но и кадетские банкиры: под земельную собственность банки выдали не меньше 4 миллиардов рублей. Собираясь в Учредительном собрании поторговаться с помещиками насчет цены, но кончить полюбовно, эсеры усердно не подпускали мужика к земле. Они срывались, таким образом, не на утопическом характере своего социализма, а на своей демократической несостоятельности. Проверка их утопизма могла бы потребовать годов. Их измена аграрному демократизму стала ясна в течение месяцев: при правительстве эсеров крестьяне должны были становиться на путь восстания, чтоб выполнить программу эсеров.

В июле, когда Правительство ударило по деревне репрессиями, крестьяне сгоряча бросились под прикрытие тех же эсеров: у Понтия-младшего они искали защиты от Пилата-старшего. Месяц наибольшего ослабления большевиков в городах становится месяцем наибольшей экспансии эсеров в деревне. Как это

обычно бывает, особенно в революционную эпоху, максимум организационного охвата совпал с началом политического упадка. Укрываясь за эсеров от ударов эсеровского Правительства, крестьяне все больше теряли доверие и к Правительству, и к партии. Так, разбухание эсеровских организаций в деревне стало смертельным для этой универсальной партии, которая снизу восставала, а сверху усмиряла.

В Москве на собрании Военной организации 30-го июля делегат с фронта, сам эсер, говорил: хотя крестьяне все еще считают себя эсерами, но между ними и партией образовалась трещина. Солдаты подтверждали: под влиянием эсеровской агитации, крестьяне все еще враждебны к большевикам, но вопросы о земле и власти разрешают на деле по-большевистски. Работавший на Волге большевик Поволжский свидетельствует, что наиболее почтенные эсеры, участники движения 1905 года, все более чувствовали себя оттертыми: «мужички звали их «стариками», относились с внешним уважением, а голосовали по-своему». Голосовать и действовать «по-своему» учили деревню рабочие и солдаты.

Взвесить революционное влияние рабочих на крестьянство невозможно: оно имело постоянный, молекулярный, всюду проникающий и поэтому не поддающийся учету характер. Взаимопроникновение облегчалось тем, что значительная часть промышленных предприятий размещена в сельских местностях. Но даже и рабочие Петрограда, наиболее европейского из городов, сохраняли близкие связи с родными деревнями. Усилившаяся в летние месяцы безработица и локауты предпринимателей выбрасывали в деревню многие тысячи рабочих: большинство их становилось агитаторами и вожаками.

В мае-июне в Петрограде создаются рабочие землячества по отдельным губерниям, уездам, даже волостям. Целые столбцы в рабочей прессе посвящены объявлениям о земляческих собраниях, где заслушивались отчеты о поездках в деревню, составлялись наказы де-

легатам, изыскивались денежные средства на агитацию. Незадолго до переворота землячества объединились вокруг особого Центрального бюро, под руководством большевиков. Земляческое движение распространилось вскоре на Москву, Тверь, вероятно, и на ряд других промышленных городов.

Однако, в смысле непосредственного воздействия на деревню еще большее значение имели солдаты. Только в искусственных условиях фронта или городской казармы молодые крестьяне, преодолевая до известной степени свою разобщенность, становились лицом к лицу с проблемами национального масштаба. Политическая несамостоятельность давала, однако, знать себя и здесь. Неизменно подпадая под руководство патриотических и консервативных интеллигентов и стремясь освободиться от них, крестьяне пытались сплотиться в армии особо от других социальных групп. Власти относились к таким поползновениям неблагожелательно, военное министерство противодействовало, эсеры не шли навстречу, — советы крестьянских депутатов прививались в армии слабо. Даже при самых благоприятных условиях крестьянин не в силах превратить свое подавляющее количество в политическое качество!

Только в крупных революционных центрах, под прямым воздействием рабочих, советы крестьян-солдат успели развернуть значительную работу. Так, крестьянский совет в Петрограде с апреля 1917 года по 1-ое января 1918 года послал в деревню 1395 агитаторов, которым были выданы специальные мандаты; столько же, примерно, выехало без мандатов. Делегаты объехали 65 губерний. В Кронштадте среди матросов и солдат создавались, по примеру рабочих, землячества, которые выдавали делегатам удостоверения в «праве» на бесплатный проезд по железным дорогам и на судах. Частные дороги принимали такие свидетельства безропотно, на казенных возникали конфликты.

Официальные делегаты организаций были все же каплями в крестьянском океане. Неизмеримо большую

работу выполнили те сотни тысяч и миллионы солдат, которые самовольно покидали фронт и тыловые гарнизоны, унося в ушах крепкие лозунги митинговых речей. Молчуны на фронте становились у себя в деревне говорунами. Недостатка в жадных слушателях не было. «Среди крестьянства, окружавшего Москву, — рассказывает один из московских большевиков, Муралов, — происходил громадный сдвиг влево... Московские села и деревни кишели дезертирами с фронта. Туда же проникал и столичный пролетарий, не порвавший еще связи с деревней». Дремавшую калужскую деревню, по рассказу крестьянина Наумченкова, «разбудили солдаты, прибывавшие с фронта по разным причинам в период июня- июля». Нижегородский комиссар доносил, что «все правонарушения и беззакония имеют связь с появлением в пределах губернии дезертиров, отпускных солдат или делегатов от полковых комитетов». Главноуправляющий имениями княгини Барятинской, Золотоношского уезда, жалуется в августе на самоуправство земельного комитета, где председательствует кронштадтский матрос Гатран. «Прибывшими в отпуск солдатами и матросами, — доносит комиссар Бугульминского уезда, — ведется агитация с целью создать анархию и погромное настроение». «В Мглинском уезде, в селе Белогош, приехавший матрос самовольно запретил заготовку и вывозку дров и шпал из леса». Если не солдаты начинали борьбу, то они ее заканчивали. В Нижегородском уезде мужики теснили женский монастырь, косили луга, разломали заборы, не давали монашкам проходу. Настоятельница не сдавалась, милиционеры увозили мужиков на расправу. «Так дело тянулось, — пишет крестьянин Арбеков, — до прихода солдат. Фронтовики сразу взяли быка за рога»: монастырь был очищен. В Могилевской губернии, по словам крестьянина Бобкова, «солдаты, которые вернулись с фронта домой, были первыми вожаками в комитетах и руководили изгнанием помещиков».

Фронтовики вносили в дело тяжелую решимость людей, привыкших обращаться с винтовкой и штыком против человека. Даже солдатские жены перенимали от мужей боевые настроения. «В сентябре, — рассказывает пензенский крестьянин Бегишев, — сильное было движение баб-солдаток, которые выступали на сходах за разгром». То же наблюдалось в других губерниях. Солдатки и в городах являлись нередко бродилом.

Таких случаев, когда во главе крестьянских беспорядков оказывались солдаты, приходилось, по подсчету Верменичева, в марте — 1%, в апреле — 8, в сентябре — 13, в октябре — 17%. Такой подсчет не может претендовать на точность; но общую тенденцию он указывает безошибочно. Умеряющее руководство эсеровских учителей, писарей и чиновников заменялось руководством ни перед чем не останавливающихся солдат.

Выдающийся в свое время немецкий марксистский писатель Парвус, который сумел во время войны приобресть богатство, но растерять принципы и проницательность, сравнивал русских солдат со средневековыми ландскнехтами, грабителями и насильниками. Для этого нужно было не видеть, что, при всех своих бесчинствах, русские солдаты оставались лишь исполнительным органом величайшей в истории аграрной революции.

Пока движение не порывало окончательно с легальностью, посылка войск в деревни сохраняла символический характер. Применять на деле, в качестве усмирителей, можно было почти только казаков. «В Сердобский уезд отправлено 400 казаков... Эта мера подействовала успокоительно. Крестьяне заявляют, что будут ждать Учредительного собрания», — пишет 11 октября либеральное «Русское Слово». 400 казаков — несомненный довод за Учредительное собрание! Но казаков не хватало, к тому же и они расшатывались. Между тем Правительство вынуждалось все чаще принимать «решительные меры». В первые четыре месяца

Верменичев насчитывает 17 случаев посылки военной силы против крестьян; в июле и августе — 39 случаев, в сентябре и октябре — 105 случаев.

Усмирять крестьян вооруженной силой значило заливать пожар маслом. Солдаты в большинстве случаев переходили на сторону крестьян. Уездный комиссар Подольской губернии доносит: «Войсковые организации и даже отдельные части разрешают социальные и экономические вопросы, заставляют(?) крестьян производить захваты и рубить лес, а иногда, местами, сами участвуют в грабежах... Местные войсковые части отказываются принимать участие в прекращении насилий»... Так восстание деревни разрушало последние скрепы в армии. Не могло быть и речи о том, чтобы, в условиях крестьянской войны, возглавленной рабочими, армия позволила себя бросить против восстания в городах.

От рабочих и солдат крестьяне впервые узнавали новое, не то, что им говорили эсеры, о большевиках. Лозунги Ленина и его имя проникают в деревню. Все учащающиеся жалобы на большевиков имеют, однако, во многих случаях вымышленный или преувеличенный характер: помещики надеются таким путем вернее добиться помощи. «В Островском уезде полная анархия, вследствие пропаганды большевизма». Из Уфимской губернии: «Член волостного комитета Васильев распространяет программу большевиков и открыто заявляет, что помещики будут повешены». Ищущий «защиты от грабежа» новгородский помещик Полонник не забывает присовокупить: «исполнительные комитеты переполнены большевиками»; это значит: недоброжелателями помещика. «В августе, — вспоминает симбирский крестьянин Зуморин, — по селам стали ездить рабочие, агитировали за партию большевиков, рассказали об ее программе». Следователь Себежского уезда ведет дело о прибывшей из Петрограда ткачихе Татьяне Михайловой, 26 лет, которая призывала в своем селе «к свержению Временного правительства и восхваляла тактику Ленина». В Смоленской губернии к

концу августа, как свидетельствует крестьянин Котов, «Лениным стали интересоваться, к голосу Ленина стали прислушиваться»... В волостные земства все еще, однако, выбираются в громадном большинстве эсеры.

Большевистская партия старается ближе подойти к крестьянину. 10 сентября Невский требует от петроградского Комитета приступить к изданию крестьянской газеты: «Надо поставить дело так, чтобы не пережить того, что пережила французская коммуна, когда крестьянство не поняло Парижа, а Париж не понял крестьянства». Газета «Беднота» стала вскоре выходить. Но чисто партийная работа в крестьянстве оставалась все же незначительной. Сила большевистской партии была не в технических средствах, не в аппарате, а в правильной политике. Как воздушные течения разносят семена, так вихри революции разносили идеи Ленина.

«К сентябрю месяцу, — вспоминает тверской крестьянин Воробьев, — на собраниях все чаще и смелее в защиту большевиков начинают выступать уже не фронтовики, а сами крестьяне-бедняки»... «Среди бедноты и некоторых середняков, — подтверждает симбирский крестьянин Зуморин, — имя Ленина не сходило с уст, только и разговору было о Ленине». Новгородский крестьянин Григорьев рассказывает о том, как эсер в волости назвал большевиков «захватчиками» и «предателями». Как загудели мужики: «Долой собаку, бей его булыжником! Сказки нам не говори, — где земля? Довольно! Давай большевика!» Возможно, впрочем, что этот эпизод — таких и подобных было не мало — относится уже к послеоктябрьскому периоду: в крестьянских воспоминаниях крепко стоят факты, но слаба хронология.

Солдата Чиненова, привезшего к себе в Орловскую губернию сундук с большевистской литературой, родная деревня встретила неприветливо: наверно, германское золото. Но в октябре «волостная ячейка имела до 700 членов, много винтовок и всегда шла на защиту советской власти». Большевик Врачев рассказывает,

как крестьяне чисто земледельческой Воронежской губернии, «очнувшись от эсеровского угара, стали интересоваться нашей партией, благодаря чему мы уже имели немало сельских и волостных ячеек, подписчиков на свои газеты и принимали многих ходоков в тесном помещении своего Комитета». В Смоленской губернии, по воспоминаниям Иванова, «в деревнях большевики были очень редки, в уездах их было очень мало, газет большевистских не было, листки издавались очень редко... И тем не менее, чем ближе было к октябрю, тем деревня все более и более поворачивала к большевикам»...

«В тех уездах, где до октября было большевистское влияние в советах, — пишет тот же Иванов, — стихия разгрома помещичьих имений или не проявлялась или проявлялась в слабой степени». Дело, однако, обстояло на этот счет не везде одинаково. «Требования большевиков о передаче земли крестьянам, — рассказывает, например, Тадеуш, — особенно быстро воспринимались массой крестьян Могилевского уезда, которые громили имения, а некоторые жгли, забирали покосы, леса». Противоречия между этими показаниями в сущности нет. Общая агитация большевиков несомненно питала гражданскую войну в деревне. Но там, где большевики успевали пустить более прочные корни, они, естественно, стремились, не ослабляя крестьянского натиска, упорядочить его формы и уменьшить разрушения.

Земельный вопрос не стоял особняком. Крестьянин страдал, особенно в последний период войны, как продавец и как покупатель: хлеб у него забирали по твердым ценам, продукты промышленности становились все недоступнее. Проблема экономического соотношения деревни и города, которой предстоит впоследствии, под именем «ножниц», стать центральной проблемой советского хозяйства, показывает уже свой грозный облик. Большевики говорили крестьянину: советы должны взять власть, передать тебе землю, кончить войну, демобилизовать промышленность, установить ра-

бочий контроль над производством, регулировать взаимоотношение цен промышленных и земледельческих продуктов. Как ни суммарен был этот ответ, но он намечал путь. «Средостением между нами и крестьянством, — говорил Троцкий 10 октября на конференции завкомов, — являются авксентьевские советчики. Нужно пробить эту стену. Нужно объяснить деревне, что все попытки рабочего помочь крестьянину снабжением деревни сельско-хозяйственными орудиями будут безрезультатны до тех пор, пока не будет установлен рабочий контроль над организованным производством». В этом духе конференция выпустила манифест к крестьянам.

Петроградские рабочие создали тем временем на заводах особые комиссии, которые собирали металл, браковочные части и обрезки в распоряжение специального центра «Рабочий — крестьянину». Лом шел на выделку простейших земледельческих орудий и запасных частей. Это первое плановое вторжение рабочих в ход производства, еще незначительное по объему, с перевесом агитационных целей над экономическими, приоткрывало, однако, перспективу близкого будущего. Испуганный вторжением большевиков в заповедную область деревни крестьянский Исполнительный комитет сделал попытку овладеть новым начинанием. Но тягаться с большевиками на городской арене было совсем уже не под силу одряхлевшим соглашателям, которые и в деревне теряли почву под ногами.

Эхо агитации большевиков «настолько взбудоражило бедняцкое крестьянство, — писал впоследствии тверской крестьянин Воробьев, — что можно определенно сказать: не будь Октября в октябре, он был бы в ноябре». Эта красочная характеристика политической силы большевизма не находится ни в каком противоречии с фактом его организационной слабости. Через такие острые диспропорции только и может прокладывать себе дорогу революция. Именно поэтому, к слову сказать, ее движение невозможно вогнать в рамки формальной демократии. Чтоб аграрный пере-

ворот мог совершиться, в октябре или ноябре, крестьянству не оставалось ничего другого, как использовать расползающуюся ткань все той же партии эсеров. Левые ее элементы спешно и беспорядочно группируются под натиском крестьянского восстания, тянутся за большевиками и соперничают с ними. В течение ближайших месяцев политический сдвиг крестьянства пойдет, главным образом, под лоскутным знаменем левых эсеров: эта эфемерная партия становится отраженной и неустойчивой формой деревенского большевизма, временным мостом от крестьянской войны к пролетарскому перевороту.

Аграрная революция нуждалась в собственных органах на местах. Как они выглядели? В деревне существовали организации нескольких типов: государственные, как исполнительные комитеты волостей, земельные и продовольственные комитеты; общественные, как Советы; чисто политические, как партии; наконец, органы самоуправления, в лице волостного земства. Крестьянские советы успели развернуться только в губернском, отчасти в уездном масштабе; волостных советов было мало. Волостные земства туго прививались. Наоборот, земельные и исполнительные комитеты, по замыслу, государственные органы, становились, как это ни странно на первый взгляд, органами крестьянской революции.

Главный земельный комитет, состявший из чиновников, помещиков, профессоров, ученых агрономов, эсеровских политиков, с примесью сомнительных крестьян, являлся по существу центральным тормазом аграрной революции. Губернские комитеты не переставали быть проводниками правительственной политики. Комитеты в уездах качались между крестьянами и начальством. Зато волостные комитеты, выбиравшиеся крестьянами и работавшие тут же, на глазах села, становились орудием аграрного движения. То обстоятельство, что члены комитетов обычно причисляли себя к эсерам, не меняло дела: они равнялись по мужицкой избе, а не по дворянской усадьбе. Крестьяне особенно

ценили государственный характер своих земельных комитетов, видя в нем своего рода патент на гражданскую войну.

«Крестьяне говорят, что кроме волостного комитета, они никого не признают, — жалуется уже в мае один из начальников милиции Саранского уезда, — все же уездные и городские комитеты работают-де на руку землевладельцам». По словам нижегородского комиссара, «попытки некоторых волостных комитетов бороться с самовольными действиями крестьян почти всегда оканчиваются неудачей и ведут за собой смену всего состава»... «Комитеты всегда были, по словам псковского крестьянина Денисова, на стороне крестьянского движения против помещиков, так как в них же и была избрана самая революционная часть крестьянства и солдаты-фронтовики».

В уездных и особенно губернских комитетах руководила чиновничья «интеллигенция», стремившаяся сохранять мирные отношения с помещиками. «Крестьяне видели, — пишет московский крестьянин Юрков, — что это та же самая шуба, но вывернутая, та же самая власть, но переименованная». «Наблюдается, — доносит курский комиссар, — стремление... к переизбранию уездных комитетов, которые неуклонно проводят в жизнь распоряжения Временного правительства». Однако, добраться до уездного комитета крестьянину было очень трудно: политическую связь сел и волостей обеспечивали эсеры, так что крестьянам приходилось действовать через партию, главная миссия которой состояла в выворачивании старой шубы.

Изумляющая на первый взгляд холодность крестьянства к мартовским советам имела на самом деле глубокие причины. Совет представляет не специальную, как земельный комитет, а универсальную организацию революции. Но в области общей политики крестьянин шагу не может ступить без руководства. Весь вопрос в том, откуда оно исходит. Губернские и уездные крестьянские советы строились по инициативе и в значительной мере на средства кооперации, не как органы

крестьянской революции, а как орудия консервативной опеки над крестьянством. Деревня терпела над собою право-эсеровские советы, как щит против власти. У себя дома она предпочитала земельные комитеты.

Чтоб помешать деревне замкнуться в круг «чисто крестьянских интересов», Правительство торопило с созданием демократических земств. Уже это одно должно было заставить мужика насторожиться. Выборы приходилось нередко навязывать. «Были случаи правонарушений, — доносит пензенский комиссар, — вследствие чего выборы срывались». В Минской губернии крестьяне арестовали председателя волостной избирательной комиссии, князя Друцкого-Любецкого, обвинив его в подмене списков: нелегко было мужикам сговориться с князем о демократическом разрешении векового спора. Бугульминский уездный комиссар доносит: «Выборы в волостные земства по уезду прошли не совсем планомерно... Состав выборных гласных исключительно крестьянский, заметно отчуждение от местной интеллигенции, особенно землевладельцев». В таком виде земства немногим отличались от комитетов. «К интеллигенции и особенно к землевладельцам, — жалуется минский губернский комиссар, — отношение со стороны крестьянской массы отрицательное». В могилевской газете от 23 сентября можно прочитать: «Интеллигентская работа в деревне сопряжена с риском, если категорически не обещаешь содействовать немедленной передаче всей земли крестьянам». Где соглашение, даже общение между основными классами становится невозможным, там исчезает почва для учреждений демократии. Мертворожденность волостных земств безошибочно предвещала крушение Учредительного собрания.

«У местного крестьянства, — доносил нижегородский комиссар, — укрепилось сознание, что все гражданские законы утратили свою силу, и что все правоотношения теперь должны регулироваться крестьянскими организациями». Распоряжаясь на местах милицией, волостные комитеты издавали местные законы,

устанавливали арендные цены, регулировали заработную плату, ставили в имениях своих управляющих, забирали в свои руки землю, покосы, леса, инвентарь, отбирали у помещиков оружие, производили обыски и аресты. Голос столетий и свежий опыт революции одинаково говорили мужику, что вопрос о земле есть вопрос силы. Для аграрного переворота нужны были органы крестьянской диктатуры. Мужик не знал еще этого латинского слова. Но мужик знал, чего хочет. Та «анархия», на какую жаловались помещики, либеральные комиссары и соглашательские политики, была на самом деле первым этапом революционной диктатуры в деревне.

Необходимость создания особых чисто-крестьянских органов земельного переворота на местах Ленин отстаивал еще во время событий 1905—6 годов: «Крестьянские революционные комитеты, — доказывал он на съезде партии в Стокгольме, — есть единственный путь, которым только и может итти крестьянское движение». Мужик не читал Ленина. Но зато Ленин хорошо читал в мыслях мужика.

Деревня меняет свое отношение к советам только к осени, когда сами советы меняют свой политический курс. Большевистские и лево-эсеровские советы в уездном или губернском городе уже не сдерживают крестьян, наоборот, толкают их вперед. Если в первые месяцы деревня искала у соглашательских советов легального прикрытия, чтобы затем притти во враждебное столкновение с ними, то теперь она в революционных советах впервые стала находить настоящее руководство. Саратовские крестьяне писали в сентябре: «Власть должна перейти по всей России в руки... советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Так будет надежнее». Только к осени крестьянство начинает связывать свою земельную программу с лозунгом власти советов. Но и здесь еще оно не знает, кто и как эти советы направит.

Аграрные волнения имели в России свою большую традицию, свою простую, но яркую программу, своих

местных мучеников и героев. Грандиозный опыт 1905 года не прошел бесследно и для деревни. К этому надо прибавить работу сектантской мысли, охватывавшей миллионы крестьян. «Я знавал, — пишет осведомленный автор, — многих крестьян, воспринявших... Октябрьскую революцию, как прямое осуществление своих религиозных чаяний». Из всех известных историй крестьянских восстаний движение русского крестьянства 1917 года было, несомненно, в наибольшей мере оплодотворено политическими идеями. Если оно, тем не менее, оказалось неспособно создать самостоятельное руководство и взять в собственные руки власть, то причины этого заложены в органической природе изолированного мелкого и рутинного хозяйства: высасывая из мужика все соки, оно не наделяло его взамен способностью обобщения.

Политическая свобода крестьянина означает на практике свободу выбирать между разными городскими партиями. Но и этот выбор не производится априорно. Своим восстанием крестьянство толкает большевиков к власти. Но, только завоевав власть, большевики смогут завоевать крестьянство, превратив аграрную революцию в закон рабочего государства.

Группа исследователей, под руководством Яковлева, произвела крайне ценную классификацию материалов, характеризующих эволюцию аграрного движения от февраля к октябрю. Приняв число неорганизованных выступлений в каждом месяце за 100, исследователи подсчитали, что «организованных» конфликтов приходилось на апрель 33, на июнь — 86, на июль — 120. Это и был момент наивысшего расцвета эсеровских организаций в деревне. В августе на 100 неорганизованных конфликтов приходится уже только 62 организованных, а в октябре — всего-на-всего 14. Из этих цифр, чрезвычайно поучительных, при всей их условности, Яковлев делает, однако, совершенно неожиданный вывод: если до августа движение становилось все более «организованным», то осенью, наоборот, оно приобретает все более «стихийный характер».

К той же формуле приходит другой исследователь, Верменичев: «Снижение доли организованного движения в период предоктябрьской волны свидетельствует о стихийности движения в эти месяцы». Если стихийность противопоставлять сознательности, как слепоту зрячести, — а это есть единственно научное противопоставление, — то пришлось бы притти к выводу, что сознательность крестьянского движения до августа повышается, а затем начинает падать, чтобы совсем исчезнуть в момент октябрьского восстания. Этого наши исследователи явно не хотели сказать. При сколько-нибудь вдумчивом отношении к вопросу нетрудно понять, что, например, крестьянские выборы в Учредительное собрание, несмотря на их внешнюю «организованность», имели несравненно более «стихийный», т. е. неразумный, стадный, слепой характер, чем «неорганизованный» крестьянский поход против помещика, где каждый крестьянин ясно знал, чего хочет.

На осеннем перевале крестьянство порывало не с сознательностью ради стихийности, а с соглашательским руководством ради гражданской войны. Упадок организованности имел, по существу, внешний характер: соглашательские организации отпадали; но после них оставалось вовсе не пустое место. Выход на новую дорогу происходил под непосредственным руководством наиболее революционных элементов: солдат, матросов, рабочих. Приступая к решительным действиям, крестьяне созывали нередко общее собрание и даже заботились о том, чтоб постановление было подписано всеми односельчанами. «В осенний период крестьянского движения с его разгромными формами, — пишет третий исследователь, Шестаков, — чаще выступает на сцену старый «сход» крестьян... Сходом же делит крестьянство отобранное добро, через сход ведет переговоры с помещиками и администрацией имений, с уездными комиссарами и разного рода усмирителями»...

Почему сходят со сцены волостные комитеты, которые вплотную подвели крестьян к гражданской войне,

на этот счет в материалах нет прямых указаний. Но объяснение напрашивается само собою. Революция крайне быстро изнашивает свои органы и орудия. Уже вследствие того, что земельные комитеты руководили полумирными действиями, они должны были оказаться мало пригодны для прямого штурма. Общая причина дополняется частными, но не менее вескими. Выступая на путь открытой войны с помещиками, крестьяне слишком хорошо знали, что грозит им в случае поражения. Немало земельных комитетов и без того уже сидело у Керенского под замком. Рассосредоточить ответственность становилось необходимым требованием тактики. Наиболее пригодной формой для этого являлся «мир». В том же направлении действовали, несомненно, и обычная недоверчивость крестьян друг к другу: дело шло теперь о прямом захвате и дележе помещичьего добра, каждый хотел участвовать сам, не передоверяя никому своих прав. Так высшее обострение борьбы вело к временному отстранению представительных органов первобытной крестьянской демократией, в виде схода и мирского приговора.

Грубая сбивчивость в определении характера крестьянского движения должна казаться особенно неожиданной под пером большевистских исследователей. Но нельзя забывать, что дело идет о большевиках нового склада. Бюрократизация мышления неизбежно ведет к переоценке тех форм организации, какие навязывались крестьянству сверху, и недооценке тех, которые крестьянство само себе давало. Просвещенный чиновник, вслед за либеральным профессором, рассматривает общественные процессы под углом зрения управления. В качестве народного комиссара земледелия, Яковлев проявил впоследствии тот же суммарно-бюрократический подход к крестьянству, но уже в неизмеримо более широкой и ответственной области, именно при проведении «сплошной коллективизации». Теоретическая поверхностность жестоко мстит за себя, когда дело идет о практике большого масштаба!

Но до ошибок сплошной коллективизации остается еще добрых тринадцать лет. Сейчас дело идет только об экспроприации земельной собственности. 134 000 помещиков еще дрожат над своими 80 миллионами десятин. Наиболее угрожаемым является положение верхушки, 30-ти тысяч господ старой России, которые владеют 70 миллионами десятин, свыше 2 000 десятин в среднем на владельца. Дворянин Боборыкин пишет камергеру Родзянко: «Я — помещик, и в моей голове как-то не укладывается, чтобы я лишился моей земли, да еще для самой невероятной цели: для опыта социалистических учений». Но революция и имеет задачей совершить то, что не укладывается у правящих в головах.

Более дальновидные помещики не могут, однако, не видеть, что имений им не удержать. Они уже и не стремятся к этому: чем скорее развязаться с землею, тем лучше. Учредительное собрание представляется им прежде всего, как большая расчетная палата, где государство возместит их не только за землю, но и за треволнения.

Крестьяне-собственники примыкали к этой программе слева. Они не прочь были прикончить паразитическое дворянство, но опасались расшатать понятие земельной собственности. Государство достаточно богато, — заявляли они на своих съездах, — чтоб заплатить помещикам каких-нибудь 12 миллиардов рублей. В качестве «крестьян», они рассчитывали при этом воспользоваться на льготных условиях помещичьей землицей, оплаченной за счет народа.

Собственники понимали, что размер выкупных платежей есть политическая величина, которая будет определена соотношением сил к моменту расплаты. До конца августа оставалась надежда на то, что созванное по-корниловски Учредительное собрание проведет линию аграрной реформы между Родзянко и Милюковым. Крушение Корнилова означало, что имущие классы проиграли игру.

В течение сентября и октября помещики ждут развязки, как безнадежно больной ждет смерти. Осень есть время мужицкой политики. Убраны поля, развеяны иллюзии, утрачено терпение. Пора кончать! Движение выходит из берегов, захватывает все районы, стирает местные особенности, вовлекает все слои деревни, смывает все соображения закона и осторожности, становится наступательным, неистовым, свирепым, бешеным, вооружается железом и огнем, револьвером и гранатой, сокрушает и выжигает усадьбы, изгоняет помещиков, очищает землю, кой-где поливает ее кровью.

Гибнут дворянские гнезда, воспетые Пушкиным, Тургеневым и Толстым. Дымом исходит старая Россия. Либеральная пресса собирает стенания и вопли о разрушении английских садов, картин крепостной кисти, родовых библиотек, тамбовских партенонов, скаковых лошадей, старинных гравюр, племенных быков. Буржуазные историки пытаются возложить на большевиков ответственность за «вандализм» крестьянской расправы над дворянской «культурой». На самом деле русский мужик завершал дело, начатое за много столетий до появления на свет большевиков. Свою прогрессивную историческую задачу он выполнял теми единственными способами, которые были в его распоряжении: революционным варварством он искоренял варварство средневековья. К тому же ни сам он, ни деды его, ни прадеды никогда не видели ни милости, ни снисхождения.

Когда феодалы взяли верх над жакерией, на четыре с половиной века опередившей освобождение французских крестьян, благочестивый монах записал в своей хронике: «они причинили столько зла стране, что не было нужды в приходе англичан для разрушения королевства; те никогда не могли бы сделать того, что сделали дворяне Франции». Только буржуазия — в мае 1871 года — превзошла по свирепости французских дворян. Русские крестьяне, благодаря руководству рабочих, русские рабочие, благодаря поддержке

крестьян, избежали этого двойного урока защитников культуры и человечности.

Взаимоотношения между основными классами России нашли свое воспроизведение в деревне. Как против монархии дрались рабочие и солдаты, наперекор планам буржуазии, так против помещиков смелее всего поднималась беднота, не слушая предостережений кулака. Как соглашатели верили, что революция станет прочно на ноги лишь с момента, когда Милюков признает ее, так озирающемуся направо и налево середняку представлялось, что подпись кулака узаконяет захваты. Подобно тому, наконец, как враждебная революции буржуазия не задумалась присвоить себе власть, так кулаки, противодействовавшие разгрому, не отказались воспользоваться его плодами. Власть в руках буржуа, как и помещичье добро в руках кулака удержались недолго: в обоих случаях в силу однородных причин.

Могущество аграрно-демократической, по существу буржуазной, революции выразилась в том, что она преодолела на время классовые противоречия села: батрак громил помещика, помогая кулаку. XVII, XVIII и XIX века русской истории поднялись на плечах XX века и пригнули его к земле. Слабость запоздалой буржуазной революции выразилась в том, что крестьянская война не толкнула буржуазных революционеров вперед, а, наоборот, окончательно отбросила их в лагерь реакции: вчерашний каторжанин Церетели охранял помещичью землю от анархии! Отброшенная буржуазией крестьянская революция смыкалась с промышленным пролетариатом. Этим самым XX век не только высвобождался из-под навалившихся на него прошлых веков, но на плечах их поднимался на новую историческую высоту. Чтоб крестьянин мог очистить и разгородить землю, во главе государства должен был стать рабочий: такова простейшая формула Октябрьской революции.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Язык — важнейшее орудие связи человека с человеком, а следовательно и — хозяйства. Он становится национальным языком вместе с победой товарного оборота, объединяющего нацию. На этой основе складывается национальное государство, как наиболее удобная, выгодная, нормальная арена капиталистических отношений. В Западной Европе эпоха формирования буржуазных наций, если оставить в стороне борьбу Нидерландов за независимость и судьбу островной Англии, началась с Великой французской революции и в основном завершилась, примерно, в течение столетия, с образованием Германской империи.

Но в тот период, когда национальное государство в Европе уже перестало вмещать производительные силы и перерастало в империалистское государство, на Востоке — в Персии, на Балканах, в Китае, Индии, — только еще открывалась эра национально-демократических революций, толчок которым был дан русской революцией 1905 года. Балканская война 1912 года представляла завершение формирования национальных государств на Юго-востоке Европы. Последовавшая затем империалистская война попутно доделала в Европе недоделанную работу национальных революций, приведя к расчленению Австро-Венгрии, к созданию независимой Польши и пограничных государств, выделившихся из империи царей.

Россия сложилась не как национальное государство, а как государство национальностей. Это отвечало ее запоздалому характеру. На основе экстенсивного сельского хозяйства и кустарного ремесла торговый капитал развивался не вглубь, не преобразуя производство, а вширь, увеличивая радиус своих операций. Торговец, помещик и чиновник продвигались от центра к периферии, вслед за расселявшимися крестьянами, которые в поисках свежей земли и свободы от поборов проникали на новые территории с еще более отсталыми племенами. Экспансия государства была в основе своей экспансией сельского хозяйства, которое, при всей своей первобытности, обнаруживало превосходство над кочевниками Юга и Востока. Сформировавшееся на этой необъятной и неизменно расширявшейся базе сословно-бюрократическое государство стало достаточно сильным, чтобы подчинять себе на Западе отдельные нации более высокой культуры, но неспособные, в силу малочисленности или внутреннего кризиса, отстоять свою самостоятельность (Польша, Литва, Прибалтика, Финляндия).

К 70 миллионам великороссов, составивших главный массив страны, прибавилось постепенно около 90 миллионов «инородцев», которые резко делились на две группы: западных, превосходящих великороссов своей культурой, и восточных, стоящих на более низком уровне. Так сложилась империя, в составе которой господствующая национальность составляла лишь 43% населения, а 57%, в том числе 17% украинцев, 6% поляков, 4½% белоруссов, падали на национальности различных степеней культуры и бесправия.

Жадная требовательность государства и скудость крестьянской базы под господствующими классами порождали самые ожесточенные формы эксплоатации. Национальный гнет в России был несравненно грубее, чем в соседних государствах, не только по западную, но и по восточную границу. Многочисленность бесправных наций и острота бесправия сообщали нацио-

нальной проблеме в царской России огромную взрывчатую силу.

Если в национально-однородных государствах буржуазная революция развивала могучие центробежные тенденции, проходя под знаменем преодоления партикуляризма, как во Франции, или национальной раздробленности, как в Италии и Германии, то в национально-разнородных государствах, как Турция, Россия, Австро-Венгрия, запоздалая буржуазная революция разнуздывала, наоборот, центростремительные силы. Несмотря на видимую противоположность этих процессов, выраженных в терминах механики, их историческая функция одинакова, поскольку в обоих случаях дело идет о том, чтобы использовать национальное единство, как основной хозяйственный резервуар: Германию нужно было для этого объединить, Австро-Венгрию, наоборот, — расчленить.

Неизбежность развития центробежных национальных движений в России Ленин учел заблаговременно и в течение ряда лет упорно боролся, в частности против Розы Люксембург, за знаменитый параграф 9-й старой партийной программы, формулировавший право наций на самоопределение, т. е. на полное государственное отделение. Этим большевистская партия вовсе не брала на себя проповедь сепаратизма. Она обязывалась лишь непримиримо сопротивляться всем и всяким видам национального гнета, в том числе и насильственному удержанию той или другой национальности в границах общего государства. Только таким путем русский пролетариат мог постепенно завоевать доверие угнетенных народностей.

Но это была лишь одна сторона дела. Политика большевизма в национальной области имела и другую сторону, как бы противоречащую первой, а на самом деле дополняющую ее. В рамках партии и вообще рабочих организаций большевизм проводил строжайший централизм, непримиримо борясь против всякой заразы национализма, способной противопоставить рабочих друг другу или разъединить их. Начисто отказы-

вая буржуазному государству в праве навязывать национальному меньшинству принудительное сожительство или хотя бы государственный язык, большевизм считал в то же время своей поистине священной задачей как можно теснее связывать посредством добровольной классовой дисциплины трудящихся разных национальностей воедино. Так, он начисто отвергал национально-федеративный принцип построения партии. Революционная организация — не прототип будущего государства, а лишь орудие для его создания. Инструмент должен быть целесообразен для выделки продукта, а вовсе не включать его в себе. Только централистическая организация может обеспечить успех революционной борьбы, — так же и в том случае, когда дело идет о разрушении централистического гнета над нациями.

Низвержение монархии для угнетенных наций России должно было, по необходимости, означать и их национальную революцию. Здесь обнаружилось, однако, то же, что и во всех остальных областях февральского режима: официальная демократия, связанная своей политической зависимостью от империалистской буржуазии, оказалась совершенно неспособна разрушить старые оковы. Считая бесспорным свое право решать судьбу всех остальных наций, она продолжала ревниво охранять те источиники богатства, силы, влияния, которые давало великорусской буржуазии ее господствующее положение. Соглашательская демократия лишь перевела традиции национальной политики царизма на язык освободительной риторики: дело шло теперь о защите единства революции. Но у правящей коалиции был и другой, более острый довод: соображения военного времени. Это значит: освободительные стремления отдельных национальностей изображались, как дело рук австро-германского штаба. Первую скрипку и тут играли кадеты, соглашатели вторили.

Новая власть не могла, конечно, оставить в неприкосновенности отвратительный клубок средневековых издевательств над инородцами. Но она надеялась и пы-

талась ограничиться одним лишь упразднением исключительных законов против отдельных наций, т. е. установлением голого равенства всех частей населения перед великорусской государственной бюрократией.

Формальное равноправие больше всего давало евреям: число законов, ограничивавших их права, достигало 650. К тому же, в качестве чисто городской и наиболее распыленной национальности, евреи не могли претендовать не только на государственную самостоятельность, но и на территориальную автономию. Что касается проекта так называемой «национально-культурной автономии», которая должна была объединить евреев на протяжении всей страны вокруг школ и других учреждений, то та реакционная утопия, заимствованная разными еврейскими группами у австрийского теоретика Отто Бауэра, растаяла с первым днем свободы, как воск под лучами солнца.

Но революция потому и революция, что она не удовлетворяется ни подачками, ни расплатой в рассрочку. Устранение наиболее постыдных ограничений устанавливало формальное равноправие граждан, независимо от национальности; но тем острее обнаруживало неравноправное положение самих наций, оставляя большинство их на положении пасынков и приемышей великорусского государства.

Гражданское равноправие ничего не давало прежде всего финнам, которые стремились не к равенству с русскими, а к независимости от России. Оно ничего не прибавляло украинцам, которые и раньше не знали никаких ограничений, потому что их принудительно объявили русскими. Оно ничего не меняло в положении латышей и эстонцев, придавленных немецкой помещичьей усадьбой и русско-немецким городом. Оно ничем не облегчало судьбы отсталых народов и племен Азии, удерживавшихся на самом дне бесправия не юридическими ограничениями, а цепями экономической и культурной кабалы. Все эти вопросы либерально-соглашательская коалиция не хотела даже поставить. Демократическое государство оставалось

тем же государством великорусского чиновника, который никому не собирался уступать свое место.

Чем более глубокие массы захватывала революция на окраинах страны, тем больше обнаруживалось, что государственный язык является там языком имущих классов. Режим формальной демократии, со свободой печати и собраний, заставил отсталые и угнетенные национальности еще болезненнее почувствовать, насколько они лишены самых элементарных средств культурного развития: своей школы, своего суда, своего чиновничества. Отсылки к будущему Учредительному собранию только раздражали: ведь в Собрании будут господствовать те же партии, которые создали Временное правительство и продлжают отстаивать традиции руссификаторства, обнаруживая с ревнивой жадностью ту черту, дальше которой правящие классы не хотят итти.

Финляндия сразу стала занозой в теле февральского режима. Благодаря остроте аграрного вопроса, имевшего в Финляндии характер вопроса о торпарях, т. е. мелких кабальных арендаторах, промышленные рабочие, составлявшие всего 14% населения, вели за собою деревню. Финляндский Сейм оказался единственным в мире парламентом, где социал-демократы получили большинство: 103 из 200 депутатских мест. Провозгласив законом 5 июня Сейм суверенным, за изъятием вопросов армии и внешней политики, финляндская социал-демократия обратилась «к товарищеским партиям России» за поддержкой. Обращение оказалось направлено совсем не по адресу. Временное правительство сперва отошло к стороне, предоставив действовать «товарищеским партиям». Увещательная делегация, во главе с Чхеидзе, вернулась из Гельсингфорса ни с чем. Тогда социалистические министры Петрограда: Керенский, Чернов, Скобелев, Церетели, решили насильственно ликвидировать социалистическое правительство Гельсингфорса. Начальник штаба Ставки, монархист Лукомский, предупреждал гражданские власти и население Финляндии, что, в случае

каких-либо выступлений против русской армии, «их города и, в первую очередь, Гельсингфорс будут разгромлены». После этой подготовки Правительство торжественным манифестом, представлявшим даже в стилистическом отношении плагиат у монархии, распустило Сейм и в день начала наступления на фронте поставило у дверей финляндского парламента снятых с фронта русских солдат. Так революционные массы России получили, на пути к Октябрю, неплохой урок насчет того, какое условное место занимают принципы демократии в борьбе классовых сил.

Пред лицом националистической разнузданности правящих революционные войска в Финляндии заняли достойную позицию. Областной съезд советов, происходивший в Гельсингфорсе в первой половине сентября, заявил: «если финляндская демократия найдет нужным возобновить заседания Сейма, то всякие попытки учинить препятствие к этому съезд будет рассматривать, как акт контр-революционный». Это означало прямое предложение военной помощи. Но стать на путь восстания финляндская социал-демократия, в которой преобладали соглашательские тенденции, не была готова. Новые выборы, происходившие под угрозой нового роспуска, обеспечили буржуазным партиям, по соглашению с которыми Правительство и распустило Сейм, небольшое большинство: 108 из 200.

Но теперь на первое место выдвигаются внутренние вопросы, которые в этой Швейцарии севера, стране гранитных гор и жадных собственников, неотвратимо ведут к гражданской войне. Финляндская буржуазия полуоткрыто готовит свои военные кадры. Одновременно создаются тайные ячейки Красной гвардии. Буржуазия за оружием и инструкторами обращается в Швецию и Германию. Рабочие находят поддержку в русских войсках. Вместе с тем в буржуазных кругах, вчера еще склонных к соглашению с Петроградом, усиливается движение за полное отделение от России. Руководящая газета «Хувудстатсбла-

дет» писала: «Русский народ одержим анархической разнузданностью... не должны ли мы при таких условиях... по возможности отделиться от этого хаоса?» Временное правительство увидело себя вынужденным пойти на уступки, не дожидаясь Учредительного собрания: 23 октября принято было «в принципе» положение о независимости Финляндии, за изъятием военных и внешних дел. Но «независимость» из рук Керенского уже немногого стоила: до его падения оставалось два дня.

Второй, несравненно более глубокой занозой стала Украина. В начале июня Керенский запретил созывавшийся Радой украинский войсковой съезд. Украинцы не подчинились. Чтоб спасти лицо власти, Керенский легализовал съезд задним числом, прислав широковещательную телеграмму, которую съехавшиеся встретили непочтительным смехом. Горький урок не помешал Керенскому запретить через три недели мусульманский военный съезд в Москве. Демократическое правительство как бы торопилось внушить недовольным нациям: вы получите только то, что вырвете.

В изданном 10 июня первом «Универсале» Рада, обвиняя Петроград в противодействии национальной самостоятельности, провозглашала: «Отныне сами будем творить нашу жизнь». Кадеты третировали украинских руководителей, как германских агентов. Соглашатели обращались к украинцам с сентиментальными увещаниями. Временное правительство направило в Киев делегацию. В нагретой украинской атмосфере Керенский, Церетели и Терещенко оказались вынуждены сделать несколько шагов навстречу Раде. Но после июльского разгрома рабочих и солдат Правительство повернуло руль направо также и в украинском вопросе. 5 августа Рада подавляющим большинством обвинила Правительство в том, что оно, будучи «проникнуто империалистическими тенденциями русской буржуазии», нарушило соглашение от 3 июля. «Когда правительство должно было оплатить свой вексель, —

заявлял глава украинской власти, Винниченко, — выяснилось, что Временное правительство... есть мелкий плут, который своим мошенничеством хочет уладить великую историческую проблему». Этот недвусмысленный язык достаточно характеризует авторитет Правительства даже в тех кругах, которые политически должны были быть ему достаточно близки: в конце концов украинский соглашатель Винниченко отличался от Керенского лишь, как посредственный романист от посредственного адвоката.

Правда, в сентябре Правительство издало, наконец, акт, который признавал за национальностями России — в рамках, какие будут указаны Учредительным собранием, — право на «самоопределение». Но этот ничем не гарантированный и внутренне противоречивый вексель на будущее, крайне неопределенный во всем, кроме своих ограничений, никому не внушал доверия: дела Временного правительства уже слишком громко вопияли против него.

2 сентября Сенат, тот самый, который не допускал на свои заседания новых членов без старого мундира, постановил отказать в опубликовании утвержденной Правительством инструкции украинскому Генеральному секретариату, т. е. киевскому кабинету министров. Основание: о Секретариате не существует закона, а нелегальному учреждению нельзя давать инструкций. Высокие юристы не скрывали, что самое соглашение Правительства с Радой является узурпацией прав Учредительного собрания: наиболее непреклонными сторонниками чистой демократии успели стать царские сенаторы. Проявляя столько храбрости, оппозиционеры справа ровно ничем не рисковали: они знали, что их оппозиция как нельзя больше придется правящим по душе. Если русская буржуазия мирилась еще с известной самостоятельностью Финляндии, связанной лишь слабыми экономическими узами с Россией, то она никак не могла согласиться на «автономию» украинского хлеба, донецкого угля и криворожской руды.

19 октября Керенский приказал по телеграфу генеральным секретарям Украины «безотлагательно выехать в Петроград для личных объяснений» по поводу поднятой ими преступной агитации за украинское Учредительное собрание. Одновременно киевской прокуратуре предложено было начать следствие над Радой. Но громы по адресу Украины так же мало пугали, как мало радовали милости по адресу Финляндии.

Украинские соглашатели чувствовали себя в это время еще несравненно устойчивее, чем их старшие двоюродные братья в Петрограде. Помимо той благоприятной атмосферы, которою окружала их борьба за национальные права, относительная устойчивость мелкобуржуазных партий Украины, как и ряда других угнетенных наций, имела экономические и социальные корни, которые можно определить одним словом: отсталость. Несмотря на быстрое промышленное развитие Донецкого и Криворожского бассейнов, Украина в целом продолжала итти позади Великороссии, украинский пролетариат был менее однороден и закален, большевистская партия оставалась количественно и качественно слабой, медленно отделялась от меньшевиков, плохо разбиралась в политической и особенно в национальной обстановке. Даже в промышленной Восточной Украине областная конференция советов в середине октября все еще дала небольшое соглашательское большинство!

Относительно еще слабее была украинская буржуазия. Одна из причин социальной неустойчивости российской буржуазии, взятой в целом, состояла, как мы помним, в том, что наиболее могущественную часть ее составляли иностранцы, даже не жившие в России. На окраинах этот факт дополнялся другим, не меньшего значения: своя, внутренняя буржуазия принадлежала не к той нации, что главная масса народа.

Население городов на окраинах сплошь отличалось по национальному составу от населения деревень. На Украине и в Белоруссии помещик, капиталист, адвокат, журналист — великоросс, поляк, еврей, иностра-

нец; деревенское же население — сплошь украинцы и белоруссы. В Прибалтике города были очагами немецкой, русской и еврейской буржуазии; деревня — сплошь латышская и эстонская. В городах Грузии преобладало русское и армянское население, как и в тюркском Азербейджане. Отделенные от основной народной массы не только уровнем жизни и нравами, но и языком, точно англичане в Индии; обязанные защитой своих владений и доходов бюрократическому аппарату; неразрывно связанные с господствующими классами всей страны, помещики, промышленники и торговцы на окраинах группировали вокруг себя узкий круг русских чиновников, служащих, учителей, врачей, адвокатов, журналистов, отчасти и рабочих, превращая города в очаги руссификации и колонизаторства.

Деревни можно было не замечать до тех пор, пока она молчала. Однако, и после того, как она все нетерпеливее начала подавать свой голос, город продолжал упорно сопротивляться, отстаивая свое привиллегированное положение. Чиновник, купец, адвокат скоро научились прикрывать свою борьбу за командные высоты хозяйства и культуры высокомерным осуждением пробуждающегося «шовинизма». Стремление господствующей нации удержать status quo нередко окрашивается в цвета сверхнационализма, как стремление победоносной страны удержать награбленное добро принимает форму пацифизма. Так, Макдональд пред лицом Ганди чувствует себя интернационалистом. Так, тяга австрийцев к Германии представляется Пуанкаре оскорблением французского пацифизма.

«Люди, живущие в городах Украины, — писала в мае делегация киевской Рады Временному правительству, — видят пред собою обрусевшие улицы этих городов..., совершенно забывают о том, что эти города — только маленькие островки в море всего украинского народа». Когда Роза Люксембург в своей посмертной полемике с программой октябрьского переворота утверждала, что украинский национализм, бывший ранее лишь «забавой» дюжины мелкобуржуазных интелли-

гентов, искусственно поднялся на дрожжах большевистской формулы самоопределения, то она, несмотря на свою светлую голову, впадала в тягчайшую историческую ошибку: украинское крестьянство не выдвигало в прошлом национальных требований по той причине, по которой оно вообще не поднималось до политики. Главная заслуга февральского переворота, пожалуй, единственная, но вполне достаточная, в том именно и состояла, что он дал, наконец, возможность наиболее угнетенным классам и нациям России заговорить вслух. Политическое пробуждение крестьянства не могло, однако, произойти иначе, как через родной язык со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно школы, суда, самоуправления. Противиться этому значило бы пытаться вернуть крестьянство в небытие.

Национальная разнородность города и деревни болезненно давала о себе знать и через советы, как преимущественно городские организации. Под руководством соглашательских партий советы сплошь да рядом игнорировали национальные интересы коренного населения. В этом была одна из причин слабости советов на Украине. Советы Риги и Ревеля забывали об интересах латышей и эстонцев. Соглашательский Совет в Баку пренебрегал интересами основного тюркского населения. Под фальшивым знаменем интернационализма советы вели нередко борьбу против оборонительного украинского или мусульманского национализма, прикрывая угнетательское руссификаторство городов. Немало еще пройдет времени, и при господстве большевиков, прежде чем советы на окраинах научатся говорить на языке деревни.

Придавленным природой и эксплоатацией сибирским инородцам экономическая и культурная первобытность вообще еще не позволяла подняться до того уровня, где начинаются национальные притязания. Водка, фиск и принудительное православие были здесь искони главными рычагами государственности. Та болезнь, которую итальянцы называли французской, а

французы—неаполитанской, среди сибирских народов называлась русской: это указывает, из каких источников шли семена цивилизации. Февральская революция не докатилась сюда. Еще долго придется ждать просвета охотникам и оленеводам полярных пространств.

Народности и племена на Волге, на северном Кавказе, в центральной Азии, впервые пробуждавшиеся февральским переворотом из доисторического существования, не знали еще ни национальной буржуазии, ни пролетариата. Над крестьянской или пастушеской массой отлагалась из состава ее верхних слоев тоненькая прослойка интеллигенции. Прежде, чем возвыситься до программы национального самоуправления, борьба велась здесь вокруг вопросов собственного алфавита, собственного учителя, иногда — собственного священника. Этим наиболее угнетенным приходилось на горьком опыте убеждаться, что просвещенные хозяева государства добровольно не позволят им подняться. Отсталые из отсталых оказывались вынуждены искать, в качестве союзника, наиболее революционный класс. Так, через левые элементы своей молодой интеллигенции вотяки, чуваши, зыряне, племена Дагестана и Туркестана начинали прокладывать себе пути к большевикам.

Назначение колониальных владений, особенно в центральной Азии, изменилось вместе с хозяйственной эволюцией центра, который от прямого и открытого грабежа, в том числе и торгового, переходил к более замаскированным методам, превращая азиатских крестьян в поставщиков промышленного сырья, главным образом хлопка. Иерархически организованная эксплоатация, сочетавшая варварство капитализма с варварством патриархального быта, с успехом удерживала азиатские народы в крайней национальной приниженности. Февральский режим здесь все оставил по старому.

Захваченные при царизме у башкир, бурят, киргиз и других кочевников лучшие земли продолжали находиться в руках помещиков и зажиточных русских

крестьян, расселенных колонизаторскими оазисами среди туземного населения. Пробуждение духа национальной независимости означало здесь прежде всего борьбу против колонизаторов, создававших искусственную черезполосицу и обрекавших кочевников на голод и вымирание. С своей стороны, пришельцы неистово отстаивали от «сепаратизма» азиатов единство России, т. е. неприкосновенность своих захватов. Ненависть колонизаторов к движению туземцев принимала зоологические формы. В Забайкалье шла на всех парах подготовка бурятских погромов, под руководством мартовских эсеров из волостных писарей или вернувшихся с фронта унтеров.

В своем стремлении удержать как можно дольше старые порядки все эксплоататоры и насильники в колонизированных областях апеллировали отныне к суверенным правам Учредительного собрания: этой фразеологией снабжало их Временное правительство, находившее в них лучшую свою опору. С другой стороны, и привиллегированные верхи угнетенных народов все чаще призывали имя Учредительного собрания. Даже мусульманское духовенство, поднявшее над пробудившимися горскими народностями и племенами северного Кавказа зеленое знамя шариата, во всех случаях, когда напор снизу ставил его в трудное положение, настаивало на отложении вопроса «до Учредительного собрания». Это стало лозунгом консерватизма, реакции, корыстных интересов и привиллегий во всех частях страны. Апелляция к Учредительному собранию означала: оттянуть и выиграть время. Оттяжка означала: собрать силы и задушить революцию.

В руки духовенства или феодальной знати руководство попадало, однако, только на первых порах, только у отсталых народов, почти только у мусульман. Вообще же национальное движение в деревнях естественно возглавлялось сельскими учителями, волостными писарями, низшими чиновниками и офицерами, отчасти торговцами. Рядом с русской или руссифицированной интеллигенцией, из более солидных и обес-

печенных элементов, в окраинных городах успел сложиться другой слой, более молодой, тесно связанный с деревней происхождением, не нашедший доступа к столу капитала и естественно взявший на себя политическое представительство национальных, отчасти и социальных интересов коренных крестьянских масс.

Враждебно противостоя русским соглашателям по линии национальных притязаний, окраинные соглашатели принадлежали к тому же основному типу и даже носили чаще всего те же наименования. Украинские эсеры и социал-демократы, грузинские и латышские меньшевики, литовские «трудовики» стремились, как и их великорусские тезки, удержать революцию в рамках буржуазного режима. Но крайняя слабость туземной буржуазии заставляла здесь меньшевиков и эсеров не итти на коалицию, а брать государственную власть в собственные руки. Вынужденные в области аграрного и рабочего вопроса итти дальше, чем центральная власть, окраинные соглашатели много выигрывали, выступая в армии и стране противниками коалиционного Временного правительства. Всего этого было достаточно, если не для того, чтоб породить различие судеб русских и окраинных соглашателей, то для того, чтоб определить различие темпов их подъема и упадка.

Грузинская социал-демократия не только вела за собой нищенствующее крестьянство маленькой Грузии, но и претендовала, не без известного успеха, на руководство движением «революционной демократии» всей России. В первые месяцы революции верхи грузинской интеллигенции относились к Грузии не как к национальному отечеству, а как к Жиронде, благословенной южной провинции, призванной поставлять вождей для всей страны. На московском Государственном совещании один из видных грузинских меньшевиков, Чхенкели, хвалился тем, что грузины, даже при царизме, в счастьи и в несчастьи, говорили: «единое отечество — Россия». «Что сказать о грузинской нации? — спрашивал тот же Чхенкели, через месяц, на

Демократическом совещании, — вся она к услугам великой российской революции». И действительно: грузинские соглашатели, как и еврейские, всегда были «к услугам» великорусской бюрократии, когда нужно было умерять или тормозить национальные притязания отдельных областей.

Так продолжалось, однако, лишь до тех пор, пока грузинские социал-демократы сохраняли надежду удержать революцию в рамках буржуазной демократии. По мере того, как выяснялась опасность победы руководимых большевизмом масс, грузинская социал-демократия ослабляла свои связи с русскими соглашателями, теснее объединяясь с реакционными элементами самой Грузии. К моменту победы советов грузинские сторонники единой России становятся глашатаями сепаратизма и показывают другим народностям Закавказья желтые клыки шовинизма.

Неизбежная национальная маскировка социальных противоречий, и без того менее развитых, по общему правилу, на окраинах, достаточно объясняет, почему октябрьский переворот должен был в большинстве угнетенных наций встретить большее сопротивление, чем в центральной России. Но зато национальная борьба сама по себе жестоко расшатывала февральский режим, создавая для переворота в центре достаточно благоприятную политическую периферию.

В тех случаях, когда они совпадали с классовыми противоречиями, национальные антагонизмы получали особую жгучесть. Вековая вражда между латышским крестьянством и немецкими баронами толкнула в начале войны многие тысячи трудящихся латышей на путь добровольчества. Стрелковые полки из латышских батраков и крестьян были одними из лучших на фронте. Однако, в мае они выступали уже за власть советов. Национализм оказался только оболочкой незрелого большевизма. Однородный процесс происходил и в Эстонии.

В Белоруссии, с польскими или ополяченными помещиками, еврейским населением городов и местечек

и русским чиновничеством, дважды и трижды угнетенное крестьянство, под влиянием близкого фронта, направило уже до октября свое национальное и социальное возмущение в русло большевизма. На выборах в Учредительное собрание подавляющая масса белорусских крестьян будет голосовать за большевиков.

Все эти процессы, в которых пробужденное национальное достоинство сочеталось с социальным возмущением, то сдерживая его, то толкая вперед, находили в высшей степени острое выражение в армии, где лихорадочно создавались национальные полки, то покровительствуемые, то терпимые, то преследуемые центральной властью, в зависимости от их отношения к войне и большевикам, но, в общем, все более враждебно поворачивавшиеся против Петрограда.

Ленин уверенно держал руку на «национальном» пульсе революции. В знаменитой статье «Кризис назрел» он в конце сентября настойчиво указывал на то, что национальная курия Демократического совещания «по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии Советов по проценту голосов, поданных против коалиции (40 из 55)». Это значило: от великорусской буржуазии угнетенные нации не ждали уже ничего доброго. Свои права они все больше осуществляли самовольно, по кускам, в порядке революционных захватов.

На октябрьском съезде бурят в далеком Верхнеудинске докладчик свидетельствовал: в положение инородцев «Февральская революция ничего нового не внесла». Такой итог вынуждал если еще не сразу становиться на сторону большевиков, то, по крайней мере, соблюдать по отношению к ним все более дружественный нейтралитет.

Всеукраинский войсковой съезд, заседавший уже в дни петроградского восстания, постановил бороться с требованием о передаче власти на Украине советам, но в то же время отказался рассматривать восстание великорусских большевиков, «как действие антидемократи-

ческое», и обещал употребить все средства, чтобы войска не посылались для подавления восстания. Эта двойственность, как нельзя лучше характеризующая мелкобуржуазную стадию национальной борьбы, облегчала революцию пролетариата, собиравшуюся покончить со всякой двойственностью.

С другой стороны, буржуазные круги на окраинах, всегда и неизменно тяготевшие к центральной власти, теперь ударялись в сепаратизм. под которым во многих случаях не было уже и тени национальной основы. Вчера еще ура-патриотическая буржуазия Прибалтики, вслед за немецкими баронами, лучшей опорой Романовых, становилась, в борьбе против большевистской России и собственных масс, под знамя сепаратизма. На этом пути возникли еще более диковинные явления. 20-го октября положено было начало новому государственному образованию, а виде «Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Верхи донского, кубанского, терского и астраханского казачеств, важнейшая опора имперского централизма, в течение нескольких месяцев превратились в страстных защитников федерации и объединились на этой почве с вождями мусульманских горцев и степняков. Перегородки федеративного строя должны были служить барьером против шедшей с севера большевистской опасности. Прежде, однако, чем создать важнейшие плацдармы гражданской войны против большевиков, контр-революционный сепаратизм направлялся непосредственно против правящей коалиции, доморализуя и ослабляя ее.

Так, национальная проблема, вслед за другими, показывала Временному правительству голову Медузы, на которой каждый волос мартовских и апрельских надежд успел превратиться в змею ненависти и возмущения.

Большевистская партия, далеко не сразу после переворота заняла ту позицию в национальном вопросе, которая обеспечила ей в конце концов победу. Это относится не только к окраинам, со слабыми и

неопытными партийными организациями, но и к петрогдскому центру. За годы войны партия так ослабела, теоретический и политический уровень кадров так снизился, что официальное руководство заняло и в национальном вопросе, до приезда Ленина, крайне путаную и половинчатую позицию.

Правда, в соответствии с традицией, большевики по прежнему отстаивали право наций на самоопределение. Но эту формулу признавали на словах и меньшевики: текст программы оставался общим. Решающее значение имел, однако, вопрос о власти. Между тем временные руководители партии оказались совершенно неспособны понять непримиримый антагонизм между большевистскими лозунгами в национальном, как и в аграрном вопросе, и между сохранением буржуазно-империалистского режима, хотя бы и прикрытого демократическими формами.

Наиболее вульгарное выражение демократическая позиция нашла под пером Сталина. 25 марта в статье, приуроченной к правительственному декрету об отмене национальных ограничений, Сталин пытается поставить национальный вопрос в исторической широте. «Социальной основой национального гнета, — пишет он, — силой, одухотворяющей его, является отживающая земельная аристократия». О том, что национальный гнет получил небывалое развитие в эпоху капитализма и нашел себе наиболее варварское выражение в колониальной политике, демократический автор как бы не догадывается совсем. «В Англии, — продолжает он, — где земельная аристократия делит власть с буржуазией, где давно уже нет безграничного господства этой аристократии, — национальный гнет более мягок, менее бесчеловечен, если, конечно, не принимать во внимание(?) того обстоятельства, что в ходе войны, когда власть перешла в руки лэндлордов(!), национальный гнет значительно усилился (преследование ирландцев, индусов)». В гнете ирландцев и индусов оказываются виноваты лэндлорды, которые, очевидно, в лице Ллойд-Джорджа, захватили

власть, благодаря войне. «...В Швейцарии и в Северной Америке, — продолжает Сталин, — где лэндлордизма нет и не бывало(?), где власть безраздельно находится в руках буржуазии, — национальности развиваются свободно, национальному гнету, вообще говоря, нет места»... Автор совершенно забывает негритянский и колониальный вопрос в Соединенных Штатах.

Из этого безнадежно-провинциального анализа, исчерпывающегося смутным противопоставлением феодализма и демократии, вытекают чисто либеральные политические выводы. «Снять с политической сцены феодальную аристократию, вырвать у нее власть, — это именно и значит ликвидировать национальный гнет, создать фактические условия, необходимые для национальной свободы. Поскольку русская революция победила, — пишет Сталин, — она уже создала эти фактические условия»... Мы имеем здесь, пожалуй, более принципиальную апологию империалистской «демократии», чем все, что писали на эту тему в те дни меньшевики. Как во внешней политике Сталин, вслед за Каменевым, надеялся разделением труда с Временным правительством достигнуть демократического мира, так во внутренней политике он в демократии князя Львова находил «фактические условия» национальной свободы.

На самом деле падение монархии впервые полностью обнаружило, что не только реакционные помещики, но и вся либеральная буржуазия, а за нею вся мелкобуржуазная демократия, вместе с патриотической верхушкой рабочего класса, являются непримиримыми противниками действительного национального равноправия, т. е. упразднения привиллегий господствующей нации: вся их программа сводилась к смягчению, культурной полировке и демократическому прикрытию великорусского господства.

На апрельской конференции, защищая ленинскую резолюцию по национальному вопросу, Сталин формально исходит уже из того, что «национальный гнет — это та система... те меры..., которые проводятся им-

периалистскими кругами», но тут же неотвратимо сбивается на свою мартовскую позицию. «Чем демократичнее страна, тем слабее национальный гнет, и наоборот», такова своя собственная, не заимствованная у Ленина, абстракция докладчика. Тот факт, что демократическая Англия угнетает феодально-кастовую Индию, попрежнему исчезает с его ограниченного поля зрения. В отличие от России, где господствовала «старая земельная аристократия», — продолжает Сталин, — «в Англии и в Австро-Венгрии национальный гнет никогда не принимал погромных форм». Как будто в Англии «никогда» не господствовала земельная аристократия, или как будто в Венгрии она не господствует до сего дня! Комбинированный характер исторического развития, сочетающего «демократию» с удушением слабых наций, оставался для Сталина книгой за семью печатями.

Что Россия сложилась, как государство национальностей, есть результат ее исторической запоздалости. Но запоздалость есть сложное понятие, неминуемо противоречивое. Отсталая страна вовсе не идет по пятам за передовой, соблюдая одну и ту же дистанцию. В эпоху мирового хозяйства запоздалые нации, включаясь, под давлением передовых, в общую цепь развития, перескакивают через ряд промежуточных ступеней. Более того, отсутствие прочно сложившихся общественных форм и традиций делает отсталую страну — по крайней мере, в известных пределах — крайне восприимчивой к последнему слову мировой техники и мировой мысли. Но отсталость от этого еще не перестает быть отсталостью. Развитие в целом получает противоречивый и комбинированный характер. Социальной структуре запоздалой нации свойственно преобладание крайних исторических полюсов, отсталых крестьян и передовых пролетариев, над средними формациями, над буржуазией. Задачи одного класса переваливаются на плечи другого. Выкорчевывание средневековых пережитков ложится также и в национальной области на пролетариат.

Ничто же характеризует с такой яркостью исторически запоздалость России, если брать ее в качестве европейской страны, как тот факт, что ей в двадцатом веке пришлось ликвидировать кабальную аренду и черту оседлости, т. е. варварство крепостничества и гетто. Но для разрешения этих задач Россия, именно вследствие своего запоздалого развития, обладала новыми, в высшей степени современными классами, партиями, программами. Чтоб покончить с идеями и методами Распутина, России понадобились идеи и методы Маркса.

Политическая практика оставалась, правда, гораздо примитивнее теории, ибо вещи изменяются труднее, чем идеи. Но теория все же лишь доводила до конца потребности практики. Чтоб добиться освобождения и культурного подъема, угнетенные национальности оказывались вынуждены связать свою судьбу с судьбой рабочего класса. А для этого им необходимо было освободиться от руководства своих буржуазных и мелкобуржуазных партий, то-есть, далеко забежать вперед по пути исторического развития.

Соподчинение национальных движений основному процессу революции, борьбе пролетариата за власть, совершается не сразу, а в несколько этапов, притом по разному в разных областях страны. Украинские, белорусские или татарские рабочие, крестьяне и солдаты, враждебные Керенскому, войне и руссификации, становились там самым, несмотря на свое соглашательское руководство, союзниками пролетарского восстания. От объективной поддержки большевиков они оказываются вынуждены на дальнейшем этапе и субъективно перейти на путь большевизма. В Финляндии, Латвии, Эстонии, слабее на Украине расслоение национального движения принимает уже к октябрю такую остроту, что только вмешательство иностранных войск может помешать здесь успеху пролетарского переворота. На азиатском Востоке, где национальное пробуждение совершалось в наиболее примитивных формах, оно лишь постепенно и со значительным запоз-

данием должно подпасть под руководство пролетариата, уже после завоевания им власти. Если охватить сложный и противоречивый процесс в целом, вывод очевиден: национальный поток, как и аграрный, вливался в русло октябрьского переворота.

Неотвратимый и неудержимый переход масс от элементарнейших задач политического, аграрного, национального раскрепощения к господству пролетариата вытекал не из «демагогической» агитации, не из предвзятых схем, не из теории перманентной революции, как думали либералы и соглашатели, а из социальной структуры России и из условий мировой обстановки. Теория перманентной революции только формулировала комбинированный процесс развития.

Дело идет здесь не об одной России. Соподчинение запоздалых национальных революций революции пролетариата имеет свою мировую закономерность. В то время, как в XIX столетии основная задача войн и революций все еще состояла в том, чтобы обеспечить за производительными силами национальный рынок, задача нашего столетия состоит в том, чтобы освободить производительные силы из национальных границ, которые стали для них железными колодками. В широком историческом смысле национальные революции Востока являются только ступенями мировой революции пролетариата, как национальные движения России стали ступеням советской диктатуры.

Ленин с замечательной глубиной оценил революционную силу, заложенную в судьбе угнетенных национальностей, как царской России, так и всего мира. Ничего, кроме презрения, не заслуживал в его глазах тот лицемерный «пацифизм», который одинаково «осуждает» и войну Японии против Китая, ради его закрепощения, и войну Китая против Японии, во имя своего освобождения. Для Ленина национально-освободительная война в противовес империалистски-угнетательской являлась лишь другой формой национальной революции, которая, в свою очередь, входит не-

обходимым звеном в освободительную борьбу мирового рабочего класса.

Из этой оценки национальных революций и войн ни в каком случае, однако, не вытекает признание какой-либо революционной миссии за буржуазией колониальных и полуколониальных наций. Наоборот, именно буржуазия отсталых стран с молочных зубов развивается, как агентура иностранного капитала, и, несмотря на завистливую вражду к нему, во всех решающих случаях оказывается и будет оказываться в одном с ним лагере. Китайское компрадорство является классической формой колониальной буржуазии, как Гоминдан есть классическая партия компрадорства. Верхи мелкой буржуазии, в том числе интеллигенция, могут принимать активное, подчас очень шумное участие в национальной борьбе, но совершенно не способны к самостоятельной роли. Только рабочий класс, став во главе нации, может довести национальную, как и аграрную революцию до конца.

Роковая ошибка эпигонов, прежде всего Сталина, состоит в том, что из учения Ленина о прогрессивном историческом значении борьбы угнетенных наций они сделали вывод о революционной миссии буржуазии колониальных стран. Непонимание перманентного характера революции в империалистскую эпоху; педантская схематизация развития; расчленение живого комбинированного процесса на мертвые стадии, якобы неизбежно отделенные одна от другой во времени, привели Сталина к вульгарной идеализации демократии, или «демократической диктатуры», которая на самом деле может быть либо империалистской диктатурой, либо диктатурой пролетариата. Со ступеньки на ступеньку, группа Сталина дошла по этому пути до полного разрыва с позицией Ленина в национальном вопросе и до катастрофической политики в Китае.

В августе 1927 года, в борьбе с оппозицией (Троцкий, Раковский и др.), Сталин говорил на пленуме Центрального комитета большевиков: «Революция в империалистических странах — это одно: там буржу-

азия.. контр-революционна на всех стадиях революции... Революция в колониальных и зависимых странах — это нечто другое... там национальная буржуазия на известной стадии и на известный срок может поддержать революционное движение своей страны против империализма». С оговорками и смягчениями, характеризующими лишь его неуверенность в себе, Сталин переносит здесь на колониальную буржуазию те самые черты, которыми он в марте наделял русскую буржуазию. Повинуясь своему глубоко органическому характеру, сталинский оппортунизм, точно под действием законов тяжести, прокладывает себе дорогу через различные каналы. Подбор теоретических аргументов является при этом делом чистого случая.

Из перенесения мартовской оценки Временного правительства на «национальное» правительство в Китае вытекло трехлетнее сотрудничество Сталина с Гоминданом, представляющее один из наиболее потрясающих фактов новейшей истории: в качестве верного оруженосца, эпигонский большевизм сопровождал китайскую буржуазию до 11 апреля 1927 года, т. е. до ее кровавой расправы над шанхайским пролетариатом. «Основная ошибка оппозиции, — так оправдывал Сталин свое братство по оружию с Чан-Кай-Ши, — состоит в том, что она отождествляет революцию 1905 года в России, в стране империалистической, угнетавшей другие народы, с революцией в Китае, в стране угнетенной»... Поразительно, что сам Сталин не догадался взять революцию в России не под углом зрения нации, «угнетавшей другие народы», а под углом зрения опыта «других народов» той же России, терпевших не меньшее угнетение, чем китайцы.

На том грандиозном опытном поле, которое представляла Россия в течение трех революций, можно найти все варьянты национальной и классовой борьбы, кроме одного: чтоб буржуазия угнетенной нации играла освободительную роль по отношению к собственному народу. На всех этапах своего развития окраинная буржуазия, какими бы красками она ни

играла, неизменно зависела от центральных банков, трестов, торговых фирм, являясь по существу агентурой обще-российского капитала, подчиняясь его руссификаторским тенденциям и подчиняя им широкие круги либеральной и демократической интеллигенции. Чем более «зрелой» являлась окраинная буржуазия, тем теснее она оказывалась связанной с общегосударственным аппаратом. Взятая в целом буржуазия угнетенных наций играла ту же компрадорскую роль по отношению к правящей буржуазии, какую эта последняя выполняла по отношению к мировому финансовому капиталу. Сложная иерархия зависимостей и антагонизмов ни на один день не устраняла основной солидарности в борьбе с восстающими массами.

В период контр-революции (1907—1917 г. г.), когда руководство национальным движением сосредоточивалось в руках туземной буржуазии, она еще откровеннее, чем русские лиебралы, искала соглашения с монархией. Польские, прибалтийские, татарские, украинские, еврейские буржуа соревновали на поприще империалистского патриотизма. После февральского переворота они прятались за спиною кадетов или, по примеру кадетов, за спиною своих национальных соглашателей. На путь сепаратизма буржуазия окраинных наций становится к осени 1917 года не в борьбе с национальным гнетом, а в борьбе с надвигавшейся пролетарской революцией. В общем итоге буржуазия угнетенных наций обнаружила никак не меньшую враждебность по отношению к революции, чем великорусская буржуазия.

Гигантский исторический урок трех революций прошел, однако, бесследно для многих участников событий, прежде всего — для Сталина. Соглашательское, т. е. мелкобуржуазное понимание взаимоотношения классов внутри колониальных наций, погубившее китайскую революцию 1925—27 г. г., эпигоны внесли даже в программу Коммунистического Интернационала, превращая ее, в этой части, в прямую западню для угнетенных народов Востока.

Чтоб понять действительный характер национальной политики Ленина, лучше всего — по методу контрастов — сопоставить ее с политикой австрийской социал-демократии. В то время, как большевизм ориентировался на взрыв национальных революций за десятки лет, воспитывая в духе этой перспективы передовых рабочих, австрийская социал-демократия покорно приспособлялась к политике господствующих классов, выступала, как адвокат принудительного сожительства десяти наций в австро-венгерской монархии и в то же время, будучи абсолютно неспособна осуществить революционное единство рабочих разных национальностей, разгораживала их в партии и в профессиональных союзах вертикальными перегородками. Карл Реннер, просвещенный габсбургский чиновник, неутомимо изыскивал в чернильнице австромарксизма способы омоложения государства Габсбургов — вплоть до того часа, как увидел себя вдовствующим теоретиком австро-венгерской монархии. Когда центральные империи были разбиты, династия Габсбургов попыталась еще поднять знамя федерации автономных наций под своим скипетром: официальная программа австрийской социал-демократии, рассчитанная на мирное развитие в рамках монархии, стала на миг программой самой монархии, покрытой кровью и грязью четырех лет войны.

Ржавый обруч, сковывавший воедино десять наций, разлетелся на куски. Австро-Венгрия распадалась силою внутренних центробежных тенденций, подкрепленных версальской хирургией. Формировались новые государства и перестраивались старые. Австрийские немцы повисли над бездной. Вопрос для них шел уже не о сохранении владычества над другими нациями, а об опасности подпасть самим под чужую власть. Отто Бауэр, представитель «левого» крыла австрийской социал - демократии, счел этот момент подходящим для того, чтобы выдвинуть формулу национального самоопределения. Программа, которая должна была бы в течение предшествовавших десяти-

летий вдохновлять борьбу пролетариата против Габсбургов и правящей буржуазии, оказалась превращена в орудие самосохранения господствовавшей вчера нации, которой сегодня грозила опасность со стороны освобождавшихся славянских народов. Как реформистская программа австрийской социал-демократии стала на миг той соломинкой, за которую пыталась ухватиться утопающая монархия, так оскопленная австро-марксистами формула самоопределения должна была стать якорем спасения немецкой буржуазии.

3 октября 1918 года, когда вопрос от них уже ни в малейшей мере не зависел более, социал-демократические депутаты рейхсрата великодушно «признали» право народов бывшей империи на самостоятельность. 4 октября программу самоопределения приняли и буржуазные партии. Опередив таким образом австро-немецких империалистов на целый день, социал-демократия и тут еще продолжала держаться выжидательно: неизвестно, какой оборот примут дела и что скажет Вильсон. Только 13 октября, когда окончательное крушение армии и монархии создало «революционную ситуацию, для которой — по словам Бауэра — наша национальная программа была задумана», австро-марксисты практически поставили вопрос о самоопределении: поистине, им уже нечего было терять. «С крушением свего господства над другими нациями, — объясняет Бауэр с полной откровенностью, — немецко - национальная буржуазия сочла законченной свою историческую миссию, во имя которой она добровольно переносила свое отделение от немецкого отечества». Новая программа была пущена в оборот не потому, что она нижна была угнетенным, а потому, что она перестала быть опасной для угнетателей. Имущие классы, загнанные в историческую щель, оказались вынуждены признать национальную революцию юридически; австро-марксизм счел своевременным узаконить ее юридически. Это — зрелая революция, своевременная, исторически подготовленная: она

уже все равно совершилась. Душа социал-демократии перед нами, как на ладони!

Совсем по иному обстояло дело с социальной революцией, которая никак не могла надеяться на признание имущих классов. Ее надо было отодвинуть, развенчать, скомпрометировать. Так как империя распадалась естественно по наиболее слабым, т.е. национальным швам, Отто Бауэр делает отсюда вывод о характере революции: «Она была еще отнюдь не социальной, но национальной революцией» На самом деле движение с самого начала имело глубокое социально-революционное содержание. «Чисто» национальный характер революции недурно иллюстрируется тем, что имущие классы Австрии открыто приглашали Антанту забрать всю армию в плен. Немецкая буржуазия умоляла итальянского генерала занять Вену итальянскими войсками!

Педантски-пошлое разграничение национальной формы и социального содержания революционного процесса, в качестве двух будто бы самостоятельных исторических стадий, — мы видим, как близко здесь Отто Бауэр подходит к Сталину! — имело в высшей степени утилитарное назначение: оно должно было оправдать сотрудничество социал-демократии с буржуазией в борьбе против опасностей социальной революции.

Если принять, по Марксу, что революция есть локомотив истории, то австро-марксизму нужно отвести при нем место тормоза. Уже после фактического крушения монархии социал-демократия, призванная к соучастию во власти, все еще не решалась расстаться со старыми габсбургскими министрами: «национальная» революция ограничилась тем, что подкрепила их государственными секретарями. Только после 9 ноября, когда германская революция сбросила Гогенцоллернов, австрийская социал-демократия предложила Государственному совету провозгласить республику, пугая буржуазных партнеров движением масс, которым она сама была запугана до мозга костей. «Хри-

стианские социалисты, — неосторожно иронизирует Отто Бауэр, — которые еще 9 и 10 ноября стояли за монархию, решились 11 ноября прекратить свое сопротивление»... На целых два дня социал-демократия упредила партию черносотенных монархистов! Все героические легенды человечества бледнеют перед этим революционным размахом.

Наперекор своей воле социал-демократия с начала революции автоматически оказалась во главе нации, как русские меньшевики и эсеры. Как и они, она больше всего боялась собственной силы. В коалиционном правительстве она старалась занять как можно меньший уголок. Отто Бауэр объясняет: «чисто национальному характеру революции отвечало первоначально то, что социал-демократы сперва потребовали для себя только скромного участия в правительстве». Вопрос о власти разрешается для этих людей не реальным соотношением сил, не мощностью революционного движения, не банкротством господствующих классов, не политическим влиянием партии, а педантским ярлычком «чисто национальной революции», наклеенным на события мудрыми классификаторами.

Карл Реннер пережидал бурю, в качестве начальника канцелярии Государственного совета. Остальные социал-демократические вожди превратились в помощников при буржуазных министрах. Другими словами, социал-демократы спрятались под канцелярскими столами. Массы не соглашались, однако, кормиться национальной скорлупой ореха, социальное ядро которого австро-марксисты приберегали для буржуазии. Рабочие и солдаты оттерли буржуазных министров назад и вынудили социал-демократов покинуть свои убежища. Незаменимый теоретик Отто Бауэр объясняет: «Только события следующих дней, которые гнали национальную революцию в сторону социальной, усилили наш вес в правительстве». В переводе на общепонятный язык: под напором масс социал - демократы оказались вынуждены вылезть из-под столов.

Но ни на минуту не изменяя своему назначению,

они взяли власть только для того, чтоб повести войну против романтики и авантюризма: под этими именами фигурирует у сикофантов та самая социальная революция, которая усилила их «вес в правительстве». Если австро - марксисты не без успеха выполнили в 1918 году свою историческую миссию ангелов-хранителей венской Кредит - Анштальт от революционной романтики пролетариата, то только потому, что не встретили помех со стороны подлинной революционной партии.

Два государства национальностей, Россия и Австро - Венгрия, своей новейшей судьбой запечатлели противоположность большевизма и австро-марксизма. В течение полутора десятилетий Ленин проповедывал в непримиримой борьбе со всеми оттенками великорусского шовинизма право всех угнетенных наций отколоться от империи царей. Большевиков обвиняли в том, что они стремятся к расчленению России. Между тем смелая революционная постановка национального вопроса создала несокрушимое доверие угнетенных, малых и отсталых народов царской России к большевистской партии. В апреле 1917 года Ленин говорил: «Если украинцы увидят, что у нас республика советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, то отделятся». Он и в этом оказался прав. История дала ни с чем несравнимую проверку двух политик в национальном вопросе. В то время, как Австро-Венгрия, пролетариат которой воспитывался в духе трусливой половинчатости, при грозном потрясении развалилась на куски, причем инициативу распада брали на себя главным образом национальные части социал-демократии, — на развалинах царской России создалось новое государство национальностей, экономически и политически тесно спаянных большевистской партией.

Каковы бы ни были дальнейшие судьбы Советского Союза, — а он еще очень далек от тихой пристани, — национальная политика Ленина навсегда войдет в железный инвентарь человечества.

ВЫХОД ИЗ ПРЕДПАРЛАМЕНТА И БОРЬБА ЗА СЪЕЗД СОВЕТОВ

Каждый день войны расшатывал фронт, ослаблял Правительство, ухудшал международное положение страны. В начале октября немецкий флот, морской и воздушный, развил активные операции в Финском заливе. Балтийские моряки дрались мужественно, стараясь прикрыть путь к Петрограду. Но они ярче и глубже всех других частей фронта понимали глубокое противоречие своего положения, как авангарда революции, и как подневольных участников империалистской войны, и через радиостанции своих кораблей они бросили клич о международной революционной помощи во все четыре стороны горизонта. «Атакованный превосходными германскими силами наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя. Оклеветанный, заклейменный флот исполнит свой долг... не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего долготерпением революции . . . не во имя договоров наших правителей с союзниками, опутывающих цепями руки русской свободы». Нет, но во имя охраны подступов к очагу революции, Петрограду. «В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда смыкаются воды над их трупами, мы возвышаем свой голос: . . . Угнетенные всего мира! Поднимайте знамя восстания!»

Слова о боях и жертвах не были фразой. Эскадра потеряла корабль «Слава» и после боя отступила. Немцы завладели Монзундским архипелагом. Перевернулась еще одна черная страница в книге войны. Правительство решило воспользоваться новым военным ударом для перемещения столицы: старый план всплывал при каждом подходящем поводе. Симпатий к Москве в правящих кругах не было, но была ненависть к Петрограду. Монархическая реакция, либерализм, демократия стремились, по очереди, разжаловать столицу, поставить ее на колени, раздавить ее. Самые крайние патриоты ненавидели теперь Петроград гораздо более жгучей ненавистью, чем Берлин.

Вопрос об эвакуации проходил в порядке чрезвычайной спешности. На переселение Правительства, вместе с Предпарламентом, положено всего две недели. Решено также эвакуировать в кратчайший срок заводы, работающие на оборону. ЦИК, как «частное учреждение», должен сам позаботиться о своей судьбе.

Кадетские вдохновители эвакуации понимали, что простое переселение Правительства не решает вопроса. Но они рассчитывали взять гнездо революционной заразы голодом, измором, истощением. Внутренняя блокада Петрограда шла уже полным ходом. У заводов отбирались заказы, доставка топлива была уменьшена в четыре раза, министерство продовольствия задерживало идущий в столицу скот, на Мариинской системе приостановлены грузы.

Воинствующий Родзянко, председатель Государственной думы, которую Правительство решилось, наконец, распустить в начале октября, с полной откровенностью высказывался в либеральной московской газете «Утро России» насчет военной опасности, угрожающей столице. «Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т. е. советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла России, они ничего не принесли». Правда, со взятием Петрограда должен

погибнуть Балтийский флот. Но и об этом жалеть не приходится: «там есть суда совершенно развращенные». Благодаря тому, что камергер не имел привычки держать язык за зубами, народ узнавал наиболее задушевные мысли дворянской и буржуазной России.

Русский поверенный в делах доносил из Лондона, что британский морской штаб, несмотря на все настояния, не считает возможным облегчить положение своей союзницы в Балтийском море. Не одни только большевики истолковывали этот ответ в том смысле, что союзники, заодно с патриотическими верхами самой России, ждут только выгоды для общего дела от немецкого удара по Петрограду. Рабочие и солдаты не сомневались, особенно после признаний Родзянко, что Правительство сознательно готовится отдать их на выучку Людендорфу и Гофману.

6 октября Солдатская секция приняла, с небывалым доселе единодушием, резолюцию Троцкого: «Если Временное правительство не способно защитить Петроград, оно обязано заключить мир, либо уступить место другому правительству». Рабочие выступали не менее непримиримо. Петроград они считали своей крепостью, с ним они связывали свои революционные надежды, сдавать Петроград они не хотели. Напуганные военной опасностью, эвакуацией, возмущением солдат и рабочих, возбуждением всего населения, соглашатели, с своей стороны, забили тревогу: нельзя покидать Петроград на произвол судьбы. Убедившись, что попытка эвакуации встречает противодействие со всех сторон, Правительство начало отступать: оно-де озабочено не столько собственной безопасностью, сколько вопросом о месте заседаний будущего Учредительного Собрания . Но и на этой позиции удержаться не удалось. Менее, чем через неделю Правительство оказалось вынужденным заявить, что оно не только собирается само оставаться в Зимнем дворце, но по прежнему предполагает созвать в Таврическом дворце Учредительное Собрание. В военной и политической обстановке это заявление ни-

чего не меняло. Но оно снова обнаруживало политическую силу Петрограда, который считал своей миссией покончить с правительством Керенского и не выпускал его из своих стен. Перенести столицу в Москву посмели впоследствии только большевики. Они выполнили эту задачу без всяких затруднений, потому что для них она была действительно стратегической: политических причин бежать из Петрограда у них быть не могло.

Покаянное заявление о защите столицы сделано было Правительством по требованию соглашательского большинства комиссии Совета российской республики, или Предпарламента. Это причудливое учреждение успело, наконец, появиться на свет. Плеханов, который любил и умел шутить, непочтительно назвал бессильный и недолговечный Совет республики «избушкой на курьих ножках». Политически это определение было не лишено меткости. Надо лишь прибавить, что, в качестве избушки, Предпарламент выглядел весьма недурно: ему отведен был великолепный Мариинский дворец, служивший ранее прибежищем Государственному совету. Контраст нарядного Дворца с запущенным и пропитанным солдатскими запахами Смольным поразил Суханова: «Среди всего этого великолепия, — признается он, — хотелось отдыхать, забыть о трудах и борьбе, о голоде и войне, о развале и анархии, о стране и революции». Но для отдыха и забвения оставалось слишком мало времени.

Так называемое «демократическое» большинство Предпарламента состояло из 308 человек: 120 эсеров, в том числе около 20-ти левых, 60 меньшевиков разного оттенка, 66 большевиков; дальше шли кооператоры, делегаты Крестьянского исполкома и пр. Имущим классам предоставлено было 156 мест, из которых почти половину заняли кадеты. Вместе с кооператорами, казаками и достаточно консервативными членами Крестьянского исполкома правое крыло по ряду вопросов было близко к большинству. Распределение мест в комфортабельной избушке на курьих

ножках находилось, таким образом, в вопиющем противоречии со всеми решительно волеизъявлениями города и деревни. Зато, в противовес серым советским и иным представительствам, Мариинский дворец собрал в своих стенах «цвет нации». Так как члены Предпарламента не зависели от случайностей избирательной конкуренции, от местных влияний и провинциальных предпочтений, то каждая общественная группа, каждая партия посылала наиболее своих видных вождей. Личный состав оказался, по свидетельству Суханова, «исключительно блестящ». Когда Предпарламент собрался на первое заседание, у многих скептиков, по словам Милюкова, отлегло от сердца: «Хорошо, если Учредительное Собрание будет не хуже этого». «Цвет нации» с удовлетворением глядел на себя в дворцовые зеркала, не замечая, что он — пустоцвет.

Открывая 7-го октября Совет республики, Керенский не упустил случая напомнить, что хотя Правительство обладает «всей полнотой власти», тем не менее оно готово выслушать «все настоящие ценные указания»: будучи абсолютным, Правительство не переставало быть просвещенным. В пятичленном президиуме, при председателе Авксентьеве, одно место было предоставлено большевикам: оно останется незанятым. У режиссеров жалкой и невеселой комедии мутило на душе. Весь интерес серого открытия в серый дождливый день заранее сосредоточился на предстоящем выступлении большевиков. В кулуарах Мариинского дворца распространился, по словам Суханова, «сенсационный слух: Троцкий победил большинством двух или трех голосов . . ., и большевики сейчас уйдут из Предпарламента». На самом деле решение демонстративно уйти из Мариинского дворца принято было 5-го на заседании большевистской фракции всеми голосами против одного: так велик был сдвиг влево за истекшие две недели! Лишь Каменев сохранил верность первоначальной позиции, вернее, он один отважился открыто отстаивать ее. В

особом заявлении, адресованном в ЦК, Каменев без обиняков характеризовал принятый курс, как «весьма опасный для партии». Неясные намерения большевиков вызывали известное беспокойство в среде Предпарламента: боялись, собственно, не потрясения режима, а «скандала» пред лицом союзных дипломатов, которых большинство только что приветствовало подобающим залпом патриотических рукоплесканий. Суханов рассказывает, как к большевикам отрядили официальное лицо — самого Авксентьева — для предварительного запроса: что произойдет? «Пустяки, — ответил Троцкий, — пустяки, маленький пистолетный выстрел».

После открытия заседания Троцкому предоставлено было, на основании перенятого по наследству от Государственной думы регламента, десять минут для внеочередного заявления от имени большевистской фракции. В зале воцаряется напряженное молчание. Декларация начиналась с установления, что власть сейчас столь же безответственна, как и до Демократического совещания, созывавшегося якобы для обуздания Керенского, и что представители имущих классов вошли во Временный совет в таком количестве, на какое они не имеют ни малейшего права. Если бы буржуазия действительно готовилась к Учредительному Собранию через полтора месяца, ее вожди не имели бы оснований отстаивать сейчас с таким ожесточением безответственность власти даже пред подтасованным представительством. «Вся суть в том, что буржуазные классы поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание». Удар попадает в цель. Тем более бурно протестует правое крыло. Не отклоняясь от текста декларации, оратор бичует промышленную, аграрную и продовольственную политику Правительства: нельзя было бы вести иного курса, если бы даже поставить себе сознательной целью толкать массы на путь восстанья. «Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам. . . приемлется, как естественное звено общей политики, которая должна облег-

чить . . . контр-революционный заговор». Протесты перерастают в бурю. Крики о Берлине, о немецком золоте, о пломбированном вагоне и, на этом общем фоне, как бутылочный осколок в грязи — уличная брань. Никогда ничего подобного не случалось во время самых страстных боев в грязном, запущенном, заплеванном солдатами Смольном. «Достаточно было попасть нам в хорошее общество Мариинского дворца..., — пишет Суханов, — чтобы немедленно восстановилась кабацкая атмосфера, которая царила в цензовой Государственной думе».

Прокладывая себе дорогу через взрывы ненависти, чередующиеся с моментами затишья, оратор заканчивает: «Мы, фракция большевиков, заявляем: с этим Правительством народной измены и с этим Советом контр-революционного попустительства мы не имеем ничего общего. . . Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности! . . Мы обращаемся к народу. Вся власть Советам!»

Оратор сходит с трибуны. Несколько десятков большевиков покидают зал среди напутственных проклятий. После минут тревоги большинство готово вздохнуть с облегчением. Ушли одни большевики, — цвет нации остается на посту. Только левый фланг соглашателей пригнулся под ударом, направленным, казалось, не против него. «Мы, ближайшие соседи большевиков — признается Суханов — сидели совершенно удрученные всем происшедшим». Чистые рыцари слова почувствовали, что время слов прошло.

Министр иностранных дел Терещенко в секретной телеграмме русским послам сообщал об открытии Предпарламента: «первое заседание прошло очень бледно, за исключением скандала, устроенного большевиками». Исторический разрыв пролетариата с государственной механикой буржуазии воспринимался этими людьми, как простой «скандал». Буржуазная

печать не упустила случая подстегнуть Правительство ссылками на решимость большевиков: господа министры тогда лишь выведут страну из анархии, когда у них «будет столько же решимости и воли к действию, сколько ее у товарища Троцкого». Как будто дело шло о решимости и воле отдельных лиц, а не об исторической судьбе классов. И как будто отбор людей и характеров происходил независимо от исторических задач. «Они говорили и действовали, — писал Милюков по поводу ухода большевиков из Предпарламента, — как люди, чувствующие за собой силу, знающие, что завтрашний день принадлежит им».

Потеря Монзундских островов, возросшая опасность Петрограду и выход большевиков из Предпарламента на улицу заставили соглашателей призадуматься над тем, как быть дальше с войною. После трехдневных обсуждений, с участием военного и морского министров, комиссаров и делегатов армейских организаций, ЦИК нашел, наконец, спасительное решение: «настаивать на участии представителей русской демократии на парижской конференции союзников». После новых трудов представителем назначили Скобелева. Был выработан детальный наказ: мир без аннексий и контрибуций, нейтрализация проливов, также Суэцкого и Панамского каналов, — географический кругозор соглашателей был шире политического, — отмена тайной дипломатии, постепенное разоружение. ЦИК разъяснял, что участие его делегатов в парижских совещаниях «имеет целью произвести давление на союзников». Давление Скобелева на Францию, Великобританию и Соединенные Штаты! Кадетская газета ставила ядовитый вопрос: как поступит Скобелев, если союзники без церемоний отвергнут его условия? «Пригрозит ли он новым воззванием к народам всего мира?» Увы, соглашатели давно уже стеснялись собственного старого воззвания.

Собираясь навязать Соединенным Штатам нейтрализацию Панамского канала, ЦИК на деле ока-

зывался неспособен произвести давление даже на Зимний дворец. 12-го Керенский отправил Ллойд-Джорджу обширное письмо, полное нежных упреков, горестных жалоб и горячих обещаний. Фронт находится «в лучшем положении, чем был прошлой весной». Конечно, пораженческая пропаганда — русский премьер жалуется британскому на русских большевиков — помешала выполнить все намеченные цели. Но о мире не может быть и речи. Правительство знает один вопрос: «как продолжать войну». Разумеется, под залог своего патриотизма Керенский просил о кредитах.

Освободившийся от большевиков Предпарламент тоже не терял времени: 10-го открылись прения о поднятии боеспособности армии. Занявший три томительных заседания диалог развивался по неизменной схеме. — Надо убедить армию, что она воюет за мир и демократию, говорили слева. — Убедить нельзя, надо заставить, возражали справа. — Заставить нечем: чтоб заставить, надо сперва хоть отчасти убедить, отвечали соглашатели. — По части убеждения большевики сильнее вас, возражали кадеты. Обе стороны были правы. Но и утопающий прав, когда издает вопли, прежде чем пойти ко дну.

18-го наступил час решения, которое в природе вещей изменить ничего не могло. Формула эсеров собрала 95 голосов против 127 при 50 воздержавшихся. Формула правых — 135 голосов против 139. Поразительно, нет большинства! В зале, по отчетам газет, «общее движение и смущение». Несмотря на единство цели, цвет нации оказался неспособен вынести хотя бы платоническое решение по наиболее острому вопросу национальной жизни. Это не было случайностью: то же самое повторялось изо дня в день по всем остальным вопросам, в комиссиях, как и на пленуме. Осколки мнений не суммировались. Все группы жили неуловимыми оттенками политической мысли: сама мысль отсутствовала. Может быть, она

ушла на улицу с большевиками? .. Тупик Предпарламента был тупиком режима.

Переубедить армию было трудно, но и принудить ее было нельзя. На новый окрик Керенского по адресу Балтийского флота, выдерживавшего бои и несшего жертвы, съезд моряков обратился к ЦИК'у с требованием удалить из рядов Временного правительства «лицо, позорящее и губящее своим бесстыдным политическим шантажом Великую революцию». Такого языка Керенский не слышал раньше и от матросов. Областной комитет армии, флота и русских рабочих в Финляндии, действовавший, как власть, задержал правительственные грузы. Керенский пригрозил арестом советских комиссаров. Ответ гласил: «Областной комитет спокойно принимает вызов Временного правительства». Керенский смолчал. По сути Балтийский флот уже находился в состоянии восстания.

На сухопутном фронте дело еще не зашло так далеко, но развивалось в том же направлении. Продовольственное положение в течение октября быстро ухудшалось. Главнокомандующий Северным фронтом доносил, что голод является «главной причиной морального разложения армии». В то время, как соглашательские верхушки на фронте продолжали твердить, правда, уже только за спиною солдат, о поднятии боеспособности армии, снизу полк за полком выдвигал требование опубликования тайных договоров и немедленного предложения мира. Жданов, комиссар Западного фронта, доносил в первые дни октября: «Настроение крайне тревожное в связи с близостью холодов и ухудшением питания... Определенным успехом пользуются большевики».

Правительственные учреждения на фронте повисали в воздухе. Комиссар 3-й армии доносит, что военные суда не могут действовать, так как солдаты-свидетели отказываются являться для дачи показаний. «Взаимоотношения командного состава и солдат обострились. Офицеров считают виновниками затягива-

ния войны». Вражда солдат к Правительству и командному составу давно уже перенеслась на армейские комитеты, не обновлявшиеся с начала революции. Через их головы полки посылают делегатов в Петроград, в Совет, жаловаться на невыносимое положение в окопах, без хлеба, без обмундирования, без веры в войну. На Румынском фронте, где большевики очень слабы, целые полки отказываются стрелять. «Через две-три недели солдаты сами объявят перемирие и сложат оружие». Делегаты одной из дивизий сообщают: «Солдаты, с появлением первого снега, решили разойтись по домам». Делегация 33-го корпуса угрожала на пленуме петроградского Совета: если не будет настоящей борьбы за мир, «солдаты сами возьмут власть в свои руки и устроют перемирие». Комиссар 2-й армии доносит военному министру: «Не мало разговоров о том, что с наступлением холодов покинут позиции».

Почти прекратившееся после июльских дней братание возобновилось и быстро росло. Снова стали, после затишья, учащаться случаи не только ареста солдатами офицеров, но и убийства наиболее ненавистных. Расправа производилась почти открыто, на глазах у солдат. Никто не вступался: большинство не хотело, маленькое меньшинство не смело. Убийца всегда успевал скрыться, как будто тонул бесследно в солдатской массе. Один из генералов писал: «Мы судорожно цепляемся за что-то, молим о каком-то чуде, но большинство понимает, что спасения уже нет».

Сочетая коварство с тупоумием, патриотические газеты продолжали писать о продолжении войны, о наступлении и победе. Генералы качали головами, некоторые двусмысленно подпевали. «Мечтать сейчас о наступлении, — писал 7-го барон Будберг, командир корпуса, стоявшего около Двинска, — могутъ только совершенно безумные люди». Уже через день он вынужден занести в тот же дневник: «ошеломлен и ошарашен получением директивы о предстоящем не позже 20-го октября наступлении». Штабы, ни во что не

верившие и на все махнувшие рукой, вырабатывали планы новых операций. Немало было генералов, которые видели последнее спасение в том, чтоб повторить опыт Корнилова с Ригой в грандиозном масштабе: втянуть армию в бой и попытаться обрушить поражение на голову революции.

По инициативе военного министра Верховского постановлено было уволить старшие возрасты в запас. Железные дороги затрещали под натиском возвращающихся солдат. В перегруженных вагонах ломались рессоры и проваливались полы. Настроение остающихся от этого не становилось лучше. «Окопы разваливаются, — пишет Будберг. Ходы сообщений заплыли; всюду отбросы и экскременты... Солдаты наотрез отказываются работать по приборке окопов... Страшно подумать, к чему все это приведет, когда наступит весна, и все это начнет гнить и разлагаться». В состоянии ожесточенной пассивности солдаты повально отказывались даже от предохранительных прививок: это тоже стало формой борьбы против войны.

После тщетных попыток поднять боеспособность армии путем сокращения ее численности, Верховский внезапно пришел к выводу, что спасти страну может только мир. На частном совещании с кадетскими вождями, которых молодой и наивный министр надеялся перетянуть на свою сторону, Верховский развернул картину материального и духовного развала армии: «всякие попытки продолжать войну могут только приблизить катастрофу». Кадеты не могли этого не понимать, но, при молчании остальных, Милюков презрительно пожимал плечами: «достоинство России», «верность союзникам»... Не веря ни одному из этих слов, вождь буржуазии упорно стремился похоронить революцию под развалинами и трупами войны. Верховский проявил политическую смелость: без ведома и предупреждения Правительства, он выступил 20-го в комиссии Предпарламента с заявлением о необходимости немедленно заключить мир,

независимо от согласия или несогласия союзников. Против него бешено ополчились все те, которые в частных беседах соглашались с ним. Патриотическая печать писала, что военный министр «вскочил на запятки колесницы товарища Троцкого». Бурцев намекал на немецкое золото. Верховского уволили в отпуск. С глазу на глаз патриоты повторяли: по существу он прав. Будберг даже в дневнике проявлял осторожность: «с точки зрения верности слову, — писал он, — предложение, конечно, коварное, ну, а с точки зрения эгоистических интересов России, быть может единственное, дающее надежду на спасительный исход». Попутно барон признавался в своей зависти немецким генералам, которым «судьба дает счастье быть творцами побед». Он не предвидел, что скоро наступит очередь и для немецких генералов. Эти люди вообще ничего не предвидели, даже наиболее умные из них. Большевики предвидели многое, и это составляло их силу.

Уход из Предпарламента взрывал на глазах народа последние мосты, которые еще связывали партию восстанья с официальным обществом. С новой энергией — близость цели удваивает силы — большевики повели агитацию, которую противники называли демагогией, потому что она выносила на площадь то, что сами они прятали в кабинетах и канцеляриях. Убедительность этой неутомимой проповеди слагалась из того, что большевики понимали ход развития, подчиняли ему свою политику, не боялись масс, несокрушимо верили в свою правоту и в свою победу. Народ не уставал их слушать. У масс была потребность держаться вместе, каждый хотел проверять себя через других, и все внимательно и напряженно следили за тем, как одна и та же мысль поворачивалась в их сознании разными своими оттенками и чертами. Бесконечные толпы стояли у цирков и других больших помещений, где выступали наиболее популярные большевики с последними выводами и последними призывами.

Число руководящих агитаторов сильно убавилось к октябрю. Не хватало прежде всего Ленина, как агитатора, и еще более, как непосредственного повседневного вдохновителя. Не хватало его простых и глубоких обобщений, которые прочно ввинчивались в сознание масс, его ярких словечек, подхваченных у народа и ему же возвращенных. Не хватало первоклассного агитатора Зиновьева: скрываясь от преследований по обвинению в июльском «восстании», он решительно повернулся против октябрьского восстанья и тем самым на весь критический период сошел с поля действия. Каменев, незаменимый пропагандист, опытный политический инструктор партии, осуждал курс на восстанье, не верил в победу, видел впереди катастрофу и угрюмо уходил в тень. Свердлов, по природе больше организатор, чем агитатор, часто выступал на массовых собраниях, и его ровный, могучий и неутомимый бас распространял спокойную уверенность. Сталин не был ни агитатором, ни оратором. Он не раз фигурировал в качестве докладчика на партийных совещаниях. Но выступал ли он хоть раз на массовых собраниях революции? В документах и воспоминаниях не сохранилось на этот счет никаких следов.

Яркую агитацию вели Володарский, Лашевич, Коллонтай, Чудновский. За ними следовали десятки агитаторов меньшего калибра. С интересом и симпатией, к которой у более развитых примешивалась снисходительность, слушали Луначарского, опытного оратора, который умел преподнесть и факт, и обобщение, и пафос, и шутку, но который не притязал никого вести: он сам нуждался в том, чтоб его вели. По мере приближения к перевороту Луначарский быстро терял краски и увядал.

Суханов рассказывает о председателе петроградского Совета: «Отрываясь от работы в революционном штабе, (он) летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский ра-

бочий и солдат. Его влияние — и в массах и в штабе — было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории».

Но неизмеримо более действительной являлась в этот последний период перед переворотом та молекулярная агитация, которую вели безыменные рабочие, матросы, солдаты, завоевывая единомышленников по одиночке, разрушая последние сомнения, побеждая последние колебания. Месяцы лихорадочной политической жизни создали многочисленные низовые кадры, воспитали сотни и тысячи самородков, которые привыкли наблюдать политику снизу, а не сверху, и именно поэтому оценивали факты и людей с меткостью, далеко не всегда доступной ораторам академического склада. На первом месте стояли питерские рабочие, потомственные пролетарии, выделившие слой агитаторов и организаторов исключительного революционного закала, высокой политической культуры, самостоятельных в мысли, в слове, в действии. Токари, слесаря, кузнецы, воспитатели цехов и заводов, имели вокруг себя уже свои школы, своих учеников, будущих строителей республики советов. Балтийские матросы, ближайшие сподвижники питерских рабочих, в значительной мере вышедшие из их же среды, выдвинули бригады агитаторов, которые брали с бою отсталые полки, уездные города, мужицкие волости. Обобщающая формула, брошенная в цирке Модерн кем-либо из революционных вождей, наполнялась в сотнях мыслящих голов плотью и кровью и совершала затем круговорот по всей стране.

Из Прибалтийского края, из Польши и Литвы тысячи революционных рабочих и солдат эвакуировались, при отступлении русских армий, вместе с промышленными предприятиями или в одиночку: все это были агитаторы против войны и ее виновников. Большевики-латыши, оторванные от родной почвы и целиком ставшие на почву революции, убежденные, упорные, решительные, вели изо дня в день подрывную ра-

боту во всех частях страны. Угловатые лица, жесткий акцент и ломаные нередко русские фразы придавали особую выразительность их неукротимым призывам к восстанию.

Масса уже не терпела в своей среде колеблющихся, сомневающихся, нейтральных. Она стремилась всех захватить, привлечь, убедить, завоевать. Заводы совместно с полками посылали делегатов на фронт. Окопы связывались с рабочими и крестьянами ближайшего тыла. В прифронтовых городах происходили бесчисленные митинги, совещания, конференции, на которых солдаты и матросы согласовывали свои действия с рабочими и крестьянами: отсталая прифронтовая Белоруссия была таким образом завоевана для большевизма.

Там, где местное партийное руководство было нерешительно, выжидательно, как, например, в Киеве, Воронеже и многих других местах, массы нередко впадали в пассивность. В оправдание своей политики руководители ссылались на упадочные настроения, которые они же вызывали. Наоборот: «чем решительнее и смелее был призыв к восстанию, — пишет Поволжский, один из агитаторов Казани, — тем доверчивее и дружнее относилась солдатская масса к оратору».

Заводы и полки Петрограда и Москвы все настойчивее стучались в деревянные ворота деревни. В складчину рабочие посылали делегатов в родные им губернии. Полки постановляли призывать крестьян на поддержку большевиков. Рабочие предприятий, расположенных вне городов, совершали паломничества по окружающим деревням, разносили газеты, закладывали большевистские ячейки. Из этих обходов они приносили в зрачках глаз отблеск пожаров крестьянской войны.

Большевизм завоевывал страну. Большевики становились непреодолимой силой. За ними шел народ. Городские думы Кронштадта, Царицына, Костромы, Шуи, выбранные на основе всеобщего голосования, были в руках большевиков. 52 процента голосов по-

лучили большевики при выборе районных дум Москвы. В далеком и мирном Томске, как и в совсем не промышленной Самаре, они оказались в Думе на первом месте. Из четырех гласных Шлиссельбургского уездного земства прошло три большевика. В Лиговском уездном земстве большевики собрали 50% голосов. Не везде дело обстояло так благоприятно. Но везде оно изменялось в том же направлении: удельный вес большевистской партии быстро повышался.

Гораздо ярче большевизация масс обнаруживалась, однако, в классовых организациях. Профессиональные союзы объединяли в столице свыше полумиллиона рабочих. Те меньшевики, которые сохраняли еще в своих руках правления некоторых союзов, сами себя чувствовали пережитком вчерашнего дня. Какая бы часть пролетариата ни собралась и каковы бы ни были ее непосредственные задачи, она неизбежно приходила к большевистским выводам. И не случайно: профессиональные союзы, заводские комитеты, экономические и просветительные объединения рабочего класса, постоянные и временные, всей обстановкой вынуждались ставить по поводу каждой частной задачи один и тот же вопрос: кто хозяин в доме?

Рабочие заводов артиллерийского ведомства, созванные на конференцию для урегулирования отношений с администрацией, отвечают, как этого достигнуть: через власть советов. Это уже не голая формула, а программа хозяйственного спасения. Приближаясь к власти, рабочие все конкретнее подходят к вопросам промышленности: артиллерийская конференция создала даже особый центр для разработки методов перехода военных заводов на мирное производство.

Московская конференция фабрично-заводских комитетов признала необходимым, чтобы местный Совет, в порядке декретов, разрешал впредь все стачечные конфликты, открывал собственной властью предприятия, закрытые локаутчиками, и, путем посылки своих делегатов в Сибирь и в Донецкий бассейн, обес-

печил заводы хлебом и углем. Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов посвящает свое внимание аграрному вопросу и вырабатывает, по докладу Троцкого, манифест к крестьянам: пролетариат чувствует себя не только особым классом, но и руководителем народа.

Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, во второй половине октября, поднимает вопрос о рабочем контроле на высоту общенациональной задачи. «Рабочие больше владельцев заинтересованы в правильной и непрерывной работе предприятий». Рабочий контроль, «лежит в интересах всей страны и должен быть поддержан революционным крестьянством и революционной армией». Резолюция, открывающая дверь новому экономическому порядку, выносится представителями всех промышленных предприятий России против 5 голосов при 9 воздержавшихся. Немногие единицы воздержавшихся — это те старые меньшевики, которые уже не могут итти со своей партией, но еще не решаются открыто поднимать руку за большевистский переворот. Завтра они это сделают.

Совсем недавно созданные демократические муниципалитеты отмирают, параллельно с органами правительственной власти. Важнейшие задачи, как обеспечение городов водою, светом, топливом, продовольствием, все больше ложатся на советы и другие рабочие организации. Заводский комитет осветительной станции в Петрограде рыскал по городу и окраинам, разыскивая то уголь, то масло для турбин, и добывал то и другое через комитеты других предприятий, в борьбе с собственниками и администрацией.

Нет, власть советов не была химерой, произвольной конструкцией, изобретением партийных теоретиков. Она непреодолимо росла снизу, из распада хозяйства, бессилья имущих, нужды масс; советы на деле становились властью, — для рабочих, солдат, крестьян иного пути не оставалось. О власти советов уже

не время было мудрить и препираться: ее нужно было осуществлять.

На первом съезде советов, в июне, постановлено было собирать съезды каждые три месяца. ЦИК, однако, не только не созвал второго съезда в срок, но обнаруживал намерение вообще не созывать его, чтоб не оказаться лицом к лицу с враждебным большинством. Демократическое совещание главной своей целью имело оттеснить советы, заменив их органами «демократии». Но это оказалось не так просто. Советы не собирались уступать дорогу кому бы то ни было.

21 сентября, к концу Демократического совещания, петроградский Совет поднял голос за скорейший созыв съезда советов. В этом смысле вынесена была, по докладам Троцкого и московского гостя Бухарина, резолюция, формально исходившая из необходимости готовиться к «новой волне контр-революции». Программа обороны, пролагавшая дорогу будущему наступлению, опиралась на советы, как на единственные организации, способные к борьбе. Резолюция требовала, чтобы Советы укрепляли свои позиции в массах. Где в их руках фактическая власть, они ни в каком случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные в корниловские дни, должны оставаться наготове. «Для объединения и согласования действий всех советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопросов об организации революционной власти необходим немедленный созыв съезда советов». Так оборонительная резолюция упирается в низвержение Правительства. По этому политическому камертону пойдет отныне агитация до самого момента восстания.

Съехавшиеся на Совещание делегаты советов поставили на следующий день вопрос о съезде перед ЦИК'ом. Большевики требовали созвать съезд в двухнедельный срок и предлагали, вернее, угрожали создать для этой цели особый орган, опирающийся на петроградский и московский советы. На самом деле

они предпочитали, чтобы съезд был созван старым ЦИК'ом: это заранее устраняло споры о правомочности съезда и позволяло опрокинуть соглашателей при их собственном содействии. Полузамаскированная угроза большевиков подействовала: не рискуя пока еще рвать с советской легальностью, вожди ЦИК'а заявили, что никому не передоверят выполнения своей обязанности. Съезд был назначен на 20 октября, менее чем через месяц.

Стоило, однако, разъехаться провинциальным делегатам, как у вождей ЦИК'а сразу раскрылись глаза на то, что съезд несвоевременен, оторвет местных работников от избирательной кампании и повредит Учредительному Собранию. Действительное опасение состояло в том, что съезд явится могущественным претендентом на власть; но об этом дипломатически умалчивалось. 26 сентября Дан спешил уже внести в Бюро ЦИК, не позаботившись о необходимой подготовке, предложение об отсрочке съезда.

С элементарными принципами демократизма эти патентованные демократы церемонились меньше всего. Только что они опрокинули постановление ими же созванного Демократического совещания, отклонившее коалицию с кадетами. Теперь они обнаружили свое суверенное презрение к советам, начиная с петроградского, на плечах которого они поднялись к власти. Да и могли ли они, в самом деле, не разрывая союза с буржуазией, принимать в расчет надежды и требования десятков миллионов рабочих, солдат и крестьян, стоявших за советами?

Троцкий ответил на предложение Дана в том смысле, что съезд все равно будет созван, если не конституционным, то революционным путем. Столь покорное в общем Бюро отказалось на этот раз следовать по пути советского coup d'état. Но маленькое поражение отнюдь не заставило заговорщиков сложить оружие, наоборот, как бы подзадорило их. Дан нашел влиятельную опору в Военной секции ЦИК'а, которая решила «запросить» фронтовые организации,

созывать ли съезд, т. е. выполнять ли решение, дважды вынесенное высшим советским органом. В промежутке соглашательская печать открыла кампанию против съезда. Особенно неистовствовали эсеры. «Будет ли созван съезд или не будет, — писало «Дело Народа», — для разрешения вопроса о власти это не может иметь никакого значения... Правительство Керенского ни в коем случае не подчинится». Чему не подчинится? спрашивал Ленин. «Власти советов, — пояснял он, — власти рабочих и крестьян, которую «Дело Народа», чтобы не оставаться позади погромщиков и антисемитов, монархистов и кадетов, называет властью Троцкого и Ленина».

Крестьянский Исполнительный комитет признал, с своей стороны, созыв съезда «опасным и нежелательным». На советских верхах воцарилась злонамеренная путаница. Разъезжавшие по стране делегаты соглашательских партий мобилизовали местные организации против съезда, официально созывавшегося верховным советским органом. Официоз ЦИК'а печатал изо дня в день заказанные руководящей соглашательской кликой резолюции против съезда, исходившие сплошь от мартовских призраков, правда, носивших внушительные наименования. «Известия» хоронили советы в передовой статье, объявляя их временными бараками, которые должны быть снесены, как только Учредительное Собрание увенчает «здание нового строя».

Агитация против съезда меньше всего могла застигнуть большевиков врасплох. Уже 24-го сентября ЦК партии, не полагаясь на решение ЦИК'а, постановил поднять снизу, через местные советы и фронтовые организации, кампанию за съезд. В официальную комиссию ЦИК'а по созыву, вернее, по саботажу съезда, от большевиков делегирован был Свердлов. Под его руководством мобилизованы были местные организации партии, а через них и советы. 27-го все революционные учреждения Ревеля потребовали немедленно распустить Предпарламент и созвать для

создания власти съезд советов, причем торжественно обязались поддержать его «всеми имеющимися в крепости силами и средствами». Многие местные советы, начиная с районов Москвы, предложили изъять дело созыва съезда из рук нелойяльного ЦИК'а. Навстречу резолюциям армейских комитетов против съезда потекли требования съезда со стороны батальонов, полков, корпусов, местных гарнизонов. «Съезд советов должен взять власть, не останавливаясь ни перед чем», говорит общее собрание солдат в Кыштыме, на Урале. Солдаты Новгородской губернии призывают крестьян участвовать в съезде, не взирая на постановление крестьянского Исполнительного комитета. Губернские советы, уездные, притом самых далеких углов, заводы и рудники, полки, дредноуты, миноносцы, военные лазареты, митинги, автомобильная рота в Петрограде и перевязочные отряды в Москве, — все требуют устранения Правительства и передачи власти Советам.

Не ограничиваясь агитационной кампанией, большевики создали для себя важную организационную базу, созвав съезд советов Северной области, в составе 150 делегатов от 23 пунктов. Это был хорошо рассчитанный удар! ЦИК, под руководством своих великих мастеров на малые дела, объявил Северный съезд частным совещанием. Горсть меньшевистских делегатов не принимала участия в работах съезда, оставаясь лишь «с информационными целями». Как будто это могло хоть на иоту умалить значение съезда, на котором были представлены советы Петрограда и периферии, Москвы, Кронштадта, Гельсингфорса и Ревеля, т. е. обеих столиц, морских крепостей, Балтийского флота и окружающих Петроград гарнизонов. Открытый Антоновым съезд, которому намеренно придавалась военная окраска, прошел под председательством прапорщика Крыленко, лучшего агитатора партии на фронте, будущего большевистского Верховного главнокомандующего. В центре политического доклада Троцкого стояла попытка Правительства вывести из Петрограда революционные полки: съезд не по-

зволит «обезоружить Петроград и задушить Совет». Вопрос о петроградском гарнизоне есть элемент основной проблемы о власти. «Весь народ голосует за большевиков. Народ нам доверяет и поручает взять власть в свои руки». Предложенная Троцким резолюция гласит: «Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех советов может быть... решен вопрос о центральной власти». Этот почти незамаскированный призыв к восстанию принят всеми голосами при трех воздержавшихся.

Лашевич призывал советы сосредоточивать в своих руках, по примеру Петрограда, распоряжение местными гарнизонами. Латышский делегат Петерсон обещал на защиту Съезда советов 40 000 латышских стрелков. Восторженно встреченное заявление Петерсона меньше всего было фразой. Через несколько дней совет латышских полков провозгласил: «только народное восстание... сделает возможным переход власти в руки советов». Радиостанции военных кораблей распространили 13-го по всей стране призыв Северного съезда готовиться ко Всероссийскому съезду советов. «Солдаты, матросы, крестьяне, рабочие! Ваш долг опрокинуть все препятствия»...

Большевистским делегатам Северного съезда ЦК партии предложил не разъезжаться из Петрограда в ожидании близкого уже съезда советов. Отдельные делегаты, по поручению избранного съездом Бюро, отправились по армейским организациям и местным советам с докладами, другими словами, готовить провинцию к восстанию. ЦИК увидел рядом с собою мощный аппарат, опиравшийся на Петроград и Москву, разговаривавший со страной через радиостанции дредноутов и готовый в любой момент заменить обветшавший верховный советский орган в деле созыва съезда. Мелкие организационные уловки помочь соглашателям никак не могли.

Борьба за и против съезда дала на местах последний толчок большевизации советов. В ряде отсталых губерний, например, Смоленской, большевики, одни

или вместе с левыми эсерами, получили впервые большинство только во время кампании за съезд или при выборах делегатов. Даже на сибирском съезде советов большевикам удалось, в середине октября, создать вместе с левыми эсерами прочное большинство, которое легко наложило свою печать на все местные советы. 15-го киевский Совет, 159-ю голосами против 28 при 3-х воздержавшихся, признал будущий Съезд советов «суверенным органом власти». 16-го съезд советов Северо- Западной области в Минске, т. е. в центре Западного фронта, признал созыв съезда неотложным. 18-го петроградский Совет произвел выборы на предстоящий съезд: за большевистский список (Троцкий, Каменев, Володарский, Юренев и Лашевич) подано 443 голоса; за эсеров — 162; все это левые эсеры, тяготеющие к большевикам; за меньшевиков — 44 голоса. Заседавший под председательством Крестинского съезд уральских советов, где на 110 делегатов приходилось 80 большевиков, потребовал от имени 223 900 организованных рабочих и солдат созвать Съезд советов в назначенный срок. В тот же день, 19-го, Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, наиболее непосредственное и неоспоримое представительство пролетариата всей страны, высказалась за немедленный переход власти в руки советов. 20-го Иваново-Вознесенск объявил все советы губернии состоящими «на положении открытой и беспощадной борьбы с Временным правительством», и призвал их самостоятельно разрешать хозяйственные и административные вопросы на местах. Против резолюции, означавшей низвержение местных правительственных властей, поднялся всего один голос при одном воздержавшемся. 22-го большевистская пресса опубликовала новый список 56 организаций, требовавших перехода власти к советам: это все сплошь подлинные массы, в значительной мере — вооруженные.

Мощная перекличка отрядов будущего переворота не помешала Дану докладывать в Бюро ЦИК'а, что

из 917 существующих советских организаций только 50 ответили согласием прислать делегатов, да и то «без всякого воодушевления». Можно понять без труда, что те немногие советы, которые еще считали нужным поверять свои чувства ЦИК'у, относились к съезду без воодушевления. Однако, подавляющее большинство местных советов и воинских комитетов попросту игнорировали ЦИК.

Обнажив и скомпрометировав себя работой по срыву съезда, соглашатели не посмели, однако, довести дело до конца. Когда выяснилось с очевидностью, что избежать съезд не удастся, они совершили резкий поворот, призвав все местные организации выбирать делегатов на съезд, чтоб не дать большевикам большинства. Но, спохватившись слишком поздно, ЦИК увидел себя вынужденным за три дня до назначенного срока отложить съезд до 25 октября.

Февральский режим и с ним буржуазное общество получили, благодаря последнему маневру соглашателей, неожиданную отсрочку, из которой они ничего существенного извлечь, однако, уже не могли. Зато большевики использовали пять дополнительных дней с большим успехом. Позже это признали и враги. «Отсрочкой выступления, — рассказывает Милюков, — большевики воспользовались прежде всего для закрепления своих позиций среди петроградских рабочих и солдат. Троцкий появлялся на митингах в разных частях петроградского гарнизона. Созданное им настроение характеризуется тем, что, например, в Семеновском полку выступившим после него членам Исполнительного комитета, Скоболеву и Гоцу, не дали говорить».

Поворот Семеновского полка, имя которого было вписано в историю революции зловещими письменами, имел символическое значение: в декабре 1905 года семеновцы выполнили главную работу по разгрому восстания в Москве. Командир полка, генерал Мин, приказывал: «арестованных не иметь». На железнодорожном участке Москва—Голутвино семеновцы рас-

стреляли 150 рабочих и служащих. Обласканный за свои подвиги царем генерал Мин был осенью 1906 года убит эсеркой Коноплянниковой. Весь в сетях старых традиций, Семеновский полк держался дольше большинства других гвардейских частей. Репутация его «надежности» была так тверда, что, несмотря на плачевную неудачу Скоболева и Гоца, Правительство упорно продолжало рассчитывать на семеновцев вплоть до дня переворота и даже после того.

Вопрос о съезде советов оставался центральным политическим вопросом в течение пяти недель, отделявших Демократическое совещание от Октябрьского восстания. Уже декларация большевиков на Демократическом совещании провозглашала будущий съезд советов суверенным органом страны. «Только те решения и предложения настоящего Совещания... могут найти себе путь к осуществлению, которые встретят признание со стороны Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Резолюция за бойкот Предпарламента, поддержанная половиной членов ЦК против другой половины, гласила: «Вопрос об участии нашей партии в Предпарламенте мы ставим сейчас в прямую зависимость от тех мер, которые предпримет Всероссийский съезд советов, дабы создать революционную власть». Апеляция к съезду советов проходит через все большевистские документы этого периода, почти без исключения.

При разгорающейся крестьянской войне, обостряющемся национальном движении, углубляющейся разрухе, распадающемся фронте, расползающемся правительстве советы становятся единственным оплотом творческих сил. Всякий вопрос превращается в вопрос о власти, а проблема власти ведет к Съезду советов. Он должен будет дать ответ на все вопросы, в том числе и на вопрос об Учредительном Собрании.

Ни одна из партий не снимала еще лозунга Учредительного Собрания, в том числе и большевики. Но почти незаметно, в ходе событий революции, главный демократический лозунг, в течение полутора десятиле-

тий окрашивавший своим цветом героическую борьбу масс, побледнел, вылинял, как бы стерся между жерновами, стал пустой шелухой, голой формой без содержания, традицией, а не перспективой. В этом процессе не было ничего загадочного. Развитие революции упиралось в непосредственную схватку из-за власти между двумя основными классами общества: буржуазией и пролетариатом. Ни одной, ни другому Учредительное Собрание уж ничего дать не могло. Мелкая буржуазия города и деревни могла в этой схватке играть лишь вспомогательную и второстепенную роль. Брать в собственные руки власть она была во всяком случае неспособна: если предшествующие месяцы что-либо доказали, так именно это. Между тем в Учредительном Собрании мелкая буржуазия могла еще получить — и действительно получила впоследствии — большинство. Для чего? только для того, чтоб не знать, какое употребление из него сделать. В этом и выражалась несостоятельность формальной демократии на глубоком историческом переломе. Сила традиции сказалась в том, что даже накануне последней схватки от имени Учредительного Собрания ни один из лагерей еще не отрекался. Но фактически буржуазия апелировала от Учредительного Собрания к Корнилову, а большевики — к съезду советов.

Можно с уверенностью предположить, что довольно широкие слои народа, даже известные прослойки большевистской партии, питали в отношении Съезда советов своего рода конституционные иллюзии, т. е. связывали с ним представление об автоматическом и безболезненном переходе власти из рук коалиции в руки советов. На самом деле власть надо было отнять силой, голосованием этого сделать было нельзя: только вооруженное восстание могло разрешить вопрос.

Однако же, из всех иллюзий, которые, в виде неизбежной примеси, сопровождают всякое великое народное движение, даже самое реалистическое, иллюзия

советского «парламентаризма» была, по всей совокупности условий, наименее опасна. Советы на деле боролись за власть, все больше опирались на военную силу, становились властью на местах, брали с бою свой собственный съезд. Для конституционных иллюзий оставалось не так уж много места, да и оно размывалось в процессе борьбы.

Координируя революционные усилия рабочих и солдат всей страны, давая им единство цели и намечая единство срока, лозунг съезда советов прикрывал в то же время полуконспиративную, полуоткрытую подготовку восстания постоянной апеляцией к легальному представительству рабочих, солдат и крестьян. Облегчая собирание сил для переворота, Съезд советов должен был затем санкционировать его результаты и сформировать новую власть, бесспорную для народа.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Несмотря на начавшийся в конце июля перелом, в обновленном петроградском гарнизоне в течение августа все еще господствовали эсеры и меньшевики. Некоторые воинские части оставались заражены острым недоверием к большевикам. Пролетариат не имел оружия: в руках Красной гвардии сохранялось всего несколько тысяч винтовок. Восстание в этих условиях могло бы закончиться жестоким поражением, несмотря на то, что массы снова притекали к большевикам.

Положение непрерывно изменялось в течение сентября. После мятежа генералов соглашатели быстро теряли опору в гарнизоне. Недоверие к большевикам сменялось сочувствием, в худшем случае — выжидательным нейтралитетом. Но сочувствие не было активным. Гарнизон оставался политически крайне рыхлым и, по мужицки, подозрительным: не обманут ли и большевики? дадут ли на самом деле мир и землю? Бороться за эти задачи под знаменем большевиков большинство солдат еще не собиралось. А так как в составе гарнизона сохранялось почти совершенно нерастворимое меньшинство, враждебное большевикам (5—6 тысяч юнкеров, три казачьих полка, батальон самокатчиков, броневой дивизион), то исход столкновения представлялся и в сентябре сомнительным. Чтоб помочь делу, ход развития принес еще один предметный урок, в котором судьба петроградских солдат ока-

лась неразрывно связана с судьбой революции и большевиков.

Право распоряжения отрядами вооруженных людей есть основное право государственной власти. Первое Временное правительство, навязанное народу Исполнительным комитетом, обязалось не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в февральском перевороте. Таково формальное начало военного дуализма, неотделимого по существу от двоевластия. Крупные политические потрясения следующих месяцев — апрельская демонстрация, июльские дни, подготовка корниловского восстания и его ликвидация, — неизбежно упирались каждый раз в вопрос о подчиненности петроградского гарнизона. Но конфликты на этой почве между Правительством и соглашателями имели, в конце концов, семейный характер и кончались полюбовно. С большевизацией гарнизона дело приняло иной оборот. Теперь уже сами солдаты напомнили об обязательстве, данном в марте Правительством ЦИК'у и вероломно нарушавшемся обоими. 8-го сентября Солдатская секция Совета выдвигает требование возвращения в Петроград полков, выведенных на фронт в связи с июльскими событиями. Между тем участники коалиции ломали себе голову над тем, как вывести вон остальные полки.

В ряде провинциальных городов дело обстояло примерно так же, как и в столице. В течение июля и августа местные гарнизоны претерпели патриотическое обновление; в течение августа и сентября обновленные гарнизоны подверглись большевизации. Надо было начинать сначала, т. е. опять перетасовывать и обновлять их. Подготовляя удар по Петрограду, Правительство начало с провинции. Политические мотивы тщательно прятались под стратегическими. 27-го сентября объединенное собрание советов Ревеля, города и крепости, по вопросу о выводе частей постановило: признать возможной перегруппировку войск при предварительном на то согласии со-

ответствующих советов. Руководители владимирского Совета запрашивали Москву, подчиняться ли распоряжению Керенского о выводе всего гарнизона. Московское Областное бюро большевиков констатировало, что «такого рода распоряжения становятся систематическими по отношению к революционно настроенным гарнизонам». Прежде чем сдать все свои права, Временное правительство пыталось овладеть основным правом всякого правительства — распоряжаться вооруженными отрядами людей.

Расформирование петроградского гарнизона становилось тем более неотложным, что близящийся съезд советов должен был так или иначе довести борьбу за власть до развязки. Руководимая кадетской «Речью» буржуазная пресса твердила изо дня в день, что нельзя предоставлять большевикам возможность «выбрать момент для объявления гражданской войны». Это значило: заблаговременно самим ударить по большевикам. Попытка предварительного изменения соотношения сил в гарнизоне вытекала отсюда неотвратимо. Аргументы стратегического порядка выглядели достаточно внушительно после падения Риги и потери Монзундских островов. Штаб округа разослал приказы о переформировании петроградских частей для выступления на фронт. Одновременно вопрос был, по инициативе соглашателей, внесен в Солдатскую секцию. План противников был не плох: предъявив Совету стратегический ультиматум, вырвать у большевиков одним ударом военную опору из-под ног, либо же, в случае сопротивления Совета, вызвать острый конфликт между петроградским гарнизоном и фронтом, нуждающимся в пополнениях и в смене.

Руководители Совета, отдававшие себе достаточный отчет в подставленной им западне, намеревались хорошо прощупать почву прежде, чем сделать бесповоротный шаг. Отказаться от выполнения приказа можно было только при уверенности, что мотивы отказа будут правильно поняты фронтом. В противном слу-

чае могло оказаться более выгодным произвести, по соглашению с окопами, замену частей гарнизона революционными фронтовыми частями, нуждающимися в отдыхе. В таком именно духе, как указано выше, успел уже высказаться ревельский Совет.

Солдаты подходили к вопросу более прямолинейно. Выступать на фронт теперь, глубокой осенью, мириться с новой зимней кампанией, — нет, эта мысль совершенно не укладывалась в их головах. Патриотическая печать сейчас же взяла гарнизон под обстрел: разжиревшие от безделья петроградские полки снова предают фронт. Рабочие вступились за солдат. Путиловцы первыми протестовали против вывода полков. Вопрос не сходил более с порядка дня не только в казармах, но и в заводах. Это теснее сблизило две секции Совета. Полки стали особенно дружно поддерживать требование вооружения рабочих.

Пытаясь разогреть патриотизм масс угрозой потери Петрограда, соглашатели внесли 9-го октября в Совет предложение создать «Комитет революционной обороны», который имел бы своей задачей участвовать в защите столицы, при активном содействии рабочих. Отказываясь брать на себя ответственность «за так называемую стратегию Временного правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда», Совет, однако, не спешил высказаться по существу приказа, а постановил проверить его мотивы и основания. Меньшевики пытались протестовать: недопустимо вмешиваться в оперативные распоряжения командования. Но всего лишь полтора месяца тому назад они то же самое говорили о заговорщических приказах Корнилова, — и им об этом напомнили. Чтоб проверить, диктуется ли вывод полков военными или политическими соображениями, оказался нужен компетентный орган. К величайшему удивлению соглашателей, большевики приняли идею «Комитета обороны»: именно он должен будет сосредоточить в своих руках все данные, относящиеся к защите столицы. Это был важный шаг. Вырывая опасное орудие из рук про-

тивника, Совет оставлял за собой возможность, в зависимости от обстоятельств, повернуть решение о выводе частей в ту или другую сторону, но во всяком случае против Правительства и соглашателей.

Большевики тем естественнее ухватились за меньшевистский проект Военного комитета, что в их собственных рядах не раз уже перед тем велись беседы о необходимости своевременно выдвинуть авторитетный советский орган для руководства будущим переворотом. В Военной организации партии разрабатывался даже соответствующий проект. Трудность, с которой не умели до сих пор справиться, состояла в сочетании органа восстания с выборным и открыто действующим Советом, в состав которого входили к тому же представители враждебных партий. Патриотическая инициатива меньшевиков пришла как нельзя более кстати, чтоб облегчить создание революционного штаба, переименованного вскоре в Военно-революционный комитет и ставшего главным рычагом переворота.

Два года спустя после изображенных событий автор этой книги в статье, посвященной октябрьскому перевороту, писал: «Как только приказ о выводе частей был из штаба округа передан Исполнительному комитету петроградского Совета... стало ясно, что этот вопрос в дальнейшем своем развитии может получить решающее политическое значение». Идея восстания сразу начала приобретать плоть. Изобретать советский орган более не приходилось. Действительное назначение будущего Комитета недвусмысленно подчеркивалось тем фактом, что доклад о выходе большевиков из Предпарламента Троцкий закончил в том же заседании возгласом: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!» Это был перевод на язык советской легальности лозунга: «да здравствует вооруженное восстание!»

Как раз на следующий день, 10-го, Центральный комитет большевиков принял на тайном заседании резолюцию Ленина, ставившую вооруженное восстание, как практическую задачу ближайших дней. Партия

получала отныне ясную и императивную боевую установку. Комитет обороны включался в перспективу непосредственной борьбы за власть.

Правительство и его союзники окружали гарнизон концентрическими кругами. 11-го командующий Северным фронтом генерал Черемисов донес военному министру о требовании армейских комитетов заменить уставшие фронтовые части питерскими тыловиками. Штаб фронта являлся в этом случае лишь передаточной инстанцией между армейскими соглашателями и их петроградскими вождями, стремившимися создать более широкое прикрытие для планов Керенского. Печать коалиции сопровождала операцию окружения симфонией патриотического бешенства. Ежедневные собрания полков и заводов показывали, однако, что музыка правящих не производит на низы ни малейшего впечатления. 12-го общее собрание рабочих одного из самых революционных заводов столицы (Старый Парвиайнен) ответило на травлю буржуазной печати: «Мы твердо заявляем, что выйдем на улицу тогда, когда найдем это необходимым. Нас не пугает предстоящая близкая борьба, и мы твердо верим, что выйдем из нее победителями».

Создавая комиссию для выработки положения о «Комитете обороны», Исполнительный комитет петроградского Совета наметил для будущего военного органа такие задачи: войти в связь с Северным фронтом и со штабом Петроградского округа, с Центробалтом и Областным советом Финляндии для выяснения военной обстановки и необходимых мер; произвести учет личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, также предметов боевого снаряжения и продовольствия; принять меры поддержания в солдатских и рабочих массах дисциплины. Формулировки были всеобъемлющи и в то же время двусмысленны: почти все они стояли на грани между обороной столицы и вооруженным восстанием. Однако, эти две задачи, исключавшие до сих пор друг друга, теперь и на деле сближались: взяв в свои руки власть, Совет

должен будет взять на себя и военную защиту Петрограда. Элемент оборонческой маскировки не был насильственно привнесен извне, а вытекал до известной степени из условий кануна восстания.

В целях той же маскировки во главе комиссии по выработке положения о Комитете поставлен был не большевик, а эсер, молодой и скромный интендантский чиновник Лазимир, один из тех левых эсеров, которые уже до восстания полностью шли с большевиками, не всегда, правда, предвидя, куда это их приведет. Первоначальный проект Лазимира был отредактирован Троцким в двух направлениях: практические задачи по овладению гарнизоном были уточнены, общая революционная цель еще более затушевана. Одобренный Исполнительным комитетом, при протестах двух меньшевиков, проект включал в состав Военно-революционного комитета президиумы Совета и Солдатской секции, представителей флота, Областного комитета Финляндии, железнодорожного союза, заводских комитетов, профессиональных союзов, партийных военных организаций, Красной гвардии пр. Организационный фундамент был тот же, что и во многих других случаях. Но личный состав Комитета предопределялся его новыми задачами. Предполагалось, что организации пошлют представителей, знакомых с военным делом или близко стоящих к гарнизону. Функция должна обусловить характер органа.

Не менее важно было другое новообразование: при Военно-революционном комитете создавалось постоянное Гарнизонное совещание. Солдатская секция представляла гарнизон политически: депутаты выбирались под партийными знаменами. Гарнизонное же совещание должно было состоять из полковых комитетов, которые, руководя повседневной жизнью своих частей, являлись «цеховым», практическим, наиболее непосредственным их представительством. Аналогия между полковыми комитетами и заводскими напрашивается сама собою. Через посредство Рабочей секции Совета большевики могли уверенно опираться в больших по-

литических вопросах на рабочих. Но чтобы стать хозяевами на заводах, необходимо было вести за собой завкомы. Состав Солдатской секции обеспечивал большевикам политическое сочувствие большинства гарнизона. Но чтоб практически распоряжаться воинскими частями, нужно было непосредственно опереться на полковые комитеты. Этим объясняется, почему в период, предшествовавший восстанию, Гарнизонное совещание выдвинулось на передний план, естественно оттеснив Солдатскую секцию. Наиболее видные делегаты Секции входили, впрочем, и в Совещание.

В написанной незадолго до этих дней статье «Кризис назрел» Ленин укоризненно спрашивал: «Что сделала партия для изучения расположения войск и прочее. . . ?» Несмотря на самоотверженную работу Военной организации, упрек Ленина был справедлив. Чисто штабное изучение военных сил и средств давалось партии с трудом: не хватало навыков, не находилось подхода. Положение сразу изменилось с момента, когда на сцену выступило Гарнизонное совещание: отныне перед глазами руководителей проходила изо дня в день живая панорама гарнизона, не только столицы, но и ближайшего к ней военного кольца.

12-го Исполнительный комитет рассматривал положение, выработанное комиссией Лазимира. Несмотря на закрытый характер заседания, прения имели в значительной мере иносказательный характер: «тут говорилось одно, а разумелось другое», не без основания пишет Суханов. Положение намечало при Комитете отделы обороны, снабжения, связи, информации и пр.: это был штаб или контр-штаб. Целью Совещания провозглашалось поднятие боеспособности гарнизона. В этом не было неправды. Но боеспособность могла иметь разное применение. Меньшевики с бессильным возмущением убеждались, что выдвинутая ими в патриотических целях мысль превращается в прикрытие подготовляемого восстания. Маскировка меньше всего была непроницаемой: все понимали, о чем идет речь; но в то же время она оставалась не-

преодолимой: ведь совершенно так же поступали раньше сами соглашатели, группируя вокруг себя в критические моменты гарнизон и создавая властные органы параллельно с органами государства. Большевики как будто лишь следовали традициям двоевластия. Но в старые формы они вносили новое содержание. То, что служило раньше для соглашения, теперь вело к гражданской войне. Меньшевики потребовали занести в протокол, что они против всего предприятия в целом. Эта платоническая просьба была уважена.

На другой день в Солдатской секции, которая еще совсем недавно составляла гвардию соглашателей, обсуждался вопрос о Военно-революционном комитете и Гарнизонном совещании. Главное место в этом знаменательнейшем заседании занял по праву председатель Центробалта, матрос Дыбенко, чернобородый гигант, не привыкший лезть за словом в карман. Речь гельсингфорсского гостя ворвалась свежей и острой морской струей в застоявшуюся атмосферу гарнизона. Дыбенко рассказывал об окончательном разрыве флота с Правительством и о новых отношениях с командованием. Перед началом последних морских операций адмирал обратился с запросом к заседавшему в те дни съезду моряков: будут ли исполняться боевые приказы? «Мы ответили: будут — при контроле с нашей стороны. Но... если увидим, что флоту грозит гибель, то командующий первым будет повешен на мачте». Для петроградского гарнизона это был новый язык. Он и во флоте вошел в употребление только в самые последние дни. Это был язык восстания. Кучка меньшевиков растерянно ворчала в углу. Президиум не без тревоги поглядывал на компактную массу серых шинелей. Ни одного голоса протеста из их рядов! Глаза горят на возбужденных лицах. Дух дерзновения веет над собранием.

В заключение разогретый общим сочувствием Дыбенко уверенно заявил: «говорят о необходимости вывести петроградский гарнизон для защиты подступов к Петрограду и, в частности, Ревеля. Не верьте.

Ревель мы защитим сами. Оставайтесь здесь и защищайте интересы революции... Когда нам понадобится ваша поддержка, мы скажем вам сами, и я уверен, что вы нас поддержите». Этот призыв, как нельзя лучше укладывавшийся в головы солдат, вызвал вихрь подлинного энтузиазма, в котором бесследно потонули протесты отдельных меньшевиков. Вопрос о выводе полков можно было отныне считать решенным.

Доложенный Лазимиром проект положения был принят большинством 283 голосов против одного при 23 воздержавшихся. Эти цифры, неожиданные для самих большевиков, измеряли силу революционного напора масс. Голосование означало, что Солдатская секция открыто и официально передает управление гарнизоном из рук правительственного штаба в руки Военно-революционного комитета. Близкое будущее покажет, что это не простая демонстрация.

В этот же день Исполнительный комитет петроградского Совета опубликовал извещение о созданном при нем особом отделе Красной гвардии. Находившееся при соглашателях в загоне и даже под преследованием дело вооружения рабочих стало одной из важнейших задач большевистского Совета. Подозрительное отношение солдат к Красной гвардии осталось далеко позади. Наоборот, почти во всех резолюциях полков выдвигается требование вооружения рабочих. Красная гвардия и гарнизон становятся отныне рядом. Вскоре они будут еще теснее связаны общим подчинением Военно-революционному комитету.

Правительство обеспокоилось. Утром 14-го у Керенского состоялось совещание министров, на котором были одобрены предпринимаемые штабом меры против готовящегося «выступления». Властители гадали: ограничится ли на этот раз дело вооруженной демонстрацией или же дойдет до восстания? Командующий округом говорил представителям печати: «во всяком случае, мы готовы». Обреченные нередко испытывают прилив сил накануне своей гибели.

На объединенном заседании Исполнительных ко-

митетов Дан, подражая июньским интонациям скрывшегося на Кавказ Церетели, требовал от большевиков ответа на вопрос: думают ли они выступать и, если думают, то когда? Из ответа Рязанова меньшевик Богданов сделал не лишенный основания вывод, что большевики готовят восстание и будут во главе восставших. Газета меньшевиков писала: «на невыводе гарнизона и опираются, повидимому, расчеты большевиков при предстоящем захвате власти». Но захват власти брался при этом в кавычки: соглашатели еще не верили опасности всерьез. Они боялись не столько победы большевиков, сколько торжества контрреволюции в результате новых схваток гражданской войны.

Взяв в свои руки вооружение рабочих, Совет должен был проложить себе дорогу к оружию. Это произошло не сразу. Каждый практический шаг вперед и здесь подсказывался массой. Нужно было только внимательно относиться к ее предложениям. Через четыре года после событий Троцкий рассказывал на вечере воспоминаний, посвященном Октябрьской революции: «Когда прибыла делегация от рабочих и сказала, что нам нужно оружие, я говорю: «но ведь арсенал не в наших руках». Они отвечают: «Мы были на Сестрорецком оружейном заводе». — «Ну, и что же?» — «Там сказали: если Совет прикажет, мы дадим». Я дал ордер на 5000 винтовок, и они получили их в тот же день. Это был первый опыт.» Враждебная пресса немедленно завопила о выдаче государственным заводом оружия по ордеру лица, состоявшего под обвинением в государственной измене и выпущенного под залог из тюрьмы. Правительство смолчало. Но выступил на сцену верховный орган демократии со строгим приказом: никому не выдавать оружия без его, ЦИК'а, разрешения. Казалось бы, в вопросе о выдаче оружия Дан или Гоц так же мало могли запрещать, как и Троцкий — разрешать или приказывать: заводы и арсеналы числились в ведении Правительства. Но пренебрежение официальными

властями во все серьезные моменты составляло традицию ЦИК'а и прочно вошло в привычку самого Правительства, ибо отвечало природе вещей. Нарушение традиций и привычек пришло, однако, с другого конца: перестав отделять громы ЦИК'а от молний Керенского, рабочие и солдаты игнорировали и те и другие.

Требовать вывода петроградских полков было удобнее от имени фронта, чем от имени тыловых канцелярий. Из этих соображений Керенский подчинил петроградский гарнизон Главнокомандующему Северным фронтом Черемисову. Изымая столицу в военном отношении из собственного ведения, как главы Правительства, Керенский тешил себя мыслью, что подчиняет ее себе, как Верховному главнокомандующему. В свою очередь, генерал Черемисов, которому предстояло раскусить крепкий орех, искал помощи у комиссаров и комитетчиков. Общими силами выработан был план ближайших действий. На 17-ое штаб фронта совместно с армейскими организациями вызывал в Псков представителей петроградского Совета, чтоб, пред лицом окопов, предъявить им свое требование в упор.

Петроградскому Совету не оставалось ничего другого, как принять вызов. Созданную на заседании 16-го делегацию в несколько десятков человек, примерно, пополам из членов Совета и представителей полков, возглавляли: председатель Рабочей секции Федоров и руководители Солдатской секции и Военной организации большевиков, Лашевич, Садовский, Мехоношин, Дашкевич и другие. Несколько включенных в делегацию левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов обязались отстаивать в Пскове политику Совета. На совещании делегации перед отъездом принят был проект заявления, предложенный Свердловым.

В том же заседании Совета обсуждалось положение о Военно-революционном комитете. Еще не успев возникнуть, это учреждение со дня на день принимало

в глазах противников все более ненавистный облик. «Большевики не дают ответа, — восклицал оратор оппозиции, — на прямой вопрос: готовят ли они выступление? Это трусость или неуверенность в своих силах». В собрании раздается дружный смех: представитель правительственной партии требует, чтоб партия восстания раскрыла ему свое сердце. Новый Комитет, продолжает оратор, это ни что иное, как «революционный штаб для захвата власти». Они, меньшевики, туда не войдут. «Сколько вас»? кричат с мест. В Совете меньшевиков, правда, немного, всего 50 человек, но зато им доподлинно известно, что «массы не сочувствуют выступлению». В своей реплике Троцкий не отрицает того, что большевики готовятся к захвату власти: «мы из этого не делаем тайны». Но сейчас вопрос не об этом. Правительство предъявило требование вывода революционных войск из Петрограда, — «и мы должны сказать: да или нет». Проект Лазимира принимается сокрушительным большинством голосов. Председатель предлагает Военно-революционному комитету на следующий же день приступить к работе. Так сделан еще шаг вперед.

Командующий округом Полковников снова докладывал в этот день Правительству о готовящемся выступлении большевиков. Доклад был выдержан в бодрых тонах: гарнизон в общем на стороне Правительства, юнкерские школы получили приказ быть готовыми. В воззвании к населению Полковников обещал, в случае надобности, принимать «самые крайние меры». Городской голова, эсер Шрейдер, умолял, с своей стороны, «не устраивать беспорядков во избежание верного голода в столице». Угрожая и заклиная, храбрясь и пугаясь, печать брала все более высокие ноты.

Для воздействия на воображение делегации петроградского Совета в Пскове подготовлена была военно-театральная обстановка приема. В помещении штаба, вокруг столов, покрытых внушительными кар-

тами, разместились господа генералы, высокие комиссары, во главе с Войтинским, и представители армейских комитетов. Начальники отделов штаба выступали с докладами о военном положении на суше и на море. Заключения докладчиков сходились в одной точке: необходимо немедленно вывести петроградский гарнизон для защиты подступов к столице. Комиссары и комитетчики с негодованием отвергали заподазривания насчет закулисных политических мотивов: вся операция продиктована стратегической необходимостью. Прямых доказательств противного у делегатов не было: в подобного рода делах улики не валяются на улице. Но вся обстановка опровергала доводы от стратегии. Не в людях испытывал фронт недостаток, а в готовности людей воевать. Настроения петроградского гарнизона были совсем не таковы, чтоб упрочить расшатанный фронт. К тому же уроки корниловских дней были еще в памяти у всех. Насквозь убежденная в своей правоте делегация легко противостояла натиску штаба и вернулась в Петроград более единодушной, чем выехала.

Те прямые улики, которых не хватало участникам, имеются отныне в распоряжении историка. Секретная военная переписка свидетельствует, что не фронт требовал петроградских полков, а Керенский навязывал их фронту. На телеграмму военного министра главнокомандующий Северного фронта отвечал по проводу: «Секретно. 17. X. Инициатива присылки войск петроградского гарнизона на фронт шла от вас, а не от меня... Когда выяснилось, что части петроградского гарнизона не желают итти на фронт, т. е. что они не боеспособны, то я в частном разговоре с вашим представителем — офицером сказал, что... таких частей у нас уже достаточно на фронте; но в виду выражаемого вами желания отправить их на фронт, я не отказывался от них и не отказываюсь от них теперь, если вы по прежнему признаете вывод их из Петрограда необходимым». Полуполемический характер телеграммы объясняется тем, что Черемисов, ге-

нерал, склонный к высшей политике, считавшийся в царской армии «красным» и ставший позже, по выражению Милюкова, «фаворитом революционной демократии», успел, видимо, притти к заключению, что лучше заблаговременно отгородиться от Правительства в его конфликте с большевиками. Поведение Черемисова в дни переворота полностью подтверждает это объяснение.

Борьба из-за гарнизона переплеталась с борьбой из-за съезда советов. До намеченного первоначального срока оставалось четыре-пять дней. «Выступление» ожидалось в связи со съездом. Предполагалось, что, как и в июльские дни, движение должно развернуться по типу вооруженной массовой демонстрации с уличными боями. Правый меньшевик Потресов, опираясь, очевидно, на данные контр-разведки или французской военной миссии, смело фабриковавшей фальшивые документы, излагал в буржуазной печати план большевистского выступления, которое должно было совершиться в ночь на 17 октября. Находчивые авторы плана не забыли предусмотреть, что у одной из застав большевики захватят с собою «темные элементы». Солдаты гвардейских полков умеют смеяться не хуже богов Гомера. Белые колонны и люстры Смольного содрогались от залпов хохота при оглашении статьи Потресова на заседании Совета. Но мудрое Правительство, которое умело не видеть того, что происходило на его глазах, серьезно испугалось нелепой фальшивки и спешно собралось в 2 часа ночи для отпора «темным элементам». После новых совещаний Керенского с военными властями нужные меры были приняты: усилена охрана Зимнего дворца и Государственного банка; вызваны две школы прапорщиков из Ораниенбаума и даже бронированный поезд с Румынского фронта. «В последнюю минуту большевики, — по словам Милюкова, — отменили свои приготовления. Почему они это сделали — неясно». Через несколько лет после событий ученый историк все еще предпочи-

тал верить вымыслу, который в самом себе нес свое опровержение.

Власти поручили милиции обследовать окраины города, чтоб напасть на следы подготовки к выступлению. Доклады милиции представляют сочетание живых наблюдений с полицейским тупоумием. В Александро-Невской части, где расположен ряд крупнейших заводов, обследователи наблюдали полное спокойствие. В Выборгском районе необходимость свержения Правительства проповедывалась открыто, но «наружно» было спокойно. В Васильеостровском районе настроение приподнятое, но и здесь — внешних признаков близкого выступления не наблюдалось». На Нарвской стороне велась усиленная агитация в пользу выступления; но ни от кого нельзя было добиться ответа на вопрос, когда именно: либо день и час держится в строжайшем секрете, либо же он действительно никому неизвестен. Решено: усилить на окраинах патрули, милицейским комиссарам почаще проверять посты.

Корреспонденция в московской либеральной газете недурно дополняет отчет милиции: «На окраинах, на петроградских заводах, Невском, Обуховском и Путиловском, большевистская агитация за выступление идет во всю. Настроение рабочих таково, что они готовы двинуться в любой момент. За последние дни в Петрограде наблюдается небывалый наплыв дезертиров... На Варшавском вокзале не пройти от солдат подозрительного вида с горящими глазами и возбужденными лицами... Имеются сведения о прибытии в Петроград целых воровских шаек, чувствующих наживу. Организуются темные силы, которыми переполнены чайные и притоны...» Обывательские страхи и полицейские россказни переплетаются здесь с суровой действительностью. Приближаясь к развязке, революционный кризис разворачивал общественные глубины до самого дна. И дезертиры, и воровские шайки, и притоны действительно поднялись на гул приближающегося землетрясения. Верхи общества с физическим ужа-

сом глядели на разнузданные силы своего режима, на его пороки и язвы. Революция не создала их, а только обнажила.

В эти дни в Двинске, в штабе корпуса уже знакомый нам барон Будберг, желчный реакционер, не лишенный наблюдательности и своеобразной проницательности, писал: «Кадеты, кадетоиды, октябристы и разномастные революционеры старых и мартовских формаций чуют приближение своего конца и верещат во всю, напоминая мусульман, пытающихся трещотками предотвратить затмение луны».

18-го впервые созывалось Гарнизонное совещание. Телефонограмма по воинским частям призывала воздерживаться от самочинных выступлений и выполнять лишь те распоряжения штаба, которые будут скреплены Солдатской секцией. Совет делал таким образом решительную попытку открыто взять контроль над гарнизоном в свои руки. Телефонограмма представляла собою в сущности ни что иное, как призыв к низложению существующих властей. Но ее можно было, при желании, истолковывать, как мирный акт замещения соглашателей большевиками в механике двоевластия. Практически это сводилось к тому же, но более гибкое толкование оставляло место для иллюзий. Президиум ЦИК'а, считавший себя хозяином Смольного, сделал попытку приостановить рассылку телефонограммы. Этим он только лишний раз скомпрометировал себя. Собрание представителей полковых и ротных комитетов Петрограда и окрестностей состоялось в назначенный час и оказалось чрезвычайно многолюдным.

Благодаря атмосфере, созданной противниками, доклады участников Гарнизонного совещания сами собою сосредоточились на вопросе о предстоящем «выступлении». Произошла знаменательная перекличка, на которую руководители вряд-ли отважились бы по собственной инициативе. Против выступления высказываются: школа прапорщиков в Петергофе и 9-й кавалерийский полк. Маршевые эскадроны гвардейской кавалерии склоняются к нейтралитету. Школа прапорщиков в

Ораниенбауме подчинится лишь распоряжению ЦИК'а. Но этим и ограничиваются враждебные или нейтральные голоса. О готовности выступить по первому призыву петроградского Совета свидетельствуют: Егерский, Московский, Волынский, Павловский, Кексгольмский, Семеновский, Измайловский, 1-й Стрелковый и 3-й Запасный полки, 2-й Балтийский экипаж, электротехнический батальон, артиллерийский дивизион гвардии. Гренадерский полк выступит лишь по призыву Съезда советов: этого достаточно. Менее значительные части равняются по большинству. Представителям ЦИК'а, который считал недавно, и не без основания, источником своей силы петроградский гарнизон, было на этот раз чуть не единогласно отказано в слове. В состоянии бессильного раздражения они покинули «неправомочное» собрание, которое, по предложению председателя, тут же подтвердило: никакие приказы без скрепы Совета не действительны.

То, что подготовлялось в сознании гарнизона в течение последних месяцев, особенно недель, теперь кристаллизовалось. Правительство оказалось ничтожнее, чем можно было думать. В то время, как город гудел слухами о выступлении и кровавых боях, Совещание полковых комитетов, обнаружившее подавляющий перевес большевиков, сделало по сути дела ненужными ни демонстрации, ни массовые бои. Гарнизон уверенно шел к перевороту, воспринимая его не как восстание, а как осуществление бесспорного права Советов распоряжаться судьбою страны. В этом движении была непреодолимая сила, но в то же время и тяжеловесность. Партии необходимо было умело сообразовать свои действия с политическим шагом полков, из которых большинство ждало призыва со стороны Совета, а некоторые — со стороны Съезда советов.

Чтоб устранить опасность хотя бы временного замешательства в развитии наступления, необходимо было ответить на вопрос, волнующий не только врагов, но и друзей: действительно ли не сегодня — завтра разразится восстание? В трамваях, на улице, в магазинах

только и речи, что о предстоящем выступлении. На Дворцовой площади, перед Зимним и перед штабом — длинные очереди офицеров, предлагающих Правительству свои услуги и получающих в обмен за это револьверы: в минуту опасности ни револьверы, ни их владельцы совершенно не обнаружатся. Вопросу о восстании посвящены передовые статьи всех сегодняшних газет. Горький требует от большевиков, если только они не являются «безвольной игрушкой одичавшей толпы», опровергнуть слухи. Тревога неизвестности проникла и в рабочие кварталы, особенно в полки. Там начинало казаться, что готовится выступление без них. Кем? Почему молчит Смольный? Противоречивое положение Совета, как открытого парламента и как революционного штаба, создавало на последнем перевале большие затруднения. Молчать дольше становилось невозможным.

«Последние дни, — говорит Троцкий в конце вечернего заседания Совета, — печать полна сообщений, слухов, статей относительно предстоящего выступления... Решения петроградского Совета публикуются во всеобщее сведение. Совет — учреждение выборное и... не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам... Я заявляю от имени Совета: никаких вооруженных выступлений нами не было назначено. Но еслибы Совет по ходу вещей был вынужден назначить выступление, рабочие и солдаты выступили бы, как один человек, по его зову... Указывают, что я подписал ордер на 5000 винтовок... Да, подписал... Совет будет и впредь организовывать и вооружать рабочую гвардию». Делегаты понимали: сражение близко, но без них и помимо них не будет дано сигнала.

Однако, помимо успокоительного разъяснения, массам необходима ясная революционная перспектива. Докладчик связывает воедино два вопроса: вывод гарнизона и предстоящий съезд советов. «У нас с Правительством имеется конфликт, который может получить крайне острый характер... Мы не позволяем... обна-

жить Петроград от его революционного гарнизона». Этот конфликт подчинен, в свою очередь, другому надвигающемуся конфликту. «Буржуазии известно, что петроградский Совет предложит съезду советов взять власть в свои руки... И вот, в предвиденьи неизбежного боя, буржуазные классы пытаются обезоружить Петроград». Политическая завязка переворота впервые дана была в этой речи с полной определенностью: мы собираемся взять власть, нам нужен гарнизон, мы его не отдадим. «При первой попытке контр-революции сорвать съезд мы ответим контр-наступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Провозглашение решительного политического наступления завершается и на этот раз формулой военной обороны.

Суханов, явившийся на заседание с безнадежным проектом привлечь Совет к чествованию юбилея Горького, недурно комментировал впоследствии завязанный в этот день революционный узел. Для Смольного вопрос о гарнизоне есть вопрос о восстании. Для солдат это вопрос об их судьбе. «Трудно представить себе более удачный исходный пункт политики этих дней». Это не мешает Суханову считать гибельной политику большевиков в целом. Вместе с Горьким и тысячами радикальных интеллигентов он больше всего страшится той будто бы «одичавшей толпы», которая с замечательной планомерностью развивает изо дня в день свое наступление.

Совет достаточно могуч, чтоб открыто провозгласить программу государственного переворота и даже наметить для него срок. В то же время — вплоть до намеченного им самим дня полной победы — Совет бессилен в тысяче больших и малых вопросов. Керенский, политически уже сведенный к нулю, еще издает декреты в Зимнем дворце. Ленин, вдохновитель несокрушимого движения масс, скрывается в подполье, и министр юстиции Малянтович снова предписал в эти дни прокурору распорядиться об его аресте. Даже в Смольном, на собственной своей территории, все-

сильный петроградский Совет живет, казалось, только из милости. Управление зданием, кассой, экспедицией, автомобилями, телефонами все еще находится в руках Центрального исполнительного комитета, который сам держится лишь на тоненьких нитях преемственности.

Суханов рассказывает, как после заседания, глубокой ночью, он вышел в сквер Смольного, в кромешную тьму с проливным дождем. Целая толпа делегатов безнадежно топталась у пары дымящих и чадящих автомобилей, которые большевистскому Совету отпускались из богатых гаражей ЦИК'а. К автомобилям, — повествует вездесущий наблюдатель, — «подошел было и председатель Троцкий. Но, постояв и посмотрев минуту, усмехнулся, потом зашлепал по лужам и скрылся во тьме». На площадке трамвая Суханов столкнулся с каким-то небольшим человеком скромного вида с черной бородкой клинушком. Незнакомец пытался утешить Суханова в невзгодах долгого пути. Кто это? спросил Суханов свою спутницу, большевичку. «Старый партийный работник Свердлов». Меньше чем через две недели этот маленький человек с черной бородкой будет председателем Центрального исполнительного комитета, верховного органа Советской республики. Повидимому, Свердлов утешал спутника из чувства признательности: 8 дней перед тем на квартире Суханова, правда, без его ведома, произошло то заседание Центрального комитета большевиков, которое поставило в порядок дня вооруженный переворот.

На следующее утро ЦИК делает попытку повернуть колесо событий назад. Президиум созывает «законное» собрание гарнизона, привлекая на него и те отсталые, давно не переизбиравшиеся комитеты, которые не присутствовали накануне. Дополнительная проверка гарнизона, дав кое-что новое, тем ярче подтвердила вчерашнюю картину. Против выступления на этот раз высказались: большинство комитетов частей, расположенных в Петропавловской крепости, и коми-

теты броневого дивизиона: те и другие заявили о подчинении ЦИК'у. Этого никак нельзя игнорировать.

Расположенная на островке, омываемом Невой с ее каналом, между центральным городом и двумя районами, крепость господствует над ближайшими мостами и прикрывает или, наоборот, оголяет со стороны реки подступы к Зимнему дворцу, где помещается Правительство. Лишенная военного значения в операциях крупного масштаба, крепость может сказать весское слово в уличной войне. Кроме того, и это, пожалуй, важнее всего, при крепости состоит богатый Кронверкский арсенал: рабочим нужны винтовки, да и наиболее революционные полки почти безоружны. Важность броневиков в уличном бою не требует пояснений: на стороне Правительства, они могут причинить немало бесцельных жертв; на стороне восстания, они сократят путь к победе. На крепость и на броневой дивизион большевикам придется в ближайшие дни обратить особое внимание. В остальном соотношение сил на Совещании оказалось то же, что и вчера. Попытка ЦИК'а провести свое, весьма осторожное, решение натолкнулась на холодный отпор подавляющего большинства: не будучи созвано петроградским Советом, Совещание не считает себя правомочным для вынесения решений. Соглашательские лидеры сами напросились на этот дополнительный удар.

Найдя забаррикадированным доступ к полкам снизу, ЦИК попытался овладеть гарнизоном сверху. По соглашению со штабом он назначил главным комиссаром по всему округу штабс-капитана Малевского, эсера, и изъявил согласие признать комиссаров Совета при условии их подчинения главному комиссару. Попытка сесть верхом на большевистский гарнизон через посредство никому неизвестного штабс-капитана была явно безнадежна. Отвергнув ее, Совет приостановил переговоры.

Разоблаченное Потресовым восстание 17-го не состоялось. Теперь противники называли уверенно новую дату: 20-ое октября. К этому дню, как известно,

приурочивалось первоначально открытие Съезда советов, а восстание шло за съездом, как его тень. Правда, съезд успели уже отсрочить на пять дней; но все равно: предмет передвинулся, тень осталась. Правительством приняты и на этот раз все необходимые меры к недопущению «выступления». На окраинах расположены усиленные заставы. Казачьи патрули разъезжали в рабочих районах всю ночь. В разных пунктах Петрограда размещены скрытые конные резервы. Милиция приведена в боевую готовность, и половина ее состава непрерывно дежурила в комиссариатах. У Зимнего дворца поставлены броневики, легкая артиллерия, пулеметы. Подступы к Дворцу охраняются караулами,

Восстание, которого никто не подготовлял и к которому никто не призывал, не состоялось и на этот раз. День прошел спокойнее многих других, работа на фабриках и заводах не прекращалась. Руководимые Даном «Известия» торжествовали победу над большевиками: «Их авантюра с вооруженным выступлением в Петрограде — дело конченное». Большевики оказались раздавлены одним лишь негодованием объединенной демократии: «они уже сдаются». Буквально можно подумать, что потерявшие голову противники поставили себе целью несвоевременными страхами и еще менее своевременными трубными звуками победы. сбивать с толку собственное «общественное мнение» и прикрывать планы большевиков.

Решение о создании Военно-революционного комитета, вынесенное впервые 9-го, прошло через пленум Совета лишь спустя неделю: совет — не партия, его машина тяжеловесна. Еще четыре дня понадобилось на то, чтоб сформировать Комитет. Эти десять дней, однако, не пропали даром: завладение гарнизоном шло полным ходом. Совещание полковых комитетов успело доказать свою жизнеспособность, вооружение рабочих продвинулось вперед, так что Военно-революционный комитет, приступивший к работе только 20-го, за 5 дней до восстания, сразу получил в свои руки доста-

точно благоустроенное хозяйство. При бойкоте со стороны соглашателей в состав Комитета вошли только большевики и левые эсеры: это облегчило и упростило задачу. Из эсеров работал один Лазимир, который был даже поставлен во главе Бюро, чтоб ярче подчеркнуть советский, а не партийный характер учреждения. По существу же Комитет, председателем которого был Троцкий, главными работниками Подвойский, Антонов-Овсеенко, Лашевич, Садовский, Мехоношин, опирался исключительно на большевиков. В полном составе, с участием представителей всех учреждений, перечисленных в положении, Комитет вряд-ли собирался хоть раз. Текущая работа велась через Бюро под руководством председателя, с привлечением во всех важных случаях Свердлова. Это и был штаб восстания.

Бюллетень Комитета скромно регистрирует его первые шаги: в строевые части гарнизона, некоторые учреждения и склады «для наблюдения и руководства» назначены комиссары. Это значило, что, завоевав гарнизон политически, Совет подчинил его себе теперь организационно. В подборе комиссаров крупную роль играла Военная организация большевиков. В числе около тысячи членов, входивших в ее состав в Петрограде, было немало решительных и беззаветно преданных революции солдат и молодых офицеров, получивших после июльских дней необходимый закал в тюрьмах Керенского. Вербовавшиеся из их среды комиссары находили в частях гарнизона почву достаточно подготовленной: их считали своими и подчинялись им с полной готовностью.

Инициатива по завладению учреждениями чаще всего исходила снизу. Рабочие и служащие арсенала при Петропавловской крепости подняли вопрос о необходимости контроля над выдачей оружия. Направленный туда комиссар успел приостановить дополнительное вооружение юнкеров, задержал 10 000 винтовок, предназначавшихся для Донской области, и более мелкие партии — для ряда подозрительных организаций и лиц. Контроль вскоре распространился и на

другие склады, даже на частные магазины оружия. Достаточно было обратиться к комитету солдат, рабочих или служащих учреждения или магазина, чтобы сопротивление администрации тут же оказалось сломленным. Оружие отпускалось отныне только по ордерам комиссаров.

Типографские рабочие, через свой Союз, обратили внимание Комитета на рост черносотенных листков и брошюр. Было постановлено, что во всех сомнительных случаях Союз печатников будет обращаться за разрешением вопроса в Военно-революционный комитет. Контроль через типографских рабочих был самым действительным из всех возможных видов контроля над печатной агитацией контр-революции.

Не ограничиваясь формальным опровержением слухов о восстании, Совет открыто назначил на воскресенье, 22-го, мирный смотр своим силам, но не в виде уличных шествий, а в виде митингов на заводах, в казармах, во всех больших помещениях столицы. С явной целью вызвать кровавое замешательство таинственные богомольцы назначили на тот же день церковную процессию на улицах столицы. Воззвание от имени неизвестных казаков приглашало граждан принять участие в крестном ходе «в память избавления в 1812 году Москвы от врагов». Повод был выбран не очень актуальный; но заправилы предлагали сверх того всевышнему благословить казачье оружие «на защиту от врагов земли русской», что явно относилось уже к 1917 году.

Опасаться серьезной контр-революционной манифестации не было никаких оснований: духовенство было в петроградских массах бессильно, под церковной хоругвью оно могло поднять против Совета лишь жалкие остатки черносотенных банд. Но при содействии опытных провокаторов контр-разведки и казачьего офицерства кровавые стычки не были исключены. В порядке мер предупреждения Военно-революционный комитет начал с усиленного воздействия на казачьи полки. В здании самого революционного

штаба введен был более строгий режим. «Стало уже не легко попадать в Смольный, — пишет Джон Рид. Система пропусков менялась каждые несколько часов, ибо шпионы постоянно проникали внутрь».

На Гарнизонном совещании 21-го, посвященном завтрашнему «Дню Совета», докладчик предлагал ряд предупредительных мер против возможных уличных столкновений. 4-й казачий полк, наиболее левый, заявил устами своего делегата, что в крестном ходе участия не примет. 14-й казачий полк заверил, что будет всеми силами бороться против посягательств контрреволюции, но в то же время считает выступление для захвата власти «несвоевременным». Из трех казачьих полков отсутствовал только Уральский, наиболее отсталый, введенный в Петроград в июле для разгрома большевиков.

Совещание приняло по докладу Троцкого три кратких резолюции: 1. «Гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах»... 2. «День 22 октября есть день мирного подсчета сил... Гарнизон обращается к казакам:... Мы приглашаем вас на наши завтрашние собрания. Добро пожаловать, братья-казаки!» 3. «Всероссийский съезд советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб». Гарнизон торжественно обещает отдать все свои силы в распоряжение съезда. «Надейтесь на нас, полномочные представители солдат, рабочих и крестьян. Мы все на своих постах, готовые победить или умереть». Сотни рук поднялись за эти резолюции, закреплявшие программу восстания. 57 человек воздержалось: это были «нейтральные», т. е. заколебавшиеся противники. Ни одна рука не поднялась против. Петля на шее февральского режима затягивалась надежным узлом.

В течение дня уже стало известно, что закулисные инициаторы крестного хода отказались от своей демонстрации «по предложению Главнокомандующего

округом». Этот серьезный моральный успех, лучше всего измерявший силу давления Гарнизонного совещания, позволял твердо рассчитывать на то, что враги вообще не отважатся завтра высунуть головы на на улицу.

Военно-революционный комитет назначает в штаб округа трех комиссаров: Садовского, Мехоношина и Лазимира. Приказы командующего могут получать силу только после скрепления их подписью одного из этих лиц. По телефонному звонку из Смольного штабом выслан для делегации автомобиль: обычаи двоевластия еще остаются в силе. Но, вопреки ожиданию, предупредительность штаба не означала готовности к уступкам.

Выслушав заявление Садовского, Полковников ответил, что никаких комиссаров не признает и в опеке не нуждается. На намек делегации, что штаб рискует на этом пути встретить сопротивление со стороны частей, Полковников сухо возразил, что гарнизон в его руках, и подчинение обеспечено. «Твердость его была искренняя, — пишет в своих воспоминаниях Мехоношин, — ничего напускного не чувствовалось». Для возвращения в Смольный делегаты уже не получили казенного автомобиля.

Экстренное совещание, на которое вызваны Троцкий и Свердлов, приняло решение: признать разрыв со штабом совершившимся фактом и сделать его исходной позицией для дальнейшего наступления. Первое условие успеха: районы должны быть в курсе всех этапов и эпизодов борьбы. Нельзя позволить противнику застигнуть массы врасплох. Через районные советы и комитеты партии разослана информация во все части города. Полки немедленно извещены о происшедшем. Подтверждено заново: исполнять только те приказания, которые скреплены комиссарами. В караулы предложено отправлять наиболее надежных солдат.

Но и штаб решил принять меры. Подстрекаемый, видимо, своими соглашательскими советниками, Пол-

ковников созывал на час дня свое собственное совещание гарнизона с участием представителей ЦИК'а. Упредив противника, Военно-революционный комитет созвал на 11 часов экстренное совещание полковых комитетов, на котором постановлено было оформить разрыв со штабом. Тут же выработанное обращение к войскам Петрограда и его окрестностей говорило языком объявления войны. «Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контр-революционных сил». Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба и, становясь во главе гарнизона, берет на себя «охрану революционного порядка от контр-революционных покушений».

Это был решительный шаг на пути к восстанию. Или может быть — только очередной конфликт в полной конфликтов механике двоевластия? Именно так пытался, для собственного утешения, истолковывать происшедшее штаб, совещавшийся с представителями тех воинских частей, которые не успели получить своевременно вызов Военно-революционного комитета. Отправленная из Смольного делегация, под руководством большевистского прапорщика Дашкевича, кратко доложила в штабе постановление Гарнизонного совещания. Немногочисленные представители частей подтвердили свою верность Совету и, отказавшись выносить решения, разошлись. «После непродолжительного обмена мнений — сообщала после этого пресса со слов штаба — никаких определенных решений не было принято; было признано необходимым выжидать разрешения конфликта между ЦИК'ом и петроградским Советом». Свое низложение штаб изображал, как препирательство между советскими инстанциями относительно того, кому из них контролировать его действия. Политика добровольной слепоты имела то преимущество, что освобождала от необходимости объявить Смольному войну, для которой у правящих не хватало сил. Так, уже совсем было готовый прорваться наружу революционный конфликт

снова вводился, при содействии правительственных органов, в легальные рамки двоевластия: боясь глядеть в глаза действительности, штаб тем вернее содействовал маскировке восстания.

Не было ли, однако, легкомысленное поведение властей только маскировкой их действительных намерений? Не собирался ли штаб, под прикрытием бюрократической наивности, нанести Военно-революционному комитету внезапный удар? Такое покушение со стороны растерянных и деморализованных органов Временного правительства считалось Смольным мало вероятным. Но Военно-революционный комитет принял все же простейшие меры предосторожности: в наиболее близких казармах дежурили днем и ночью роты при оружии, готовые, по первому сигналу тревоги, прибыть на помощь Смольному.

Несмотря на отмену крестного хода, буржуазная печать предрекала на воскресенье кровопролитие. Соглашательская газета сообщала с утра: «сегодня власти ожидают выступления с большей вероятностью, чем 20-го». Так уже в третий раз в течение одной недели: 17-го, 20-го и 22-го, порочный мальчик обманывал народ лживым криком «волк!» В четвертый раз, если верить старой басне, мальчик попадет волку в зубы.

Печать большевиков, призывая массы на собрания, говорила о мирном подсчете революционных сил накануне Съезда советов. Это вполне отвечало замыслу Военно-революционного комитета: провести гигантский смотр без столкновений, без применения оружия и даже без его демонстрации. Надо было показать массе ее самое, ее численность, ее силу, ее решимость. Единодушием множества надо было заставить врагов скрыться, попрятаться, не выступать. Обнаружением бессилия буржуазии перед массовидностью рабочих и солдат надо было стереть в их сознании последние тормозящие воспоминанья об июльских днях. Надо было достигнуть того, чтоб, увидев себя самих, массы

сказали себе: никто и ничто не сможет более противиться нам.

«Испуганное население, — писал через пять лет Милюков, — осталось дома или держалось в стороне». Дома осталась буржуазия: она действительно была запугана своей прессой. Все остальное население потянулось с утра на собрания: молодые и старые, мужчины и женщины, подростки и матери с детьми на руках. Таких митингов еще не было за время революции. Весь Петроград, за вычетом верхних слоев, представлял сплошной митинг. В переполненных до отказа помещениях аудитория обновлялась в течение ряда часов. Новые и новые волны рабочих, солдат, матросов подкатывали к зданиям и заполняли их. Всколыхнулся мелкий городской люд, пробужденный воплями и предостережениями, которые должны были его запугать. Десятки тысяч омывали гигантское здание Народного дома, переливались по коридорам, сплошной, возбужденной и в то же время дисциплинированной массой заполняли театральные залы, коридоры, буфет и фойе. На железных колоннах и окнах висели гирлянды и гроздья человеческих голов, ног, рук. В воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует близкий разряд. Долой Керенского! Долой войну! Власть советам! Никто из соглашателей не смел уже выступать перед этими докрасна накаленными толпами с возражениями или предостережениями. Слово принадлежало большевикам. Все ораторские силы партии, включая и прибывших на съезд делегатов провинции, были поставлены на ноги. Изредка выступали левые эсеры, кое-где — анархисты. Но и те и другие старались поменьше отличаться от большевиков.

Часами стояли люди окраин, подвальных этажей и чердаков в убогих пальто, с шапками и тяжелыми платками на головах, с просочившейся внутрь обуви грязью улиц, с застрявшим в горле осенним кашлем, сомкнувшись плечом к плечу, все больше уплотняясь, чтоб дать место новым, чтоб дать место всем, и слу-

шали без устали, жадно, страстно, требовательно, боясь упустить то, что нужнее всего понять, усвоить и сделать. Казалось, за истекшие месяцы, за последние недели, за самые последние дни сказаны уже все слова. Но нет, сегодня они звучат иначе. Массы переживают их по новому, уже не как проповедь, а как обязательство действия. Опыт революции, войны, тяжелой борьбы, всей горькой жизни поднимается из глубин памяти каждого угнетенного нуждою человека и вкладывается в эти простые и повелительные лозунги. Так дальше не может итти. Надо проломить выход к будущему.

К этому простому и удивительному дню, ярко выделяющемуся на не бледном и без того фоне революции, обращался впоследствии взорами каждый участник событий. Образ одухотворенной и сдержанной в своей неукротимости человеческой лавы навсегда врезался в память очевидцев. «День петроградского Совета — пишет левый эсер Мстиславский — проведен был на многочисленных митингах с огромным подъемом». Большевик Пестковский, выступавший на двух заводах Васильевского острова, свидетельствует: «Мы ясно говорили массе о предстоящем захвате власти нами и, кроме одобрения, ничего не слышали». «Вокруг меня, — рассказывает Суханов о митинге в Народном доме, — было настроение, близкое к экстазу... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию... Кто за... Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и — типично мещанских фигур... Троцкий продолжал говорить. Несметная толпа продолжала держать поднятые руки. Троцкий чеканил слова: это ваше голосование пусть будет вашей клятвой... Несметная толпа держала руки. Она согласна, она клянется». Большевик Попов рассказывает о восторженной присяге, которую приносили массы: «ринуться по первому зову Совета». Мстиславский говорит о наэлектризованной толпе, прися-

гавшей на верность советам. Та же картина, лишь в меньшем размере, наблюдалась во всех частях города, в центре и на окраинах. Сотни тысяч людей в одни и те же часы поднимали руки и клялись довести борьбу до конца.

Если повседневные заседания Совета, Солдатской секции, Гарнизонного совещания, фабрично-заводских комитетов давали внутреннюю спайку широкому слою руководителей; если отдельные массовые собрания сплачивали заводы и полки, то день 22 октября сплавил под высокой температурой в одном гигантском котле подлинные народные толщи. Массы увидели себя и своих вождей, вожди увидели и услышали массы. Обе стороны остались удовлетворены друг другом. Вожди убедились: дальше откладывать нельзя! Массы сказали себе: на этот раз дело будет сделано!

Успех воскресного смотра большевистских сил сбавил самоуверенности у Полковникова и у его высокого начальства. По соглашению с Правительством и ЦИК'ом штаб сделал попытку договориться со Смольным. Почему бы, в самом деле, не восстановить старые, добрые, дружественные нравы контакта и соглашения? Военно-революционный комитет не отказался делегировать своих представителей для обмена мнениями: лучшей разведки нельзя было и желать. «Переговоры были кратки, — вспоминает Садовский. — Представители округа соглашались на все выставленные ранее Советом условия..., взамен чего должен быть аннулирован приказ Военно-революционного комитета от 22 октября». Речь шла о документе, объявлявшем штаб орудием контр-революционных сил. Те самые делегаты Комитета, которых Полковников столь неучтиво отослал домой два дня тому назад, потребовали и получили на руки, для доклада в Смольном, проект соглашения, подписанный штабом. В субботу эти условия полупочетной капитуляции были бы приняты. Сегодня, в понедельник,

они уже запоздали. Штаб ждал ответа, но не получил его.

Военно-революционный комитет обратился к населению Петрограда с извещением о назначении комиссаров при воинских частях и в особо важных пунктах столицы и окрестностей. «Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противодействие комиссарам есть противодействие Совету рабочих и солдатских депутатов». Граждане приглашаются в случае неурядиц, обращаться к ближайшим комиссарам для вызова вооруженной силы. Это язык власти. Но Комитет все еще не дает сигнала к открытому восстанию. Суханов спрашивает: «делает ли Смольный глупости, или играет с Зимним, как кошка с мышкой, провоцируя нападение?» Ни то, ни другое. Давлением масс, тяжестью гарнизона Комитет вытесняет Правительство. Он берет без боя то, что можно взять. Он выдвигает свои позиции вперед без выстрела, сплачивая и укрепляя на ходу свою армию; измеряет своим нажимом силу сопротивления врага, ни на минуту не спуская с него при этом глаз. Каждый новый шаг вперед изменяет диспозицию в пользу Смольного. Рабочие и гарнизон врастают в восстание. Кто первый призовет к оружию, обнаружится в ходе наступления и вытеснения. Теперь это уже вопрос часов. Если в последний момент у Правительства найдется смелости или отчаянья подать сигнал к сраженью, ответственность ляжет на Зимний, а инициатива все равно останется за Смольным. Акт 23 октября означал низложение властей прежде, чем будет низложено само Правительство. Военно-революционный комитет связывал враждебному режиму конечности, прежде чем нанести ему удар в голову. Применять эту тактику «мирного проникновения», легально ломать врагу кости и гипнотически парализовать остатки его воли можно было только, имея тот несомненный перевес сил, который был на стороне Комитета и все еще продолжал увеличиваться с часу на час.

Комитет ежедневно читал широко раскрытую перед ним карту гарнизона, знал температуру каждого полка, следил за происходящими в казармах сдвигами взглядов и симпатий. Неожиданностей с этой стороны быть не могло. На карте оставалось, однако, несколько темных пятен. Нужно было попытаться вытравить или, хотя бы, уменьшить их. Еще 19-го обнаружилось, что большинство комитетов Петропавловской крепости настроено недоброжелательно или двусмысленно. Сейчас, когда весь гарнизон стоит за Комитетом, и крепость взята в кольцо, по крайней мере, политически, пора решительно перейти к завладению ею. Назначенный комиссаром поручик Благонравов наткнулся на сопротивление: правительственный комендант крепости отказывался признать большевистскую опеку и даже — ходили слухи — хвалился, что арестует молодого опекуна. Нужно было действовать, и притом немедленно. Антонов предложил ввести в крепость надежный батальон Павловского полка и разоружить враждебные части. Но это была слишком острая операция, которой могло бы воспользоваться офицерство, чтоб вызвать кровопролитие и разбить единодушие гарнизона. Есть ли действительная необходимость итти на такую крайнюю меру? «Для обсуждения этого вопроса был вызван Троцкий..., —рассказывает Антонов в своих воспоминаниях. — Троцкий тогда сыграл решающую роль; он своим революционным чутьем уловил то, что нам посоветовал: предложил взять эту крепость изнутри. «Не может быть, чтобы там войска не сочувствовали нам», сказал он, — и оказалось верно. Троцкий и Лашевич отправились на митинг в крепость». В Смольном с великим волнением ждали результатов предприятия, которое казалось рискованным. Троцкий вспоминал впоследствии: «23-го я поехал в крепость около двух часов дня. Во дворе шел митинг. Ораторы правого крыла были в высшей степени осторожны и уклончивы. . . Нас слушали, за нами шли.» На третьем этаже Смольного вздохнули полной

грудью, когда телефон принес радостную весть: гарнизон Петропавловки торжественно обязался подчиняться отныне только Военно-революционному комитету.

Переворот в сознании частей крепости не был, разумеется, результатом одной или двух речей. Он был солидно подготовлен прошлым. Солдаты оказались гораздо левее своих комитетов. Лишь скорлупа старой дисциплины, вся в трещинах, держалась за крепостной стеной несколько дольше, чем в городских казармах. Но достаточно оказалось толчка, чтоб и она развалилась в куски.

Благонравов мог теперь увереннее обосноваться в крепости, развернуть свой маленький штаб и установить связь с большевистским Советом соседнего района и с комитетами ближайших казарм. Тем временем делегации от заводов и воинских частей прибывают хлопотать о выдаче оружия. В крепости воцаряется неописуемое оживление. «Телефон беспрерывно трещит и приносит вести о наших новых успехах на собраниях и митингах». Иногда незнакомый голос сообщает о прибытии на вокзал карательных отрядов с фронта. Немедленная проверка обнаруживает, что это — измышления, пускаемые врагом.

Вечернее заседание Совета отличается в этот день исключительным многолюдством и повышенным настроением. Занятие Петропавловки и окончательное овладение Кронверкским арсеналом, хранящим 100 000 винтовок, — это серьезный залог успеха. От имени Военно-революционного комитета докладывает Антонов. Черта за чертой, он рисует картину вытеснения правительственных органов агентами Военно-революционного комитета: их везде встречают, как своих; им повинуются не за страх, а за совесть. «Со всех сторон поступают требования о назначении комиссаров». Отсталые части спешат равняться по передовым. Преображенский полк, который в июле первым поддался клевете о немецком золоте, заявил теперь через своего комиссара Чудновского бурный протест

против слухов, будто преображенцы стоят за Правительство: такая мысль воспринимается, как злейшее оскорбление!... Правда, обычные караульные наряды выполняются, — рассказывает Антонов, — но это делается с согласия Комитета. Распоряжения штаба о выдаче оружия и автомобилей приведены в исполнение не были. Штаб получил, таким образом, полную возможность убедиться, кто является хозяином столицы.

На вопрос: известно ли Комитету о движении правительственных войск с фронта и из окрестностей, и какие принимаются против этого меры, докладчик отвечает: с Румынского фронта двинуты кавалерийские части, но они задержаны в Пскове; 17 пехотная дивизия, узнав по дороге, куда и зачем ее посылают, отказалась ехать; в Вендене два полка воспротивились отправке их против Петрограда; остается пока неизвестной лишь судьба казаков и юнкеров, будто бы отправленных из Киева, и ударников, вызванных из Царского Села. «Трогать Военно-революционный комитет не смеют и не посмеют». Эти слова не плохо звучат в белом зале Смольного.

Доклад Антонова производит в чтении такое впечатление, как еслибы штаб переворота работал при открытых дверях. Действительно: Смольному уже почти нечего скрывать. Политическая завязка переворота настолько благоприятна, что самая откровенность превращается в форму маскировки: разве так восстают? Слово «восстание», однако, никем из руководителей не произносится. Не только из формальной осторожности, но и по несоответствию этого термина реальной обстановке: восставать как бы предоставляется правительству Керенского. В отчете «Известий» значится, правда, что Троцкий на заседании 23-го впервые открыто признал целью Военно-революционного комитета захват власти. Несомненно, что от исходной позиции, когда задачей Комитета объявлялась проверка стратегических доводов Черемисова, все уже давно отошли. О выводе полков почти успели по-

забыть. Но 23-го речь шла все же не о восстании, а о «защите» предстоящего съезда советов, если понадобится — с оружием в руках. В этом именно духе вынесена резолюция по докладу Антонова.

Как оценивались происходящие события на правительственных высотах? Сообщая по прямому проводу в ночь на 22-ое начальнику штаба Ставки Духонину о попытках Военно-революционного комитета оторвать полки от командования, Керенский присовокупляет: «думаю, что мы с этим легко справимся». Приезд его, Верховного главнокомандующего, в Ставку задержан отнюдь не опасением каких-либо восстаний: «с этим и без меня бы управились, так как все организовано». Встревоженным министрам Керенский успокоительно заявляет, что он лично, наоборот, очень рад предстоящему выступлению, так как оно даст ему возможность «окончательно разделаться с большевиками». «Я бы готов отслужить молебен, — отвечает глава Правительства кадету Набокову, частому гостю Зимнего дворца, — чтобы такое выступление произошло». — «А уверены ли вы, что сможете с ними справиться?» — «У меня больше сил, чем нужно, — они будут раздавлены окончательно».

Глумясь впоследствии над оптимистическим легкомыслием Керенского, кадеты явно впадали в забывчивость: на самом деле Керенский смотрел на события их собственными глазами. 21-го газета Милюкова писала, что если большевики, разъедаемые глубоким внутренним кризисом, посмеют выступить, то будут раздавлены на месте и без труда. Другая кадетская газета добавляла: «Гроза предстоит, но она, быть может, и очистит атмосферу». Дан свидетельствует, что в кулуарах Предпарламента кадеты и близкие им группы мечтали вслух о том, чтобы большевики выступили возможно скорее: «В открытом бою они немедленно же будут на голову разбиты». Видные кадеты говорили Джон Риду: разгромленные в восстании большевики не смогут поднять голову в Учредительном Собрании.

В течение 22-го и 23-го Керенский совещался то с вождями ЦИК'а, то со своим штабом: не следует ли арестовать Военно-революционный комитет? Соглашатели не советовали: они сами попробуют урегулировать вопрос о комиссарах. Полковников тоже считал, что спешить с арестом нечего: военных сил на случай надобности «более, чем достаточно». Керенский прислушивался к Полковникову, но еще более к друзьям-соглашателям. Он твердо рассчитывал, что, в случае опасности, ЦИК, несмотря на домашние недоразумения, своевременно придет на помощь: так было в июле и в августе; почему бы так не быть и дальше?

Но стоял уже не июль и не август. Стоял октябрь. На площадях и набережных Петрограда дули со стороны Кронштадта холодные и сырые балтийские ветры. По улицам проходили с лихими песнями, заглушавшими тревогу, юнкера в шинелях до пят. Гарцовали конные милиционеры с револьверами в новеньких кабурах. Нет, власть выглядела еще достаточно внушительно! Или это только зрительная иллюзия? На углу Невского Джон Рид, американец с наивными и умными глазами, купил брошюру Ленина: «Удержат ли большевики государственную власть?», уплатив за нее одной из почтовых марок, которые ходили вместо разменной монеты.

ЛЕНИН ЗОВЕТ К ВОССТАНИЮ

Помимо заводов, казарм, деревень, фронта, советов, у революции была еще одна лаборатория: голова Ленина. Загнанный в подполье, он оказался вынужден в течение 111 дней, с 6-го июля до 25 октября, ограничить свои встречи даже с членами Центрального комитета. Без непосредственного общения с массами, без соприкосновения с организациями он тем решительнее сосредоточивает свою мысль на основных вопросах революции, возводя их, — что было у него в одинаковой мере потребностью и правилом, — к краеугольным проблемам марксизма.

Главный довод демократов, в том числе и самых левых, против взятия власти состоял в том, что трудящиеся окажутся неспособны овладеть аппаратом государства. Таковы же были, по сути дела, опасения оппортунистических элементов внутри самого большевизма. «Аппарат государства!» Каждый мелкий буржуа воспитан в преклонении перед мистическим началом, возвышающимся над людьми и классами. Образованный филистер несет в костях тот же самый трепет, что и его отец или дед, лавочник или зажиточный крестьянин, перед всемогущими учреждениями, где решаются вопросы войны и мира, где даются торговые патенты, откуда исходят бичи налогов, где карают, но изредка милуют, где узаконяются браки и

рождения, где сама смерть должна почтительно постоять в очереди, прежде чем добиться признания. Аппарат государства! Сняв мысленно не только шляпу, но и сапоги, на кончиках носков вступает в капище идола мелкий буржуа, — зовется ли он Керенский, Лаваль, Макдональд или Гильфердинг, — когда личная удача или сила обстоятельств делают его министром. Оправдать эту милость он может не иначе, как униженной покорностью по отношению к «аппарату государства». Русские радикальные интеллигенты, не смевшие даже во время революции приобщиться к власти иначе, как за плечами титулованных помещиков и людей капитала, с испугом и негодованием взирали на большевиков: эти уличные агитаторы, эти демагоги думают овладеть аппаратом государства!

После того, как в борьбе с Корниловым Советы, при безволии и бессилии официальной демократии, спасли революцию, Ленин писал: «Пусть учатся на этом примере все маловеры. Пусть устыдятся те, кто говорит: «У нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии аппарат». Ибо этот аппарат есть. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс, — и вы увидите во всех областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины».

В первые месяцы своего подполья Ленин пишет книгу «Государство и революция», главные материалы для которой были им подобраны еще в эмиграции, в годы войны. С той же тщательностью, с какою он обдумывал практические задачи дня, он разрабатывает теперь теоретические преблемы государства. Он не может иначе: для него теория действительно — руководство к действию. Ленин ни на минуту не ставит себе при этом целью внести в теорию новое слово. Наоборот, своей работе он сообщает чрезвычайно скромный, подчеркнуто ученический характер. Его задача

— восстановить подлинное «учение марксизма о государстве».

Тщательным подбором цитат и их детальным полемическим истолкованием книга может показаться педантской... действительным педантам, которые под анализом текстов неспособны почувствовать могучий пульс мысли и воли. Уже одним восстановлением классовой теории государства на новой, более высокой исторической основе Ленин сообщает идеям Маркса новую конкретность, а следовательно и новую значимость. Но неизмеримую свою важность работа о государстве почерпает прежде всего в том, что является научным введением в величайший в истории переворот. «Комментатор» Маркса готовил свою партию к революционному завоеванию шестой части земной территории.

Еслиб государство можно было просто приспособить к потребностям нового исторического режима, не возникали бы революции. Между тем сама буржуазия приходила до сих пор к власти не иначе, как путем переворота. Теперь очередь за рабочими. Ленин и в этом вопросе возвращал марксизму его значение, как теоретическое орудие пролетарской революции.

Рабочие не смогут овладеть государственным аппаратом? Но дело идет совсем не о том, — учит Ленин, — чтобы овладеть старой машиной для новых целей: это реакционная утопия. Подбор людей в старом аппарате, их воспитание, их взаимоотношения — все противоречит историческим задачам пролетариата. Завоевав власть, надо не перевоспитывать старый аппарат, а разбить вдребезги. Чем заменить его? Советами. Из руководителей революционных масс, из органов восстания они станут органами нового государственного порядка.

В водовороте революции работа найдет мало читателей; она и издана будет только после переворота. Ленин разрабатывает проблему государства прежде всего для собственной внутренней уверенности и — для будущего. Сохранение идейной преемственности

составляло одну из постоянных его забот. В июле он пишет Каменеву: «Entre nous, если меня укокошат, я вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка переплетенная. Собраны все цитаты, из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок. Формулировать. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous». Революционный вождь, травимый, как агент враждебного государства, и считающийся с возможностью покушения со стороны врагов, заботится об издании «синей» тетради с цитатами из Маркса-Энгельса: таково его секретное завещание. Словечко «укокошат» должно служить противоядием против ненавистной патетики: поручение по самому своему существу имеет патетический характер.

Но ожидая удара в спину, Ленин сам готовился нанести удар в грудь. Пока он, между чтением газет и писанием инструктивных писем, приводил в порядок полученную, наконец, из Стокгольма дрогоценную тетрадь, жизнь не стояла на месте. Близился час, когда вопрос о государстве предстояло решать практически.

Из Швейцарии, сейчас же после низвержения монархии, Ленин писал: «... Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»... Эту же мысль он развивал по приезде в Россию: «Мы сейчас в меньшинстве, — массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать... Они хлынут в нашу сторону, и, учитывая соотношение сил, мы тогда скажем: наше время пришло». Вопрос о завоевании власти стоял в эти первые месяцы, как вопрос о завоевании большинства в советах.

После июльского разгрома Ленин провозгласил: власть может быть взята отныне лишь вооруженным восстанием; опираться придется при этом, очевидно, не на деморализованные соглашателями советы, а на заводские комитеты; советы, как органы власти, при-

дется заново создавать после победы. На самом деле большевики уже через два месяца отвоевали советы у соглашателей. Природа ошибки Ленина в этом вопросе в высшей степени характерна для его стратегического гения: для самых смелых замыслов он делает расчеты, исходя из наименее благоприятных предпосылок. Как въезжая в апреле через Германию в Россию, он считал, что с вокзала попадет в тюрьму, как 5 июля он говорил: «они, пожалуй, нас перестреляют», — так теперь он считал: соглашатели не дадут нам овладеть большинством в советах.

«Нет человека более малодушного, чем я, когда я вырабатываю военный план, — писал Наполеон генералу Бертье, — я преувеличиваю все опасности и все возможные бедствия... Когда мое решение принято, все позабыто, кроме того, что может обеспечить его успех». Если отбросить рисовку, выражающуся в мало подходящем слове «малодушие», то существо мысли может быть целиком отнесено к Ленину. Разрешая проблему стратегии, он заранее наделял врага собственной решимостью и дальнозоркостью. Тактические ошибки Ленина были чаще всего побочным продуктом его стратегической силы. В данном случае вряд-ли вообще уместно говорить об ошибке: когда диагност подходит к определению болезни посредством последовательных исключений, его гипотетические допущения, начиная с самых худших, являются не ошибками, а методом анализа.

Как только большевики получили в свои руки оба столичных совета, Ленин сказал: «наше время пришло». В апреле и июле он сдерживал; в августе теоретически подготовлял новый этап; начиная с середины сентября, он торопит и подгоняет изо всех сил. Теперь опасность не в забегании вперед, а в отставании. «Преждевременного в этом отношении быть теперь не может».

В статьях и письмах, обращенных к Центральному комитету, Ленин анализирует обстановку, выдвигая каждый раз на переднее место международные усло-

вия. Симптомы и факты пробуждения европейского пролетариата являются для него, на фоне событий войны, неоспоримым доказательством того, что непосредственная угроза русской революции со стороны иностранного империализма будет все более убывать. Аресты социалистов в Италии и особенно восстание в немецком флоте заставляют его провозгласить величайший перелом во всей мировой обстановке: «мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции».

Об этой исходной позиции Ленина эпигонская историография предпочитает молчать: как потому, что расчет Ленина кажется опровергнутым событиями, так и потому, что, согласно позднейшим теориям, русская революция должна при всех условиях довлеть сама себе. Между тем ленинская оценка международной обстановки меньше всего была иллюзорной. Симптомы, которые он наблюдал сквозь сито военной цензуры всех стран, действительно знаменовали приближение революционной бури. В центральных империях она через год потрясла старое здание до самого фундамента. Но и в странах-победительницах, Англии и Франции, не говоря уж об Италии, она надолго лишила правящие классы свободы действий. Против крепкой, консервативной, уверенной в себе капиталистической Европы изолированная и не успевшая окрепнуть пролетарская революция в России не могла бы продержаться и несколько месяцев. Но этой Европы больше не было. Революция на Западе, правда, не поставила у власти пролетариат, — реформисты спасли буржуазный режим, — но оказалась все же достаточно могущественной, чтоб оградить Советскую республику в первый, наиболее опасный период ее существования.

Глубокий интернационализм Ленина выражался не только в том, что оценку международной обстановки он ставил неизменно на первое место; самое завоевание власти в России он рассматривал прежде всего, как толчок к европейской революции, которая, как он повторял не раз, для судеб человечества должна

иметь несравненно большее значение, чем революция в отсталой России. С каким сарказмом он бичует тех большевиков, которые не понимают своего интернационального долга. «Примем резолюцию сочувствия немецким повстанцам, — издевается он, — и отвергнем восстание в России. Это будет настоящим благоразумным интернационализмом!»

В дни Демократического совещания Ленин пишет в ЦК: «Получив большинство в обоих столичных Советах... большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»... Тот факт, что большинство крестьянских делегатов подтасованного Демократического совещания голосовало против коалиции с кадетами, имел в его глазах решающее значение: мужику, который не хочет союза с буржуазией, ничего не останется, как поддержать большевиков. «Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами». Задача партии: «на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве, завоевание власти, свержение правительства»... Никто до этого так властно и обнаженно не ставил задачу переворота.

Ленин очень пристально следит за всеми выборами и голосованиями в стране, тщательно подбирая цифры, которые способны бросить свет на действительное соотношение сил. Полуанархическое безразличие к избирательной статистике не встречало с его стороны ничего, кроме презрения. В то же время Ленин никогда не отождествлял индексы парламентаризма с действительным соотношением сил: он всегда вносил поправку на прямое действие. «...Сила революционного пролетариата, с точки зрения воздействия на массы и увлечения их на борьбу, — напоминает он, — несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне».

Зорким глазом Ленин первый подметил, что аграрное движение перешло в решительную фазу, и сейчас же сделал из этого все выводы. Мужик не хочет

больше ждать, как и солдат. «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, — пишет Ленин в конце сентября, — все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения». Аграрный вопрос — фундамант революции. Победа правительства над крестьянским восстанием была бы «похоронами революции»... Надеяться на более благоприятные условия не приходится. Наступает час действия. «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту. Кризис назрел».

Ленин зовет к восстанию. В каждой простой, прозаической, подчас угловатой строке звучит высшее напряжение страсти. «Революция погибла, — пишет он в начале октября петроградской конференции партии, — если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем... Надо все силы мобилизовать, чтобы рабочим и солдатам внушить идею о безусловной необходимости отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского».

Ленин не раз говорил, что массы левее партии. Он знал, что партия левее своего верхнего слоя «старых большевиков». Он слишком хорошо представлял себе внутренние группировки и настроения в ЦК, чтобы ждать с его стороны каких-либо рискованных шагов; зато он очень опасался излишней осторожности, кунктаторства, упущения одной из тех исторических ситуаций, которые подготовляются десятилетиями. Ленин не доверяет ЦК — без Ленина: в этом ключ к его письмам из подполья. И Ленин не так уж неправ в своем недоверии.

Вынужденный высказываться в большинстве случаев после уже вынесенного в Петрограде решения Ленин неизменно критикует политику ЦК слева. Оппозиция его развертывается на фоне вопроса о вос-

стании, но не ограничивается им. Ленин считает что ЦК отдает слишком много внимания соглашательскому Исполнительному комитету, Демократическому совещанию, вообще парламентской возне в советских верхах. Он резко выступает против предложения большевиков о коалиционном президиуме в петроградском Совете. Он клеймит «позорное» решение об участии в Предпарламенте. Он возмущен опубликованным в конце сентября списком большевистских кандидатов в Учредительное собрание: слишком много интеллигентов, слишком мало рабочих. «Ораторов и литераторов набивать в Учредительное собрание значит итти по избитой дороге оппортунизма и шовинизма. Это недостойно III Интернационала». К тому же среди кандидатов слишком много новых, не проверенных в борьбе членов партии! Ленин считает нужным сделать оговорку: «Само собою понятно, что... никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Л. Д. Троцкий, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии»...

Может показаться, что вернулись дни апреля: Ленин снова в оппозиции к Центральному комитету. Вопросы стоят по другому, но общий дух его оппозиции тот же: ЦК слишком пассивен, слишком поддается общественному мнению интеллигентских кругов, слишком соглашательски настроен по отношению к соглашателям; а, главное, слишком безучастно, фаталистически, не по большевистски относится к проблеме вооруженного восстания.

От слов пора переходить к делу: «Наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактический свой съезд, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет) судьбу революции». Решение же

мыслимо только одно: вооруженный переворот. В этом первом письме о восстании Ленин делает еще оговорку: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами». Но уже через два-три дня (письма того времени обычно без дат: по конспиративным соображениям, а не по забывчивости) Ленин, под явным впечатлением загнивания Демократического совещания, настаивает на немедленном переходе к действиям и тут же выдвигает практический план.

«Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью... Мы должны составить краткую декларацию большевиков... Мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы. Мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку (театр, где заседало Демократическое совещание), занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города. Мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.». Вопрос о сроке не ставится больше в зависимость от «общего голоса тех, кто соприкасается с массами». Ленин предлагает действовать сейчас же: выйти с ультиматумом из Александринского театра, чтоб вернуться в него во главе вооруженных масс. Сокрушительный удар должен быть направлен не только против Правительства, но и, одновременно, против высшего органа соглашателей.

«...Ленин, который в приватных письмах требовал ареста Демократического совещания, — так об-

личает Суханов, — печатно, как мы знаем, предлагал «компромисс»: пусть всю власть возьмут меньшевики и эсеры, а там, — что скажет советский съезд... То же самое упорно проводил и Троцкий на Демократическом совещании и около него». Суханов видит двойную игру там, где ее не было и в помине. Ленин предлагал соглашателям компромисс сейчас же после победы над Корниловым, в первые дни сентября. Пожав плечами, соглашатели прошли мимо. Демократическое совещание они превратили в прикрытие новой коалиции с кадетами против большевиков. Возможность соглашения тем самым отпадала окончательно. Вопрос о власти мог отныне решаться только открытой борьбой. Суханов сливает воедино две стадии, из которых первая на две недели предшествовала второй и политически ее обусловливала.

Но если восстание вытекало из новой коалиции неотвратимо, то резкостью поворота Ленин застиг врасплох даже верхи собственной партии. Сплотить на основе его письма большевистскую фракцию на Совещании, хотя бы и «не гоняясь за численностью», было явно невозможно. Настроение фракции оказалось таково, что она 70 голосами против 50 отвергла бойкот Предпарламента, т. е. первый шаг в сторону восстания. В самом ЦК план Ленина совершенно не нашел поддержки. Четыре года спустя, на вечере воспоминаний, Бухарин со свойственными ему преувеличениями и прибаутками, в основе верно рассказал об этом эпизоде. «Письмо (Ленина) было написано чрезвычайно сильно и грозило нам всякими карами(?). Мы все ахнули. Никто еще так резко вопроса не ставил... Все недоумевали первое время. Потом, посоветовавшись, решили. Может быть, это был единственный случай в истории нашей партии, когда ЦК единогласно постановил сжечь письмо Ленина... Мы, хотя и верили в то, что безусловно в в Питере и Москве нам удастся взять власть в свои руки, но полагали, что в провинции мы еще не сможем удержаться, что, взявши власть и разогнавши

Демократическое совещание, мы не сможем закрепить себя во всей остальной России».

Вызванное соображениями конспирации сожжение нескольких копий опасного письма было постановлено на самом деле не единогласно, а 6-ю голосами против 4 при 6 воздержавшихся. Один экземпляр для истории был, к счастью, сохранен. Но верно в рассказе Бухарина то, что все члены ЦК, хотя и по разным мотивам, отклонили предложение: одни противились восстанью вообще, другие считали, что момент Совещания наименее пригоден из всех; третьи просто колебались и выжидали.

Натолкнувшись на прямое сопротивление, Ленин вступает в некоторого рода заговор со Смилгой, который тоже находится в Финляндии, и в, качестве председателя Областного комитета советов, сосредоточивает в это время в своих руках изрядную реальную власть. Смилга стоял в 1917 году на крайнем левом фланге партии и уже в июле склонен был довести борьбу до развязки: при поворотах политики Ленин всегда находил, на кого опереться. 27-го сентября Ленин пишет Смилге обширное письмо: «... Что мы делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем «сроки» (20 октября — съезд советов, — не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики не ведут, чтобы подготовить свои военные силы для свержения Керенского... Надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию... Дальше о вашей роли... Создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ними всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозке войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.». Ленин требует «систематической пропаганды среди казаков, находящихся здесь, в Финляндии... Надо изучить все сведения о расположении казаков и организовать посылку к ним агитаторских отрядов из лучших сил

матросов и солдат Финляндии». Наконец: «Для правильной подготовки умов, надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки петроградского Совета, который передаст ее съезду советов. Ибо зачем терпеть еще 3 недели войны и корниловских подготовлений Керенского»?

Перед нами новый план восстания: «тайный комитет из важнейших военных» в Гельсингфорсе, как боевой штаб; расположенные в Финляндии русские войска, как боевая сила: «кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот». Ленин рассчитывает, таким образом, главный удар по Правительству нанести извне Петрограда. В то же время необходима «правильная подготовка умов», дабы низвержение Правительства военными силами Финляндии не свалилось неожиданностью на петроградский Совет: до съезда Советов он должен будет явиться преемником власти.

Новый набросок плана, как и предшествующий, не был осуществлен. Но он не прошел бесследно. Агитация в казачьих дивизиях скоро дала результаты: об этом мы слышали от Дыбенко. Привлечение балтийских моряков к участию в главном ударе по Правительству также вошло в принятый позже план. Но главное не в этом: заостренной до крайности постановкой вопроса Ленин никому не позволял уклоняться и лавировать. То, что оказывалось несвоевременным, как прямое тактическое предложение, становилось целесообразным, как проверка настроений в Центральном комитете, как поддержка решительных против колеблющихся, как дополнительный толчок влево.

Всеми средствами, какими можно было располагать в изолированности подполья, Ленин стремился заставить кадры партии почувствовать остроту обстановки и силу напора масс. Он вызывал в свое убежище отдельных большевиков, устраивал допросы с

пристрастием, проверял слова и дела руководителей, пускал обходными путями свои лозунги в партию, вниз, вглубь, чтоб поставить ЦК перед необходимостью действовать и дойти до конца.

Через день после своего письма Смилге, Ленин пишет уже цитированный выше документ «Кризис назрел», заканчивая его чем-то вроде объявления войны ЦК. «Надо... признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания». Это течение надо побороть во что бы то ни стало. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд». Упускать время в ожидании съезда Советов есть «полный идиотизм или полная измена»... До съезда, назначенного на 20-ое, остается свыше двадцати дней: «Недели и даже дни решают теперь все». Оттягивать развязку значит трусливо отречься от восстания, ибо, во время съезда захват власти станет невозможен: «соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания».

Уже один тон письма показывает, насколько гибельным представлялось Ленину кунктаторство петроградского руководства. Но он не ограничивается на этот раз свирепой критикой и, в виде протеста, подает в отставку из ЦК. Мотивы: ЦК не отозвался с начала Совещания на его настояния относительно захвата власти; редакция партийного органа (Сталин) печатает его статьи с намеренными промедлениями, вычеркивая из них указания на такие «вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте» и пр. Эту политику Ленин не считает возможным покрывать перед партией: «Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии».

По документам не видно, какое дальнейшее формальное движение получило это дело. Из ЦК Ленин во всяком случае не вышел. Заявлением об отставке,

которое у него никак не могло быть плодом минутного раздражения, Ление явно оставлял для себя возможность освободиться, в случае надобности, от внутренней дисциплины Центрального комитета: он мог не сомневаться, что, как и в апреле, непосредственное обращение к низам обеспечит за ним победу. Но путь открытого мятежа против ЦК предполагал подготовку экстренного съезда, следовательно, требовал времени; а времени как раз и не хватало. Держа про запас свое заявление об отставке, но не выходя полностью из границ партийной легальности, Ленин продолжает уже с большей свободой развивать наступление по внутренним операционным линиям. Свои письма ЦК он не только направляет Петроградскому и Московскому комитетам, но и принимает меры, чтобы копии попадали к наиболее надежным работникам районов. В начале октября, уже минуя ЦК, Ленин пишет непосредственно Петроградскому и Московскому комитетам: «Большевики не в праве ждать съезда Советов, они должны взять власть *тотчас*... Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции». С точки зрения иерархических отношений действия Ленина были совсем не безупречны. Но дело шло о чем-то большем, чем соображения формальной дисциплины.

Один из членов Выборгского районного комитета, Свешников, вспоминает: «А Ильич из подполья писал и писал неустанно, и нам в районном комитете Надежда Константиновна (Крупская) очень часто читала эти рукописи... Огненные слова вождя увеличивали нашу силу... Помню, как сейчас, склонившуюся фигуру Надежды Константиновны в одной из комнат районной управы, где работали машинистки, тщательно сверявшую рукопись с оригиналом, и тут же рядом — «Дядя» и «Женя», просящие по копии». Дядя и Женя — старые конспиративные клички двух руководителей района. «Недавно, — рассказывает районный работник Наумов, — получили мы от

Ильича для передачи в Цека письмо... Письмо мы прочли и так и ахнули. Оказывается, Ленин давно уже ставит перед Цека вопрос о восстании. Мы подняли шум, начали нажимать». Этого именно и нужно было.

В первых числах октября Ленин призывает петроградскую партийную конференцию сказать твердое слово в пользу восстания. По его инициативе конференция «настоятельно просит ЦК принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян». В одной этой фразе две маскировки, юридическая и дипломатическая: о руководстве «неизбежным восстанием», вместо прямой подготовки восстания, говорится, чтоб не дать слишком благоприятных козырей в руки прокуратуры; конференция «просит ЦК», не требует и не протестует — это явная дань престижу высшего учреждения партии. Но в другой резолюции, также написанной Лениным, говорится с большей откровенностью: «... в верхах партии заметны шатания, как бы боязнь борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами». Это уже почти прямое восстановление партии против Центрального комитета. Ленин не легко решался на такие шаги. Но дело шло о судьбе революции, и все другие соображения отступали на задний план.

8 октября Ленин обращается к большевистским делегатам предстоящего Северного областного съезда: «Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный исполнительный комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска». Областной съезд, на котором представлены Финляндия, флот и Ревель, должен взять на себя инициативу «немедленного движения к Питеру». Прямой призыв к немедленному восстанию обращен на этот раз к представителям десятков Советов. Призыв исходит лично от Ленина: партийного решения нет, высшее учреждение партии еще не высказалось.

Нужно было очень большое доверие к пролетариату, к партии, но и очень серьезное недоверие к Центральному комитету, чтобы мимо него, за личной ответственностью, из подполья, при помощи небольших мелко исписанных листков почтовой бумаги, поднять агитацию за вооруженный переворот. Как же могло случиться, что Ленин, которого мы видели изолированным на верхах собственной партии в начале апреля, как бы снова оказался в той же среде одиноким в сентябре и начале октября? Этого нельзя понять, если верить неумной легенде, изображающей историю большевизма, как эманацию чистой революционной идеи. На самом деле большевизм развивался в определенной социальной среде, испытывая на себе ее разнородные воздействия, в том числе и влияние мелкобуржуазного окружения и культурной отсталости. К каждой новой обстановке партия приспособлялась не иначе, как путем внутреннего кризиса.

Чтоб острая предоктябрьская борьба на большевистских верхах предстала пред нами в своем подлинном свете, приходится снова оглянуться назад на те процессы в партии, о которых уже шла речь в первом томе этого труда. Это тем более необходимо, что как раз в настоящее время фракция Сталина делает неслыханные усилия, притом в международном масштабе, чтоб вытравить из исторической памяти всякое воспоминание о том, как на деле подготовлялся и совершался Октябрьский переворот.

В годы перед войной большевики называли себя в легальной печати «последовательными демократами». Этот псевдоним был выбран не случайно. Лозунги революционной демократии большевизм, и только он один, смело доводил до конца. Но в прогнозе революции он не шел дальше их. Война же, нерасторжимо связав буржуазную демократию с империализмом, окончательно обнаружила, что программа «последовательной демократии» может быть разрешена не иначе, как через пролетарскую революцию. Кому из большевиков война этого не объяснила, того

революция должна была неминуемо застигнуть врасплох и превратить в левого попутчика буржуазной демократии.

Между тем тщательное изучение материалов, характеризующих жизнь партии за время войны и в начале революции, несмотря на крайнюю и неслучайную их неполноту, а начиная с 1923 года — и на возрастающую их тенденциозность, — все больше и больше обнаруживает, какое огромное идейное сползание проделал верхней слой большевиков за время войны, когда правильная жизнь партии фактически прекратилась. Причина сползания двойная: отрыв от масс и отрыв от эмиграции, т. е. прежде всего от Ленина, и как результат: погружение в изолированность и в провинциализм.

Ни один из старых большевиков в России, предоставленных каждый самому себе, не формулировал в течение всей войны ни одного документа, который мог бы рассматриваться, хотя бы как маленькая веха на пути от Второго Интернационала к Третьему. «Вопросы мира, качества грядущей революции, роль партии в будущем Временном правительстве и т. п., — писал несколько лет тому назад один из старых членов партии Антонов-Саратовский, — рисовались нам или довольно смутно, или совсем не входили в поле нашего мышления». До сих пор вообще не опубликовано ни одной работы, ни одной страницы дневника, ни одного письма, в которых Сталин, Молотов и другие из нынешних руководителей, хоть вскользь, хоть бегло, формулировали бы свои воззрения на перспективы войны и революции. Это не значит, конечно, что «старые большевики» ничего не писали по этим вопросам в годы войны, крушения социал-домократии и подготовки русской революции; исторические события слишком властно требовали ответа, а тюрьма и ссылка предоставляли достаточный досуг для размышлений и переписки. Но во всем написанном на эти темы не оказалось ничего, что можно было бы хоть с натяжкой истолковать, как приближение к идеям Октябрьской

революции. Достаточно сослаться на то, что Институт истории партии лишен возможности напечатать хотя бы одну строку, вышедшую из-под пера Сталина за 1914—1917 годы, и вынужден тщательно скрывать важнейшие документы за март 1917 года. В официальных политических биографиях большинства правящего ныне слоя годы войны значатся, как пустое место. Такова неприкрашенная правда.

Один из новейших молодых историков, Баевский, которому специально поручено было показать, как партийные верхи развивались во время войны в сторону пролетарской революции, несмотря на проявленную им гибкость научной совести, не смог выжать из материалов ничего, кроме следующего тощего заявления: «Проследить, как шел этот процесс, нельзя, но некоторые документы и воспоминания с несомненностью доказывают, что подпочвенные искания партийной мысли в направлении апрельских тезисов Ленина были»... Как будто дело идет о подпочвенных исканиях, а не научных оценках и политических прогнозах!

Петербургская «Правда» пыталась в начале революции занять интернационалистскую позицию, правда, крайне противоречивую, ибо не выходившую за рамки буржуазной демократии. Прибывшие из ссылки авторитетные большевики сразу придали центральному органу демократически-патриотическое направление. Калинин, отбиваясь от обвинений в оппортунизме, напомнил 30-го мая: «Взять пример «Правды». Вначале «Правда» вела одну политику. Приехали Сталин, Муранов, Каменев и повернули руль «Правды» в другую сторону».

«Надо сказать прямо, — писал несколько лет тому назад Молотов, — у партии не было ясности и решимости, каких требовал революционный момент... Агитация и вся революционная партийная работа в целом не имели прочной основы, ибо мысль не дошла еще до смелых выводов относительно необходимости непосредственной борьбы за социализм и социалистическую революцию». Перелом начался только на втором месяце революции. «Со времени прибытия Ленина в

Россию в апреле 1917 года, — свидетельствует Молотов, — наша партия почувствовала прочную почву под ногами... До этого момента партия лишь слабо и неуверенно нащупывала свою дорогу».

Притти априорно к идеям Октябрьской революции можно было не в Сибири, не в Москве, даже не в Петрограде, а только на перекрестке мировых исторических путей. Задачи запоздалой буржуазной революции должны были пересечься с перспективами мирового пролетарского движения, чтобы оказалось возможным выдвинуть для России программу диктатуры пролетариата. Нужен был более высокий наблюдательный пункт, не национальный, а интернациональный горизонт, не говоря уже о более серьезном вооружении, чем то, каким располагали так называемые русские практики партии.

Низвержение монархии открывало в их глазах эру «свободной», республиканской России, в которой они собирались, по примеру западных стран, открыть борьбу за социализм. Три старых большевика, Рыков, Скворцов и Вегман, «по поручению освобожденных революцией социал-демократов Нарымского края», телеграфировали в марте из Томска: «Приветствуем возрожденную «Правду», которая с таким успехом подготовила революционные кадры для завоевания политической свободы. Выражаем глубокую уверенность, что ей удастся объединить вокруг своего знамени для дальнейшей борьбы во имя национальной революции». Из этой коллективной телеграммы выступает целое мировоззрение: оно пропастью отделено от апрельских тезисов Ленина. Февральский переворот сразу превратил руководящий слой партии, во главе с Каменевым, Рыковым, Сталиным, в демократических оборонцев, притом развивавшихся вправо, в сторону сближения с меньшевиками. Будущий историк партии Ярославский, будущий глава Центральной контрольной комиссии Орджоникидзе, будущий председатель украинского ЦИК'а Петровский издавали в марте в тесном союзе с меньшевиками, в

Якутске, журнал «Социалдемократ», стоявший на грани патриотического реформизма и либерализма: в позднейшие годы это издание тщательно собиралось и предавалось уничтожению.

«Надо открыто признать — писал Ангарский, один из этого слоя, когда такие вещи еще разрешалось писать, — что огромное число старых большевиков до апрельской конференции партии по вопросу о характере революции 1917 г. придерживалось старых большевистских взглядов 1905 г., и что отказ от этих взглядов, их изживание совершались не так легко». Следовало бы лишь прибавить, что пережившие себя идеи 1905 года переставали быть в 1917 году «старыми большевистскими взглядами», а становились идеями патриотического реформизма.

«Апрельским тезисам Ленина, — гласит официальное историческое издание — прямо-таки не повезло в Петербургском комитете. За эти тезисы, составившие эпоху, высказались только двое против 13 и один воздержался». «Слишком смелыми казались выводы Ленина даже для самых его восторженных последователей», — пишет Подвойский. Выступления Ленина — по мнению Петроградского комитета и Военной организации — «поставили... партию большевиков одинокой и тем, разумеется, ухудшили положение пролетариата и партии до крайности».

Сталин в конце марта выступал за военную оборону, за условную поддержку Временного правительства, за пацифистский манифест Суханова, за слияние с партией Церетели. «Эту ошибочную позицию, — признавал ретроспективно сам Сталин в 1924 году, — я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых апрельских тезисах»...

Калинин даже в конце апреля стоял еще за избирательный блок с меньшевиками. На петроградской

городской конференции Ленин говорил: «Я резко восстаю против Калинина, ибо блок с... шовинистами — немыслим... Это — предательство социализма». Настроения Калинина не были исключением даже в Петрограде. На конференции говорилось: «объединительный угар под влиянием Ленина идет на смарку».

В провинции сопротивление тезисам Ленина держалось значительно дольше, в ряде губерний — почти до Октября. По рассказу киевского рабочего Сивцова, «идеи, выставленные в тезисах (Ленина), не сразу были восприняты всей киевской большевистской организацией. Ряд товарищей, в том числе и Г. Пятаков, были с тезисами несогласны»... Харьковский железнодорожник Моргунов рассказывает: «Старые большевики пользовались большим влиянием среди всей железнодоржной массы... многие из старых большевиков не состояли в нашей фракции... после Февральской революции некоторые по ошибке записались к меньшевикам, над чем и сами после смеялись, как, мол, это случилось». В таких и подобных свидетельствах недостатка нет.

Несмотря на все это, простое упоминание о произведенном Лениным в апреле перевооружении партии воспринимается ныне официальной историографией, как кощунство. Исторический критерий новейшие историки заменили критерием чести партийного мундира. Они лишены права цитировать по этому поводу даже Сталина, который еще в 1924 году вынужден был признавать всю глубину апрельского поворота. «Понадобились знаменитые апрельские тезисы Ленина для того, чтобы партия смогла одним взмахом выйти на новую дорогу». «Новая ориентировка» и «новая дорога» — это и есть перевооружение партии. Но уже шесть лет спустя Ярославский, упомянувший, в качестве историка, о том, что Сталин в начале революции занимал «ошибочную позицию в основных вопросах», подвергся свирепой травле со всех сторон. Идол престижа есть самое прожорливое из всех чудовищ!

Революционная традиция партии, давление рабочих снизу, критика Ленина сверху заставили верхний слой партии в течение апреля-мая, говоря словами Сталина, «выйти на новую дорогу». Но нужно было бы совсем не знать политической психологии, чтобы допустить, будто одно лишь голосование за тезисы Ленина означало действительный и полный отказ от «ошибочной позиции в основных вопросах». В действительности те вульгарно-демократические взгляды, которые органически окрепли за годы войны, хоть и приспособлялись к новой программе, но оставались в глухой оппозиции к ней.

6-го августа Каменев, вопреки решению апрельской конференции большевиков, выступает в Исполнительном комитете за участие в подготовлявшейся стокгольмской конференции социал-патриотов. В центральном органе партии выступление Каменева не встречает никакого отпора. Ленин пишет грозную статью, которая появляется, однако, лишь через 10 дней после речи Каменева. Понадобились решительные настояния самого Ленина и других членов ЦК, чтоб добиться от возглавлявшейся Сталиным редакции напечатания протестующей статьи.

Конвульсия колебаний прошла по партии после июльских дней: изолированность пролетарского авангарда испугала многих руководителей, особенно в провинции. В корниловские дни эти испуганные пытались приблизиться к соглашателям, что снова вызвало предостерегающий окрик Ленина.

30 августа Сталин, в качестве редактора, печатает без оговорки статью Зиновьева «Чего не делать», направленную против подготовки восстания. «Надо смотреть правде в лицо: в Петрограде сейчас налицо много условий, благоприятствующих возникновению восстания типа Парижской коммуны 1871 года»... 3 сентября Ленин, в другой связи и не называя Зиновьева, но рикошетом ударяя по нему, пишет: «Ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему

научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложит большевики, если станут властью, именно: землю кресьянам, немедленное предложение мира»... Это было безыменное, но недвусмысленное предостережение не только Зиновьеву, но и редактору «Правды» Сталину.

Вопрос о Предпарламенте разбил ЦК пополам. Решение фракции Совещания в пользу участия в Предпарламенте было подтверждено многими местными комитетами, если не большинством. Так было, например, в Киеве. «По вопросу о... вхождении в Предпарламент — говорит в своих воспоминаниях Е. Бош — большинство Комитета высказалось за участие и избрало своего представителя Пятакова». Во многих случаях, как на примере Каменева, Рыкова, Пятакова и других, можно проследить преемственность в шатаниях: против тезисов Ленина в апреле, против бойкота Предпарламента в сентябре, против восстания в октябре. Наоборот, следующий слой большевистских кадров, более близкий к массам и политически более свежий, легко воспринял лозунг бойкота и заставил круто повернуть комитеты, в том числе и Центральный. Под влиянием писем Ленина киевская городская конференция, например, подавляющим большинством высказалась против своего комитета. Так, почти на всех крутых политических поворотах Ленин опирался на низшие слои аппарата против высших или на партийную массу — против аппарата в целом.

Предоктябрьские колебания меньше всего могли при этих условиях застигнуть Ленина врасплох. Он заранее оказался вооружен зоркой подозрительностью, подстерегал тревожные симптомы, исходил из худших предположений и считал более целесооб-

разным лишний раз нажать, чем проявить снисходительность.

По несомненному внушению Ленина, московское Областное бюро вынесло в конце сентября жесткую резолюцию против ЦК, обвиняя его в нерешительности, колебаниях, внесении замешательства в ряды партии и требуя «взять ясную и определенную линию на восстание». От имени московского бюро Ломов докладывал 3 октября это решение в ЦК. Протокол отмечает: «Прений по докладу решено не вести». ЦК продолжал еще уклоняться от ответа на вопрос, что делать? Но нажим Ленина через Москву не остался без результата: через два дня ЦК решил покинуть Предпарламент.

Что этот шаг означал вступление на путь восстания, было ясно врагам и противникам. «Троцкий, уведя свою армию из Предпарламента — пишет Суханов — определенно взял курс на насильственный переворот». Доклад в петроградском Совете о выходе из Предпарламента был закончен кличем: «Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!» Это было 9 октября.

На следующий день происходило, по требованию Ленина, знаменитое заседание ЦК, где вопрос о восстании был поставлен ребром. От исхода этого заседания Ленин ставил в зависимость свою дальнейшую политику: через ЦК или против него. «О, новые шутки веселой музы истории! — пишет Суханов. — Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире, все на той же Карповке (32, кв. 31). Но все это было без моего ведома». Жена меньшевика — Суханова была большевичкой. «На этот раз к моей ночевке вне дома были приняты особые меры: по крайней мере, жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский бескорыстный совет — не утруждать себя после трудов дальним путешествием. Во всяком случае, высокое собрание было совершенно гарантировано от

моего нашествия». Оно оказалось, что гораздо важнее, ограждено и от нашествия полиции Керенского.

Из 21 члена ЦК присутствовало 12. Ленин прибыл в парике и очках, без бороды. Заседание длилось около 10 часов подряд, до глубокой ночи. В промежутке пили чай с хлебом и колбасой для подкрепления сил. А силы нужны были: вопрос шел о захвате власти в бывшей империи царей. Как всегда, заседание началось с организационного доклада Свердлова. На этот раз его сообщения были посвящены фронту и, повидимому, заранее согласованы с Лениным, чтоб дать ему опору для необходимых выводов: это вполне отвечало приемам Ленина. Представители армий Северного фронта предупреждали через Свердлова о подготовке контр-революционным командованием какой-то «темной истории с отходом войск вглубь». Из Минска, из штаба Западного фронта, сообщали, что там готовится новая корниловщина; ввиду революционного характера местного гарнизона, штаб окружил город казачьими частями. «Идут какие-то переговоры между штабами и Ставкой подозрительного характера». Захватить штаб в Минске вполне возможно: местный гарнизон готов разоружить казачье кольцо. Могут также из Минска послать революционный корпус в Петроград. На фронте настроение за большевиков, пойдут против Керенского. Таково вступление: оно не во всех своих частях достаточно определенно, но имеет вполне обнадеживающий характер.

Ленин сразу переходит в наступление: «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании». Ссылаются на охлаждение и разочарование масс. Не мудрено: «массы утомились от слов и резолюций». Надо брать обстановку в целом. События в городах совершаются теперь на фоне гигантского движения крестьян. Чтоб притушить аграрное восстание, Правительству нужны были бы колоссальные силы. «Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом

все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха». Докладчик явно сдерживает себя: у него слишком много накопилось на душе. «Северным областным съездом Советов и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий».

Северный съезд открылся как раз в день заседания ЦК и должен был закончиться через два-три дня. «Начало решительных действий» Ленин ставил, как задачу ближайших дней. Нельзя ждать. Нельзя откладывать. На фрноте — мы слышали от Свердлова — готовят переворот. Состоится ли съезд Советов? неизвестно. Власть надо брать немедленно, не дожидаясь никаких съездов. «Непередаваемым и невоспроизводимым — писал через несколько лет Троцкий — остался общий дух этих напряженных и страстных импровизаций, проникнутых стремлением передать возражающим, колеблющимся, сомневающимся свою мысль, свою волю, свою уверенность, свое мужество»...

Ленин ожидал большого сопротивления. Но его опасения скоро рассеялись. Единодушие, с каким ЦК отверг в сентябре предложение немедленного восстанья, имело эпизодический характер: левое крыло высказалось против «окружения Александринки» по конъюнктурным соображениям; правое — по соображениям общей стратегии, хотя и не додуманным еще в тот момент до конца. За истекшие три недели в ЦК произошел значительный сдвиг влево. За восстание голосовало десять против двух. Это была серьезная победа!

Вскоре после переворота, на новом этапе внутрипартийной борьбы, Ленин упомянул во время прений в Петроградском комитете, как до заседания ЦК он «боялся оппортунизма со стороны интернационалистов-объединенцев, но это рассеялось; в нашей партии некоторые члены (ЦК) не согласились. Это меня крайне огорчило». Из «интернационалистов», кроме

Троцкого, которого вряд-ли Ленин мог иметь в виду, в ЦК входили: Иоффе, будущий посол в Берлине, Урицкий, будущий руководитель Чека в Петрограде, и Сокольников, будущий создатель червонца: все три оказались на стороне Ленина. В качестве противников выступили два, по прошлой своей работе наиболее близких к Ленину старых большевика: Зиновьев и Каменев. К ним и относятся его слова: «это меня крайне огорчило». Заседание 10-го почти целиком свелось к страстной полемике с Зиновьевым и Каменевым: наступление вел Ленин, остальные втягивались один за другим.

Спешно, огрызком карандаша на графленном квадратиками листке из детской тетради написанная Лениным резолюция была очень нескладна по архитектуре, но зато давала прочную опору для курса на восстание. «ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского и Ко. сдать Питер немцам), — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».

Замечателен как для оценки момента, так и для характеристики автора, самый порядок перечисления

условий восстания: на первом месте — назревание мировой революции; восстание в России рассматривается лишь, как звено общей цепи. Это неизменная исходная позиция Ленина, его большая посылка: иначе он не мог. Задача восстания ставится непосредственно, как задача партии: трудный вопрос о согласовании подготовки переворота с Советами пока совсем не затронут. Всероссийский съезд Советов не упомянут ни словом. В качестве точек опоры для восстания, к Северному областному съезду и «выступлению москвичей и минчан» прибавлен, по настоянию Троцкого, «вывод войск из Питера». Это был единственный намек на тот план восстания, который навязывался в столице ходом событий. Никто не предлагал тактических поправок к резолюции, которая определяла исходную стратегическую позицию переворота, против Зиновьева и Каменева, отрицавших самую необходимость восстания.

Позднейшие попытки официозной историографии представить дело так, будто весь руководящий слой партии, кроме Зиновьева и Каменева, стоял за восстание, разбиваются о факты и документы. Не говоря о том, что и голосующие за восстание нередко склонны были отодвинуть его в неопределенное будущее, открытые противники переворота, Зиновьев и Каменев, не были изолированы даже в составе ЦК: на их точке зрения стояли полностью Рыков и Ногин, отсутствовавшие в заседании 10-го, к ним приближался Милютин. «В верхах партии заметны шатания, как бы боязнь борьбы за власть», — таково свидетельство самого Ленина. По словам Антонова-Саратовского, Милютин, прибывший после 10-го в Саратов, «рассказывал о письме Ильича с требованием «начинать», о колебаниях в ЦК, первоначальном «провале» предложения Ленина, о его негодовании и, наконец, о том, что все же курс взят на восстание». Большевик Садовский писал позже об «известной неуверенности и неопределенности, которые в это время царили. Даже в среде ЦК нашего в

это время, как известно, были трения, столкновения, как начать и начинать ли».

Сам Садовский был в тот период одним из руководителей Военной секции Совета и Военной организации большевиков. Но именно члены Военной организации, как видно из ряда воспоминаний, с чрезвычайной предубежденностью относились в октябре к идее восстания: специфический характер организации склонял руководителей к недооценке политических условий и к переоценке технических. 16-го октября Крыленко докладывал: «Большая часть Бюро (Военной организации) полагает, что не нужно заострять вопрос практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу». 18-го другой видный участник Военной организации, Лашевич, говорил: «Не надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать событий... Нет гарантии, что нам удастся удержать власть... Стратегический план, предложенный Лениным, хромает на все четыре ноги». Антонов-Овсеенко рассказывает о свидании главных военных работников с Лениным: «Подвойский выражал сомнение, Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича; я рассказывал о положении в Финляндии... Уверенность и твердость Ильича укрепляюще действует на меня и подбадривает Невского, но Подвойский упрямствует в своих сомнениях». Не надо упускать из виду, что во всех такого рода воспоминаниях сомнения нанесены акварельно, а уверенность — густым маслом.

Решительно выступал против восстания Чудновский. Скептический Мануильский предостерегающе твердил, что «фронт не с нами». Против восстания был Томский. Володарский поддерживал Зиновьева и Каменева. Далеко не все противники переворота выступали открыто. На заседании Петроградского комитета 15-го Калинин говорил: «Резолюция ЦК — это одна из лучших резолюций, которую когда-либо ЦК выносил... Мы практически подошли к вооруженному восстанию. Но когда это будет возможно — мо-

жет быть, через год — неизвестно». Такого рода «согласие» с ЦК, как нельзя более характерное для Калинина, было свойственно, однако, не только ему. Многие присоединялись к резолюции, чтоб застраховать таким образом свою борьбу против восстания.

Меньше всего единодушия наблюдалось на верхах в Москве. Областное бюро поддерживало Ленина. В Московском комитете колебания были очень значительны, преобладали настроения в пользу оттяжки. Губернский комитет занимал позицию неопределенную, причем в Областном бюро считали, по словам Яковлевой, что в решительную минуту губернский комитет колебнется в сторону противников восстания.

Саратовец Лебедев рсасказывает, как, при посещении Москвы, незадолго до переворота, он прогуливался с Рыковым, который, указывая рукою на каменные дома, богатые магазины, деловое оживление вокруг, жаловался на трудности предстоящей задачи «Здесь, в самом центре буржуазной Москвы, мы действительно казались себе пигмеями, задумавшими своротить гору».

В каждой организации партии, в каждом губернском ее комитете были люди тех же настроений, что Зиновьев и Каменев; во многих комитетах они составляли большинство. Даже в пролетарском Иваново-Вознесенске, где большевики господствовали безраздельно, разногласия на руководящих верхах приняли чрезвычайную остроту. В 1925 году, когда воспоминания применялись уже к потребностям нового курса, Киселев, старый рабочий-большевик, писал: «рабочая часть партии, за исключением отдельных лиц, шла за Лениным, против же Ленина выступала немногочисленная группа партийных интеллигентов и одиночки рабочие». В публичных спорах противники восстания повторяли те же доводы, что и Зиновьев с Каменевым. «В частных же спорах — пишет Киселев, — полемика принимала более острые и откровенные формы, и там договаривались до того, что «Ленин безумец, толкает рабочий класс на верную ги-

бель, из этого вооруженного восстания ничего не выйдет, нас разобьют, разгромят партию и рабочий класс, а это отодвинет революцию на долгие годы и т. п.». Таково в частности было настроение Фрунзе, лично очень мужественного, но не отличавшегося широким горизонтом.

Даже победа восстания в Петрограде далеко еще не повсюду сломила инерцию выжидательности и прямое сопротивление правого крыла. Шаткость руководства едва не довела впоследствии восстание в Москве до крушения. В Киеве руководимый Пятаковым комитет, ведший чисто оборонительную политику, передал в конце концов инициативу, а затем и власть в руки Рады. «Воронежская организация нашей партии — рассказывает Врачев — весьма значительно колебалась. Самый переворот в Воронеже... был произведен не комитетом партии, а активным его меньшинством, во главе с Моисеевым». В целом ряде губернских городов большевики заключили в октябре блок с соглашателями «против контр-революции», как еслиб соглашатели не составляли в этот момент одну из важнейших ее опор. Почти везде и всюду нужен был одновременный толчок и сверху и снизу, чтобы сломить последнюю нерешительность местного комитета, заставить его порвать с соглашателями и возглавить движение. «Конец октября и начало ноября были днями поистине «смуты великой» в нашей партийной среде. Многие быстро поддавались настроениям», — вспоминает Шляпников, сам отдавший немалую дань колебаниям.

Все те элементы, которые, как харьковские большевики, оказались в начале революции в лагере меньшевиков, а затем сами удивлялись, «как, мол, это случилось», в октябрьские дни не находили себе, по общему правилу, места, колебались, выжидали. Тем увереннее они предъявили свои права «старых большевиков» в период идейной реакции. Как ни велика была за последние годы работа по сокрытию этих фактов, но, даже помимо недоступных сейчас ис-

следователю секретных архивов, сохранилось в газетах того времени, мемуарах, исторических журналах немало свидетельств того, что аппарат даже наиболее революционной партии обнаружил накануне переворота большую силу сопротивления. В бюрократии неизбежно сидит консерватизм. Революционную функцию аппарат может выполнять лишь до тех пор, пока является служебным орудием партии, т. е. подчинен идее и контролируется массой.

Резолюция 10-го октября приобрела огромное значение. Она сразу обеспечила действительным сторонникам восстания крепкую почву партийного права. Во всех организациях партии, во всех ячейках стали выдвигаться на первое место наиболее решительные элементы. Партийные организации, начиная с Петрограда, подтянулись, подсчитали силы и средства, укрепили связи и придали кампании за переворот более концентрированный характер.

Но резолюция не положила конец разногласиям в ЦК. Наоборот, она их только оформила и вывела наружу. Зиновьев и Каменев, которые недавно чувствовали себя в известной части руководящих кругов окруженными атмосферой сочувствия, заметили с испугом, как быстро происходит сдвиг влево. Они решили не упускать больше времени и распространили на следующий же день обширное обращение к членам партии. «Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом, — писали они — мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее».

Их перспектива состояла в том, чтобы в качестве сильной оппозиционной партии войти в Учредительное собрание, которое «только на Советы сможет опереться в своей революционной работе». Отсюда формула: «Учредительное собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Учредительное собрание, где большевики предполагались в меньшинстве, и Советы,

где большевики в большинстве, т. е. орган буржуазии и орган пролетариата, должны быть «скомбинированы» в мирную систему двоевластия.. Этого не вышло даже при господстве соглашателей. Как же могло это удасться при большевистских советах?

«Глубокой исторической неправдой, — заканчивали Зиновьев и Каменев, — будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: *или сейчас, или никогда.* Нет. Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам». Надежда на дальнейший непрерывный рост большевизма, независимо от реального хода классовых столкновений, непримиримо сталкивалась с ленинским лейтмотивом того времени: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы».

Едва ли нужно пояснять, что правота в этом драматическом диалоге была целиком на стороне Ленина. Революционную ситуацию невозможно по произволу консервировать. Еслибы большевики не взяли власти в октябре - ноябре, они, по всей вероятности, не взяли бы ее совсем. Вместо твердого руководства массы нашли бы у большевиков все то же, уже опостылевшее им расхождение между словом и делом и отхлынули бы от обманувшей их ожидания партии в течение двух - трех месяцев, как перед тем отхлынули от эсеров и меньшевиков. Одна часть трудящихся впала бы в индифферентизм, другая сжигала бы свои силы в конвульсивных движениях, в анархических вспышках, в партизанских схватках, в терроре мести и отчаяния. Полученную таким образом передышку буржуазия использовала бы для заключения сепаратного мира с Гогенцоллерном и разгрома революционных организаций. Россия снова включилась бы в цикл капиталистических государств, как полуимпериалистическая, полуколониальная страна. Пролетарский переворот отодвинулся бы в неопределенную даль. Острое понимание этой перспективы внушало Ленину его тре-

вожный клич: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы».

Но теперь, после 10-го, положение в партии радикально изменилось. Ленин не был уже изолированным «оппозиционером», предложения которого отклонялись Центральным комитетом. Изолированным оказалось правое крыло. Ленину не было надобности ценою отставки приобретать для себя свободу агитации. Легальность была на его стороне. Наоборот, Зиновьев и Каменев, пустив в обращение свой документ, направленный против вынесенного большинством ЦК решения, оказались нарушителями дисциплины. А Ленин в борьбе не оставлял безнаказанной и менее крупной оплошности противника!

На заседании 10-го избрано было, по предложению Дзержинского, политическое бюро из 7 человек: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Сокольников, Бубнов. Новое учреждение оказалось, однако, совершенно нежизнеспособным: Ленин и Зиновьев все еще скрывались; Зиновьев продолжал к тому же вести борьбу против восстания, как и Каменев. Политическое бюро октябрьского состава ни разу не собиралось, и о нем вскоре просто забыли, как и о других организациях, создававшихся ad hoc в водовороте событий.

Никакого практического плана восстания, даже приблизительного, в заседании 10-го намечено не было. Но, без занесения в резолюцию, было условлено, что восстание должно предшествовать съезду Советов и начаться по возможности не позже 15-го октября. Не все шли на этот срок охотно: он явно был слишком короток для взятого в Петрограде разбега. Но настаивать на отсрочке значило бы поддержать правых и спутать карты. К тому же отсрочить никогда не поздно!

Факт первоначального назначения срока на 15-ое был впервые опубликован в воспоминаниях Троцкого о Ленине в 1924 году, семь лет после событий. Сообщение было вскоре оспорено Сталиным, причем во-

прос приобрел в русской исторической литературе остроту. Как известно, восстание произошло в действительности только 25-го, следовательно, первоначально назначенный срок оказался невыдержан. Эпигонская историография считает, что в политике ЦК не могло быть не только ошибок, но и просрочек. «Выходит, — пишет по этому поводу Сталин, — что ЦК назначил срок восстания на 15-ое октября и потом сам же нарушил(!) это постановление, оттянув срок восстания на 25-ое октября. Верно ли это? Нет, не верно». Сталин приходит к выводу, что «Троцкому изменила память». В доказательство он ссылается на резолюцию 10-го октября, которая не называет никакого срока.

Спорный вопрос хронологии восстания очень важен для понимания ритма событий и требует освещения. Что резолюция 10-го не содержит в себе даты, совершенно верно. Но эта общая резолюция относилась к восстанию во всей стране и предназначалась для сотен и тысяч руководящих партийных работников. Включать в нее конспиративный срок намеченного уже на ближайшие дни восстания в Петрограде было бы верхом неблагоразумия: напомним, что Ленин из осторожности даже на своих письмах того времени не ставил дат. Дело шло в данном случае о таком важном и вместе простом решении, которое все участники могли без труда удержать в памяти, тем более, в течение всего лишь нескольких дней. Обращение Сталина к тексту резолюции представляет таким образом совершенное недоразумение.

Мы готовы, однако, признать, что ссылки одного из участников на собственную память, особенно, если сообщение оспорено другим участником, недостаточно для исторического исследования. К счастью, вопрос решается с совершенной бесспорностью в плоскости анализа условий и документов.

Открытие съезда Советов предстояло 20-го октября. Между днем заседания Центрального комитета и сроком съезда оставался промежуток в 10 дней.

Съезд должен был не агитировать за власть Советов, а взять ее. Но сами по себе несколько сот делегатов бессильны овладеть властью; нужно было вырвать ее для съезда и до съезда. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд», — эта мысль стояла в центре всей агитации Ленина со второй половины сентября. В принципе с этим были согласны все, кто вообще стоял за захват власти. ЦК не мог, следовательно, не поставить себе задачей попытаться провести восстание между 10 и 20 октября. А так как нельзя было предвидеть, сколько дней протянется борьба, то начало восстания было назначено на 15-ое. «Насчет самого срока, — пишет Троцкий в своих воспоминаниях о Ленине, — споров, помнится, почти не было. Все понимали, что срок имеет лишь приблизительный, так сказать, ориентировочный характер и что, в зависимости от событий, можно будет несколько приблизить или несколько отдалить его. Но речь могла итти только о днях, не более. Самая необходимость срока, и притом ближайшего, была совершенно очевидна».

В сущности свидетельство политической логики исчерпывает вопрос. Но нет недостатка и в дополнительных доказательствах. Ленин настойчиво и неоднократно предлагал воспользоваться Северным областным съездом советов для начала военных действий. Резолюция ЦК восприняла эту мысль. Но областной съезд, открывшийся 10-го, должен был закончиться как раз перед 15-ым.

На совещании 16-го Зиновьев, настаивавший на отмене вынесенной 6 дней тому назад резолюции, требовал: «Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие пять дней мы не устраиваем восстания»: речь шла о тех пяти днях, которые еще оставались до съезда Советов. Каменев, доказывавший на том же совещании, что «назначение восстания есть авантюризм», напоминал: «раньше говорили,что выступление должно быть до 20-го». Никто ему на это не возражал и не мог возразить. Именно просрочку восстания Ка-

менев истолковывал, как провал резолюции Ленина. Для восстания, по его словам, «за эту неделю ничего сделано не было». Это явное преувеличение: назначение срока заставило всех ввести в свои планы больше строгости и ускорить темпы работы. Но несомненно, что 5-дневный срок, намеченный на заседании 10-го, оказался слишком коротким. Запоздание было налицо. Только 17-го ЦИК перенес открытие съезда Советов на 25-ое октября. Эта отсрочка пришлась как нельзя более кстати.

Встревоженный затяжкой Ленин, которому, в его изолированности, все внутренние препятствия и трения должны были неизбежно представляться в преувеличенном виде, настоял на созыве нового собрания ЦК с представителями важнейших отраслей партийной работы в столице. Именно на этом совещании, 16-го, на окраине города, в Лесном, Зиновьев и Каменев выдвинули приведенные выше доводы за отмену старого срока и против назначения нового.

Споры возобновились с удвоенной силой. Милютин полагал, что «мы не готовы для нанесения первого удара... Встает другая перспектива: вооруженное столкновение... Оно нарастает, возможность его приближается. И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания». Милютин становился на оборонительную позицию, которую более отчетливо защищали Зиновьев и Каменев. Шотман, старый петроградский рабочий, проделавший всю историю партии, утверждал, что на городской конференции, и в ПК, и в Военке настроение гораздо менее боевое, чем в ЦК. «Мы не можем выступить, но должны готовиться». Ленин атаковал Милютина и Шотмана за их пессимистическую оценку соотношения сил: «дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой... Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать?»

Троцкий отсутствовал в заседании: в эти самые часы он проводил в Совете положение о Военно-рево-

люционном комитете. Но ту точку зрения, которая окончательно сложилась в Смольном за истекшие дни, защищал Крыленко, только что проведший рука об руку с Троцким и Антоновым-Овсеенко Северный областной съезд советов. Крыленко не сомневался, что «вода достаточно вскипела»; брать назад резолюцию о восстании «было бы величайшей ошибкой». Он расходится, однако, с Лениным «в вопросе о том, кто и как будет начинать». Определенно назначить день восстания сейчас еще нецелесообразно. «Но вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент, на котором произойдет бой... Факт наступления на нас уже имеется, таким образом, и этим можно воспользоваться... Беспокоиться о том, кому начинать, не приходится, ибо начало уже есть». Крыленко излагал и защищал политику, заложенную в основу Военно-революционного комитета и Гарнизонного совещания. Восстание развернулось дальше именно по этому пути.

Ленин не откликнулся на слова Крыленко: живая картина последних 6 дней в Петрограде не проходила пред его глазами. Ленин боялся оттяжки. Его внимание было направлено на прямых противников восстания. Всякие оговорки, условные формулы, недостаточно категоричные ответы он склонен был истолковывать, как косвенную поддержку Зиновьеву и Каменеву, которые выступали против него с решимостью людей, сжегших свои корабли. «Недельные результаты — доказывал Каменев — говорят за то, что данных за восстание теперь нет. Аппарата восcстания у нас нет; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос... Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в движущие силы русской революции». Оппортунисты всегда верят в движущие силы там, где надо драться.

Ленин возражал: «Если считать, что восстание назрело, то говорить о заговорах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно отно-

ситься к восстанию, как к искусству». Именно по этой линии шел в партии основной, действительно принципиальный спор, от разрешения которого в ту или другую сторону зависела судьба революции. Однако, в общих рамках ленинской постановки, которая объединяла вокруг себя большинство ЦК, вставали подчиненные, но крайне важные вопросы: как на основе созревшей политической ситуации подойти к восстанию? какой выбрать мост от политики к технике переворота? и как по этому мосту провести массы?

Иоффе, принадлежавший к левому крылу, поддерживал резолюцию 10-го. Но он возражал Ленину в одном пункте: «Не верно, что теперь вопрос чисто технический; и теперь момент восстания должен быть рассмотрен с политической точки зрения». Как раз последняя неделя показала, что для партии, для Совета, для масс восстание еще не стало одним лишь вопросом техники. Именно поэтому и не удалось выдержать намеченный 10-го срок.

Новая резолюция Ленина, призывающая «все организации и всех рабочих и солдат ко всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания», принята 20 голосами против двух, Зиновьева и Каменева, при 3 воздержавшихся. Официальные историки ссылаются на эти цифры в доказательство полного ничтожества оппозиции. Но они упрощают вопрос. Сдвиг влево был в толщах партии уже так силен, что противники восстания, не решаясь выступать открыто, чувствовали себя заинтересованными в том, чтобы стереть принципиальный водораздел между двумя лагерями. Если переворот, несмотря на намеченный ранее срок, не осуществился до 16-го, нельзя ли добиться того, чтоб дело и впредь ограничилось платоническим «курсом на восстание»? Что Калинин не был так уж одинок, очень ярко обнаружилось в том же заседании. Резолюция Зиновьева: «выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов недопустимы», отвергнута была 15 голосами против 6 при 3 воздержавшихся. Вот,

где произошла действительная проверка взглядов: часть «сторонников» резолюции ЦК хотела на деле отложить решение до съезда Советов и нового совещания с провинциальными, в большинстве своем более умеренными большевиками. Таких, считая и воздержавшихся, обнаружилось 9 человек из 24, т. е. больше трети. Это все еще, конечно, меньшинство, но для штаба — довольно значительное. Безнадежная слабость этого штаба определялась тем, что у него не было никакой опоры в низах партии и в рабочем классе.

На следующий день Каменев, по соглашению с Зиновьевым, сдал в газету Горького заявление, направленное против вынесенного накануне решения. «Не только я и Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков, — так писал Каменев, — находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом... Ставить все... на карту выступления в ближайшие дни — значило бы совершить шаг отчаяния. А наша партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершать подобные шаги»... Оппортунисты всегда чувствуют себя «слишком сильными», чтоб ввязываться в борьбу.

Письмо Каменева было прямым объявлением войны ЦК, притом по такому вопросу, где никто не собирался шутить. Положение сразу приняло чрезвычайную остроту. Оно осложнилось несколькими другими личными эпизодами, имевшими общий политический источник. В заседании петроградского Совета, 18-го, Троцкий, в ответ на поставленный противниками вопрос, заявил, что Совет восстания на ближайшие дни не назначал, но еслибы оказался принужден назначить, то рабочие и солдаты выступили бы, как один человек. Каменев, сосед Троцкого по президиуму, немедленно поднялся для краткого заявления:

он подписывается под каждым словом Троцкого. Это был коварный ход: в то время, как Троцкий оборонительной по внешности формулой юридически прикрывал наступательную политику, Каменев попытался использовать формулу Троцкого, с которым он радикально расходился, для прикрытия прямо противоположной политики.

Чтоб парализовать действие каменевского маневра, Троцкий в тот же день говорил в докладе на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов: «Гражданская война неизбежна. Надо только организовать ее более бескровно, менее болезненно. Достигнуть этого можно не шатаниями и колебаниями, а только упорной и мужественной борьбой за власть». Слова о шатаниях были, явно для всех, направлены против Зиновьева, Каменева и их единомышленников.

Вопрос о выступлении Каменева в Совете Троцкий перенес, кроме того, на рассмотрение ближайшего заседания ЦК. В промежутке Каменев, желая развязать себе руки для агитации против восстания, подал в отставку из ЦК. Вопрос разбирался в его отсутствии. Троцкий настаивал на том, что «создавшееся положение совершенно невыносимо» и предлагал отставку Каменева принять*).

Свердлов, поддержавший предложение Троцкого, огласил письмо Ленина, клеймившее Зиновьева и Каменева за их выступление в газете Горького штрейкбрехерами и требовавшее их исключения из партии. «Увертка Каменева на заседании петроградского Совета, — писал Ленин, — есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий не *мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что... решение о необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д. ... *обявы-*

---

*) См. стр. 183.

вает при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника... Увертка Каменева — просто жульничество».

Отправляя свой негодующий протест через Свердлова, Ленин не мог еще знать, что Зиновьев письмом в редакцию Центрального органа заявил: его, Зиновьева, взгляды «очень далеки от тех, которые оспаривает Ленин», и он, Зиновьев, «присоединяется к вчерашнему заявлению Троцкого в петроградском Совете». В таком же духе выступил в печати и третий противник восстания, Луначарский. В довершение злонамеренной путаницы письмо Зиновьева, напечатанное в Центральном органе как раз в день заседания ЦК, 20-го, оказалось сопровождено сочувственным примечанием от редакции: «Мы, в свою очередь, выражаем надежду, что сделанным заявлением Зиновьева (а также заявлением Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками». Это был новый удар в спину, притом с такой стороны, откуда его никто не ожидал. В то время, как Зиновьев и Каменев выступили во враждебной печати с открытой агитацией против решения ЦК о восстании, Центральный орган осуждает «резкость» ленинского тона и констатирует свое единомыслие с Зиновьевым и Каменевым «в основном». Как будто в тот момент был более основной вопрос, чем вопрос о восстании! Согласно краткому протоколу, Троцкий заявил на заседании ЦК: «недопустимы письма в ЦО Зиновьева и Луначарского, как и заметка от редакции». Свердлов поддержал протест.

В редакцию входили тогда Сталин и Сокольников. Протокол гласит: «Сокольников сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу письма Зиновьева и считает это заявление ошибочным». Выяснилось, что Сталин единолично — против другого члена редакции и большинства ЦК — поддержал Каменева и Зиновьева в самый критический мо-

мент, за четыре дня до начала восстания, сочувственным заявлением. Возмущение было велико.

Сталин выступил против принятия отставки Каменева, доказывая, что «все наше положение противоречиво», т. е. взял на себя защиту той смуты, которую вносили в умы члены ЦК, выступавшие против восстания. Пятью голосами против трех принимается отставка Каменева. Шестью голосами, снова против Сталина, выносится решение, воспрещающее Каменеву и Зиновьеву вести борьбу против ЦК. Протокол гласит: «Сталин заявляет, что выходит из редакции». Чтоб не усугублять и без того не легкое положение, ЦК отставку Сталина отклоняет.

Поведение Сталина может показаться необъяснимым в свете созданной вокруг него легенды; на самом деле оно вполне отвечает его духовному складу и политическим методам. Перед большими проблемами Сталин всегда отступает, — не вследствие отсутствия характера, как Каменев, а вследствие узости кругозора и недостатка творческого воображения. Подозрительная осторожность почти органически вынуждает его в моменты больших решений и глубоких расхождений отступать в тень, выжидать и, если возможно, страховаться на два случая. Сталин голосовал с Лениным за восстание. Зиновьев и Каменев открыто боролись против восстания. Но — если отбросить «резкость тона» ленинской критики, то «в основном мы остаемся единомышленниками». Свое примечание Сталин сделал отнюдь не по легкомыслию: наоборот, он тщательно взвешивал обстоятельства и слова. Но 20-го октября он не считал возможным разрушить бесповоротно мост к лагерю противников переворота.

Показания протоколов, которые мы вынуждены цитировать не по оригиналу, а по официальному тексту, обработанному в сталинской канцелярии, не только показывают действительное расположение фигур в большевистском ЦК, но и, несмотря на краткость и сухость, развертывают перед нами подлинную панораму партийного руководства, каким оно было на деле;

со всеми его внутренними противоречиями и неизбежными личными шатаниями. Не только историю в целом, но и наиболее дерзкие перевороты совершают люди, которым ничто человеческое не чуждо. Неужели же это умаляет значение соворшенного?

Еслибы развернуть на экране самую блестящую из побед Наполеона, то кинематографическая лента показала бы нам, наряду с гениальностью, размахом, находчивостью, героизмом — также и нерешительность отдельных маршалов, и путаницу генералов, не умеющих читать карту, и тупость офицеров, и панику целых отрядов, вплоть до расстроенных от страха кишечников. Этот реалистический документ свидетельствовал бы только, что армия Наполеона состояла не из автоматов легенды, а из живых французов, воспитавшихся на переломе двух веков. И картина человеческих слабостей только ярче подчеркивала бы грандиозность целого.

Легче теоретизировать о перевороте задним числом, чем впитать его в плоть и кровь прежде, чем он совершился. Приближение восстания неизбежно вызывало и будет вызывать кризисы в партиях восстания. Об этом свидетельтвует опыт самой закаленной и революционной партии, какую до сих пор знала история. Достаточно того, что за несколько дней до битвы Ленин увидел себя вынужденным требовать исключения из партии двух наиболее близких и видных своих учеников. Позднейшие попытки свести конфликт к «случайностям» личного характера внушены чисто церковной идеализацией партийного прошлого. Как Ленин полнее и решительнее других выражал в осенние месяцы 1917 года объективную необходимость восстания и волю масс к перевороту, так Зиновьев и Каменев откровеннее других воплощали тормозящие тенденции партии, настроения нерешительности, влияния мелкобуржуазных связей и давление правящих классов.

Еслибы все совещания, прения, частные споры, происходившие в верхнем слое большевистской партии в

течение одного только октября, были застенографированы, то потомки могли бы убедиться, какой напряженной внутренней борьбой формировалась на верхах партии решимость, необходимая для переворота. Стенограмма показала бы в то же время, насколько революционная партия нуждается во внутренней демократии: воля к борьбе не заготовляется впрок и не диктуется сверху, — ее надо каждый раз самостоятельно обновлять и закалять.

Ссылаясь на утверждения автора этой книги, что «основным инструментом пролетарского переворота служит партия», Сталин спрашивал в 1924 году: «как могла победить наша революция, если «основной ее инструмент» оказался негодным»? Ирония не прикрывает примитивной фальши возражения. Между святыми, как рисует их церковь, и между дьяволами, как их изображают кандидаты в святые, размещаются живые люди: они-то и делают историю. Высокий закал большевистской партии сказывался не в отсутствии разногласий, шатаний и даже потрясений, а в том, что она в труднейшей обстановке своевременно справлялась с внутренними кризисами и обеспечивала себе возможность решающего вмешательства в события. Это и значит, что партия, как целое, была вполне пригодным инструментом революции.

Реформистская партия практически считает незыблемыми основы того, что она собирается реформировать. Тем самым она неизбежно подчиняется идеям и морали господствующего класса. Поднявшись на спине пролетариата, социал-демократия стала лишь буржуазной партией второго сорта. Большевизм создал тип подлинного революционера, который историческим целям, непримиримым с современным обществом, подчиняет условия своего личного существования, свои идеи и нравственные оценки. Необходимая дистанция по отношению к буржуазной идеологии поддерживалась в партии бдительной непримиримостью, вдохновителем которой был Ленин. Он не уставал работать ланцетом, разрезая те связи, которые

мелкобуржуазное окружение создавало между партией и официальным общественным мнением. В то же время Ленин учил партию формировать свое собственное общественное мнение, опирающееся на мысли и чувства поднимающегося вверх класса. Так, путем отбора и воспитания, в постоянной борьбе, большевистская партия создала свою не только политическую, но и моральную среду, независимую от буржуазного общественного мнения и непримиримо ему противостоящую. Только это и позволило большевикам победить шатания в собственных рядах и проявить на деле ту мужественную решимость, без которой Октябрьская победа была бы невозможна.

Примечание к стр. 178.

В изданных в 1929 г. протоколах ЦК за 1917 год сказано, будто Троцкий объяснял свое заявление в Совете тем, что «оно было вынуждено Каменевым». Тут явно ошибочная запись или неправильная позднейшая редакция. Заявление Троцкого не нуждалось в особых объяснениях: оно вытекало из обстоятельств. По любопытной случайности, Московский Областной комитет, целиком поддерживавший Ленина, оказался вынужден в тот же день, 18-го, опубликовать в Московской газете заявление, почти дословно воспроизводившее формулу Троцкого: «... мы не заговорщичкая партия и своих выступлений тайком не назначаем... Когда мы решим выступить, то об этом скажем в своих печатных органах»... Иначе и нельзя было ответить на прямые вопросы врагов. Но если заявление Троцкого не было и не могло быть вынуждено Каменевым, то оно было сознательно скомпрометировано его фальшивой солидарностью, притом в таких условиях, когда Троцкий не имел возможности поставить необходимую точку над «и».

ИСКУССТВО ВОССТАНИЯ

Люди не совершают революцию охотно, как и войну. Разница, однако, та, что в войне решающую роль играет принуждение; в революции же принуждения нет, если не считать принуждения обстоятельств. Революция происходит тогда, когда не остается другого пути. Восстание, поднимающееся над революцией, как вершина в горной цепи ее событий, столь же мало может быть вызвано по произволу, как и революция в целом. Массы несколько раз наступают и отступают, прежде чем решаются на последний штурм.

Заговор обычно противопоставляется восстанию, как умышленное предприятие меньшинства стихийному движению большинства. И действительно: победоносное восстание, которое может явиться лишь делом класса, призванного стать во главе нации, по своему историческому значению и по методам отделено пропастью от переворота заговорщиков, действующих за спиною масс.

В сущности, во всяком классовом обществе достаточно противоречий, чтобы в щелях их можно было построить заговор. Исторический опыт свидетельствует, однако, что нужна все же определенная степень болезни общества, — как в Испании, Португалии, Южной Америке, — чтоб политика заговоров находила для себя постоянное питание. Чистый заговор,

даже в случае победы, может дать лишь смену у власти отдельных клик того же правящего класса, или еще менее: смену правительственных фигур. Победу одного социального режима над другим приносило в истории лишь массовое восстание. В то время, как периодические заговоры чаще всего являются выражением застоя и гниения общества, народное восстание, наоборот, возникает обычно в результате предшествующего быстрого развития, нарушающего старое равновесие нации. Хронические «революции» южно-американских республик не имеют ничего общего с перманентной революцией, наоборот, являются в известном смысле ее противоположностью.

Сказанное, однако, вовсе не означает, будто народное восстание и заговор исключают друг друга при всяких условиях. Элемент заговора, в тех или других размерах, почти всегда входит в восстание. Будучи исторически обусловленным этапом революции, массовое восстание никогда не бывает чисто стихийным. Даже прорвавшись неожиданно для большинства собственных участников, оно оплодотворяется теми идеями, в которых восставшие видят выход из тягот существования. Но массовое восстание может быть предвидено и подготовлено. Оно может быть заранее организовано. В этом случае заговор подчинен восстанию, служит ему, облегчает его ход, ускоряет его победу. Чем выше по своему политическому уровню революционное движение, чем серьезнее его руководство, тем большее место занимает заговор в народном восстании.

Правильно понять соотношение между восстанием и заговором, как в их противоположности, так и в их взаимодополнении, необходимо тем более, что самое употребление слова «заговор» имеет даже в марксистской литературе противоречивый по внешности характер, в зависимости от того, идет ли речь о самостоятельном предприятии инициативного меньшинства, или о подготовке меньшинством восстания большинства.

История свидетельствует, правда, что народное восстание может при известных условиях победить и без заговора. Возникнув «стихийно» из всеобщего возмущения, из разрозненных протестов, демонстраций, стачек, уличных столкновений, восстание может увлечь за собой часть армии, парализовать силы врага и опрокинуть старую власть. Так до известной степени произошло в феврале 1917 года в России. Ту же приблизительно картину представляло развитие германской и австро-венгерской революций осенью 1918 года. Поскольку в этих случаях во главе восставших не было партии, проникнутой насквозь интересами и целями восстания, постольку победа его должна была неминуемо передать власть в руки тех партий, которые до последнего момента противодействовали восстанию.

Опрокинуть старую власть — это одно. Взять власть в свои руки — это другое. Буржуазия в революции может овладеть властью не потому, что она революционна, а потому, что она буржуазия: в ее руках собственность, образование, пресса, сеть опорных пунктов, иерархия учреждений. Иное дело — пролетариат: лишенный социальных преимуществ, которые лежали бы вне его самого, восставший пролетариат может рассчитывать только на свою численность, на свою сплоченность, на свои кадры, на свой штаб.

Как кузнецу не дано голою рукою схватить раскаленное железо, так пролетариат не может голыми руками взять власть: ему нужна приспособленная для этой задачи организация. В сочетании массового восстания с заговором, в подчинении заговора восстанию, в организации восстания через заговор состоит та сложная и ответственная область революционной политики, которую Маркс и Энгельс называли «искусством восстания». Оно предполагает общее правильное руководство массами, гибкую ориентировку в изменяющихся условиях, продуманный план наступления, осторожность технической подготовки и смелость удара.

Стихийным восстанием историки и политики называют обыкновенно такое движение масс, которое, будучи связано враждою к старому режиму, не имеет ни ясных целей, ни выработанных методов борьбы, ни руководства, сознательно ведущего к победе. Стихийное восстание пользуется благожелательным признанием официальных историков, по крайней мере, демократических, как неотвратимое бедствие, ответственность за которое падает на старый режим. Действительная причина снисходительности в том, что «стихийные» восстания не могут выйти из рамок буржуазного режима.

По тому же пути идет и социал-демократия: она не отрицает революции вообще, в качестве социальной катастрофы, как она не отрицает землетрясений, вулканических извержений, солнечных затмений и чумных эпидемий. То, что она отрицает, в качестве «бланкизма», или, еще хуже, большевизма, — это сознательную подготовку переворота, план, заговор. Другими словами, социал-демократия готова санкционировать, правда, задним числом, те перевороты, которые передают власть в руки буржуазии, непримиримо осуждая в то же время те методы, которые одни только и могут передать власть в руки пролетариата. Под мнимым объективизмом таится политика охраны капиталистического общества.

Из наблюдений и размышлений над неудачами многих восстаний, в которых он был участником или свидетелем, Огюст Бланки вывел ряд тактических правил, без соблюдения которых победа восстания крайне затруднена, если не невозможна. Бланки требовал заблаговременного создания правильных революционных отрядов, централизованного управления ими, правильного их снабжения, хорошо рассчитанного размещения баррикад, определенной их конструкции и систематической, а не эпизодической их защиты. Все эти правила, вытекая из военных задач восстания, должны, разумеется, неизбежно изменяться вместе с социальными условиями и военной техни-

кой; но сами по себе они нисколько не являются «бланкизмом» в том смысле, в каком это понятие близко немецкому «путчизму» или революционному авантюризму.

Восстание есть искусство и, как всякое искусство, имеет свои законы. Правила Бланки были требованиями военно-революционного реализма. Ошибка Бланки состояла не в его прямой теореме, а в обратной. Из того факта, что тактическая беспомощность обрекала восстания на крушение, Бланки делал вывод, что соблюдение правил инсуррекционной тактики само по себе способно обеспечить победу. Только отсюда и начинается законное противопоставление бланкизма марксизму. Заговор не заменяет восстания. Активное меньшинство пролетариата, как бы хорошо оно ни было организовано, не может захватить власть независимо от общего состояния страны: в этом бланкизм осужден историей. Но только в этом. Прямая теорема сохраняет всю свою силу. Для завоевания власти пролетариату недостаточно стихийного восстания. Нужна соответственная организация, нужен план, нужен заговор. Такова ленинская постановка вопроса.

Критика Энгельса, направленная против фетишизма баррикады, опиралась на эволюцию общей и военной техники. Инсуррекционная тиктика бланкизма отвечала характеру старого Парижа, полуремесленного пролетариата, узких улиц и военной системы Луи-Филиппа. Принципиальная ошибка бланкизма состояла в отождествлении революции с инсуррекцией. Техническая ошибка бланкизма заключалась в том, что инсуррекцию он отождествлял с баррикадой. Марксистская критика направлялась против обеих ошибок. Считая, заодно с бланкизмом, что восстание есть искусство, Энгельс вскрывал не только подчиненное место восстания в революции, но и падающую роль баррикады в восстании. Критика Энгельса не имела ничего общего с отказом от революционных методов в пользу чистого парламентаризма, как пытались в свое время представить филистеры немецкой социал-демо-

кратии при содействии гогенцоллернской цензуры. Для Энгельса вопрос о баррикаде оставался вопросом об одном из технических элементов переворота. Реформисты же пытались из отрицания решающего значения баррикады вывести отрицание революционного насилия вообще. Это почти то же самое, как из рассуждений о вероятном упадке значения траншеи в будущей войне делать вывод о крушении милитаризма.

Организация, при помощи которой пролетариат может не только опрокинуть старую власть, но и заменить ее, это советы. То, что позже стало делом исторического опыта, до Октябрьского переворота являлось теоретическим прогнозом, опиравшимся, правда, на предварительный опыт 1905 года. Советы являются органами подготовки масс к восстанию, органами восстания, после победы — органами власти.

Однако, советы сами по себе еще не решают вопроса. В зависимости от программы и руководства, они могут служить разным целям. Программу советам дает партия. Если советы в условиях революции — а вне революции они вообще невозможны — охватывают весь класс, за вычетом совсем отсталых, пассивных или деморализованных слоев, то революционная партия представляет голову класса. Задача завоевания власти может быть разрешена лишь определенным сочетанием партии с советами, или другими, более или менее равноценными советам массовыми организациями.

Возглавляемый революционной партией совет сознательно и заблаговременно стремится к захвату власти. В соответствии с изменениями политической обстановки и массовых настроений, он подготовляет опорные базы восстания, связывает ударные отряды единством замысла, вырабатывает заранее план наступления и последнего штурма: это и значит вносить организованный заговор в массовое восстание.

Большевикам не раз, еще задолго до Октябрьского переворота, приходилось опровергать направлявшиеся против них противниками обвинения в заговор-

щичестве и бланкизме. Между тем никто не вел такой непримиримой борьбы против системы чистого заговора, как Ленин. Оппортунисты международной социал-демократии не раз брали под свою защиту старую эсеровскую тактику индивидуального террора против агентов царизма от безжалостной критики большевиков, которые индивидуалистическому авантюризму интеллигенции противопоставляли курс на восстание масс. Но отвергая все разновидности бланкизма и анархизма, Ленин ни на минуту не склонялся перед «святой» элементарностью масс. Он раньше и глубже других продумал соотношение между объективными и субъективными факторами революции, между стихийным движением и политикой партии, между народными массами и передовым классом, между пролетариатом и его авангардом, между советами и партией, между восстанием и заговором.

Но если верно, что нельзя вызвать восстание по произволу и что для победы нужно в то же время своевременно организовать его, то перед революционным руководством возникает тем самым задача правильного диагноза: надо своевременно уловить нарастающее восстание, чтобы дополнить его заговором. Акушерское вмешательство в родовые муки, как ни злоупотребляли этим образом, остается все же наиболее яркой иллюстрацией сознательного вторжения в элементарный процесс. Герцен обвинял некогда своего друга Бакунина в том, что тот во всех своих революционных начинаниях неизменно принимал второй месяц беременности за девятый. Сам Герцен склонен был скорее отрицать беременность на девятом месяце. В феврале вопрос об определении срока родов почти не стоял вообще, поскольку восстание разразилось «неожиданно», без централизованного руководства. Но именно поэтому власть перешла не к тем, которые совершили восстание, а к тем, которые тормозили его. Совсем иначе обстояло дело с новым восстанием: оно сознательно подготовлялось большевистской партией. Задача: правильно уловить момент для подачи сигна-

ла к наступлению, ложилась тем самым на большевистский штаб.

«Момент» не надо понимать слишком буквально, как определенный день и час: и для родов природа предоставила значительный промежуток колебаний, границами которого интересуется не только искусство акушерства, но и казуистика наследственного права. Между тем моментом, когда попытка вызвать восстание должна еще неизбежно оказаться преждевременной и привести к революционному выкидышу, и тем моментом, когда благоприятную обстановку приходится уже считать безнадежно упущенной, протекает известный период революции, — он может измеряться неделями, иногда немногими месяцами, — в течение которого восстание может быть проведено с большими или меньшими шансами на успех. Распознание этого сравнительно короткого периода и затем выбор определенного момента, уже в точном смысле дня и часа, для последнего удара ставят перед революционным руководством самую ответственную из задач. Ее можно с полным правом назвать узловой проблемой, ибо она связывает революционную политику с техникой восстания: нужно ли напоминать, что восстание, как и война, является продолжением политики только другими средствами?

Интуиция и опыт нужны для революционного руководства, как и для всех других областей творчества. Но этого мало. И искусство знахаря может не без успеха опираться на интуицию и опыт. Политического знахарства хватает, однако, лишь для эпох или периодов, стоящих под знаком рутины. Эпоха великих исторических поворотов не терпит знахарства. Опыта, даже одухотворенного интуицией, ей недостаточно. Нужна синтетическая доктрина, охватывающая взаимодействие важнейших исторических сил. Нужен материалистический метод, позволяющий за китайскими тенями программ и лозунгов открывать действительное движение социальных тел.

Основная предпосылка революции состоит в том,

что существующий общественный строй оказывается неспособен разрешить насущные задачи развития нации. Революция становится, однако, возможна лишь в том случае, если в составе общества имеется новый класс, способный возглавить нацию для разрешения поставленных историей задач. Процесс подготовки революции состоит в том, что объективные задачи, заложенные в противоречиях хозяйства и классов, прокладывают себе дорогу в сознание живых человеческих масс, видоизменяют его и создают новое соотношение политических сил.

Правящие классы, в результате обнаруженной на деле неспособности вывести страну из тупика, утрачивают веру в себя, старые партии распадаются, воцаряется ожесточенная борьба групп и клик, надежды переносятся на чудо или на чудотворца. Все это составляет одну из политических предпосылок переворота, крайне важную, хотя и пассивную.

Ожесточенная вражда к существующему порядку и готовность дерзнуть на самые героические усилия и жертвы, чтобы вывести страну на путь подъема, — таково новое политическое сознание революционного класса, образующего важнейшую активную предпосылку переворота.

Два основных лагеря — крупные собственники и пролетариат — не исчерпывают, однако, состава нации. Между ними пролегают широкие пласты мелкой буржуазии, играющей всеми красками экономической и политической радуги. Недовольство промежуточных слоев, их разочарование в политике правящего класса, их нетерпение и возмущение, их готовность поддержать смелую революционную инициативу пролетариата составляют третье политическое условие переворота, отчасти пассивное, поскольку оно нейтрализует верхи мелкой буржуазии, отчасти активное, поскольку оно толкает ее низы на прямую борьбу бок-о-бок с рабочими.

Взаимообусловленность этих предпосылок очевидна: чем решительнее и увереннее действует проле-

тариат, тем больше у него возможности увлечь за собой промежуточные слои, тем изолированнее господствующий класс, тем острее деморализация в его среде. И обратно: распад правящих льет воду на мельницу революционного класса.

Необходимой для переворота уверенностью в своих силах пролетариат может проникнуться лишь в том случае, если перед ним развертывается ясная перспектива, если он имеет возможность активно проверять меняющееся в его пользу соотношение сил, если если он чувствует над собою дальнозоркое, твердое и уверенное руководство. Это приводит нас к последнему по счету, но не по значению условию завоевания власти: к революционной партии, как тесно сплоченному и закаленному авангарду класса.

Благодаря благоприятному сочетанию исторических условий, как внутренних, так и международных, русский пролетариат оказался возглавлен партией исключительной политической ясности и беспримерного революционного закала: только это и позволило немногочисленному и молодому классу выполнить небывалую по размаху историческую задачу. Вообще же, как свидетельствует история — Парижской коммуны, германской и австрийской революций 1918 г., Советской Венгрии и Баварии, итальянской революции 1919 года, германского кризиса 1923 года, китайской революции 1925 — 27 годов, испанской революции 1931 года — самым слабым в цепи условий оказывалось до сих пор партийное звено: рабочему классу труднее всего создать революционную организацию, которая стояла бы на высоте его исторических задач. В наиболее старых и цивилизованных странах могущественные силы работают над ослаблением и разложением революционного авангарда. Важной составной частью этой работы является борьба социал-демократии против «бланкизма», под именем которого фигурирует революционная сущность марксизма.

Несмотря на многочисленность великих социальных и политических кризисов, совпадение всех необхо-

димых для победоносного и устойчивого пролетарского переворота условий наблюдалось до сих пор в истории один раз: в октябре 1917 года в России. Революционная ситуация не долговечна. Наименее устойчивой из предпосылок переворота является настроение мелкой буржуазии. Во время национальных кризисов она идет за тем классом, который не только словом, но и делом внушает ей доверие к себе. Будучи способна на импульсивный подъем, даже на революционное неистовство, мелкая буржуазия лишена выдержки, легко теряет дух при неудаче и от пламенных надежд переходит к разочарованию. Острые и быстрые смены ее настроений и придают такую неустойчивость каждой революционной ситуации. Если пролетарская партия недостаточно решительна, чтобы своевременно превратить ожидания и надежды народных масс в революционное действие, прилив быстро сменяется отливом: промежуточные слои отвращают свои взоры от революции и ищут спасителя в противоположном лагере. Как во время прилива пролетариат увлекает за собой мелкую буржуазию, так во время отлива мелкая буржуазия увлекает за собой значительные слои пролетариата. Такова диалектика коммунистических и фашистских волн в политической эволюции Европы после войны.

Пытаясь опереться на положение Маркса: никакой режим не сходит со сцены, не исчерпав всех своих возможностей, меньшевики отрицали допустимость борьбы за диктатуру пролетариата в отсталой России, где капитализм далеко еще не исчерпал собя. В этом рассуждении заключались две ошибки, каждая из которых фатальна. Капитализм не национальная система, а мировая. Империалистская война и ее последствия показали, что система капитилизма исчерпала себя в мировом масштабе. Революция в России была разрывом самого слабого звена мировой капиталистической системы.

Но ложность меньшевистской концепции обнаруживается и под национальным углом зрения. С точ-

ки зрения экономической абстракции можно, пожалуй, утверждать, что капитализм в России не исчерпал своих возможностей. Но экономические процессы протекают не в эфире, а в конкретной исторической среде. Капитализм — не абстракция: это живая система классовых отношений, нуждающаяся прежде всего в государственной власти. Что монархия, под защитой которой сложился русский капитализм, исчерпала свои возможности, этого не отрицали и меньшевики. Февральская революция попыталась построить промежуточный государственный режим. Мы проследили его историю: в течение восьми месяцев он исчерпал себя до конца. Какой же государственный порядок мог обеспечить при этих условиях дальнейшее развитие русского капитализма?

«Буржуазная республика, защищаемая одними социалистами умеренных течений, не находивших более опоры в массах... не могла держаться. Все существо ее выветрилось, оставалась внешняя шелуха». Это меткое определение принадлежит Милюкову. Судьба выветрившейся системы должна была, по его словам, быть такой же, как и судьба царской монархии: «обе подготовили почву для революции, и в день революции обе не нашли себе ни одного защитника».

Уже с июля - августа Милюков характеризовал обстановку альтернативой двух имен: Корнилов или Ленин. Но Корнилов уже проделал свой опыт, закончившийся жалким провалом. Для режима Керенского места, во всяком случае, больше не оставалось. При всем различий настроений, свидетельствует Суханов, «единой была только ненависть к керенщине». Как царская монархия сделала себя под конец невозможной в глазах верхов дворянства и даже великих князей, так правительство Керенского стало ненавистно даже прямым вдохновителям режима, «великим князьям» соглашательской верхушки. В этом всеобщем недовольстве, в этом остром политическом недомогании всех классов заключается один из важнейших признаков зрелой революционной ситуации. Так каждый му-

скул, нерв и фибр организма бывает невыносимо напряжен накануне того, как должен прорвать тяжкий нарыв.

Резолюция июльского съезда большевиков, предупреждавшая рабочих против преждевременных столкновений, указывала в то же время, что бой надо будет принять, «когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих». Этот момент наступил в сентябре-октябре.

Восстание вправе было рассчитывать отныне на успех, ибо могло опереться на подлинное большинство народа. Этого не надо, разумеется, понимать формально. Если бы по вопросу о восстании произвести предварительный референдум, он дал бы крайне противоречивые и шаткие результаты. Внутренняя готовность поддержать переворот совсем не тождественна со способностью отдать себе заранее ясный отчет в его необходимости. К тому же ответы в огромной степени зависели бы от постановки самого вопроса, от органа, который руководит опросом, проще сказать, от класса, который стоит у власти.

Методы демократии имеют свои пределы. Можно опрашивать всех пассажиров о наиболее желательном типе вагона, но невозможно опрашивать их о том, затормозить ли на полном ходу поезд, которому грозит крушение. Между тем, если спасительная операция произведена умело и во время, одобрение пассажиров обеспечено заранее.

Парламентские консультации народа производятся единовременно; между тем разные слои народа приходят во время революции к одному и тому же выводу с неизбежным, иногда очень небольшим, отставанием один от другого. В то время, как передовой отряд сгорал от революционного нетерпения, отсталые слои только подтягивались. В Петрограде и Москве все массовые организации стояли под руководством большевиков; в Тамбовской губернии, насчитывавшей

свыше трех миллионов населения, т. е. немногим меньше, чем обе столицы вместе, большевистская фракция в Совете впервые появилась лишь незадолго до октябрьского переворота.

Силлогизмы объективного развития отнюдь не совпадают — день в день — с силлогизмами массового мышления. И когда большое практическое решение ходом вещей становится неотложным, оно меньше всего допускает референдум. Различия уровней и настроений разных слоев народа преодолеваются действием: передовые увлекают колеблющихся и изолируют сопротивляющихся. Большинство не подсчитывается, а завоевывается. Восстание вырастает именно тогда, когда выход из противоречий открывается лишь на пути непосредственного действия.

Не будучи в силах сделать само из своей войны против помещиков необходимые политические выводы, крестьянство, однако, самым фактом аграрного восстания заранее присоединялось к восстанию городов, вызывало и требовало его. Оно выразило свою волю не белым бюллетенем, а красным петухом: это более серьезный референдум. В тех пределах, в каких поддержка крестьянства была необходима для установления советской диктатуры, она имелась налицо. «Эта диктатура — возражал Ленин сомневающимся — дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах: как можно, не сойдя с ума, сомневаться в том, что крестьяне поддержали бы эту диктатуру?» Чтоб солдаты, крестьяне, угнетенные национальности, блуждавшие в метели избирательных бюллетеней, узнали большевиков на деле, нужно было, чтоб большевики взяли власть.

Каково же должно было быть соотношение сил, чтоб позволить пролетариату завладеть властью? «В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил, — писал Ленин позже, истолковывая октябрьский переворот, — этот закон военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая

называется революцией. Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры... в значительной степени решают политическую судьбу народа, — разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка». В этом динамическом смысле Ленин говорил о большинстве народа. И это был единственный реальный смысл понятия большинства.

Демократические противники утешали себя тем, что народ, который идет за большевиками, — только сырье, историческая глина; горшечниками все же равно призваны быть демократы, в сотрудничестве с образованными буржуа. «Разве не видят эти люди, — спрашивала газета меньшевиков, — что никогда еще петроградский пролетариат и гарнизон не были так изолированы от всех других общественных слоев?» Несчастье пролетариата и гарнизона состояло в том, что они были «изолированы» от тех классов, у которых собирались отнять власть.

Можно было, в самом деле, серьезно полагаться на сочувствие и поддержку темных масс провинции и фронта? Их большевизм, пренебрежительно писал Суханов, «был ни чем иным, как ненавистью к коалиции и тягой к земле и миру». Как будто этого мало! Ненависть к коалиции означала стремление отнять власть у буржуазии. Тяга к земле и миру была грандиозной программой, которую крестьяне и солдаты собирались осуществить под руководством рабочих. Ничтожество демократов, даже самых левых, вытекало из недоверия «образованных» скептиков к темным массам, которые берут явления оптом, не вдаваясь в детали и оттенки. Интеллигентское, фальшиво-аристократическое, брезгливое отношение к народу было чуждо большевизму, враждебно самой его природе. Большевики не были белоручками, кабинетными друзьями народа, педантами. Они не пугались тех отсталых слоев, которые впервые поднимались с самого дна. Большевики брали народ таким, каким его создала

предшествующая история и каким он призван был совершить революцию. Свою миссию большевики видели в том, чтоб стать во главе этого народа. Против восстания были «все», кроме большевиков. Но большевики это был народ.

Основной политической силой Октябрьского переворота являлся пролетариат, а в его составе первое место занимали рабочие Петрограда. В авангарде столицы стоял, в свою очередь, Выборгский район. План восстания избрал этот основной пролетарский район, как исходную базу для развертывания наступления.

Соглашатели всех оттенков, начиная с Мартова, пытались, уже после переворота, изобразить большевизм, как солдатское течение. Европейская социал-демократия с радостью подхватила эту теорию. При этом игнорировались основные исторические факты: что пролетариат первым перешел на сторону большевиков; что петроградские рабочие показывали дорогу рабочим всей страны; что гарнизоны и фронт гораздо дольше оставались опорой соглашателей; что эсеры и меньшевики создавали и советской системе всякого рода привиллегии для солдат в ущерб рабочим, боролись против вооружения рабочих и натравливали на них солдат; что только под влиянием рабочих произошел перелом в войсках; что руководство солдатами в решительный момент оказалось в руках рабочих; наконец, что год спустя социал-демократия в Германии, по примеру своих русских единомышленников, опиралась на солдат в борьбе против рабочих.

К осени правые соглашатели уже окончательно потеряли возможность выступать на заводах и в казармах. Но левые пытались еще убедить массы в безумии восстания. Мартов, который, в борьбе с наступавшей в июле контр-революцией находил тропинку к сознанию масс, теперь снова делал безнадежное дело. «Мы не можем рассчитывать, — признавался он сам 14 октября на заседании ЦИК'а, — что большевики нас послушают». Тем не менее долг свой он видел в том, чтобы «предостеречь массы». Однако, массы хо-

тели действий, а не нравоучений. Даже в тех случаях, когда они сравнительно терпеливо слушали знакомого предостерегателя, они, по признанию Мстиславского, «думали по прежнему свое». Суханов рассказывает, как он под дождливым небом убеждал путиловцев, что дело можно поправить без восстания. Его прерывали нетерпеливые голоса. Две-три минуты слушали, потом прерывали снова. «После нескольких попыток я бросил это дело. Ничего не выходило..., а дождь моросил на нас все сильней». Под неприветливым небом октября бедные левые демократы, даже в собственном описании, выглядят, как мокрые курицы.

Излюбленным политическим доводом «левых» противников переворота, также и в среде большевиков, стала ссылка на отсутствие в низах боевого порыва. «Настроение трудящихся и солдатских масс, — писали Зиновьев и Каменев 11 октября, — отнюдь не напоминает хотя бы настроения перед 3 июля». Это не было лишено основании: в петроградском пролетариате была известная угнетенность в результате слишком долгого ожидания. Начиналось разочарование и в большевиках: неужели и эти обманут? 16 октября Рахия, один из боевых петроградских большевиков, финн по происхождению, говорил на совещании ЦК: «повидимому, уже наш лозунг стал запаздывать, ибо есть сомнение, будем ли мы делать то, к чему зовем». Но усталость от ожидания, выглядевшая, как вялость, длилась только до первого боевого сигнала.

Ближайшей задачей всякого восстания является перетянуть на свою сторону войска. Для этого и служат, главным образом, всеобщая стачка, массовые шествия, уличныя столкновения, баррикадные бои. Исключительным своеобразием Октябрьского переворота, нигде и никогда не наблюдавшимся в таком законченном виде, является тот факт, что, благодаря счастливому сочетанию обстоятельств, пролетарскому авангарду удалось перетянуть на свою сторону гарнизон столицы еще до начала открытого восстания; не только перетянуть, но и организованно закрепить свое завоевание

через Гарнизонное совещание. Нельзя понять механики Октябрьского переворота, не уяснив себе полностью, что важнейшая, труднее всего поддающаяся предварительному учету задача восстания была в основном разрешена в Петрограде уже до начала вооруженной борьбы.

Это не значит, однако, что восстание стало излишним. На стороне рабочих было, правда, подавляющее большинство гарнизона; но меньшинство было против рабочих, против переворота, против большевиков. Это небольшое меньшинство состояло из наиболее квалифицированных элементов армии: офицерства, юнкеров, ударников, может быть и казаков. Политически завоевать эти элементы нельзя было: их надо было победить. Последняя часть задачи переворота, которая и вошла в историю под именем Октябрьского восстания, имела, таким образом, чисто военный характер. Решать должны были на последнем этапе ружья, штыки, пулеметы, может быть и пушки. На этот путь вела партия большевиков.

Каковы были военные силы предстоящего столкновения? Борис Соколов, руководивший военной работой партии эсеров, рассказывает, что в период, предшествовавший перевороту, «в полках все партийные организации, кроме большевистских, распались, и условия отнюдь не благоприятствовали организации новых. Настроение солдат было достаточно определенно большевиствующее, но большевизм их был пассивный, и они были лишены каких-либо тенденций к активным вооруженным выступлениям». Соколов не упускает присовокупить: «одного-двух полков, вполне преданных и боеспособных, было бы достаточно, чтобы держать в своем повиновении весь гарнизон». Решительно всем, от монархических генералов до «социалистических» интеллигентов, не хватало против пролетарской революции «одного-двух полков». Но верно то, что гарнизон, в подавляющей массе своей глубоко враждебный Правительству, не был, однако, боеспособен и на стороне большевиков. Причина лежала во

враждебном разрыве между старой военной структурой частей и их новой политической структурой. Хребет боеспособной части составляет командный состав. Он был против большевиков. Политическим хребтом частей являлись большевики. Однако, они не только не умели командовать, но, в большинстве случаев, плохо умели владеть оружием. Солдатская толща была не однородна. Активные, боевые элементы, как всегда, составляли меньшинство. Большинство солдат сочувствовало большевикам, голосовало за них, выбирало их, но и от них же ждало решения. Враждебные большевикам элементы в частях были слишком ничтожны, чтоб осмелиться на какую бы то ни было инициативу. Политическое состояние гарнизона было таким образом исключительно благоприятно для восстания. Но боевой его вес был не высок, это было ясно заранее.

Однако же, совершенно скидывать гарнизон с военных счетов никак не приходилось. Тысячи солдат, готовых сражаться на стороне революции, были рассеяны в более пассивной массе и, именно благодаря этому, в большей или меньшей мере тянули ее за собой. Отдельные части, более счастливого состава, сохраняли дисциплину и боеспособность. Попадались крепкие революционные ядра и в расшатанных полках. В 6-м запасном батальоне, с общей численностью около 10 000 человек, из пяти рот неизменно выделялась первая, чуть не с начала революции слывшая большевистской и оказавшаяся на высоте в октябрьские дни. Средние полки гарнизона не существовали, правда, как полки, их механизм управления был расстроен, они не были способны на длительное военное усилие; но это были все же скопища вооруженных людей, из которых большинство уже побывало под огнем. Все части были связаны единством настроения: опрокинуть как можно скорее Керенского, разойтись по домам и заводить новые земельные порядки. Так, в конец расстроенный гарнизон должен был еще раз сомкнуться в октябрьские дни и внушительно потрясти оружием, прежде чем рассыпаться окончательно.

Какую силу представляли собою с военной точки зрения петербургские рабочие? Это есть вопрос о Красной гвардии. Наступило время сказать о ней подробнее: ей предстоит в ближайшие дни выступить на большую историческую арену.

Восходя своими традициями к 1905 году, рабочая гвардия возродилась вместе с Февральской революцией и разделяла в дальнейшем превратности ее судьбы. Корнилов, тогдашний главнокомандующий петроградского военного округа, утверждал, будто из артиллерийских складов уплыло в дни низвержения монархии 30 000 револьверов и 40 000 винтовок. Значительное количество оружия попало сверх того в руки народа при разоружении полиции и через дружественные полки. На требование вернуть оружие, никто не откликнулся. Революция учит ценить винтовку. Организованным рабочим досталась, однако, лишь очень небольшая часть этого добра.

В первые четыре месяца вопрос восстания вообще не стоял перед рабочими. Демократический режим двоевластия открывал большевикам возможность завоевывать в советах большинство. Вооруженные дружины рабочих входили составной частью в демократическую милицию. Но это было все же больше формой, чем существом. Винтовка в руке рабочего означала совсем иной исторический принцип, чем та же винтовка в руке студента.

Наличие у рабочих оружия тревожило имущие классы с самого начала, так как резко передвигало соотношение сил на заводах. В Петрограде, где государственный аппарат, поддерживаемый ЦИК'ом, представлял первоначально несомненную силу, рабочая милиция давала о себе знать еще не так угрожающе. В провинциальных же промышленных районах укрепление рабочей гвардии означало переворот всех отношений не только внутри предприятия, но и далеко вокруг него. Вооруженные рабочие смещали мастеров, инженеров, даже арестовывали. По постановлению заводских собраний красногвардейцам выдавалась нередко плата

из заводской кассы. На Урале, с его богатыми традициями партизанской борьбы 1905 года, дружины наводили порядок под руководством старых боевиков. Вооруженные рабочие почти незаметно ликвидировали официальную власть, заменяя ее органами советов. Саботаж со стороны собственников и администраторов перелагал на рабочих охранение предприятий: машин, складов, запасов угля и сырья. Роли переменились. Рабочий крепко сжимал винтовку на защиту завода, в котором видел источник своей силы. Так элементы рабочей диктатуры на предприятиях и в районах устанавливались прежде, чем пролетариат в целом овладел властью в государстве.

Отражая, как всегда, страхи собственников, соглашатели изо всех сил противодействовали вооружению столичных рабочих, сводя его к минимуму. По словам Миничева, все оружие Нарвского района состояло «из полутора десятка винтовок и нескольких револьверов». В городе тем временем участились грабежи и насилия. Со всех сторон шли тревожные слухи, предвестники новых потрясений. Накануне июльской демонстрации ждали, что район будет подожжен. Рабочие искали оружия, стучась во все двери, а иногда и взламывая их.

С демонстрации 3 июля путиловцы притащили трофей: пулемет с пятью ящиками лент. «Мы радовались, как дети», — рассказывает Миничев. Были отдельные, лучше вооруженные заводы. По словам Личкова, рабочие его завода имели 80 винтовок и 20 крупных револьверов. Это уже было богатство! Через штаб Красной гвардии они получили два пулемета; один выставили в столовой, другой — на чердаке. «Начальником нашим, — рассказывает Личков, — был Кочеровский, а ближайшими помощниками ему — Томчак, убитый белогвардейцами в октябрьские дни под Царским Селом, и Ефимов, расстрелянный белыми бандами под Ямбургом». Скупые строки позволяют заглянуть внутрь заводской лаборатории, где формировались кадры Октябрьского переворота и будущей Красной

армии, отбирались, приучались командовать, закалялись Томчаки, Ефимовы, сотни и тысячи безыменных рабочих, завоевавших власть, беззаветно отстаивавших ее от врагов и падавших впоследствии на всех полях сражений.

Июльские события сразу меняют положение Красной гвардии. Разоружение рабочих производится уже совершенно открыто, не увещаниями, а применением насилия. Под видом оружия рабочие сдают, однако, лишь старый хлам. Все наиболее ценное тщательно припрятываетя. Винтовки раздаются на руки надежным членам партии. Смазанные салом пулеметы зарываются в землю. Отряды гвардии свертываются и переходят в подполье, теснее примыкая к большевикам.

Дело вооружения рабочих сосредоточивалось первоначально в руках завкомов и районных комитетов партии. Оправившись после июльского разгрома, Военная организация большевиков, ведшая ранее работу только в гарнизоне и на фронте, впервые подошла к строительству Красной гвардии, доставляя рабочим военных инструкторов, а в некоторых случаях и оружие. Выдвинутая партией перспектива вооруженного восстания подготовляет исподволь передовых рабочих к новому назначению Красной гвардии. Это уже не милиция заводов и рабочих кварталов, а кадры будущей армии восстания.

В августе участились пожары на заводах и фабриках. Каждому очередному кризису предшествует конвульсия коллективного сознания, посылающая вперед волну тревоги. Завкомы развивают напряженную работу по охране предприятий от покушений. Спрятанные винтовки выходят наружу. Корниловское восстание окончательно легализует Красную гвардию. В дружины записывается около 25 000 рабочих, которых удается далеко не полностью, правда, вооружить винтовками, отчасти и пулеметами. Из Шлиссельбургского порохового завода рабочие доставляют по Неве баржу гранат и взрывчатых веществ: против Корнилова! Соглашательский ЦИК отказывается от дара данайцев.

Красногвардейцы Выборгской стороны развезли ночью опасные подарки по районам.

«Обучение искусству владеть винтовкой, происходившее ранее в квартирах и каморках, — рассказывает рабочий Скоринко, — переносилось на свет и простор, в сады, бульвары». «Мастерская превратилась в лагерь, — вспоминает рабочий Ракитов . . . За станками стоят токаря, через плечо — подсумок, винтовка — у станка». Скоро в бомбовой мастерской записались в гвардию все, кроме старых эсеров и меньшевиков. После гудка все строятся во дворе на учение. «Стоят рядом с бородой рабочий и ученик-мальчик, и оба внимательно слушают инструктора» . . . В то время, как окончательно распадались старые царские войска, на заводах закладывались основы будущей Красной армии.

Как только корниловская опасность осталась позади, соглашатели принялись тормозить выполнение своих обязательств: на 30 000 путиловцев выдано было всего 300 винтовок. Вскоре отпуск оружия совсем прекратился: опасность надвигалась теперь не справа, а слева; защиты приходилось искать уже не у пролетариев, а у юнкеров.

Отсутствие непосредственной практической цели и недостаток оружия вызвали отлив рабочих от Красной гвардии. Но это была лишь короткая передышка. Основные кадры успели сплотиться на каждом предприятии. Между отдельными дружинами устанавливаются прочные связи. Кадры знают по опыту, что у них есть серьезные резервы, которые, в час опасности, могут быть подняты на ноги.

Переход Совета в руки большевиков радикально меняет положение Красной гвардии. Из гонимой или терпимой она становится официальным органом Совета, уже протягивающего руку к власти. Рабочие нередко сами находят пути к оружию и требуют от Совета только санкции. С конца сентября, особенно с 10 октября, подготовка восстания открыто поставлена в порядок дня. За месяц до переворота на нескольких десятках заводов и фабрик Петрограда напряженно ве-

дутся военные занятия, главным образом, по обучению стрельбе. К середине октября интерес к оружию поднимается на новую высоту. На некоторых предприятиях в отряды записываются почти поголовно.

Рабочие все нетерпеливее требуют оружия от Совета, но винтовок несравненно меньше, чем протянутых к ним рук. «Я приезжал в Смольный ежедневно, — рассказывает инженер Козьмин, — наблюдая, как и до и после заседания Совета к Троцкому подходили рабочие и матросы, предлагая и прося оружие для вооружения рабочих, давая отчеты о том, как и где распределено это оружие, и задавая вопросы: «Когда же начнется дело?» Нетерпение было велико...»

Формально Красная гвардия остается беспартийной. Но чем ближе к развязке, тем больше выдвигаются на передний план большевики: они составляют ядро каждой дружины, в их руках командный аппарат, связь с другими предприятиями и районами. Беспартийные рабочие и левые эсеры идут за большевиками.

Однако, и теперь, накануне восстания, ряды гвардии еще немногочисленны. 16-го Урицкий, член большевистского ЦК, оценивал рабочее войско Петрограда в 40 000 штыков. Цифра скорее преувеличена. Ресурсы оружия оставались все еще очень ограниченными: при всем бессилии правительства нельзя было овладеть арсеналами иначе, как став открыто на путь восстания.

22-го происходила общегородская конференция Красной гвардии: сотня делегатов представляла около 20 000 бойцов. Цифру не надо брать слишком буквально: не все зарегистрированные проявляли активность; зато в моменты тревоги в отряды широко вливались охотники. Принятый на следующий день конференцией устав определяет Красную гвардию, как «организацию вооруженных сил пролетариата для борьбы с контр-революцией и защиты завоеваний революции». Заметим это: за сутки до восстания задача определяется в терминах обороны, а не наступления.

Основная боевая единица — десяток; четыре десятка — взвод; три взвода — дружина; три дружины — батальон. С командным составом и специальными частями батальон насчитывает свыше 500 человек. Батальоны района составляют отряд. На больших заводах, как Путиловский, создаются собственные отряды. Особые технические команды — подрывные, самокатные, телеграфные, пулеметные, артиллерийские — вербуются на соответственных предприятиях и придаются стрелковым отрядам или действуют самостоятельно, в зависимоси от характера задачи. Весь командный состав выборный. Это не рискованно: здесь все добровольцы, и все хорошо знают друг друга.

Работницы создают санитарные отряды. При заводе военно-врачебных заготовлений объявлены лекции по уходу за ранеными. «Уже на всех почти заводах, — пишет Татьяна Граф, — несут дежурства работницы, в качестве санитарок, с необходимым перевязочным материалом». Организация крайне бедна денежными и техническими средствами. Постепенно заводские комитеты присылают материалы для санитарных пунктов и летучих отрядов. В часы переворота слабые ячейки быстро развернутся: в их распоряжение сразу поступят значительные технические средства. 24-го Выборгский районный совет предпишет: «Немедленно реквизировать все автомобили... взять на учет все амбулаторные перевязочные средства и установить дежурства в амбулаториях».

Все большее число беспартийных рабочих выходило на учебную стрельбу и на маневры. Число постов для окараупивания возрастало. По заводам шли дежурства днем и ночью. Штабы Красной гвардии перебирались в более просторные помещения. На трубочном заводе 23-го происходила проверка знаний красногвардейцев. Попытка меньшевика высказаться против выступления тонет в буре негодования: довольно, время обсуждений прошло! Движение неудержимо, оно захватывает и меньшевиков. Они «записываются в Красную гвардию, — рассказывает Татьяна Граф, —

участвуют во всех назначениях и даже проявляют инициативу». Скоринко описываст, как 23-го братались в отряде с большевиками эсеры и меньшевики, молодые и старики, и как сам Скоринко обнимался на радостях со своим отцом, рабочим того же завода. Рабочий Песковой рассказывает: в вооруженном отряде «были молодые рабочие, лет по шестнадцати, и старые, лет пятидесяти». Пестрота возрастов придавала «бодрости и боевого духа».

Выборгская сторона особенно горячо готовилась к боям. Захвачены ключи от разводных мостов, перекинутых на Выборгскую сторону, изучены уязвимые места района, избран свой Военно-революционный комитет, заводские комитеты установили непрерывные дежурства. С законной гордостью пишет Каюров о выборжцах: «Первые вышли на борьбу с самодержавием, первые ввели в своем районе 8-часовой рабочий день, первые вышли вооруженные с протестом против десяти министров-капиталистов, первые вынесли протест 7 июля против гонения на нашу партию и не последними были в решающий день 25 октября». Что верно, то верно!

История Красной гвардии есть, в значительной мере, история двоевластия: своими внутренними противоречиями и столкновениями оно облегчило рабочим возможность уже до восстания создать внушительную вооруженную силу. Подвести общую численность рабочих отрядов по всей стране к моменту восстания — задача вряд-ли выполнимая, по крайней мере, в настоящий момент. Во всяком случае, десятки и десятки тысяч вооруженных рабочих составляли кадры восстания. Резервы были почти неисчерпаемы.

Организация Красной гвардии оставалась, конечно, чрезвычайно далёка от законченности. Все делалось наспех, вчерне, не всегда умело. Красногвардейцы были в большинстве мало обучены, служба связи плохо налаживалась, снабжение хромало, санитарная часть отставала. Но укомплектованная наиболее самоотверженными рабочими, Красная гвардия горела же-

лением довести на этот раз борьбу до конца. Это и решило дело.

Разница между рабочими отрядами и крестьянскими полками определялась не только социальным составом тех и других. Многие из этих неповоротливых солдат, вернувшись в свою деревню и поделив помещичью землю, будут отчаянно сражаться против белогвардейцев, сперва в партизанских отрядах, затем в Красной армии. Помимо социального различия, существует другое, более непосредственное: в то время, как гарнизон представляет принудительное скопление старых солдат, отбивающихся от войны, отряды Красной гвардии построены заново, путем личного отбора, на новой основе, во имя новых целей.

В распоряжении Военно-революционного комитета есть еще третий род вооруженной силы: моряки Балтийского флота. По социальному составу они гораздо ближе к рабочим, чем пехота. Среди них немало петроградских рабочих. Политический уровень моряков несравненно выше, чем солдат. В отличие от маловоинственных, позабывших винтовку запасных, моряки не прерывали действительной службы.

Для активных операций можно было твердо рассчитывать на вооруженных коммунистов, на отряды Красной гвардии, на передовую часть матросов и на наиболее сохранившиеся полки. Элементы этой сводной армии дополняли друг друга. Многочисленному гарнизону не хватало воли к борьбе. Отрядам моряков не хватало численности. Красной гвардии не хватало умения. Рабочие вместе с моряками вносили энергию, смелость, порыв. Полки гарнизона создавали мало подвижной резерв, который импонировал числом и подавлял массой.

Соприкасаясь изо дня в день с рабочими, солдатами и матросами, большевики отдавали себе ясный отчет в глубоких качественных различиях между составными частями той армии, которую им предстояло вести в бой. На учете этих различий строился в значительной мере и самый план восстания.

Социальную силу другого лагеря составляли имущие классы. Это значит, что они составляли его военную слабость. Солидные люди капитала, прессы, кафедры, где и когда они сражались? О результатах боев, определяющих их собственную судьбу, они привыкли узнавать по телефону или телеграфу. Младшее поколение, сыновья, студенты? Они почти сплошь были враждебны Октябрьскому перевороту. Но большинство их, вместе с отцами, выжидало в стороне исхода боев. Часть примкнула позже к офицерам и юнкерам, которые и раньше вербовались в значительной мере из студенчества. Народа за собственниками не было. Рабочие, солдаты, крестьяне повернулись против них. Крушение соглашательских партий означало, что имущие классы остались без армии.

Соответственно со значением рельс в жизни современных государств, большое место в политических расчетах обоих лагерей занимал вопрос о железнодорожниках. Иерархический состав служебного персонала открывал место чрезвычайной политической пестроте, создавая этим благоприятные условия для дипломатов соглашательства. Поздно сформировавшийся Викжель сохранял значительно более прочные корни в среде служащих и даже рабочих, чем, например, армейские комитеты — на фронте. За большевиками на железных дорогах шло лишь меньшинство, главным образом, рабочие депо и мастерских. По докладу Шмидта, одного из большевистских руководителей профессионального движения, ближе всего к партии примыкали железнодорожники петроградского и московского узлов.

Но и в среде соглашательской массы служащих и рабочих произошел резкий перелом влево с момента стачки железных дорог в конце сентября. Недовольство Викжелем, который компрометировал себя лавированием, поднималось снизу все более решительно. Ленин отмечал: «армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством». С точки зрения непосредственных задач восстанья этого было почти достаточно.

Менее благоприятно обстояло дело в почтово-телеграфном ведомстве. По словам большевика Бокия, «у телеграфных аппаратов сидят больше кадеты». Но низший персонал и здесь враждебно противопоставлял себя верхам. Среди почтальонов была группа, готовая в горячую минуту завладеть почтамтом.

Переубедить всех железнодорожных и почтовых служащих словами было, во всяком случае, безнадежным делом. При нерешительности большевиков перевес остался бы за кадетскими и соглашательскими верхами. При решительности революционного руководства низы должны были неизбежно увлечь за собою промежуточные слои и изолировать верхушку Викжеля. При революционных расчетах одной статистики недостаточно: нужен коэффициент живого действия.

Противники восстания в рядах самой большевистской партии находили, все же, достаточно оснований для пессимистических выводов. Зиновьев и Каменев предостерегали против недооценки сил противника. «Решает Петроград, а в Петрограде у врагов ... значительные силы: 5 тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная артиллерия, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК'а почти наверняка попробуют привести войска с фронта»... Перечень звучит внушительно, но это только перечень. Если в целом армия есть сколок общества, то при открытом расколе его обе армии являются сколками борющихся лагерей. Армия имущих несла в себе червоточину изолированности и распада.

Набивавшее гостиницы, рестораны и притоны офицерство, после разрыва Керенского с Корниловым, относилось к Правительству враждебно. Неизмеримо острее была, однако, его ненависть к большевикам. По общему правилу наибольшую активность на стороне Правительства проявляли монархические офицеры. «Дорогие Корнилов и Крымов, что не удалось

вам, то, бог милостив, может быть, удастся нам»... — такова молитва офицера Синегуба, одного из наиболее доблестных защитников Зимнего дворца в день переворота. Но действительную готовность к борьбе, несмотря на многочисленность офицерства, проявляли все же лишь единицы. Уже корниловский заговор обнаружил, что деморализованное в конец офицерство не представляет боевой силы.

Социальный состав юнкеров неоднороден, единодушия в их среде нет. Наряду с потомственными военными, сыновьями и внуками офицеров, немало случайных элементов, набранных под давлением потребностей войны еще при монархии. Начальник Инженерной школы говорит офицеру: «Я с тобою должны погибнуть . . . мы ведь дворяне и рассуждать иначе не можем». О демократических юнкерах эти хвастливые господа, с успехом уклонившиеся от дворянской гибели, отзываются, как о хамах, о мужиках, «с грубыми тупыми лицами». Размежевание на белую и черную кость глубоко проникает внутрь юнкерских училищ, причем и здесь на защиту республиканской власти наиболее ревностно выступают как раз те, которые больше всего скорбят по монархии. Демократические юнкера заявляют, что они не за Керенского, а за ЦИК. Революция впервые раскрыла двери юнкерских школ евреям. Стараясь не ударить лицом в грязь перед привиллегированными верхами, сынки еврейской буржуазии проявляют чрезвычайную воинственность против большевиков. Увы, этого недостаточно не только для спасения режима, но и для защиты Зимнего дворца. Разнородность состава военных школ и полная оторванность их от армии приводили к тому, что в критические часы и юнкера начинали митинговать: как поступят казаки? выступит ли еще кто-нибудь, кроме нас? да и стоит ли вообще сражаться за Временное правительство?

По докладу Подвойского, в начале октября в петроградских военных училищах насчитывалось около 120 юнкеров-социалистов, из них 42-43 большевика.

«Юнкера говорят, что весь командный состав училищ настроен контр-революционно. Их определенно готовят на случай выступлений для подавления восстания»... Число социалистов, и особенно большевиков, как видим, крайне незначительно. Но они дают Смольному возможность знать все существенное, что происходит в среде юнкеров. В довершение всего топография военных училищ крайне невыгодна: юнкера вкраплены между казарм и, хотя презрительно отзываются о солдатах, но весьма опасливо оглядываются на них.

Оснований для опаски вполне достаточно. Из соседних казарм и рабочих кварталов за юнкерами следят тысячи враждебных глаз. Наблюдение тем действительнее, что в каждой школе есть своя солдатская команда, которая на словах соблюдает нейтралитет, а на деле тянется в сторону восставших. Училищные склады в руках нестроевых солдат. «Эти прохвосты — пишет офицер Инженерной школы, — мало того, что ключи потеряли от склада, так что мне пришлось приказать взломать дверь, да еще замки с пулеметов поснимали и куда-то запрятали». В этой обстановке трудно ждать от юнкеров чудес героизма.

Не грозил ли петроградскому восстанию удар извне, из соседних гарнизонов? В последние дни своего существования монархия не переставала надеяться на малое военное кольцо, окружающее столицу. Монархия просчиталась. Но как будет на этот раз? Обеспечить такие условия, которые исключали бы всякую опасность, значило бы сделать ненужным самое восстание: цель его и состоит ведь в том, чтобы сломить препятствия, которые нельзя политически растворить. Всего заранее учесть нельзя. Но все, что можно учесть, было учтено.

В начале октября в Кронштадте происходила конференция советов петроградской губернии. Делегаты гарнизонов столичной периферии — Гатчины, Царского, Красного, Ораниенбаума, самого Кронштадта — взяли самую высокую ноту, по камертону балтийских моряков. К их резолюции присоединился совет кресть-

янских депутатов Петроградской губернии: мужики круто загибали, через левых эсеров, к большевикам.

На совещании ЦК 16-го губернский работник Степанов рисовал несколько пеструю картину состояния сил в губернии, но с явным все же преобладанием большевистских тонов. В Сестрорецке и Колпине рабочие вооружаются, настроение боевое. В Новом Петергофе работа в полку пала, полк дезорганизован. В Красном Селе 176-й полк — большевистский (тот самый, который занимал у Таврического дворца караулы 4-го июля); 172-й полк на стороне большевиков; «но кроме того, там кавалерия». В Луге — 30-тысячный гарнизон, повернувший в сторону большевизма, часть колеблется; Совет все еще оборонческий. В Гдове — полк большевистский. В Кронштадте настроение пало; гарнизон перекипел в предшествующие месяцы, лучшая часть матросов в действующем флоте. В Шлиссельбурге, в 60 верстах от Петрограда, Совет давно уже стал единственной властью; рабочие Порохового завода готовы в любое время поддержать столицу.

В сочетании с результатами кронштадтской конференции советов данные о резервах первой очереди можно считать вполне обнадеживающими. Излучений февральского восстания оказалось достаточно, чтоб растворить дисциплину далеко вокруг. Тем увереннее можно смотреть на ближайшие к столице гарнизоны теперь, когда состояние их достаточно известно заранее.

К резервам второй очереди относятся войска Финляндии и Северного фронта. Здесь дело обстоит еще благоприятнее. Работа Смилги, Антонова, Дыбенко дала неоценимые результаты. Вместе с гарнизоном Гельсингфорса флот превратился на территории Финляндии в суверенную власть. Правительство не имело там более никакой силы. Введенные в Гельсингфорс две казачьи дивизии, — Корнилов предназначил их для удара по Петрограду, — успели тесно сблизиться с матросами и поддерживали большевиков или левых

эсеров, которые в Балтийском флоте все меньше отличались от большевиков.

Гельсингфорс протянул руку морякам ревельской базы, настроенным до того менее определенно. Областной северный съезд советов, инициатива которого также, повидимому, принадлежала Балтийскому флоту, объединил советы ближайших к Петрограду гарнизонов по столь широкому кругу, что захватил с одной стороны Москву, с другой — Архангельск. «Этим путем, — пишет Антонов, — осуществлялась идея забронировать столицу революции от возможных нападений войск Керенского». Смилга со съезда вернулся в Гельсингфорс, чтобы подготовлять специальный отряд моряков, пехотинцев и артиллеристов для отправки в Петроград по первому сигналу. Финляндский фланг петроградского восстания был обеспечен как нельзя лучше. Оттуда можно было ждать не удара, а крепкой помощи.

Но и на других участках фронта дело обстояло вполне благополучно, во всяком случае гораздо более благоприятно, чем представляли себе в те дни наиболее оптимистические из большевиков. В течение октября по армиям шли перевыборы комитетов, везде с резким уклоном в сторону большевиков. В корпусе, расположенном под Двинском, «старые разумные солдаты» оказались сплошь забаллотированы при выборах в полковые и ротные комитеты; их место заняли «мрачные серые субъекты... с злобными, сверкающими глазами и волчьими мордами». На других участках происходило то же самое. «Всюду идут перевыборы комитетов, и всюду проходят только большевики и пораженцы». Правительственные комиссары начали избегать поездок в части: «сейчас их положение не лучше нашего». Мы цитируем барона Будберга. Два конных полка его корпуса, гусарский и уральский казачий, дольше всех остававшиеся в руках командиров и не отказывавшиеся от усмирения мятежных частей, сразу зашатались и потребовали «избавить их от исполнения роли усмирителей и жандармов». Грозный смысл этого

предостереженя был барону яснее, чем кому бы то ни было. «Нельзя распоряжаться скопищем гиен, шакалов и баранов игрой на скрипке —писал он — ... спасение только в возможности массового применения каленого железа». И тут же трагическое признание: «которого нет и негде взять».

Если мы не приводим подобных же свидетельств о других корпусах и дивизиях, то только потому, что их начальники не были столь наблюдательны, как Будберг, или не вели дневников, или дневники эти еще не всплыли на поверхность. Но стоявший под Двинском корпус ничем существенным, кроме яркого стиля своего командира, не отличался от других корпусов 5-й армии, которая, в свою очередь, лишь слегка опережала другие армии.

Давно уже висевший в воздухе соглашательский комитет 5-й армии продолжал посылать в Петроград телеграфные угрозы — навести порядок в тылу штыком. «Все это только бахвальство и сотрясение воздуха», пишет Будберг. Комитет действительно доживал свои последние дни. 23-го он был переизбран. Председателем нового, большевистского комитета оказался доктор Склянский, прекрасный молодой организатор, широко развернувший вскоре свои дарования в области строительства Красной армии и погибший впоследствии случайной смертью во время прогулки по одному из американских озер.

Помощник правительственного комиссара Северного фронта доносил 22 октября военному министру, что идеи большевизма пользуются в армии все большим успехом, что масса хочет мира и что даже артиллерия, крепившаяся до самого последнего времени, сделалась «восприимчивой к пораженческой пропаганде». Это тоже был немаловажный симптом. «Временное правительство авторитетом не пользуется», — так докладывает Правительству его прямой агент в армии за три дня до переворота.

Правда, Военно-революционный комитет не знал тогда всех этих документов. Но и того, что он знал,

было вполне достаточно. 23-го представители различных частей фронта дефилировали перед петроградским Советом и требовали мира; в противном случае войска бросятся в тыл и «уничтожат всех паразитов, которые собираются воевать еще 10 лет». Берите власть, говорили фронтовики Совету: «окопы вас поддержат».

На более отдаленных и отсталых фронтах, Юго-Западном и Румынском, большевики все еще оставались редкими экземплярами, диковинкой. Но настроения солдат и там были те же. Евгения Бош рассказывает, что в расположенном в окрестностях Жмеринки 2-м гвардейском корпусе на 60 000 солдат имелся один юный коммунист и два сочувствующих; это не помешало корпусу в октябрьские дни выступить на поддержку восстания.

На казачество правительственные круги возлагали надежды до самого последнего часа. Но менее ослепленные политики правого лагеря понимали, что дело и здесь обстоит из рук вон плохо. Казачьи офицеры были почти сплошь корниловцы. Рядовые казаки тянули все более влево. В правительстве долго не понимали этого, полагая, что холодность казачьих полков к Зимнему дворцу вызывается их обидой за Каледина. Но в конце концов и для министра юстиции Малянтовича стало ясно, что за Калединым стояло «только казачье офицерство, рядовые же казаки, как и все солдаты, просто склонны были к большевизму».

От того фронта, который в первые дни марта целовал руки и ноги либеральному священнику, носил на плечах кадетских министров, пьянел от речей Керенского и верил, что большевики — немецкие агенты, не осталось ничего. Розовые иллюзии втоптаны в грязь окопов, которую солдаты отказывались дальше месить дырявыми сапогами. «Развязка приближается, — писал в самый день петроградского восстания Будберг, — и в исходе ее не может быть сомнения; на нашем фронте нет уж ни одной части . . . , которая не была бы во власти большевиков».

ЗАВЛАДЕНИЕ СТОЛИЦЕЙ

Все переменилось и все осталось тем же. Революция потрясла страну, углубила распад, запугала одних, ожесточила других, но еще ничего до конца не смела, ничего не заменила. Императорский Санкт-Петербург казался скорее погруженным в летаргический сон, чем мертвым. Чугунным монументам монархии революция вставила в руки красные флажки. Большие красные полотнища развевались над фронтонами правительственных зданий. Но дворцы, министерства, штабы жили совсем отдельно от своих красных знамен, которые, к тому же, под осенними дождями изрядно поблекли. Двуглавые орлы со скипетром и державой, где можно, сорваны, но чаще задрапированы или наспех закрашены. Они кажутся притаившимися. Вся старая Россия притаилась, с перекошенными от злобы челюстями.

Легковесные фигуры милицейских на перекрестках улиц чаще всего напоминают о перевороте, который смел «фараонов», похожих на живые монументы. К тому же Россия вот уже почти два месяца именуется республикой. Царская семья находится в Тобольске. Нет, февральский вихрь не прошел бесследно. Но царские генералы остаются генералами, сенаторы сенаторствуют, тайные советники ограждают свой сан, табель о рангах сохраняет свою силу, цветные околыши и кокарды напоминают о бюрократической иерархии, и желтые пуговицы с орлом отмечают студентов.

А, главное, помещики остаются помещиками, войне не видно конца, союзные дипломаты более нагло, чем когда-либо, дергают за ниточки официальную Россию.

Все остается по старому, и, однако, никто не узнает себя. Аристократические кварталы чувствуют себя отодвинутыми на задворки. Кварталы либеральной буржуазии придвинулись плотнее к аристократии. Из патриотического мифа народ стал страшной реальностью. Под ногами все колышется и осыпается. Мистицизм вспыхивает с острой силой в тех кругах, которые еще так недавно издевались над суевериями монархии.

Биржевики, адвокаты, балерины проклинают наступившее помрачение нравов. Вера в Учредительное собрание испаряется с каждым днем. Горький в своей газете пророчествует о крушении культуры. Усилившееся с июльских дней бегство из бешеного и голодного Петрограда в более мирную и сытую провинцию принимает теперь повальный характер. Солидные семьи, которым не удавалось покинуть столицу, тщетно пытаются отгородиться от действительности каменными стенами и железной кровлей. Отголоски бури проникают отовсюду: через рынок, где все дорожает и всего не хватает; через благомыслящую печать, которая превратилась в вопль ненависти и страха; через клокочущую улицу, где иногда стреляют под окнами; наконец, с черного хода, через прислугу, которая не хочет больше смиренно подчиняться. Здесь революция бьет, пожалуй, по наиболее чувствительному месту: сопротивление домашних рабов окончательно нарушает устойчивость семейного уклада.

И все же повседневная рутина отстаивает себя изо всех сил. Школьники занимаются в школах по старым учебникам, чиновники пишут никому не нужные бумаги, поэты кропают никем не читаемые стихи, няни рассказывают сказку об Иване-царевиче, прибывавшие из провинции дворянские и купеческие дочери учатся музыке или ищут женихов. Старая пушка со стены Петропавловской крепости возвещает полдень. В Ма-

риинском театре идет новый балет, и министр иностранных дел Терещенко, более сильный в хореографии, чем в дипломатии, находит, надо полагать, время, чтоб любоваться стальным носком балерины и тем демонстрировать прочность режима.

Остатки старых пиров еще очень обильны, и за большие деньги можно достать все. Гвардейские офицеры отчетливо щелкают шпорами и ищут приключений. В кабинетах дорогих ресторанов идут дикие кутежи. Прекращение электрического света в полночь не препятствует процветанию игорных клубов, где при стеариновых свечах искрится шампанское, сиятельные казнокрады обыгрывают не менее сиятельных немецких шпионов, монархические заговорщики пассуют пред семитическими контрабандистами, и астрономические цифры ставок отмечают одновременно размах разгула и размах инфляции.

Неужели простой трамвай, запущенный, грязный, медлительный, обвешанный гроздьями людей, едет из этого агонизирующего Санкт-Петербурга в рабочие кварталы, живущие страстным напряжением новой надежды? Голубые с золотом купола Смольного монастыря издалека отмечают штаб восстания: на окраине старого города, где кончается трамвайная линия и где Нева описывает крутую излучину к югу, отделяя центр столицы от пригородов. Длинное серое здание в три этажа, воспитательная казарма дворянских дочерей — это и есть ныне крепость Советов. Бесконечные гулкие коридоры как бы созданы для преподавания законов перспективы. Над дверями многих десятков комнат еще сохранились эмалированные таблички: «Учительская», «Третий класс», «Четвертый класс», «Классная дама». Но рядом со старыми табличками или прикрывая их, кое-как приколоты листы бумаги с таинственными иероглифами революции: ЦК, ПСР, С.-Д. меньшевики, С.-Д. большевики, левые С.Р., анархисты-коммунисты, экспедиция ЦИК и пр. Внимательный глаз Джон Рида отметил на стенах плакаты: «Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту». Увы, никто не

соблюдает чистоты, начиная с природы. Октябрьский Петроград живет под куполом дождя. Улицы, которых давно не убирают, грязны. Во дворе Смольного необъятные лужи. На солдатских подошвах грязь переносится в коридоры и залы. Но никто не глядит сейчас вниз, под ноги; все глядят вперед.

Смольный командует все более твердо и властно, страстное сочувствие масс поднимает его. Центральное руководство охватывает непосредственно, лишь верхние звенья той революционной системы, которая в совокупности своей должна завершить переворот. Самое важное совершается внизу и как бы само собою. Заводы и казармы — вот очаги истории в эти дни и в эти ночи. Выборгский район, как и в феврале, сосредоточивает в себе основные силы революции; в отличие от февраля, он имеет теперь свою мощную организацию, открытую и общепризнанную. Из кварталов, заводских столовых, клубов, казарм нити ведут к дому №33 по Сампсониевскому проспекту, где помещаются районный комитет большевиков, выборгский совет и боевой штаб. Районная милиция сливается с красной гвардией. Район полностью во власти рабочих. Еслиб Правительство разгромило Смольный, один Выборгский район мог бы восстановить центр и обеспечить дальнейшее наступление.

Развязка надвинулась вплотную, но правящие считали или делали вид, что у них нет особых причин для беспокойства. Великобританское посольство, у которого были свои основания внимательно следить за событиями в Петрограде, получило, по словам тогдашнего русского посла в Лондоне, достоверные донесения о предстоящем перевороте. На тревожные вопросы Бьюкенена Терещенко, за неизменным дипломатическим завтраком, ответил горячими заверениями: «ничего подобного» случиться не может; правительство твердо держит вожжи в руках. Русское посольство в Лондоне узнало о перевороте из телеграммы британского телеграфного агентства.

Горнопромышленник Ауэрбах, посетивший в те дни

товарища министра Пальчинского, справился у него мимоходом, после беседы о более серьезных делах, насчет «черных туч на политическом горизонте» и получил самый успокоительный ответ: очередная гроза, и только; она пройдет, и будет ясно, — «спите спокойно». Самому Пальчинскому оставалось провести одну—две бессонные ночи, прежде, чем быть арестованным.

Чем бесцеремоннее Кренский третировал соглашательских вождей, тем менее он сомневался, что в минуту опасности они своевременно явятся на выручку. Чем больше слабели соглашатели, тем тщательнее поддерживали они вокруг себя атмосферу иллюзий. Перебрасываясь со своих петроградских вышек взаимными подбадриваниями с верхушечными организациями провинции и фронта, меньшевики и эсеры создавали подделку общественного мнения и, маскируя свое бессилие, вводили в заблуждение не столько врагов, сколько себя.

Громоздкий и ни на что не годный государственный аппарат, представлявший сочетание мартовского социалиста с царским чиновником, был как нельзя лучше приспособлен для целей самообмана. Новоиспеченный социалист боялся показаться чиновнику недостаточно зрелым государственным человеком. Чиновник опасался обнаружить недостаток уважения к новым идеям. Так создавался переплет официальной лжи, где генералы, прокуроры, газетчики, комиссары и адъютанты тем больше привирали, чем ближе стояли к источнику власти. Командующий петроградским военным округом делал утешительные доклады по той причине, что Керенский очень нуждался в них перед лицом неутешительной действительности.

Традиции двоевластия действовали в том же направлении. Ведь текущие распоряжения окружного штаба, скрепленные Военно-революционным комитетом, исполнялись беспрекословно. Караулы в городе занимались частями гарнизона в обычном порядке, и надо сказать, давно уже полки не несли караульной

службы с такой ревностью, как сейчас. Недовольство масс? «Восставшие рабы» всегда недовольны. В мятежных попытках могут принять участие лишь отбросы столичного населения. Солдатская секция против штаба? Но зато военный отдел ЦИК'а — за Керенского. Вся организованная демократия, за вычетом большевиков, поддерживает Правительство. Так, розовый мартовский нимб превратился в сизый чад, скрывавший реальные очертания вещей.

Лишь после того, как произошел разрыв Смольного со штабом, Правительство попыталось подойти к конфликту более серьезно: непосредственной опасности нет, но надо на этот раз воспользоваться случаем, чтоб покончить с большевиками. К тому же буржуазные союзники нажимали на Зимний изо всех сил. В ночь на 24-ое Правительство, набравшись духу, постановило: возбудить против Военно-революционного комитета судебное преследование; закрыть большевистские газеты, призывающие к восстанию; вызвать надежные воинские части из окрестностей и с фронта. Предложение арестовать Военно-революционный комитет в целом, принятое в принципе, было отсрочено исполнением: для такого большого предприятия следует предварительно запастись поддержкой Предпарламента.

Слух о принятых Правительством решениях сейчас же распространился по городу. В здании Главного штаба, рядом с Зимним, в ночь на 24-ое несли караул солдаты Павловского полка, одной из наиболее надежных частей Военно-революционного комитета. При солдатах велись речи о вызове юнкеров, о разводке мостов, об арестах. Все, что павловцам удавалось услышать и запомнить, они сейчас же передавали в районы и в Смольный. В революционном центре не всегда умели использовать сообщения этой самопроизвольной резведки. Но она выполняла все же незаменимую работу. Рабочие и солдаты всего города узнавали о намерениях врага и укреплялись в своей готовности дать отпор.

С раннего утра власти приступили к подготовке враждебных действий. Юнкерским училищам столицы приказано привести себя в боевую готовность. Стоящему на Неве крейсеру «Аврора» с большевистски настроенной командой — выйти в море на присоединение к действующему флоту. Вызваны воинские части из окрестностей: батальон ударников из Царского, юнкера из Ораниенбаума, артиллерия из Павловска. Штабу Северного фронта предложено немедленно направить в столицу надежные войска. В порядке мер непосредственной военной предосторожности приказано: усилить караулы Зимнего дворца; развести мосты через Неву; юнкерам проверять автомобили; выключить из телефонной сети аппараты Смольного. Министр юстиции Малянтович предписал немедленно арестовать тех из освобожденных под залог большевиков, которые снова успели проявить себя противоправительственной деятельностью: удар направлялся прежде всего против Троцкого. Превратность времен недурно иллюстрируется тем, что Малянтович, как и его предшественник Зарудный, были защитниками Троцкого по процессу 1905 года: дело и тогда шло о руководстве Петроградским Советом; характер предъявленных обвинений был в обоих случаях одинаков; только став обвинителями, бывшие защитники присоединили еще пунктик о немецком золоте.

Особенно лихорадочную деятельность штаб военного округа успел развить в типографской сфере. Документ следовал за документом: никаких выступлений допущено не будет; виновные понесут суровую ответственность; частям гарнизона без приказа штаба не покидать казарм; «всех комиссаров петроградского Совета отстранить»; об их незаконных действиях произвести расследование «для предания военному суду». В грозных приказах не указано, однако, кто и как обеспечит их исполнение. Под страхом личной ответственности, командующий требовал от собственников автомобилей доставить их, «в целях предотвращения

самочинных захватов», в распоряжение штаба; но никто в ответ не пошевелил и пальцем.

Центральный исполнительный комитет тоже не скупился на увещания и угрозы. По его пятам шли: крестьянский Исполнительный комитет, городская Дума, центральные комитеты меньшевиков и эсеров. Литературными рессурсами все эти учреждения были достаточно богаты. В воззваниях, залеплявших стены и заборы, речь неизменно шла о кучке безумцев, об опасности кровавых боев и неизбежности контрреволюции.

В 5 ч. 30 м. утра в типографию большевиков явился правительственный комиссар, с отрядом юнкеров и, оцепив выходы, предъявил приказ штаба о немедленном закрытии центрального органа и газеты «Солдат». Что такое? Штаб? Разве это еще существует? Здесь не признают ничьих приказов без санкции Военно-революционного комитета. Но это не помогло: стереотипы разбиты, помещение запечатано. Правительство может зарегистрировать первый успех.

Рабочий и работница большевистской типографии прибегают запыхавшись в Смольный и находят там Подвойского и Троцкого: если Комитет даст им охрану от юнкеров, рабочие выпустят газету. Форма первого ответа на правительственное наступление найдена. Пишется приказ Литовскому полку немедленно выслать роту на защиту рабочей печати. Посланцы из типографии настаивают, чтобы привлечь к делу также и 6-й саперный батальон: это близкие соседи и верные друзья. Телефонограмма тут же передается по двум адресам. Литовцы и саперы выступают без промедления. Печати с помещения сорваны, матрицы отлиты заново, работа кипит. С запозданием на несколько часов запрещенная Правительством газета выходит в свет под охраной войск Комитета, который сам подлежит аресту. Это и есть восстание. Так оно разворачивается.

Тем временем с крейсера «Аврора» обращаются в Смольный с запросом: выходить ли в море или

оставаться в невских водах? Сами матросы, охранявшие в августе Зимный от Корнилова, горят сейчас желанием расквитаться с Керенским. Правительственное предписание Комитетом тут же отменено, и команда получает приказ № 1218: «На случай нападения на петроградский гарнизон со стороны контр-революционных сил, крейсеру «Аврора» обеспечить себя буксирами, пароходами и паровыми катерами». Крейсер с восторгом выполняет задание, которого он только и ждал.

Эти два акта отпора, подсказанные рабочими и матросами и проведенные, благодаря сочувствию гарнизона, совершенно безнаказанно, стали политическими событиями первостепенной важности. Последние остатки фетишизма власти рассыпались прахом. «Сразу стало ясно, — говорит один из участников, — что дело уже окончено». Если и не окончено, то оказалось, во всяком случае, гораздо проще, чем представлялось накануне.

Покушение на закрытие газет, постановление о предании суду Военно-революционного комитета, приказ об отстранении комиссаров, выключение телефонов Смольного, этих булавочных уколов как раз достаточно, чтоб обвинить Правительство в подготовке контр-революционного переворота. Хотя восстание может победить лишь как наступление, но оно развертывается тем успешнее, чем более похоже на оборону. Кусочек казенного сюргуча на дверях большевистской редакции — в качестве военой меры, это не много. Но какой превосходный сигнал к бою! Телефонограмма по всем районам и частям гарнизона оповещает о случившемся. «Враги народа ночью перешли в наступление... Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков». Заговорщики — это органы официальной власти. Под пером революционных заговорщиков это определение звучит неожиданно. Но оно вполне отвечает обстановке и самочувствию масс. Вытесняемое из всех позиций, вынужденное встать на путь запоздалой обороны, неспособное мобилизовать необходимые для этого силы, ни даже проверить, име-

ются ли они в наличности, Правительство совершает разрозненные, необдуманные и несогласованные действия, которые в глазах масс неизбежно выглядят, как злонамеренные покушения. Телефонограмма Комитета предписывает: «привести полк в состояние боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений». Это голос власти. Подлежащие устранению комиссары Комитета продолжают с двойной уверенностью отстранять тех, кого находят нужным.

«Аврора» на Неве означала не только превосходную боевую единицу на службе восстания, но и готовую к услугам радиостанцию. Неоценимое преимущество! Матрос Курков вспоминает: «Мы получили от Троцкого передать по радио..., что контр-революция перешла в наступление». Оборонительная форма прикрывала и здесь призыв к восстанию, обращенный на этот раз ко всей стране. Гарнизонам, охраняющим подступы к Петрограду, приказано, по радио «Авроры», задерживать контр-революционные эшелоны и, в случае недостаточности увещаний, применять силу. Всем революционным организациям вменено в обязанность «заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков». Недостатка в воззваниях не было, как видим, и со стороны Военно-революционного комитета. Но у него слово не расходилось с делом, а комментировало его.

Не без запоздания приступлено к более серьезному укреплению самого Смольного. Покидая здание в 3 часа ночи на 24-ое, Джон Рид обратил внимание на пулеметы у входных дверей и на сильные патрули, охранявшие ворота и прилегающие перекрестки: караулы были уже накануне подкреплены ротой Литовского полка и ротой пулеметчиков с 24 пулеметами. В течение дня охрана непрерывно возрастала. «В районе Смольного, — пишет Шляпников, — наблюдались знакомые мне картины, напоминавшие первые дни Февральской революции около Таврического дворца»: то же обилие солдат, рабочих и всякого рода оружия. Бесчисленные штабеля дров, сосредоточенные во дворе, могут, как

нельзя лучше, послужить, в качестве прикрытия от ружейного огня. Грузовые автомобили подвозят продовольственные и боевые запасы. «Весь Смольный, — рассказывает Раскольников, — был превращен в боевой лагерь. Снаружи у колонады — пушки, стоящие на позициях. Возле них — пулеметы... Почти на каждой площадке все те же «максимы», похожие на игрушечные пушки. И по всем коридорам... быстрая громкая, веселая поступь солдат и рабочих, матросов и агитаторов». Суханов, не без основания обвиняющий организаторов переворота в недостаточной военной распорядительности, пишет: «Только теперь, днем и вечером 24-го, к Смольному стали стягиваться вооруженные отряды красногвардейцев и солдат для охраны штаба восстания... К вечеру 24-го охрана Смольного стала на что-то похожа».

Вопрос этот не лишен значения. В Смольном, откуда соглашательский Исполнительный комитет успел украдкой перебраться в помещение правительственного штаба, сосредоточены ныне головки всех революционных организаций, руководимых большевиками. Здесь же собирается в этот день заседание Центрального комитета партии для принятия последних решений перед ударом. Присутствует 11 членов. Ленин еще не появлялся из своего убежища в Выборгском районе. Отсутствует Зиновьев, который, по темпераментному выражению Дзержинского, «скрывается и в партийной работе участия не принимает». Наоборот, Каменев, единомышленник Зиновьева, очень активен в штабе восстания. Нет Сталина: он вообще не появляется в Смольном, проводя время в редакции центрального органа. Заседание, как всегда, идет под председательством Свердлова. Официальный протокол скуп; но он отмечает все основное. Для характеристики руководящих участников переворота и распределения между ними функций он незаменим.

Дело идет о том, чтоб в течение ближайших 24 часов окончательно завладеть Петроградом. Это значит: захватить те политические и технические учреж-

дения, которые еще остаются в руках Правительства. Съезд советов должен заседать под советской властью. Практические меры ночного штурма разработаны или разрабатываются Военно-революционным комитетом и Военной организацией большевиков. ЦК должен подвести последнюю черту.

Принято прежде всего предложение Каменева: «Сегодня без особого постановления ни один член ЦК не может уйти из Смольного». Решено, сверх того, усилить в Смольном дежурства членов петроградского комитета партии. Протокол гласит далее: «Троцкий предлагает отпустить в распоряжение Военно-революционного комитета двух членов ЦК для налаживания связи с почтово-телеграфистами и железнодорожниками; третьего члена — для наблюдения за Временным правительством». Постановляется: на почту и телеграф делегировать Дзержинского, на железные дороги — Бубнова. Сперва, очевидно, по инициативе Свердлова, предположено поручить наблюдение за Временным правительством Подвойскому. Протокол отмечает: «Возражения против Подвойского; поручается Свердлову». На Милютина, который считается экономистом, возложено продовольственное дело. Переговоры с левыми эсерами доверяются Каменеву, который имеет репутацию умелого, хотя и слишком уступчивого парламентера: уступчивого, разумеетея, на большевистский масштаб. «Троцкий предлагает, — читаем далее — устроить запасный штаб в Петропавловской крепости и назначить туда с этой целью одного члена ЦК». Постановлено: «общее наблюдение поручить Лашевичу и Благонравову; поддерживать постоянную связь с крепостью поручить Свердлову». Кроме того: «всех членов ЦК снабдить пропусками в крепость».

По партийной линии все нити сходились в руках Свердлова, который знал большевистские кадры, как никто. Он связывал Смольный с аппаратом партии, снабжал необходимыми работниками Военно-революционный комитет и вызывался туда для совещания во все критические моменты. Так как Комитет имел слиш-

ком широкий, отчасти текучий состав, то наиболее конспиративные мероприятия проводились через верхушку Военной организации большевиков или лично через Свердлова, который был неофициальным, но тем более действительным «генеральным секретарем» октябрьского переворота.

Приезжавшие на Съезд советов делегаты-большевики попадали прежде всего в руки Свердлова и ни одного лишнего часа не оставались без дела. 24-го в Петрограде насчитывалось уже две-три сотни провинциалов, и большинство их так или иначе включилось в механику восстания. К 2-м часам дня они собрались в Смольном на фракционное заседание, чтоб заслушать докладчика от ЦК партии. Среди них были колеблющиеся, которые предпочли бы, подобно Зиновьеву и Каменеву, выжидательную политику; были и просто недостаточно надежные новобранцы. Об изложении пред фракцией плана восстания не могло быть и речи: что говорится в многолюдном собрании, хотя бы и закрытом, неизбежно выйдет наружу. Нельзя еще даже разрывать оборонительную облочку наступления, не рискуя вызвать замешательство в сознании отдельных частей гарнизона. Но необходимо, в то же время, дать понять, что решающая борьба уже началась, и что Съезду останется только увенчать ее.

Со ссылкой на недавние статьи Ленина Троцкий доказывает, что «заговор не противоречит принципам марксизма», если объективные отношения делают возможным и неизбежным восстание. «Физический барьер на пути к власти надо преодолеть ударом»... Однако, до сих пор политика Военно-революционного комитета не выходила еще за рамки обороны. Конечно, надо понимать эту оборону достаточно широко. Обеспечение выхода большевистской печати при помощи вооруженной силы или удержание «Авроры» на Неве — «это оборона, товарищи? — Это оборона!» Еслибы Правительство вздумало нас арестовать, то на этот случай на крыше Смольного установлены пулеметы. «Это тоже оборона, товарищи!» — А как же быть с Времен-

ным правительством? гласит одна из поданных записок. Еслиб Керенский попытался не подчиниться Съезду советов, — отвечает докладчик, — то сопротивление Правительства создало бы «полицейский, а не политический вопрос». Почти так оно в сущности и было.

В этот момент Троцкого вызывают для объяснения с только что прибывшей депутацией городской Думы. В столице, правда, пока спокойно, но ходят тревожные слухи. Городской голова ставит вопросы. — Собирается ли Совет устраивать восстание? И как быть с порядком в городе? И что станется с Думой, если она не признает переворота? Эти почтенные люди хотят знать слишком много. Вопрос о власти — гласит ответ — подлежит решению Съезда советов. Приведет ли это к вооруженной борьбе, «зависит не столько от советов, сколько от тех, которые, вопреки единодушной воле народа, удерживают в своих руках государственную власть». Если Съезд отклонит власть, петроградский Совет подчинится. Но само Правительство явно ищет столкновения. Отдано предписанье об аресте Военно-революционного комитета. На это рабочие и солдаты могут ответить лишь беспощадным сопротивлением. Грабежи и насилия преступных шаек? Изданный сегодня приказ Комитета гласит: «При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу — преступники будут стерты с лица земли». В отношении городской Думы можно будет, в случае конфликта, применить конституционный метод: роспуск и новые выборы. Делегация ушла неудовлетворенной. Но на что она собственно рассчитывала?

Официальный визит отцов города в лагерь мятежников явился слишком откровенной демонстрацией бессилия правящих. «Не забывайте, товарищи, — говорил Троцкий, вернувшись во фракцию большевиков, — что несколько недель тому назад, когда мы приобрели большинство, мы были толькой фирмой — без типографии, без кассы, без отделов, — а теперь депу-

тация городской Думы приходит к арестованному Военно-революционному комитету «справляться о судьбе города и государства».

Петропавловская крепость, политически завоеванная только накануне, сегодня закрепляется. Команда пулеметчиков, наиболее революционная часть, приводится в боевой вид. Идет усердная чистка пулеметов Кольта: их 80 штук. Для контроля над набережной и Троицким мостом пулеметы устанавливаются на крепостной стене. К воротам выставлен усиленный караул. В окружающий район высланы патрули. Но в горячке утренних часов выясняется, что внутри самой крепости положение не может еще считаться прочно обеспеченным. Неопределенность вносит батальон самокатчиков. Подобно кавалеристам, из зажиточных и богатых крестьян, самокатчики, из промежуточных городских слоев, составляют самые консервативные части армии. Тема для идеалистических психологов; стоит человеку, в отличие от других, почувствовать себя на двух колесах с передачей, по крайней мере в бедной стране, как Россия, — и его спесь начинает надуваться, как его шины. В Америке для такого эффекта уже нужен автомобиль.

Вызванный для подавления июльского движения батальон усердно брал, в свое время, дворец Ксешинской, и был затем, в качестве особо надежной части, водворен в Петропавловке. Во вчерашнем митинге, определившем судьбу крепости, самокатчики, как выяснилось, не принимали участия: дисциплина еще сохранилась у них настолько, что офицерству удалось удержать солдат от выхода на крепостной двор. В рассчете на самокатчиков комендант крепости высоко держит голову, часто сносится по телефону со штабом Керенского и даже собирается, будто-бы, арестовать большевистского комиссара. Нельзя терпеть неопределенного положения ни одной лишней минуты! По приказанию из Смольного, Благонравов идет противнику на перерез: комендант подвергается домашнему аресту, телефонные аппараты снимаются во всех

офицерских квартирах. Из правительственного штаба возбужденно запрашивают, почему умолк комендант, и что вообще происходит в крепости. Благонравов почтительно докладывает по телефону, что крепость отныне исполняет только распоряжения Военно-революционного комитета, с которым Правительству и надлежит в дальнейшем сноситься.

Все части крепостного гарнизона принимают арест коменданта с полным удовлетворением. Но самокатчики держатся уклончиво. Что скрывается за их угрюмым молчанием: притаившаяся враждебность или последние колебания? «Решаем устроить специальный митинг для самокатчиков, — пишет Благонравов, — и пригласить на него наши лучшие агитационные силы, и в первую голову Троцкого, пользующегося громадным авторитетом и влиянием на солдатские массы». Часа в четыре пополудни весь батальон собрался в помещении соседнего цирка Модерн. В качестве правительственного оппонента, выступал генерал-квартирмейстер Пораделов, считавшийся эсером. Его возражения были настолько осторожны, что казались двусмысленными. Тем сокрушительнее наступали представители Комитета. Дополнительная ораторская битва за Петропавловскую крепость закончилась, как и следовало превидеть: всеми голосами против 30-ти батальон одобрил резолюцию Троцкого. Еще один из возможных вооруженных конфликтов был разрешен до боя и без крови. Это и есть октябрьское восстание. Таков его стиль.

На крепость можно было отныне опираться со спокойной уверенностью. Оружие из арсенала выдавалось без помех. В Смольном, в комнате фабрично-заводских комитетов, стояли в очереди делегаты предприятий за ордером на оружие. Столица видела за годы войны немало хвостов: теперь впервые образовался хвост на винтовки. Из всех районов тянулись к арсеналу грузовики. «Петропавловскую крепость нельзя было узнать, — пишет рабочий Скоринко. — Воспетая ее тишина была нарушена пыхтением автомобилей, скрипом подвод, криками. У складов была особенная толкотня..

Здесь же, мимо нас, проводят первых пленных — офицеров и юнкеров». В этот день получил винтовки 180-й пехотный полк, разоруженный за активное участие в июльском восстании.

Результаты митинга в цирке Модерн обнаружились и с другой стороны: самокатчики, несшие с июля охрану Зимнего дворца, самовольно снялись с караула, заявив, что далее охранять Правительство не согласны. Это был серьезный удар. Самокатчиков пришлось заменить юнкерами. Военная опора Правительства все больше сводилась к офицерским школам, что не только сужало ее до крайности, но и окончательно обнажало ее социальный состав.

Рабочие Путиловской верфи, и не только они, предлагали Смольному приступить к скорейшему разоружению юнкеров. Еслиб эта мера, после соответственной подготовки, по соглашению с нестроевыми командами школ, была проведена в ночь на 25-ое, взятие Зимнего дворца не представляло бы никаких затруднений. Еслиб юнкера были разоружены хотя бы ночью на 26-ое, после взятия Зимнего, не произошло бы попытки контр-восстания 29 октября. Но руководители еще во многом проявляли «великодушие», на самом деле избыток оптимистической уверенности, и не всегда достаточно внимательно прислушивались к трезвому голосу низов: отсутствие Ленина сказалось и в этом. Последствия упущений пришлось поправлять массам, при излишних жертвах с обеих сторон. В серьезной борьбе нет худшей жестокости, чем несвоевременное «великодушие».

В дневном заседании Предпарламента Керенский пел свою лебединую песню. За последнее время население России, особенно столицы, находится в тревоге: «призывы к восстанию ежедневно помещаются в газетах большевиков». Оратор цитировал статьи разыскиваемого государственного преступника Владимира Ульянова-Ленина. Цитаты были ярки и неоспоримо доказывали, что вышепоименованное лицо призывает к восстанию. И когда? В такой момент, когда Прави-

тельство обсуждает вопрос о передаче земель в руки крестьянских комитетов и о принятии мер к окончанию войны. Власти не спешили до сих пор с разгромом заговорщиков, чтоб дать им самим возможность исправить свою ошибку. «Вот это-то и плохо», кричат из того сектора, где руководит Милюков. Но Керенский не теряется: «Я вообще предпочитаю, чтобы власть действовала более медленно, но зато более верно, а в нужный момент и более решительно». Эти слова странно звучат в этих устах! Во всяком случае, «в настоящее время прошли все сроки», большевики не только не раскаялись, но вызвали две роты и производят самовольную раздачу оружия и патронов. Правительство намерено на этот раз положить конец бесчинствам черни. «Я говорю с совершенным сознанием: черни». Справа встречают бурными аплодисментами оскорбление по адресу народа. Он, Керенский, уже приказал произвести необходимые аресты. «Особенно нужно отметить выступления председателя петроградского Совета Бронштейна-Троцкого». Да будет известно: сил у Правительства более, чем достаточно; с фронта непрерывно поступают требования решительных мер против большевиков. В этот момент Коновалов передает оратору телефонограмму Военно-революционного комитета по частям гарнизона: «привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений». Керенский торжественно заключает: «На языке закона и судебной власти это именуется состоянием восстания». Милюков свидетельствует: «Керенский произнес эти слова довольным тоном адвоката, которому удалось, наконец, уличить своего противника». Те группы и партии, которые осмелились поднять руку на государство, «подлежат немедленной решительной и окончательной ликвидации». Весь зал, кроме левого сектора, демонстративно аплодирует. Речь заканчивается требованием: сегодня же, в этом же заседании, дать ответ, может ли Правительство «исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».

Не дожидаясь голосования, Керенский вернулся в штаб, уверенный, по собственным словам, что не пройдет и часа, как он получит нужное ему — неизвестно, для чего — решение. Вышло, однако, иначе. С двух до шести вечера шли в Мариинском дворце фракционные и междуфракционные совещания для выработки формулы перехода: участники как-бы не понимали, что дело идет об их переходе в небытие. Ни одна из соглашательских групп не решалась отождествлять себя с Правительством. Дан говорил: «Мы, меньшевики, готовы до последней капли крови защищать Временное правительство; но пусть оно даст возможность демократии сплотиться вокруг него». К вечеру левые фракции, измотавшиеся в поисках выхода, объединились на заимствованной Даном у Мартова формуле, возлагавшей ответственность за восстание не только на большевиков, но и на Правительство, требовавшей немедленной передачи земель в ведение земельных комитетов, выступления перед союзниками в пользу мирных переговоров и пр. Так, апостолы умеренности пытались в последнюю минуту подделаться под лозунги, которые вчера еще клеймились ими, как демагогия и авантюризм. Безоговорочную поддержку обещали Правительству, кроме кооператоров, только кадеты и казаки, две группы, которые собирались опрокинуть Керенского при первой возможности. Но они остались в меньшинстве. Поддержка Предпарламента немного могла бы прибавить Правительству. Но Милюков прав: отказ в поддержке отнимал у Правительства последние остатки авторитета. Ведь состав Предпарламента был определен самим Правительством несколько недель тому назад!

Пока в Мариинском дворце искали спасительную формулу, в Смольном собрался петроградский Совет для информации о событиях. Докладчик считает нужным и здесь напомнить, что Военно-революционный комитет возник «не как орган восстания, а на почве самозащиты революции». Комитет не позволил Керенскому вывести из Петрограда революционные войска

и взял под свою защиту рабочую печать. «Есть ли это восстание?» «Аврора» стоит сегодня там, где стояла прошлой ночью. «Есть ли это восстание?» «У нас есть полувласть, которой не верит народ, и которая сама себе не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтоб очистить место подлинной власти революционного народа». Завтра откроется Съезд советов. Обязанность гарнизона и рабочих — предоставить в распоряжение Съезда все свои силы. «Если, однако, Правительство 24-мя или 48-ю часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы снова заявляем: передовой отряд революции ответит на удар ударом и на железо сталью». Эта открытая угроза есть в то же время политическое прикрытие предстоящего ночью удара. Троцкий сообщает в заключение, что лево-эсеровская фракция Предпарламента, после сегодняшнего выступления Керенского и мышиной возни соглашательских фракций, прислала в Смольный делегацию и выразила готовность официально войти в состав Военно-революционного комитета. В повороте левых эсеров Совет радостно приветствует отражение более глубоких процессов: возростающего размаха крестьянской войны и успешного хода петроградского восстания.

Комментируя доклады председателя петроградского Совета, Милюков пишет: «Вероятно таков и был первоначальный план Троцкого: подготовившись к борьбе, поставить Правительство лицом к лицу с «единодушной волей народа», высказанной на Съезде советов, и дать, таким образом, новой власти вид законного происхождения. Но Правительство оказалось слабее, чем он ожидал. И сама собой власть падала в его руки раньше, чем Съезд успел собраться и высказаться». В этих словах верно то, что слабость Правительства превзошла все ожидания. Но план с самого начала состоял в том, чтоб взять власть до открытия Съезда. Милюков, впрочем, и сам признает это в

другой связи. «Действительные намерения руководителей переворота, — пишет он, — шли гораздо далее этих официальных заявлений Троцкого... Съезд советов должен был быть поставлен перед совершившимся фактом».

Чисто военный план состоял первоначально в том, чтобы обеспечить соединение балтийских моряков с вооруженными выборгскими рабочими: матросы должны были прибыть по железной дороге и высадиться на Финляндском вокзале, расположенном в Выборгском районе. Уже с этого плацдарма, восстание должно было, путем дальнейшего присоединения отрядов красной гвардии и частей гарнизона, распространиться на другие районы и, завладев мостами, проникнуть в центр для нанесения окончательного удара. Этот замысел, естественно вытекавший из обстановки и формулированный, повидимому, Антоновым, исходил из предположения, что противник сможет еще оказать значительное сопротивление. Именно эта предпосылка скоро отпала: опираться на ограниченный плацдарм не было надобности; Правительствоо оказывалось открытым для нападения везде, где восставшие находили нужным нанести ему удар. Стратегический план подвергся изменениям также и в отношении сроков, при том в двояком направлении: восстание началось раньше и закончилось позже, чем было назначено. Утренние покушения Правительства вызвали, в порядке обороны, немедленный отпор Военно-революционного комитета. Обнаруженное при этом бессилие властей толкнуло Смольный уже в течение дня на наступательные действия, сохранявшие, правда, половинчатый, полузамаскированный, подготовительный характер. Главный удар, по прежнему готовился ночью: в этом смысле план оставался в силе. Он нарушился, однако, в процессе выполнения, но уже в противоположном направлении. Ночью предполагалось занять все командные высоты, и прежде всего Зимний дворец, где укрывалась центральная власть. Но рассчет времени в восстании еще труднее, чем в регулярной войне. Руко-

водители запоздали на много часов с сосредоточением сил, и операции против Зимнего, которых ночью не успели даже начать, составили особую главу переворота, закончившуюся лишь к ночи на 26-ое, т. е. с запозданием на целые сутки. Без серьезных осечек не одерживаются и самые блестящие победы!

После выступления Керенского в Предпарламенте власти попытались расширить свое наступление. Нарядами юнкеров заняты вокзалы. На углах больших улиц выставлены пикеты, которым приказано реквизировать не сданные штабу частные автомобили. К 3-м часам пополудни разведены мосты, кроме Дворцового, который оставался открытым для движения под усиленной охраной юнкеров. Эта мера, применявшаяся монархией во все тревожные моменты, в последний раз — в февральские дни, диктовалась страхом перед рабочими районами. Разведение мостов означало в глазах населения как-бы официальное подтверждение того, что восстанье началось. Штабы заинтересованных районов немедленно ответили на военный акт Правительства по своему, выслав к мостам вооруженные отряды. Смольному оставалось только развить эту инициативу. Борьба из-за мостов имела характер пробы сил для обеих сторон. Партии вооруженных рабочих и солдат напирали на юнкеров и казаков, то убеждая, то угрожая. Охрана в конце концов уступала, не отваживаясь на прямое столкновение. Некоторые мосты разводились и наводились несколько раз.

«Аврора» получила приказание непосредственно от Военно-революционного комитета: «Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту». Командир крейсера попытался уклониться от выполнения приказа, но после символического ареста его и всех офицеров, покорно повел корабль. По обеим набережным продвигались цепи моряков. Пока «Аврора» успела отдать якорь перед мостом, рассказывает Курков, юнкеров уже и след простыл. Матросы сами навели мост и поставили охранение. Только Дворцовый мост продол-

жал оставаться еще в течение нескольких часов в руках правительственных караулов.

Несмотря на явную неудачу первых опытов, отдельные органы власти пытались и дальше наносить удары. Отряд милиционеров явился вечером в большую частную типографию для наложения ареста на газету петроградского Совета «Рабочий и Солдат». 12 часов тому назад рабочие большевистской типографии побежали, в аналогичном случае, за помощью в Смольный. Сейчас в этом уже не было надобности. Печатники, вместе с двумя подвернувшимися матросами, немедленно отбили нагруженный газетами автомобиль; к ним тут же присоединилась часть милиционеров; инспектор милиции бежал. Отбитая газета была благополучно доставлена в Смольный. Военно-революционный комитет прислал для охраны издания два взвода Преображенского полка. Перепуганная администрация тут же передала управление типографией совету рабочих старост.

Проникнуть для арестов в Смольный судебные власти и не помышляли: было слишком ясно, что это означало бы сигнал к гражданской войне с заранее обеспеченным поражением Правительства. Зато в порядке административной конвульсии сделана была в Выборгском районе, куда власти и в лучшие дни избегали заглядывать, попытка арестовать Ленина. Полковник с десятком юнкеров проник поздно вечером по ошибке в рабочий клуб, вместо большевистской редакции, помещавшейся в том же доме: вояки предполагали, почему-то, что Ленин ждет их в редакции. Из клуба немедленно дали знать в штаб красной гвардии. Пока полковник плутал по разным этажам, попав даже к меньшевикам, подоспевшие красногвардейцы арестовали его вместе с юнкерами и доставили в штаб Выборгского района, а оттуда — в Петропавловскую крепость. Так, громогласно возвещенный поход против большевиков, встречая на каждом шагу непреодолимые затруднения, превращался в бессвязные наскоки и мелкие анекдоты, выдыхался и сходил на нет.

Военно-революционный комитет работал тем временем непрерывно. При частях дежурили комиссары. Население особыми воззваниями оповещено, куда обращаться в случае контр-революционных и погромных покушений: «помощь будет дана тотчас же». Достаточно оказалось внушительного визита комиссара Кексгольмского полка на телефонную станцию, чтоб телефоны Смольного были вновь включены. Проволочная связь, самая быстрая из всех, придавала развертывающимся операциям уверенность и планомерность.

Продолжая внедрять комиссаров в учреждения, которые еще не попали под его контроль, Военно-революционный комитет расширял и укреплял исходные позиции для предстоящего наступления. Дзержинский вручил днем Пестковскому, старому революционеру, клок бумаги, изображавший мандат на звание комиссара главного телеграфа. — Каким образом занять телеграф? спросил не без удивления новый комиссар. — Там караул несет Кексгольмский полк, который на нашей стороне! В пространных пояснениях Пестковский не нуждался. Достаточно оказалось двух кексгольмцев с винтовками около комутатора, чтобы достигнуть временного компромисса с враждебными чиновниками телеграфа, среди которых не было ни одного большевика.

В 9 часов вечера другой комиссар Военно-революционного комитета, Старк, с небольшим отрядом матросов, под командой бывшего эмигранта, Савина, тоже моряка, занял правительственное телеграфное агентство и этим предопределил не только судьбу учреждения, но, до известной степени, и свою собственную: Старк стал первым советским директором агентства прежде, чем оказаться советским послом в Афганистане.

Были ли эти две скромные операции атаками восстания или только эпизодами двоевластия, правда, переведенного с соглашательских рельс на большевистские? Вопрос может, не без основания, показаться

казуистическим. Но для маскировки восстания он все еще сохранял свое значение. Факт таков, что даже вторжение в здание агентства вооруженных матросов носило еще половинчатый характер: формально дело шло пока не о захвате учреждения, а об установлении цензуры над телеграммами. Так, вплоть до ночи 24-го пуповина «легальности» не была окончательно перерезана, движение продолжало прикрываться остатками традиций двоевластия.

При разработке планов восстанья Смольный большие надежды возлагал на балтийских моряков, как на боевой отряд, сочетающий пролетарскую решимость с крепкой военной выучкой. Прибытие матросов в Петроград приурочивалось заранее к Съезду советов. Вызвать балтийцев раньше значило бы открыто встать на путь восстания. Отсюда выросло затруднение, которое превратилось в запоздание.

В Смольный прибыли днем 24-го два делегата кронштадтского Совета на Съезд: большевик Флеровский и равнявшийся по большевикам анархист Ярчук. В одной из комнат Смольного они столкнулись с Чудновским, который только что вернулся с фронта, и, ссылаясь на солдатские настроения, возражал против восстания в ближайший период. «В разгар спора, — рассказывает Флеровский, — в комнату вошел Троцкий... Отозвав меня в сторону, он предложил мне немедленно вернуться в Кронштадт: «события назревают так быстро, что каждому надо быть на своем месте»... В коротком распоряжении я остро почуял дисциплину наступающего восстания». Спор прекратился. Впечатлительный и горячий Чудновский отложил свои сомнения, чтоб принять участие в разработке военных планов. Вдогонку Флеровскому и Ярчуку пошла телефонограмма: «Вооруженным силам Кронштадта выступить на рассвете на защиту Съезда советов».

Через Свердлова Военно-революционный комитет отправил ночью телеграммму в Гельсингфорс Смилге, председателю Областного комитета советов: «Присылай

устав». Это означало: присылай немедленно 1500 отборных балтийских матросов, вооруженных до зубов. Хотя балтийцы смогут прибыть только в течение завтрашнего дня, но откладывать боевые действия нет основания: внутренних сил достаточно, — да и нет возможности: операции уже начались. Если с фронта прибудут на помощь Правительству подкрепления, то моряки подоспеют достаточно рано, чтобы ударить им во фланг или в тыл.

Тактическая разработка схемы овладения столицей была делом, главным образом, Военной организации большевиков. Офицеры генерального штаба нашли бы в плане профанов много прорех. Но военные академики не принимают обычно участия в подготовке пролетарского восстания. Самое необходимое было во всяком случае предусмотрено. Город разбит на боевые участки, подчиненные ближайшим штабам. В важнейших пунктах сосредоточены дружины Красной гвардии, связанные с соседними воинскими частями, где бодрствуют наготове дежурные роты. Цели каждой частной операции и силы для нее намечены заранее. Все участники восстания, сверху донизу, — в этом его могущество, но в этом же моментами и его ахиллесова пята — проникнуты уверенностью в том, что победа будет взята без жертв.

Главные операции начались с двух часов ночи. Небольшими военными партиями, обычно, с ядром из вооруженных рабочих или матросов, под руководством комиссаров, заняты одновременно или последовательно вокзалы, осветительная станция, военные и продовольственные склады, водопровод, Дворский мост, телефонная станция, государственный банк, крупные типографии, закреплены телеграф и почта. Везде поставлена надежная охрана.

Скудны и бесцветны отчеты об эпизодах октябрьской ночи: они похожи на полицейский протокол. Всех участников треплет нервная лихорадка. Некому и некогда наблюдать и записывать. Стекающиеся в штабы сведения не заносятся на бумагу, или заносятся не-

брежно, записи теряются. Позднейшие воспоминания сухи и не всегда точны, так как исходят в большинстве от случайных людей. Те рабочие, матросы и солдаты, которые были действительными вдохновителями и руководителями операций, стали вскоре во главе первых отрядов красной армии и в большинстве своем сложили головы на разных театрах гражданской войны. В определении характера и порядка отдельных эпизодов исследователь наталкивается на большую путаницу, которую еще больше осложняют отчеты газет. Порою кажется, что овладеть Петроградом осенью 1917 года было легче, чем восстановить этот процесс полтора десятилетия спустя!

На первую роту, самую крепкую и революционную в саперном батальоне, возложено овладение соседним Николаевским вокзалом. Уже через четверть часа вокзал без единого удара занят сильными караулами: правительственная команда просто рассеялась во тьме. Полна подозрительных шумов и таинственных движений холодная пронизывающая ночь. Подавляя острую тревогу в душе, солдаты добросовестно останавливают прохожих и проезжих, тщательно проверяя документы. Они не всегда знают, как поступить, колеблются, — чаще отпускают. Но с каждым часом прибавляется уверенности. Около 6-ти часов утра саперы задерживают два грузовика с юнкерами, около 60 человек, обезоруживают их и отправляют в Смольный.

Тому же батальону приказано выслать 50 человек для окарауливания продовольственного склада и 21 человека для охраны электрической станции. Наряды следуют за нарядами, из Смольного, из района. Никто не возражает и не ропщет. По донесению комиссара, распоряжения исполняются «немедленно и с точностью». Движения солдат приобретают давно невиданную отчетливость. Как ни расшатан рыхлый гарнизон, годный лишь на слом, но этой ночью старая солдатская муштра снова просыпается в нем и, в последний раз, напрягает каждый мускул на службе новой цели.

Комиссар Уралов получил два мандата: один —

на занятие типографии реакционной газеты «Русская Воля», основанной Протопоповым незадолго до того, как он стал последним министром внутренних дел Николая II; другой — на получение партии солдат из гвардейского Семеновского полка, который в Правительстве, по старой памяти, продолжали считать своим. Семеновцы нужны были для занятия типографии; типография — для выпуска большевистской газеты в большом формате и в большом тираже. Солдаты уже укладывались на ночь. Комиссар изложил кратко цель своей миссии: «Не успел я закончить, как со всех сторон раздались крики *ура*. Солдаты вскакивали со своих мест и тесным кольцом окружили меня». Перегруженный семеновцами грузовик подъехал к типографии. В зале ротационных машин быстро собралась ночная смена рабочих. Комиссар изложил, зачем приехал. «И здесь, как в казарме, рабочие ответили криками *ура* и *да здравствуют советы*». Задание выполнено. Так же приблизительно происходили захваты и других учреждений. Применять насилие не приходилось, ибо не было сопротивления. Восставшие массы раздвигали локти и оттирали вчерашних господ.

Командующий округом доносил ночью в Ставку и в штаб Северного фронта по военным проводам: «Положение Петрограда ужасающе. Уличных выступлений и беспорядков нет. Но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты... Юнкера сдают караулы без сопротивления... Нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства». Полковников прав: гарантий действительно нет.

В военных кругах передавали, будто агенты Военно-революционного комитета выкрали у петроградского коменданта из стола пароли и отзывы караулов гарнизона. Невероятного в этом не было бы ничего: среди низшего персонала всех учреждений восстание имело достаточно друзей. Но все же версия насчет похищения паролей создана была, повидимому, для объяснения той слишком обидной легкости, с какою большевистские караулы овладевали городом.

По гарнизону разослан из Смольного в течение ночи приказ: офицеров, не признающих власти Военно-революционного комитета, подвергнуть аресту. Из многих полков командиры успели уже скрыться, чтоб переждать в укромном месте тревожные дни. В других частях офицеров отстранили или арестовали. Везде образовались свои революционные комитеты или штабы, действующие рука об руку с комиссарами. Что импровизированное командование стояло не на высоте, ясно само собою. Но зато оно было надежно. А вопрос решался прежде всего в политической инстанции.

Однако, при всей своей неопытности, штабы отдельных частей развивали значительную инициативу. Комитет Павловского полка посылал от себя разведчиков в штаб округа разузнать, что там происходит. Запасный химический батальон внимательно следил за беспокойными соседями: юнкерами Павловского и Владимирского училищ и учениками кадетского корпуса. Химики частенько обезоруживали на улице юнкеров и тем держали их в страхе. Связавшись с солдатской командой Павловского училища, штаб химического батальона добился того, что ключи от оружия оказались в руках команды.

Численность сил, непосредственно участвовавших в ночном захвате столицы, определить затруднительно: не только потому, что никто не подсчитывал и не записывал, но и по характеру самых операций. Резервы второй и третьей очереди сливались почти со всем гарнизоном. Но прибегать к резервам приходилось лишь эпизодически. Несколько тысяч красногвардейцев, две-три тысячи моряков, — завтра, с прибытием кронштадтцев и гельсингфорсцев их число возрастет, примерно, втрое, — десятка два рот и команд пехоты, таковы те силы первой и второй очереди, при помощи которых восставшие занимали столицу.

В 3 ч. 20 минут ночи начальник Политического управления военного министерства, меньшевик Шер, передавал по прямому проводу на Кавказ: «Происходит заседание Центрального исполнительного комитета

совместно с делегатами, приехавшими на Съезд советов, в подавляющем большинстве большевиками. Троцкому устроили овацию. Он заявил, что надеется на бескровный исход восстания, так как сила в их руках. Большевики перешли к активным действиям. Ими захвачен Николаевский мост, там выставлены броневики. Павловский полк на Миллионной улице близ Зимнего дворца выставил пикеты, останавливает всех, арестовывает, направляет в Смольный институт. Арестованы министр Карташев и управляющий делами Временного правительства Гальперин. Балтийский вокзал так же в руках большевиков. Если не будет вмешательства фронта, то Правительство не будет иметь силы сопротивляться наличными войсками».

Объединенное заседание Исполнительных комитетов, о котором говорит сообщение поручика Шера, открылось в Смольном после полуночи. Делегаты Съезда заполняли зал в качестве гостей. Коридоры и проходы заняты усиленными караулами. Серые шинели, винтовки, пулеметы на окнах. Члены Исполнительных комитетов утопали в многоголовой и враждебной массе провинциалов. Высший орган «демократии» казался уже пленником восстания. На трибуне не было привычной фигуры председателя Чхеидзе. Отсутствовал неизменный докладчик Церетели. Запуганные ходом событий оба, за несколько недель до боя, сдали свои ответственные посты и, махнув рукою на Петроград, уехали в родную Грузию. Лидером соглашательского блока остался Дан. У него не было ни лукавого благодушия Чхеидзе, ни патетического красноречия Церетели; зато обоих он превосходил упрямой близорукостью. Одинокий на председательской трибуне эсер Гоц открыл заседание. Дан взял слово в полном молчании зала, которое Суханову казалось вялым, а Джон Риду — «почти угрожающим». Коньком докладчика явилась свежая резолюция Предпарламента, которая пыталась противопоставить восстанию бледное эхо его собственных лозунгов. «Будет поздно, если вы не посчитаетесь с этим решением»,

говорил Дан, пугая неизбежным голодом и разложением масс. «Никогда еще контр-революция не была так сильна, как в данный момент», т. е. в ночь под 25 октября 1917 года! Запуганный мелкий буржуа пред лицом больших событий видит только опасности и препятствия. Его единственный рессурс — это пафос страха. «На заводах и в казармах гораздо более значительным успехом пользуется черносотенная печать, чем социалистическая». Безумцы ведут революцию к гибели, как и в 1905 году, «когда во главе петроградского Совета стоял тот же Троцкий». Но нет, Центральный исполнительный комитет не допустит до восстания: «только через его труп штыки враждующих сторон скрестятся между собою». С мест раздаются крики: «да он уж давно труп». Меткость возгласа почувствовал весь зал: над трупом соглашательства уже скрестились штыки буржуазии и пролетариата. Голос докладчика тонет во враждебном шуме. Удары по пюпитру не действуют, заклинания не трогают, угрозы не пугают. Поздно, поздно...

Да, это восстанье! Отвечая от имени Военно-революционного комитета, большевистской партии, петроградских рабочих и солдат, Троцкий отбрасывает, наконец, последние условности. Да, массы с нами, и мы их ведем на штурм! «Если вы не дрогнете, — говорит он делегатам Съезда через голову ЦИК'а, — то гражданской войны не будет, так как враги сразу капитулируют, и вы займете место, которое вам по праву принадлежит, — место хозяина русской земли». Оторопевшие члены ЦИК'а не находят в себе сил даже для протестов. До сих пор оборонительная фразеология Смольного поддерживала в них, несмотря на все факты, мерцающий огонек надежды. Теперь и он потух. В эти часы глухой ночи восстание высоко поднимает голову.

Богатое инцидентами заседание закончилось к 4-м часам утра. Большевистские ораторы появлялись на трибуне, чтобы сейчас же вернуться в Военно-революционный комитет, куда со всех концов города посту-

пают донесения, сплошь благоприятные: заставы на улицах бодрствуют; учреждения занимаются одно за другим; противник не оказывает сопротивления.

Предполагалось, что центральная телефонная станция особенно серьезно укреплена. Но к семи часам утра и она была без боя занята командой Кексгольмского полка. Восставшие не только могли теперь не опасаться за собственную связь, но и получили возможность контролировать телефонные сношения противников. Аппараты Зимнего дворца и Главного штаба были, впрочем, немедленно выключены.

Почти одновременно отряд матросов гвардейского экипажа, около 40 человек, захватил помещение Государственного банка на Екатерининском канале. Банковский чиновник Ральцевич вспоминает, что «отряд матросов действовал стремительно», сразу поставив караулы у телефонов, чтоб отрезать возможную помощь извне. Захват здания произошел «без всякого сопротивления, несмотря на присутствие взвода Семеновского полка». Овладению банком придавалось в некотором смысле символическое значение. Кадры партии воспитались на марксовой критике парижской коммуны 1871 года, руководители которой не отважились, как известно, поднять руку на государственный банк. «Нет, мы такой ошибки не повторим», говорили себе многие большевики задолго до 25 октября. Весть о захвате священнейшего из учреждений буржуазного государства сейчас же облетела районы, порождая горячую волну торжества.

В ранние утренние часы заняты были Варшавский вокзал, типография «Биржевых Ведомостей», Дворцовый мост, под самыми окнами у Керенского. Комиссар Комитета предъявил в «Крестах» караульным солдатам Волынского полка постановление об освобождении ряда заключенных по списку Совета. Тщетно тюремная администрация пыталась получить указания у министра юстиции: ему было не до того. Освобожденные большевики, в их числе молодой кронштадтский вождь Рошаль, сейчас же получили боевые назначения.

Утром доставили в Смольный задержанную на Николаевском вокзале саперами партию юнкеров, которые на грузовиках выехали из Зимнего дворца за продовольствием. Подвойский рассказывает: «Троцкий объявил им, что они отпускаются с тем, что дадут обещание не выступать более против советской власти, и могут итти в свое училище к своим занятиям. Мальчуганы, ожидавшие над собой кровавой расправы, были этим несказанно удивлены». В какой мере немедленное освобождение было правильно, остается под сомнением. Победа еще не была доведена до конца, юнкера представляли главную силу противника. С другой стороны, при колеблющихся настроениях в военных школах, важно было показать на деле, что сдача на милость победителя не грозит юнкерам никакими карами. Доводы в ту и другу юсторону как бы уравновешивали друг друга.

Из незанятого еще восставшими военного министерства генерал Левицкий сообщал утром по прямому проводу в Ставку генералу Духонину: «Части петроградского гарнизона... перешли на сторону большевиков. Из Кронштадта прибыли матросы и легкий крейсер. Разведенные мосты вновь наведены ими. Весь город покрыт постами гарнизона, но выступлений никаких нет (!). Телефонная станция в руках гарнизона. Части, находящиеся в Зимнем дворце только формально охраняют его, так как активно решили не выступать. В общем впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий». Неоценимое военное и политическое свидетельство! Генерал, правда, упреждает события, когда говорит, что из Кронштадта прибыли матросы: они прибудут только через несколько часов. Мост наведен на самом деле «Авророй». Наивна выраженная в конце донесения надежда на то, что большевики, «давно уже имеющие фактическую возможность разделаться со всеми нами..., не посмеют пойти в разрез с мнением фронтовой армии». Иллюзии насчет фронта — это

все, что оставалось тыловым генералам, как и тыловым демократам. Зато образ Временного правительства, находящегося «в столице враждебного государства», навсегда войдет в историю, как лучшее объяснение октябрьского переворота.

В Смольном шли непрерывные заседания. Агитаторы, организаторы, руководители заводов, полков, районов появлялись на час-два, иногда на несколько минут, чтоб разузнать новости, проверить себя и вернуться на свой пост. У комнаты № 18, где помещалась большевистская фракция Совета, шла неописуемая толчея. Усталые в конец посетители засыпали нередко в зале заседаний, прислонившись отяжелевшей головою к белой колонне, или в коридоре у стены, обняв свою винтовку, иногда просто растягивались вповалку на грязном мокром полу. Лашевич принимал военных комиссаров и давал им последние указания. В помещении Военно-революционного комитета, на третьем этаже, стекавшиеся со всех сторон донесения превращались в распоряжения: там билось сердце восстания.

Центры районов воспроизводили картину Смольного, только в меньшем масштабе. На Выборгской стороне, против штаба красной гвардии, по Сампсониевскому проспекту, образовался целый лагерь: улицу загромождали запряженные повозки, легковые автомобили, грузовики. Учреждения района кишели вооруженными рабочими. Совет, Дума, профессиональные союзы, завкомы, все в этом районе служило делу восстания. На заводах, в казармах, в учреждениях происходило в малом объеме то же, что и во всей столице: оттесняли одних, выбирали других, разрывали остатки старых связей, закрепляли новые. Отставшие выносили резолюции о подчинении Военно-революционному комитету. Меньшевики и эсеры пугливо жались к сторонке вместе с администрацией заводов и командным составом частей. На непрерывных митингах давалась свежая информация, поддерживалась боевая уверенность, закреплялась связь. Человеческие

массы группировались по новым осям. Завершался переворот.

Шаг за шагом старались мы проследить в этой книге подготовление октябрьского восстания: обострение недовольства рабочих масс, переход советов под большевистские знамена, возмущение армии, поход крестьян против помещиков, разлив национального движения, рост страха и растерянности имущих и правящих, наконец, борьбу внутри большевистской партии за восстание. Завершительный переворот кажется после всего этого слишком коротким, слишком сухим, слишком деловым, как бы не отвечающим историческому размаху событий. Читатель испытывает своего рода разочарование. Он похож на горного туриста, который, ожидая, что главные трудности еще впереди, открывает вдруг, что он уже на вершине или почти. Где восстание? Картины восстания нет. События не слагаются в картину. Мелкие операции, рассчитанные и подготовленные заранее, остаются отделенными одна от другой в пространстве и во времени. Связывает их единство цели и замысла, но не слитность самой борьбы. Нет действий больших масс. Нет драматических столкновений с войсками. Нет всего того, что воспитанное на фактах истории воображение связывает с понятием восстания.

Общий характер переворота в столице дает позже повод Масарику, вслед за многими другими, писать: «Октябрьский переворот... отнюдь не был массовым народным движением. Этот переворот — дело рук вождей, работавших из-за кулис сверху». На самом деле это было самое массовое из всех восстаний истории. Рабочим не было надобности выходить на площадь, чтоб слиться воедино: они и без того составляли политически и морально единое целое. Солдатам даже воспрещено было покидать казармы без разрешения: в этом пункте приказ Военно-революционного комитета совпадал с приказом Полковникова. Но эти невидимые массы более, чем когда-либо шли нога в ногу с событиями. Заводы и казармы не теряют ни на

минуту связи с районными штабами, районы — со Смольным. Отряды красногвардейцев чувствуют за собою поддержку заводов. Команды солдат, возвращаясь в казарму, находят готовую смену. Только имея за собой тяжелые резервы, революционные отряды могли с такой уверенностью выступать на разрешение своих задач. Наоборот, разрозненные правительственные караулы, заранее побежденные собственной изолированностью, отказывались от самой мысли о сопротивлении. Буржуазные классы ждали баррикад, пламени пожаров, грабежей, потоков крови. На самом деле царила тишина, более страшная, чем все грохоты мира. Бесшумно передвигалась социальная почва, точно вращающаяся сцена, выдвигая народные массы на передний план и унося вчерашних господ в преисподнюю.

Уже в 10 часов утра, 25-го, Смольный счел возможным пустить по столице и по стране победоносное извещение: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета». В известном смысле это заявление сильно забегало вперед. Правительство еще существовало, по крайней мере, на территории Зимнего дворца. Существовала Ставка. Провинция не высказалась. Съезд советов еще не открывался. Но руководители восстания — не историки: чтоб подготовить для историков события, они вынуждены забегать вперед. В столице Военно-революционный комитет был уже полным хозяином положения. В санкции Съезда сомнений быть не могло. Провинция ждала инициативы Петрограда. Чтоб овладеть властью до конца, нужно было начать действовать, как власть. В обращении к военным организациям фронта и тыла Комитет призывал солдат бдительно следить за поведением командного состава, арестовывать не присоединяющихся к революции офицеров и не останавливаться перед применением силы в случае попыток бросить враждебные части на Петроград.

Прибывший накануне с фронта Станкевич, главный

комиссар Ставки, чтоб не оставаться совсем без дела в царстве пассивности и разложения, предпринял утром, во главе полуроты инженерных юнкеров, попытку очистить телефонную станцию от большевиков. Юнкера впервые узнали по этому случаю, в чьих руках станция. «Вот у кого надо, оказывается, учиться энергии, — восклицает со скрежетом офицер Синегуб, — и откуда только у них такое руководство!» Занимавшие телефонную станцию матросы могли бы без труда перестрелять юнкеров через окна. Но восставшие изо всех сил стремятся избегнуть пролития крови. С своей стороны, Станкевич строго приказывает не открывать огня: иначе юнкеров обвинят в том, что они стреляют в народ. Командующий офицер размышляет про себя: «Да ведь раз мы введем порядок, то кто же откроет рот?» и заключает свои размышления возгласом: «комедьянты проклятые!» Это и есть формула отношения офицерства к Правительству. По собственной инициативе, Синегуб посылает в Зимний за ручными гранатами и пироксилиновыми шашками. В промежутке монархический поручик вступает перед воротами станции в политические прения с большевистским прапорщиком: как герои Гомера, они осыпают друг друга перед боем крепкими словами. Оказавшись меж двух огней, пока еще только словесных, телефонистки дают волю нервам. Матросы отпускают их по домам. «Что такое? Женщины?...» С истерическими криками они вырываются из ворот. «Пустынная Морская, — рассказывает Синегуб, — сразу запестрела бегущими, прыгающими нарядами и шляпками». С работой у аппаратов кое-как справляются матросы. Во двор станции вступает скоро броневик красных, не причинив никакого зла перепуганным юнкерам. Те, с своей стороны, захватывают два грузовика и баррикадируют снаружи ворота станции. Со стороны Невского появляется второй броневик, затем третий. Все сводится к маневрам и попыткам взаимного устрашения. Борьба за станцию разрешается без пироксилина: Станкевич

снимает осаду, выговорив свободный проход для своих юнкеров.

Оружие вообще служит пока только внешним признаком силы: в дело его почти не пускают. По дороге к Зимнему полурота Станкевича натыкается на команду матросов с винтовками на изготовку. Противники меряют друг друга взглядами. Ни та ни другая сторона не хочет драться: одна — от сознания силы, другая — от чувства слабости. Но, где представляется случай, восставшие, особенно рабочие, спешат разоружить врага. Вторая полурота тех же инженерных юнкеров, окруженная красногвардейцами и солдатами, разоружена ими при содействии броневиков и захвачена в плен. Боя, однако, не было и здесь: юнкера не сопротивлялись. «Так окончилась, — свидетельствует инициатор,—единственная, насколько я знаю, попытка активного сопротивления большевикам». Станкевич имеет в виду операции вне района Змнего дворца.

К полудню улицы вокруг Мариинского дворца заняты войсками Военно-революционного комитета. Члены Предпарламента только сходились на заседание. Президиум сделал попытку получить последие сведения: сердца сразу упали, когда обнаружилось, что телефоны выключены. Совет старейшин обсуждал, что делать. Депутаты жужжали по углам. Авксентьев утешал: Керенский выехал на фронт, скоро вернется и все поправит. У подъезда остановился броневик. Солдаты Литовского и Кексгольмского полков и матросы гвардейского экипажа вступили в здание, построились вдоль лестницы, заняли первую залу. Начальник отряда предлагает депутатам немедленно покинуть Дворец. «Впечатление получилось ошеломляющее», свидетельствует Набоков. Члены Предпарламента решили разойтись, «временно прервав свою деятельность». Против подчинения насилию голосовали 48 правых: они знали, что останутся в меньшинстве. Депутаты мирно спускались по великолепной лестнице между двумя шпалерами винтовок. Очевидцы свидетельствуют: «Никакого драматизма во всем этом не было». «Обычные бессмысленные, тупые, злобные

физиономии», пишет либеральный патриот Набоков о русских солдатах и матросах. Внизу, при выходе, командиры просматривали документы и выпускали всех. «Ожидали сортировки членов и кое-каких арестов, — свидетельствует Милюков, выпущенный в числе остальных, — но у революционного штаба были другие заботы». Не только это: у революционного штаба было мало опыта. Предписание гласило: арестовать, если окажутся, членов Правительства. Но их не оказалось. Члены Предпарламента были выпущены беспрепятственно, в том числе и те, которые стали вскоре организаторами гражданской войны.

Парламентский ублюдок, прекративший свое существование часов на 12 раньше, чем Временное правительство, прожил на свете 18 дней: таков промежуток времени между выходом большевиков из Мариинского дворца на улицу и вторжением вооруженной улицы в Мариинский дворец. Из всех пародий на представительство, которыми так богата история, «Совет Российской Республики» был, пожалуй, самой нелепой.

Покинув злополучное здание, октябрист Шидловский пошел бродить по городу, чтобы следить за боями: эти господа считали, что народ поднимется на их защиту. Но боев не обнаруживалось. Зато, по словам Шидловского, публика на улицах — избранная толпа Невского проспекта — поголовно смеялась. «Слышали вы: большевики захватили власть? Ведь это не более, чем на три дня. Ха, ха, ха». Шидловский решил остаться в столице «на тот срок, который общественная молва назначила для царствования большевиков». Три дня, как известно, сильно растянулись.

Смеяться публика Невского начала, впрочем, только к вечеру. С утра настроение было настолько тревожным, что в буржуазных кварталах мало кто решался выходить на улицу. Часов в девять журналист Книжник побежал на Каменноостровский проспект за газетами, но газетчиков не оказалось. В небольшой кучке обывателей передавали, что ночью большевики заняли

телефон, телеграф и банк. Солдатский патруль послушал и попросил не шуметь. «Но и без того все были необыкновенно тихи». Проходили вооруженные отряды рабочих. Трамваи двигались, как обычно, т. е. медленно. «Редкость прохожих меня подавляла», — пишет Книжник о Невском. В ресторанах кормили, но преимущественно в задних комнатах. В полдень пушка не громче, не тише обыкновенного прогремела со стены Петропавловской крепости, надежно занятой большевиками. Стены и заборы были заклеены воззваниями, предупреждавшими против выступлений. Но напирали уже другие воззвания, извещавшие о победе восстания. Их не успели еще расклеить и разбрасывали с автомобилей. От только что отпечатанных листков пахло свежей краской, как и от самих событий.

Отряды красной гвардии вышли из своих районов. Рабочий с винтовкой, штык над кепкой или шапкой, ремень через штатское пальто, этот образ неотделим от 25 октября. Осторожно и еще неуверенно вооруженный рабочий наводил порядок в завоеванной им для себя столице.

Спокойствие на улицах вселяло спокойствие в сердца. Обыватели стали высыпать из домов. К вечеру в их рядах чувствовалось меньше тревоги, чем в предшествующие дни. Занятия в правительственных и общественных учреждениях, правда, прекратились. Но многие магазины оставались открыты; иные закрывались, но больше из предосторожности, чем по необходимости. Восстание? Разве так восстают? Просто происходит смена февральских караулов октябрьскими.

К вечеру Невский был более, чем когда-либо, переполнен той публикой, которая отсчитывала большевикам три дня жизни. Солдаты Павловского полка, хотя их заставы подкреплены броневиками и даже зенитным орудием, уже больше не внушали страха. Правда, что-то серьезное происходит вокруг Зимнего, и туда не пропускают. Но не может же все восстание сосредоточиться на Дворцовой площади? Американский журналист видел, как старики в богатых шубах

показывали павловцам кулаки в перчатках, а нарядные женщины визгливо выкрикивали им в лицо ругательства. «Солдаты отвечали слабо, со сконфуженными улыбками». Они явно терялись на шикарном Невском, которому еще только предстояло превратиться в «Проспект 25 октября».

Клод Анэ, официозный французский журналист в Петрограде, искренно удивлялся: бестолковые русские делают революцию не так, как он вычитал в старых книгах. «Город спокоен»! Анэ сносится по телефону, принимает визиты, выходит из дому. Солдаты, которые пересекают ему на Мойке дорогу, шествуют в полном порядке, «как при старом режиме». На Миллионной многочисленные патрули. Нигде ни выстрела. Огромная площадь Зимнего в этот полуденный час еще почти пуста. Патрули на Морской и Невском. У солдат видна выправка, одеты безупречно. На первый взгляд представляется несомненным, что это войска Правительства. На Мариинской площади, откуда Анэ собирался проникнуть в Предпарламент, его задерживают солдаты и матросы, «право же, очень вежливые». Две улицы, примыкающие ко Дворцу, забаррикадированы автомобилями и повозками. Тут же броневик. Это все подчинено Смольному. Военно-революционный комитет выслал по городу патрули, выставил свои караулы, распустил Предпарламент, владычествует над столицей и установил в ней порядок, «невиданный с тех пор, как наступила революция». Вечером дворничиха сообщает французскому жильцу, что из советского штаба принесли номера телефонов, по которым можно во всякое время вызвать военную помощь в случае нападения, или подозрительных обысков. «Поистине, нас никогда лучше не охраняли».

В 2 ч. 35 минут дня, — иностранные журналисты глядели на часы, русским было не до того, — экстренное заседание петроградского Совета открылось докладом Троцкого, который от имени Военно-революционного комитета объявил, что Временное правительство больше не существует. «Нам говорили, что вос-

стание потопит революцию в потоках крови... Мы не знаем ни одной жертвы». В истории не было примера революционного движения, где были бы замешаны такие огромные массы, и которое прошло бы так бескровно. «Зимний дворец еще не взят, но судьба его решится в течение ближайших минут». Предстоящие двенадцать часов обнаружат, что это предсказание слишком оптимистично.

Троцкий сообщает: с фронта двинуты против Петрограда войска, необходимо немедленно послать комиссаров Совета на фронт и по всей стране для осведомления о происшедшем перевороте. Из немногочисленного правого сектора раздаются голоса: «Вы предрешаете волю Съезда советов». Докладчик отвечает: «Воля Съезда предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат. Теперь нам остается только развивать нашу победу».

Ленин, впервые появившийся здесь публично после своего выхода из подполья, кратко намечал программу революции: разбить старый государственный аппарат; создать новую систему управления через советы; принять меры к немедленному окончанию войны, опираясь на революционное движение в других странах; уничтожить помещичью собственность и тем завоевать доверие крестьян; учредить рабочий контроль над производством. «Третья русская революция должна в конечном итоге привести к победе социализма».

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Керенский встретил Станкевича, прибывшего с фронта с докладами, в приподнятом настроении: он только что вернулся из Совета республики, где окончательно разоблачил восстание большевиков. — Восстание? — Разве вы не знаете, что у нас вооруженное восстание? — Станкевич рассмеялся: ведь улицы совершенно спокойны; разве так должно выглядеть настоящее восстание? — Но надо будет все же положить конец этим вечным потрясениям. С этим Керенский согласен полностью: он только ждет резолюции Предпарламента.

В 9 часов вечера Правительство собралось в Малахитовом зале Зимнего дворца, чтобы разработать способы «решительной и окончательной ликвидации» большевиков. Посланный в Мариинский дворец для ускорения дела Станкевич с возмущением сообщил о только что вынесенной формуле полунедоверия. Даже борьбу с восстанием резолюция Предпарламента предлагала возложить не на Правительство, а на особый комитет общественного спасения. Керенский сгоряча заявил, что при таких условиях «ни минуты не останется более во главе Правительства». Соглашательских лидеров немедленно вызвали по телефону во Дворец. Возможность отставки Керенского изумила их не меньше, чем Керенского — их резолюция. Авксен-

тьев оправдывался: они-де считали резолюцию «чисто теоретической и случайной, и не думали, что она может повлечь практические шаги». Да, они теперь сами видят, что резолюция «может быть, не совсем удачно редактирована». Эти люди не упускали ни одного случая, чтоб показать, чего они стоят.

Ночная беседа демократических вождей с главой государства кажется совершенно неправдоподобной на фоне развертывающегося восстанья. Дан, один из главных могильщиков февральского режима, требовал, чтоб Правительство сейчас же, ночью, расклеило по городу афиши с заявлением о том, что оно предложило союзникам начать переговоры о мире. Керенский отвечал, что Правительство в подобных советах не нуждается. Можно поверить, что оно предпочло бы крепкую дивизию. Но этого Дан не мог предложить. Ответственность за восстание Керенский пытался, конечно, подбросить собеседникам. Дан отвечал, что Правительство преувеличивает события под влиянием своего «реакционного штаба». Выходить в отставку во всяком случае нет надобности: неприятная резолюция необходима для перелома настроения в массах. Большевики «завтра же» вынуждены будут распустить свой штаб, если Правительство последует внушениям Дана. «Как раз в это время, — поясняет Керенский с законной иронией, — красная гвардия занимала одно за другим правительственные здания».

Не успело закончиться столь содержательное объяснение с левыми друзьями, как к Керенскому, в лице делегации Совета казачьих войск, явились друзья справа. Офицеры делали вид, будто от их воли зависит поведение трех расположенных в Петрограде казачьих полков, и ставили Керенскому условия, диаметрально противоположные условиям Дана: никаких уступок советам, расправа с большевиками должна быть на этот раз доведена до конца, не как в июле, когда казаки пострадали зря. Керенский, сам не желавший ничего иного, обещал все, чего от него хотели, и извинялся перед собеседниками в том, что до сих

пор еще не арестовал, по соображениям осторожности, Троцкого, как председателя Совета депутатов. Делегаты покинули его с заверением, что казаки исполнят свой долг. Казачьим полкам тут же отправлен из штаба приказ: «Во имя свободы, чести и славы родной земли выступить на помощь Центральному Исполнительному комитету, Временному правительству и для спасения гибнущей России». Это чванное Правительство, столь ревниво охранявшее свою независимость от ЦИК'а, вынуждено каждый раз униженно прятаться за его спину в минуту опасности. Умоляющие приказы разосланы также по юнкерским училищам, в Петрограде и в окрестностях. Железным дорогам предписано: «идущие в Петроград с фронта эшелоны войск направлять вне всякой очереди, прекратив, если надо, пассажирское движение».

После того, как Правительство, совершив все ему доступное, разошлось во втором часу ночи, с Керенским остался во Дворце лишь его заместитель, либеральный московский купец Коновалов. Командующий округом Полковников явился к ним с предложением немедленно же организовать при помощи верных войск экспедицию для захвата Смольного. Керенский, не задумываясь, принял этот прекрасный план. Но из слов командующего никак нельзя было понять, на какие же силы он рассчитывает опереться. Тут только Керенский, по собственному признанию, понял, что рапорты Полковникова за последние 10-12 дней о полной его готовности к борьбе с большевиками «были совершенно ни на чем не основаны». Как будто, в самом деле, для оценки политической и военной обстановки у Керенского не было иных источников, кроме канцелярских докладов посредственного полковника, неизвестно почему поставленного во главе округа. Во время горестных размышлений главы Правительства комиссар градоначальства Роговский принес ряд сообщений: несколько судов Балтийского флота в боевом порядке вошло в Неву; некоторые из них поднялись до Николаевского моста и заняли его;

отряды восставших продвигаются к Дворцовому мосту. Роговский обратил особое внимание Керенского на то обстоятельство, что «большевики осуществляют весь свой план в полном порядке, не встречая нигде никакого сопротивления со стороны правительственных войск». Какие войска надлежало считать правительственными, из беседы во всяком случае неясно.

Керенский с Конваловым бросились из Дворца в штаб: «времени более нельзя было терять ни минуты». Внушительное красное здание штаба оказалось переполнено офицерами. Они приходили сюда не по делам своих частей, а скрываясь от них. «Среди этой военной толпы повсюду шныряли какие-то никому неизвестные штатские». Новый доклад Полковникова окончательно убедил Керенского в невозможности полагаться на командующего и его офицеров. Глава Правительства решает собрать лично вокруг себя «всех верных долгу». Вспомнив, что он человек партии, — так иные лишь в предсмертном томлении вспоминают о церкви, — Керенский требует по телефону немедленной присылки эсеровских боевых дружин. Прежде, однако, чем это неожиданное обращение к вооруженным силам партии могло — если вообще могло — дать результаты, оно должно было, по словам Милюкова, «оттолкнуть от Керенского все более правые элементы, и без того относившиеся к нему неприязненно». Изолированность Керенского, достаточно наглядно обнаружившаяся уже в дни корниловского восстания, получила теперь еще более фатальный характер. «Мучительно тянулись долгие часы этой ночи», повторяет Керенский свою августовскую фразу.

Подкрепления ниоткуда не появлялись. Казаки заседали, представители полков говорили, что выступить, вообще говоря, можно бы, почему не выступить, но для этого нужны пулеметы, броневики и, главное, пехота. Керенский, не задумываясь, обещал им броневики, которые собирались его покинуть, и пехоту, которой у него не было. В ответ он услышал, что полки скоро обсудят все вопросы и «начнут седлать лошадей». Бое-

вые силы эсеров не подавали признаков жизни. Существовали ли они еще? Где вообще граница меж реальным и призрачным? Собравшееся в штабе офицерство держало себя по отношению к Верховному главнокомандующему и главе Правительства «все более и более вызывающе». Керенский утверждает даже, что среди офицерства велись речи о необходимости его ареста. Здание штаба по прежнему никем не охранялось. Официальные переговоры велись при посторонних, вперемежку с возбужденными частными беседами. Настроение безнадежности и распада просачивалось из штаба в Зимний дворец. Нервничали юнкера, волновалась команда броневых автомобилей. Снизу нет поддержки, наверху царит безголовье. При таких условиях можно ли избежать гибели?

В 5 часов утра Керенский вызвал в штаб управляющего военным министерством. У Троицкого моста генерал Маниковский был задержан патрулями, доставлен в казармы Павловского полка, но оттуда, после коротких объяснений, освобожден: генерал, надо полагать убедил, что его арест может расстроить весь административный механизм и повлечь невзгоды для солдат на фронте. В это же приблизительно время был задержан у Зимнего автомобиль Станкевича, при чем комитет полка отпустил и его. «Это были восставшие, — рассказывает арестованный, — которые, однако, действовали крайне нерешительно. Я из дому протелефонировал об этом в Зимний, но получил оттуда успокоительные заверения, что это недоразумение». На самом деле недоразумением было то, что Станкевича отпустили: через несколько часов он пытался, как мы уже знаем, отбить у большевиков телефонную станцию.

Керенский требовал от Ставки, в Могилеве, и от штаба Северного фронта, в Пскове, немедленной высылки верных полков. Из Ставки Духонин заверял по прямому проводу, что приняты все меры к отправке войск на Петроград, и что некоторые части должны бы уже начать прибывать. Но части не прибывали. Казаки все еще «седлали лошадей». Положение в

городе ухудшалось с часу на час. Когда Керенский с Коноваловым вернулись передохнуть во Дворец, фельдъегер принес экстренное сообщение: дворцовые телефоны выключены, Дворцовый мост, под окнами Керенского, занят пикетами матросов. Площадь перед Зимним по прежнему оставалась безлюдна; «о казаках ни слуху ни духу». Керенский снова бросается в штаб. Но и там неутешительные вести. Юнкера получили от большевиков требование покинуть Дворец и сильно волнуются. Броневые автомобили вышли из строя, обнаружив не во время «утерю» каких-то важных частей. Все еще нет сведений о высланных с фронта эшелонах. Ближайшие подходы ко Дворцу и штабу совершенно не охраняются: если большевики до сих пор не вторглись сюда, то только по неосведомленности. Переполненное с вечера офицерством здание быстро пустело: каждый спасался по-своему. Явилась делегация юнкеров: они готовы выполнять свой долг и дальше, «если только есть надежда на подход каких-либо подкреплений». Но подкреплений-то как-раз и не было.

Керенский спешно вызвал министров в штаб. У большинства не оказалось автомобилей: эти важные средства передвижения, придающие новые темпы современному восстанию, были либо захвачены большевиками, либо отрезаны от министров цепями восставших. Прибыл только Кишкин, позже присоединился Малянтович. Что предпринять главе Правительства? Немедленно ехать навстречу эшелонам, чтоб продвинуть их через все препятствия: ничего другого никто предложить не может.

Керенский приказывает подать свой «превосходный открытый дорожный автомобиль». Но тут в цепь событий включается новый фактор, в виде несокрушимой солидарности, связывающей правительства Антанты в счастьи и в беде. «Каким образом, я не знаю, но весть о моем отъезде дошла до союзных посольств». Представители Великобритании и Соединенных штатов немедленно выразили пожелание, чтобы с удирающим из столицы главой Правительства «в дорогу

пошел автомобиль под американским флагом». Сам Керенский считал это предложение лишним и даже стеснительным, но принял его, как выражение солидарности союзников.

Американский посол Давид Френсис дает другую версию, несколько менее похожую на святочный рассказ. За американским автомобилем следовал, будто бы, до посольства автомобиль с русским офицером, который требовал уступить Керенскому посольский автомобиль для поездки на фронт. Посоветовавшись между собою, чины посольства пришли к заключению, что, так как автомобиль уже «захвачен» фактически, — чего совершенно не было, — им остается лишь подчиниться силе обстоятельств. Русский офицер, несмотря, будто бы, на протесты господ дипломатов, отказался снять американский флаг. И не удивительно: ведь только этот цветной лоскуток и придавал автомобилю неприкосновенность. Френсис одобрил действия чинов посольства, но приказал «никому не говорить об этом».

Из сопоставления двух показаний, которые под разными градусами пересекают линию истины, картина становится достаточно ясной: не союзники, конечно, навязали автомобиль Керенскому, а сам он выпросил его; но так как дипломатам приходилось отдавать дань лицемерию невмешательства во внутренние дела, то условлено было, что автомобиль «захвачен», и что посольство «протестовало» против злоупотребления флагом. После того, как это деликатное дело было улажено, Керенский занял место в собственном автомобиле; американский пошел сзади в резерве. «Нечего и говорить, рассказывает далее Керенский, что вся улица — и прохожие и солдаты — сейчас же узнали меня. Я отдавал честь, как всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь». Несравненный образ: небрежно и улыбаясь, — так февральский режим отходил в царство теней. У выездов из города стояли везде заставы и патрули вооруженных рабочих. При виде бешено несущихся автомобилей красногвардейцы бросились к шоссе, но

стрелять не решились. Стрелять вообще еще избегали. Может быть, сдерживал и американский флажок. Автомобили благополучно промчались дальше.

— А в Петрограде значит нет войск, готовых защищать Временное правительство? изумленно спрашивал Малянтович, живший до этого часа в царстве вечных истин права. — Ничего не знаю, — Коновалов развелъ руками. — Плохо, прибавил он. — И какие это войска идут? доискивался Малянтович. — Кажется, батальон самокатчиков. — Министры вздыхали. В Петрограде и его окружении насчитывалось 200 тысяч солдат. Плохи же дела режима, если главе Правительства приходится мчаться навстречу батальону самокатчиков с американским флажком за спиною!

Министры вздохнули бы еще глубже, еслиб знали, что 3-й самокатный батальон, отправленный с фронта, самовольно остановился на станции Передольской и телеграфно запросил петроградский Совет, для чего собственно его вызывают. Военно-революционный комитет послал батальону братский привет и предложил немедленно выслать своих представителей. Власти искали и не находили самокатчиков, делегаты которых в тот же день прибыли в Смольный.

Зимний дворец предполагалось, по предварительным рассчетам, занять в ночь на 25-ое, одновременно со всеми другими командными высотами столицы. Еще 23-го образована была для руководства захватом Дворца особая тройка, с Подвойским и Антоновым в качестве основных фигур. Инженер Садовский, числившийся на военной службе, включен был третьим, но скоро отпал, занятый делами гарнизона. Его заместил Чудновский, прибывший в мае вместе с Троцким из концентрационного лагеря в Канаде и проведший солдатом три месяца на фронте. Ближайшее участие в операциях принимал Лашевич, старый большевик, дослужившийся до унтер-офицера. Спустя три года Садовский вспоминал, как в его маленькой комнате в Смольном Подвойский с Чудновским яростно спорили над картой Петрограда о наилучшем плане

действий против Дворца. В конце концов решено было окружить район Зимнего плотным овалом, большой осью которому служила бы набережная Невы. Со стороны реки окружение должно было замыкаться Петропавловской крепостью, «Авророй» и другими судами, вызванными из Кронштадта и действующего флота. Чтоб предупредить или парализовать попытки ударить казачьими и юнкерскими частями в тыл, решено было выставить внушительные заслоны из революционных отрядов.

План в целом был слишком громоздок и сложен для той задачи, которую он призван был разрешить. Намеченного на подготовку времени оказалось недостаточно. Мелкие неувязки и просчеты обнаруживались как полагается, на каждом шагу. В одном месте неправильно указано направление, в другом — запоздал руководитель, перепутавший инструкции, в третьем — дожидались спасительного броневика. Вывести воинские части, сочетать их с красногвардейцами, занять боевые участки, обеспечить связь их друг с другом и со штабом, — на все это потребовалось гораздо больше часов, чем предполагали руководители, спорившие над картой Петрограда.

Когда Военно-революционный комитет объявил около 10 часов утра Правительство низвергнутым, размер запоздания не был еще ясен даже непосредственным руководителям операции. Подвойский обещал падение Дворца «не позже двенадцати часов». До сих пор по военной линии все шло так гладко, что ни у кого не было оснований сомневаться в этом сроке. Но в полдень обнаружилось, что осада все еще не укомплектована, кронштадтцев еще нет, между тем оборона Дворца окрепла. Упущение времени, как всегда почти, вызывало необходимость новых оттяжек. Под крепким нажимом из Комитета захват Дворца был теперь назначен на три часа, на этот раз уж «окончательно». Исходя из нового срока, докладчик Военно-революционного комитета выразил на дневном заседании Совета надежду на то, что падение Зимнего есть дело бли-

жайших минут. Но прошел новый час и не принес решения. Подвойский, сам горевший в огне, заверил по телефону, что к 6-ти часам Дворец будет взят во что бы то ни стало. Прежней доверчивости, однако, уже не было. И, действительно, часы пробили шесть, а развязка не наступала. Выведенные из себя понуканиями Смольного Подвойский и Антонов отказались дальше назначать какие бы то ни было сроки. Это породило серьезное беспокойство. Политически считалось необходимым, чтобы к моменту открытия Съезда советов вся столица находилась в руках Военно-революционного комитета: это должно было упростить задачу по отношению к оппозиции на Съезде, поставив ее перед совершившимся фактом. Между тем назначенный для открытия Съезда час наступил, был передвинут и снова наступил: Зимний держался. Осада Дворца, благодаря своему затяжному характеру, стала, не меньше, чем на двенадцать часов, центральной задачей восстания.

Главный штаб операции оставался в Смольном, где нити сосредоточивались в руках Лашевича. Полевой штаб находился в Петропавловской крепости, где ответственным лицом был Благонравов. Подчиненных штабов числилось три: один — на «Авроре», другой — в казармах Павловского полка, третий — в казармах флотского экипажа. На поле действия руководили Подвойский и Антонов, повидимому, без ясного порядка соподчинения друг по отношению к другу.

В помещении Главного штаба тоже имелась своя тройка над картой: командующий округом полковник Полковников, начальник штаба генерал Багратуни и приглашенный на совещание, в качестве высшего авторитета, генерал Алексеев. Несмотря на столь квалифицированный состав руководства, планы обороны были несравненно менее определенны, чем планы нападения. Неопытные маршалы восстания не умели, правда, быстро сосредоточить свои войска и во время нанести удар. Но войска были налицо. У маршалов обороны, вместо войск, имелись смутные надежды; может быть,

одумаются казаки; может быть, найдутся верные части в соседних гарнизонах; может быть, Керенский доставит войска с фронта. Настроение Полковникова известно из его ночной телеграммы в Ставку: он считал дело проигранным. Алексеев, еще менее склонный к оптимизму, скоро покинул гиблое место.

Делегаты юнкерских школ вызваны были для связи в штаб, где пытались поднять их дух заверениями, что вскоре придут войска из Гатчины, Царского и с фронта. Этим туманным обещаниям, однако, не очень верили. По военным школам ползли гнетущие слухи: «в штабе паника, никто ничего не делает». Так оно и было. Казачьи офицеры, приходившие в штаб с предложением захватить броневые машины в Михайловском манеже, застали Полковникова сидящим на подоконнике в состоянии полной прострации. Занять манеж? «Занимайте, у меня никого нет, я один ничего сделать не могу».

В то время, как происходила вялая мобилизация школ для защиты Зимнего, министры съезжались на заседание. Площадь перед Дворцом и прилегающие улицы оставались еще свободными от восставших. На углу Морской и Невского вооруженные солдаты останавливали проезжавшие автомобили и высаживали едущих. Толпа гадала, подчиняются ли солдаты Правительству или Военно-революционному комитету. Министры имели на этот раз все преимущества своей непопулярности: никто ими не интересовался и вряд-ли кто узнавал их в пути. Собрались все, кроме Прокоповича, которого случайно арестовали на извозчике, чтобы, впрочем, в течение дня освободить.

Во Дворце оставались еще старые служители, которые многое перевидали, перестали удивляться, но не излечились от страха. Крепко выдрессированные, в синем с красными воротниками и золотой оторочкой, эти осколки старого поддерживали в пышном здании атмосферу порядка и устойчивости. В сегодняшнее тревожное утро только они одни и внушали еще, пожалуй, министрам иллюзию власти.

Не раньше одиннадцатого часа Правительство решило, наконец, поставить во главе обороны одного из своих членов. Генерал Маниковский еще на рассвете отказался от предложенной ему Керенским чести. Другой военный в составе Правительства, адмирал Вердеревский был настроен еще менее воинственно. Возглавить оборону пришлось штатскому лицу: министру призрения Кишкину. О назначении его тут же составлен, за всеми подписями, указ Сенату: у этих людей хватало времени заниматься бюрократическими бирюльками. Зато никто не задумался над тем, что Кишкин, как член кадетской партии, вдвойне ненавистен солдатам в тылу и на фронте. Кишкин, в свою очередь, выбрал себе помощниками Пальчинского и Рутенберга. Ставленник промышленников и покровитель локаутов, Пальчинский пользовался ненавистью рабочих. Инженер Рутенберг был адъютантом Савинкова, которого даже всеобъемлющая партия эсеров исключила, как корниловца. Заподозренный в измене Полковников был уволен. На его место назначен генерал Багратуни, ничем от него не отличавшийся.

Хотя городские телефоны Зимнего и штаба были выключены, но Дворец оставался связан с важнейшими учреждениями собственной проволокой, в частности, с военным министерством, откуда вел прямой провод в Ставку. Повидимому, и из городских аппаратов некоторые в спешке не были выключены. В военном смысле телефонная связь Правительству, однако, ничего не давала, а в моральном — скорее ухудшала положение, ибо отнимала иллюзии.

Руководители обороны с утра требовали местных подкреплений, в ожидании фронтовых. Кое-кто в городе пытался притти на помощь. Принимавший в этом деле ближайшее участие доктор Фейт, член Центрального комитета партии эсеров, рассказывал через несколько лет на судебном процессе об «удивительном, молниеносном изменении в настроении военных частей». Из самых верных источников передавали о готовности того или другого полка встать на защиту

Правительства, но стоило обратиться в казармы непосредственно по телефону, как одна часть за другой отказывалась на отрез. «Результат вам известен, — говорил старый народник, — никто не выступил, и Зимний дворец был взят». На самом деле, никаких молниеносных изменений в гарнизоне не происходило. Но остатки иллюзий правительственных партий, действительно, рушились молниеносно.

Броневики, на которых особенно рассчитывали в Зимнем и в штабе, разбились на две группы: большевистскую и пацифистскую; правительственных не оказалось вовсе. По пути к Зимнему полурота инженерных юнкеров с надеждой и страхом наткнулась на два броневика: друзья или враги? Оказалось, они держали нейтралитет и выехали на улицы с целью препятствовать столкновениям между сторонами. Из шести находившихся в Зимнем боевых машин только одна осталась на охране дворцового имущества; остальные ушли. По мере успехов восстания число большевистских броневиков росло, армия нейтралитета таяла: такова вообще судьба пацифизма во всякой серьезной борьбе.

Близился полдень. Огромная площадь перед Зимним дворцом попрежнему пуста. Правительству некем ее заполнить. Войска Комитета не занимают ее, так как поглощены выполнением слишком сложного плана. По широкому охвату продолжают собираться воинские части, рабочие отряды, броневики. Район Дворца начинает походить на зачумленное место, которое оцепляют по периферии, подальше от непосредственного очага заразы.

Выходящий на площадь двор Зимнего загроможден штабелями дров, как и двор Смольного. Слева и справа чернеют трехдюймовые полевые орудия. Винтовки составлены в нескольких местах в козлы. Немногочисленная охрана Дворца лепится непосредственно к самому зданию. Во дворе и в нижнем этаже размещены две школы прапорщиков из Ораниенбаума и Петерго-

фа, далеко не полностью, и взвод Константиновского артиллерийского училища с 6 орудиями.

Во второй половине дня прибывает батальон юнкеров инженерной школы, успевший потерять полуроту по дороге. Представившаяся на месте картина никак не могла поднять боевую готовность юнкеров, которой, по свидетельству Станкевича, не хватало уже и ранее. Во Дворце обнаружился недостаток продовольствия: не позаботились во время даже об этом. Грузовик с хлебом оказался перехвачен патрулями Комитета. Часть юнкеров несла караулы, остальные томились бездеятельностью, неизвестностью, голодом. Руководства не чувствовалось вовсе. На площади перед Дворцом и на набережной стали появляться кучки мирных на вид прохожих, которые на ходу вырывали у постовых юнкеров винтовки, угрожая револьверами.

Среди юнкеров обнаружились «агитаторы». Проникли ли они извне? Нет, это пока еще, очевидно, внутренние смутьяны. Им удалось вызвать брожение среди ораниенбаумцев и петергофцев. Комитеты школ устроили в Белом зале совещание и потребовали представителя Правительства для объяснений. Прибыли все министры, во главе с Коноваловым. Препирательства длились целый час. Коновалова перебивали, и он замолчал. Министр земледелия Маслов выступал в качестве старого революционера. Кишкин объяснял юнкерам, что Правительство решило держаться до последней возможности. Один из юнкеров пытался было, по свидетельству Станкевича, выразить готовность умереть за Правительство, но «явный холод остальных товарищей сдержал порыв». Речи других министров вызывали уже прямое раздражение; юнкера прерывали их, кричали и даже будто бы свистали. Белая кость объясняла поведение большинства юнкеров их низким социальным происхождением: «все это — от сохи, полуграмотное, невежественное зверье... быдло».

Митинг в осажденном Дворце закончился, все же, примирительно: юнкера согласились остаться после того, как им было обещано активное руководство и пра-

вильное освещение событий. Начальник Инженерной школы, назначенный комендантом обороны, водил карандашом по плану Дворца, записывая названия частей. Наличные силы разбиты по боевым участкам. Большую часть юнкеров разместили в первом этаже с обстрелом Дворцовой площади через окна. Но открывать огонь первыми запретили. Батальон Инженерной школы выведен во двор для прикрытия артиллерии. Выделены взводы на баррикадные работы. Создана команда связи, по 4 человека от каждой части. Артиллерийскому взводу поручено оборонять ворота на случай прорыва. Во дворе и перед воротами возведены из дров оборонительные укрепления. Установилось подобие порядка. Караулы почувствовали себя увереннее.

Гражданская война на первых своих порах, до сформирования правильных армий и до их закала, есть война обнаженных нервов. Как только обнаружился небольшой прирост активности на стороне юнкеров, которые огнем из-за баррикад очистили площадь, в лагере наступающих чрезвычайно переоценили силы и средства обороны. Несмотря на недовольство красногвардейцев и солдат, руководители решили отложить штурм до сосредоточения резервов; ждали, главным образом, прибытия моряков из Кронштадта.

Возникшая таким образом оттяжка в несколько часов принесла осажденным небольшие подкрепления. После того, как Керенский пообещал казачьей делегации пехоту, заседал Совет казачьих войск, заседали полковые комитеты, заседали общие собрания полков. Решено: две сотни и пулеметная команда Уральского полка, доставленного в июле с фронта для разгрома большевиков, немедленно выступят к зданию Зимнего, остальные — не раньше действительного выполнения обещаний, т. е. после прибытия пехотных подкреплений. Но и с двумя сотнями не обошлось без трений. Казачья молодежь сопротивлялась; «старики» даже запирали молодых в конюшне, чтобы те не препятствовали им снарядиться в поход. Только в сумерки, когда

их уже перестали ждать, появились до Дворце бородатые уральцы. Их встретили, как спасителей. Но сами они глядели угрюмо. Воевать по дворцам они не привыкли. Да и не очень ясно, где правда.

Через некоторое время прибыло неожиданно 40 георгиевских кавалеров, под командой одноногого штабс-ротмистра на протезе. Патриотические инвалиды в качестве последнего резерва демократии... Но все-таки стало веселее. Вскоре прибавилась еще ударная рота женского батальона. Больше всего ободряло то, что подкрепления прорывались без боев. Цепи осаждающих не могли или не решались преградить им доступ ко Дворцу. Явное дело: противник слаб. «Слава богу, дело начинает клеиться», — говорили офицеры, утешая себя и юнкеров. Вновь прибывшие получили свои боевые участки, сменили уставших. Однако, уральцы неодобрительно косились на «баб» с винтовками. А где же настоящая пехота?

Осаждающие явно упускали время. Запаздывали кронштадтцы, правда, не по своей вине: их слишком поздно вызвали. После напряженных ночных сборов они на рассвете стали грузиться на корабли. Минный заградитель «Амур» и посыльное судно «Ястреб» направляются непосредственно к Петрограду. Старый броненосец «Заря Свободы», по высадке дессанта в Ораниенбауме, где предполагалось разоружение юнкеров, должен встать у входа в Морской канал, чтобы, в случае надобности, взять под обстрел Балтийскую железную дорогу. 5 000 матросов и солдат отчалили от острова Котлина, чтоб причалить к социальной революции. В офицерской кают-кампании угрюмое молчание: этих людей везут сражаться за ненавистное им дело. Комиссар отряда, большевик Флеровский, объявляет им: «На ваше сочувствие мы не рассчитываем, но мы требуем, чтоб вы были на своих местах... От лишних испытаний мы вас избавим». В ответ раздается короткое морское «есть». Все разошлись по местам, капитан поднялся на мостик.

При входе в Неву ликующее ура: моряки встречают своих. С развернувшейся среди реки «Авроры» гремит оркестр. Антонов говорит прибывшим краткое приветствие: «Вот Зимний дворец... его надо взять». В кронштадтском отряде сами собой отобрались наиболее решительные и смелые. Эти матросы в черных бушлатах, с винтовками и патронными сумками, пойдут до конца. Быстро заканчивается высадка у Конногвардейского бульвара. На корабле остается только боевая вахта.

Теперь сил более, чем достаточно. На Невском — крепкие заставы, на мосту Екатерининского канала и на мосту Мойки — бронированные автомобили и зенитные орудия, глядящие на Зимний. По ту сторону Мойки рабочие установили за прикрытиями пулеметы. Броневик дежурит на Морской. Нева и переправы через нее в руках наступающих. Чудновскому и подпоручику Дашкевичу приказано выслать от гвардейских полков заставы на Марсово поле. Благонравов из крепости должен через мост притти в соприкосновение с заставой Павловского полка. Прибывшие кронштадтцы войдут в связь с крепостью и с первым флотским экипажем. После артиллерийского обстрела начнется штурм.

Из действующего Балтийского флота прибывают тем временем пять боевых судов: крейсер, два больших миноносца, два малых. «Как ни были мы уверены в победе наличными силами, — пишет Флеровский, — но подарок действующего флота вызвал у всех чувство огромного подъема». Адмирал Вердеревский мог, пожалуй, из окон Малахитового зала наблюдать внушительную мятежную флотилию, которая господствовала не только над Дворцом и окружающим районом, но и над важнейшими подступами к Петрограду.

Около 4-х часов дня Коновалов созывал по телефону близких Правительству политических деятелей во Дворец: осажденные министры нуждались хотя бы в моральной поддержке. Из всех приглашенных явил-

ся один Набоков; остальные предпочитали выражать сочувствие по телефону. Министр Третьяков жаловался на Керенского и на судьбу: глава Правительства бежал, бросив своих коллег без защиты. Но, может быть, прибудут подкрепления? Может быть. Однако, почему же их нет? Набоков сочувствовал, поглядывал украдкой на часы и спешил распрощаться. Он ушел во время. Вскоре после 6-ти Зимний был, наконец, плотно обложен войсками Военно-революционного комитета: прохода больше не было не только для подкреплений, но и для отдельных лиц.

Со стороны Конногвардейского бульвара, Адмиралтейской набережной, Морской улицы, Невского проспекта, Марсова поля, Милионной улицы, Дворцовой набережной сгущался и сокращался овал осады. Внушительные цепи тянулись от решетки сада Зимнего дворца, находившейся уже в руках осаждающих, от арки между Дворцовой площадью и Морской улицей, от канавок у Эрмитажа, от соседних с Дворцом углов Адмиралтейства и Невского. По ту сторону реки угрожающе насупилась Петропавловская крепость. С Невы глядела шестидюймовками «Аврора». Миноносцы патрулировали взад и вперед по реке. Восстание выглядело в эти часы, как военные маневры большого стиля.

На Дворцовой площади, очищенной юнкерами часа три тому назад, появились броневые автомобили и заняли входы и выходы. Прежние патриотические имена еще выступали на броне из-под новых названий, наведенных наспех красной краской. Под прикрытием металлических чудовищ наступающие чувствовали себя на площади все более уверенно. Один из броневиков приблизился к главному подъезду Дворца и, разоружив охранявших его юнкеров, беспрепятственно удалился.

Несмотря на установленную, наконец, полную блокаду, осажденные все еще сохраняли связь с внешним миром по телефонным проводам. Правда, уже в 5 часов отрядом Кексгольмского полка занято было поме-

щение военного министерства, через которое Зимний имел связь со Ставкой. Но и после этого офицер оставался еще, повидимому, несколько часов у аппарата Юза в мансардном помещении министерства, куда победители не догадались заглянуть. Однако, связь попрежнему ничего не давала. Ответы с Северного фронта становились все уклончивее. Подкреплений не поступало. Таинственный батальон самокатчиков не обнаруживался. Сам Керенский точно канул в воду. Городские друзья ограничивались все более краткими выражениями сочувствия. Министры томились. Говорить было не о чем, надеяться не на что. Министры опротивели друг другу и сами себе. Одни сидели в состоянии отупения, другие автоматически шагали из угла в угол. Склонные к обобщениям оглядывались назад, в прошлое, ища виновников. Найти оказалось не трудно: демократия! Это она послала их в Правительство, возложила на них великое бремя, а в минуту опасности оставила без поддержки. На этот раз кадеты были вполне солидарны с социалистами: да, виновата демократия. Правда, заключая коалицию, обе группы повернули спину даже столь близкому к ним демократическому Совещанию. Независимость от демократии составляла ведь главную идею коалиции. Но все равно: для чего же существует демократия, если не для спасения буржуазного правительства, впавшего в беду? Министр земледелия Маслов, правый эсер, написал записку, которую сам называл посмертной: он торжественно обязывался умереть не иначе, как с проклятиями по адресу демократии. Об этом роковом намерении его коллеги поспешили передать в Думу по телефону. Смерть, правда, осталась в стадии проекта, но в проклятиях недостатка не было.

Наверху у комендантской, оказалась столовая, где придворные лакеи подали господам офицерам «дивный обед и вина». Можно было временно позабыть невзгоды. Офицеры высчитывали старшинство, занимались завистливыми сравнениями, ругали новую власть за медленность производства. Особенно доставалось Ке-

ренскому: вчера в Предпарламенте клялся умереть на своем посту, а сегодня, переодевшись сестрой милосердия, удрал из города. Некоторые из офицеров доказывали членам Правительства бессмысленность дальнейшего сопротивления. Энергичный Пальчинский объявлял таких большевиками и пытался даже арестовать.

Юнкера хотели знать, что будет дальше, и требовали от Правительства ответов, которые оно неспособно было дать. Во время нового совещения юнкеров с министрами прибыл из Главного штаба Кишкин и принес доставленный туда самокатчиком из Петропавловской крепости и врученный генерал-квартирмейстеру Пораделову ультиматум за подписью Антонова: сдаться и разоружить гарнизон Зимнего дворца: в противном случае будет открыт огонь из орудий крепости и военных судов; 20 минут — на размышление. Этого срока оказалось мало. Пораделов исходатайствовал еще 10 минут. Военные члены Правительства, Маниковский и Вердеревский, подходили к делу просто: раз нет возможности драться, нужно думать о сдаче, т. е. принять ультиматум. Но штатские министры оставались непреклонны. В конце концов решили на ультиматум не отвечать, а прибегнуть к городской Думе, как к единственному в столице законному органу. Обращение к Думе было последней попыткой пробудить уснувшую совесть демократии.

Пораделов, считавший нужным прекратить сопротивление, подал рапорт об отчислении его от должности: у него «нет уверенности в правильности избранного Временным правительством пути». Колебания полковника разрешились прежде, чем его отставка могла быть принята. По истечении получасового срока отряд красногвардейцев, матросов и солдат, под командой прапорщика Павловского полка, занял без сопротивления Главный штаб и арестовал павшего духом генерал-квартирмейстера. Захват штаба можно было собственно произвести давно; здание изнутри совершенно не было защищено. Но до появления на площади броневиков

осаждавшие опасались вылазки из Зимнего юнкеров, которые могли бы их отрезать.

После потери штаба Зимний почувствовал себя еще сиротливее. Из Малахитового зала, который окнами выходил на Неву и как бы напрашивался на снаряд с «Авроры», министры перешли в одно из бесчисленных помещений Дворца, окнами на двор. Огни были потушены. Только на столе горела одинокая лампа, загороженная от окон газетным листом.

— Что грозит Дворцу, если «Аврора» откроет огонь? спрашивали министры своего морского коллегу. — Он будет обращен в кучу развалин, разъяснял адмирал с готовностью и не без чувства гордости за морскую артиллерию. Вердеревский предпочитал сдачу и не прочь был попугать штатских, храбрившихся не к месту. Но с «Авроры» не стреляли. Молчала также и крепость. Может быть, большевики и вовсе не решатся выполнить свою угрозу?

Генерал Багратуни, назначенный вместо недостаточно стойкого Полковникова, счел как-раз своевременным заявить, что он отказывается далее нести обязанности командующего округом. По приказу Кишкина генерал смещен, «как недостойный», ему предложено немедленно покинуть Дворец. При выходе из ворот бывший командующий попал в руки матросов и доставлен ими в казармы Балтийского экипажа. Генералу могло бы прийтись плохо, еслибы Подвойский, объезжавший участки фронта перед последним наступлением, не взял злополучного полководца под свою защиту.

С прилегающих улиц и набережных многие заметили, как Дворец, только что игравший сотнями электрических лампочек, сразу потонул в сумраке. Среди наблюдателей были и друзья Правительства. Один из сподвижников Керенского, Редемейстер, записал: «Темнота, в которую был погружен Зимний дворец, грозила какой-то загадкой». Никаких мер, чтоб разгадать ее, друзья не предпринимали. Надо признать, что и возможности их были невелики.

Укрываясь за штабелями дров, юнкера напряженно следили за цепями на Дворцовой площади, встречая каждое движение врага ружейным и пулеметным огнем. Им отвечали тем же. Стрельба к ночи становилась все горячей. Появились первые убитые и раненые. Жертвы исчислялись, однако, единицами. На площади, на набережной, на Миллионной, осаждающие приспособлялись к местности, прятались за выступами зданий, укрывались во впадинах, прилипали к стенам. В резервах солдаты и красногвардейцы грелись вокруг костров, задымившихся с наступлением темноты, и поругивали руководителей за медлительность.

В Зимнем юнкера занимали посты в коридорах, на лестнице, у подъездов, во дворе; наружные посты лепились к ограде и стенам. Здание могло бы вместить тысячи, а вмещало сотни. Огромные помещения за полосой обороны казались вымершими. Большинство служителей попряталось или разбежалось. Многие офицеры укрывались в буфете, где заставляли не успевших скрыться слуг выставлять все новые батареи вин. Пьяный разгул офицерства в агонизирующем Дворце не мог оставаться тайной для юнкеров, казаков, инвалидов, ударниц. Развязка подготовлялась не только извне, но и внутри.

Офицер артиллерийского взвода доложил неожиданно коменданту обороны: орудия поставлены в передки, и юнкера уходят домой согласно полученному от начальника Константиновского училища приказанию. Это был вероломный удар! Комендант пытался возражать: никто, кроме него, не может отдавать здесь приказаний. Юнкера понимали это, но предпочли тем не менее подчиниться начальнику училища, который, в свою очередь, действовал под давлением комиссара Военно-революционного комитета. Большинство артиллеристов, с 4-мя орудиями из 6, покинуло Дворец. Задержанные у Невского патрулями солдат, они попытались оказать сопротивление, но подоспевшая застава Павловского полка с броневиком разоружила их и с двумя орудиями отправила в свои казармы; два других

орудия установлены на Невском и на мосту Мойки с прицелом на Зимний дворец.

Две сотни уральцев тщетно дожидались подхода своих. Савинков, тесно связанный с Советом казачьих войск и даже вошедший от него в Предпарламент, пытался, при содействии генерала Алексеева, сдвинуть казаков с места. Но заправилы казачьего Совета, по справедливому замечанию Милюкова, «так же мало могли распоряжаться казачьими полками, как штаб — войсками гарнизона». Обсудив дело со всех сторон, казачьи полки окончательно заявили, что без пехоты выступать не будут, и предложили Военно-революционному комитету свои услуги по части охраны государственного имущества. Одновременно Уральский полк постановил послать делегатов к Зимнему, чтоб отозвать две свои сотни в казармы. Это предложение как нельзя лучше отвечало окончательно сложившимся настроениям уральских «стариков». Кругом сплошь чужаки: юнкера, среди которых нередки евреи, офицеры-инвалиды, да еще ударницы. Со злыми, насупленными лицами казаки собирали свои мешки. Никакие уговоры больше не действовали. Кто оставался на защите Керенского? «Жиды да бабы... а русский то народ там с Лениным остался». У казаков обнаружилась связь с осаждающими, и те открыли им свободный пропуск через выход, неизвестный до тех пор обороне. Около 9 часов вечера уральцы покинули Зимний. Только пулеметы свои они согласились оставить защитникам безнадежного дела.

Этим же самым путем, со стороны Миллионной, большевики еще раньше получили доступ во Дворец для разложения противника. Все чаще стали попадаться в коридорах таинственные фигуры, бок-о-бок с юнкерами. Сопротивляться бесполезно, восставшие овладели городом и вокзалами, никаких подкреплений нет, во Дворце просто «по инерции продолжают лганье». Что делать дальше? спрашивали юнкера. Правительство отказывалось давать прямые приказания: сами министры остаются при старом решении, остальные —

как знают. Это означало объявить для желающих свободный выход из Дворца. В поведении Правительства не осталось ни мысли, ни воли. Министры пассивно дожидались своей участи. Малянтович рассказывал впоследствии: «В огромной мышеловке бродили, изредка сходясь все вместе или отдельными группами, на короткие беседы, обреченные люди, одинокие, всеми оставленные... Вокруг нас была пустота, внутри нас — пустота. И в ней вырастала бездумная решимость равнодушного безразличия».

Антонов-Овсенко условился с Благонравовым: после того, как будет закончено окружение Зимнего, на мачте крепости должен быть поднят красный фонарь. По этому сигналу «Аврора» дает холостой выстрел, чтоб напугать. В случае упорства осажденных крепость начнет обстрел Дворца боевыми снарядами из легких орудий. Если Зимний и тут не сдастся, «Аврора» откроет действительный огонь из шестидюймовок. Цель градации состояла в том, чтобы свести к минимуму жертвы и повреждения, если нельзя будет вовсе избежать их. Но слишком сложное решение простой задачи угрожало привести к обратным результатам. Трудности выполнения должны обнаружиться с неизбежностью. Они начинаются уже с красного фонаря: его не оказывается под руками. Ищут, упускают время, наконец, находят. Однако, не так-то просто укрепить его на мачте, чтоб он был виден со всех сторон. Новые и новые попытки с сомнительным результатом. А драгоценное время уплывает.

Главные затруднения открываются, однако, при соприкосновении с артиллерией. По докладу Благонравова, обстрел Дворца можно было уже с полудня открыть по первому сигналу. На деле оказалось иное. Так как постоянной артиллерии в крепости не было, если не считать заряжавшейся с дула пушки, возвещавшей полдень, то пришлось поднять на крепостные стены полевые орудия. Эта часть программы действительно была выполнена к полудню. Но плохо обстояло с боевой прислугой. Было известно заранее, что артилле-

рийская рота, не выступавшая в июле на стороне большевиков, мало надежна. Еще накануне только она покорно охраняла мост по распоряжению штаба. Удара в спину от нее ждать не приходилось, но и лезть в огонь за советы она не собиралась. Когда настал час действовать, прапорщик доложил: орудия проржавели, в компрессорах нет масла, стрелять невозможно. Весьма вероятно, что орудия действительно были не в порядке, но не в этом суть: артиллеристы попросту прятались от ответственности и водили неопытного комиссара за нос. Антонов примчался на катере в состоянии бешенства. Кем срывается план? Благонравов рассказывает ему о фонаре, о масле и о прапорщике. Оба идут к пушкам. Ночь, тьма, лужи во дворе от недавно прошедших дождей. С той стороны реки доносится горячая ружейная перестрелка и рокот пулеметов. В темноте Благонравов сбивается с дороги. Шлепая по лужам, сгорая от нетерпения, спотыкаясь и падая в грязь, Антонов блуждает за комиссаром по темному двору. «У одного из слабо мерцающих фонарей, — рассказывает Благонравов, — ... Антонов вдруг остановился и пытливо, поверх очков, почти в упор взглянул на меня. В его глазах я прочел затаенную тревогу». Антонов на миг заподозрил измену там, где было только легкомыслие.

Место расположения орудий, наконец, найдено. Артиллеристы упорствуют: ржавчина... компрессоры... масло. Антонов распоряжается вызвать к орудиям прислугу с морского полигона, сигнал же дать немедленно из архаической пушки, возвещающей полдень. Но артиллеристы подозрительно долго возятся с сигнальной пушкой. Они явно чувствуют, что и у командования, когда оно не вдали, у телефона, а рядом с ними, нет твердой решимости прибегнуть к тяжелой артиллерии. Под самой громоздкостью плана артиллерийского обстрела чувствуется все та же мысль: может быть, удастся обойтись без этого.

Кто-то мчится во тьме двора, ближе, споткнулся, упал в грязь, выругался, но не злобно, а радостно и,

захлебываясь, кричит: «Зимний сдался и наши там!» Объятия восторга. Как хорошо, что вышла задержка! «Мы так и думали». Компрессоры сразу забыты. Почему, однако, не прекращается перестрелка по ту сторону реки? Может быть, упорствуют отдельные группы юнкеров при сдаче? Может быть, недоразумение? Недоразумением оказалась благая весть: взят не Зимний дворец, а всего лишь Главный штаб. Осада Дворца продолжается.

По тайному соглашению с группой юнкеров Ораниенбаумской школы неукротимый Чудновский проникает во Дворец для переговоров: этот противник восстания никогда не упускает случая броситься в огонь. Пальчинский подвергает смельчака аресту, но под давлением Ораниенбаумской школы вынужден отпустить и Чудновского и часть юнкеров. Они увлекают за собой нескольких георгиевских кавалеров. Неожиданное появление юнкеров на площади приводит цепи в замешательство. Зато нет конца радостным кликам, когда осаждающие узнают, что это — сдавшиеся. Однако, сдавшихся лишь маленькое меньшинство. Остальные попрежнему отбиваются из-за своих прикрытий. Стрельба наступающих сгустилась. Яркий электрический свет во дворе открывает юнкеров для прицела. С трудом удается им потушить фонари. Кто-то невидимый снова включает свет. Юнкера стреляют по фонарям, затем находят монтера и заставляют выключить ток.

Ударницы неожиданно объявляют о своем намерении совершить вылазку. В Главном штабе, по их сведениям, писаря перешли на сторону Ленина и, обезоружив часть офицеров, арестовали генерала Алексеева, единственного человека, который может спасти Россию: его надо отбить, во что бы то ни стало. Комендант не в силах удержать их от внушенного истерией предприятия. В момент вылазки вдруг снова вспыхивает свет в высоких электрических фонарях по бокам ворот. Чтоб найти монтера, офицер бешено набрасывается на служителей: в бывших царских ла-

кеях он видит агентов революции. Еще меньше он доверяет дворцовому монтеру: «Я тебя бы уже отправил на тот свет, еслибы не нужда в тебе». Несмотря на угрозы револьвером, монтер бессилен помочь: его доска выключена, электрическую станцию заняли матросы, они распоряжаются светом. Ударницы не выдерживают огня и большей частью сдаются. Комендант обороны посылает поручика доложить Правительству, что вылазка ударниц «привела к их гибели», и что Дворец кишит агитаторами. Неудача вылазки создает передышку, примерно с 10-ти до 11-ти. Осаждающие заняты подготовкой артиллерийского обстрела.

Неожиданная пауза пробуждает кое-какие надежды у осажденных. Министры снова пытаются ободрить своих сторонников в городе и стране: «Правительство в полном составе за исключением Прокоповича на посту. Положение признается благоприятным... Дворец обстреливается, но только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб». На самом деле противник всемогущ, но не решается сделать из своей силы необходимое употребление. Правительство отправляет по стране сообщение об ультиматуме, об «Авроре», о том, что оно, Правительство, может передать власть лишь Учредительному собранию, и о том, что первое нападение на Зимний дворец отбито. «Пусть армия и народ ответят!» Как ответить, министры не указали.

Лашевич тем временем прислал в крепость двух моряков-артиллеристов. Правда, они не слишком опытны, но зато это большевики, готовые стрелять из ржавых орудий, без масла в компрессорах. Только это от них и требуется: звук артиллерии сейчас важнее меткости удара. Антонов приказывает начинать. Намеченная раньше градация соблюдается полностью. «После сигнального выстрела крепости, — рассказывает Флеровский, — громыхнула «Аврора». Грохот и сноп пламени при холостом выстреле — куда значительнее, чем при боевом. Любопытные шарахнулись от

гранитного парапета набережной, попадали и поползли...» Чудновский спешит поставить вопрос: не предложить ли осажденным сдаться? Антонов немедленно с ним соглашается. Опять перерыв. Сдается какая-то группа ударниц и юнкеров. Чудновский хочет им оставить оружие, но Антонов своевременно восстает против этого прекраснодушия. Сложив винтовки на панели, сдавшиеся под конвоем уходят по Миллионной улице.

Зимний все еще держится. Надо кончать! Приказание отдано. Огонь открыт, не частый, и еще менее действительный. Из 35 выстрелов, выпущенных в течение полутора-двух часов, попаданий было всего два, да и то пострадала лишь штукатурка; остальные снаряды прошли поверху, не причинив, к счастью, в городе никакого вреда. Действительно ли причиною неумелость? Ведь стреляли через Неву прямой наводкой по такой внушительной цели, как Дворец: это не требует большого искусства. Не правильнее ли предположить, что даже артиллеристы Лашевича давали преднамеренные перелеты в надежде, что дело разрешится без разрушений и смертей? Очень трудно разыскать теперь след мотивов, которыми руководствовались два безыменных матроса. Сами они голоса о себе не подали: растворились ли в необъятной русской деревне или, как многие из октябрьских бойцов, сложили головы в гражданских боях ближайших месяцев и лет?

Вскоре после первых выстрелов Пальчинский принес министрам осколок снаряда. Адмирал Вердеревский признал осколок своим, морским: с «Авроры». Но с крейсера стреляли холостым снарядом. Так было условлено, так свидетельствует Флеровский, так матрос докладывал позже Съезду советов. Ошибся ли адмирал? Ошибся ли матрос? Кто проверит пушечный выстрел, пущенный глухой ночью с мятежного корабля по царскому дворцу, где угласало последнее правительство имущих?

Гарнизон Дворца сильно сократился в числе. Если в момент прибытия уральцев, инвалидов и ударниц он

дошел до полуторы, вряд-ли до двух тысяч, то теперь он опустился до тысячи, может быть, и значительно ниже. Ничто не спасет, кроме чуда. И вдруг в безнадежную атмосферу Зимнего врывается — правда, не чудо, но весть об его приближении. Пальчинский сообщает: только что звонили из Городской думы, что граждане собираются двинуться оттуда на выручку Правительства. «Всем передавайте, — приказывает он Синегубу, — что сюда идет народ». Офицер носится по лестницам и коридорам с радостной вестью. По пути он натыкается на пьяных офицеров, которые дерутся на шпагах, впрочем, без кровопролития. Юнкера приподнимают головы. Переходя из уст в уста, весть становится красочней и значительней. Общественные деятели, купечество, народ, с духовенством во главе, двинулись сюда, чтоб освободить Дворец от осады. Народ с духовенством: «это поразительно красиво будет!» Остатки энергии загораются последней вспышкой. «Ура, да здравствует Россия!» Ораниенбаумские юнкера, совсем уже собиравшиеся было уходить, перерешили и остались.

Но народ с духовенством подходит медленно. Число агитаторов во Дворце возрастает. Сейчас «Аврора» откроет огонь, шепчут они по коридорам, и шопот этот передается из уст в уста. Вдруг два взрыва. Во Дворец забрались матросы и не то сбросили, не то уронили с галлереи две гранаты, легко ранив двух юнкеров. Матросов арестовали, раненым Кишкин, врач по профессии, сделал перевязки.

Внутренняя решимость рабочих и матросов велика, но еще не превратилась в ожесточение. Чтоб не вызвать его на свои головы, осажденные, как неизмеримо слабейшая сторона, не решаются сурово расправляться с проникающими во Дворец агентами врага. Расстрелов нет. Непрошенные гости начинают появляться уже не одиночками, а группами. Дворец все больше походит на решето. Когда юнкера набрасываются на вторгшихся, те дают себя обезоружить. «Какая трусливая сволочь!» говорит презрительно Пальчинский. Нет, эти люди

не трусливы. Чтоб проникнуть во Дворец, набитый офицерами и юнкерами, нужно высокое мужество. В лабиринте незнакомого здания, в темных коридорах, среди бесчисленных дверей, неизвестно куда ведущих и чем угрожающих, смельчакам ничего не остается, как сдаваться. Число пленных растет. Врываются новые группы. Уже не всегда ясно, кто кому сдается, и кто кого разоружает. Долбит артиллерия.

За исключением района, непосредственно прилегающего к Зимнему дворцу, уличная жизнь не прекращалась до поздней ночи. Театры и кинематографы были открыты. Солидным и просвещенным слоям столицы не было, казалось, никакого дела до того, что их Правительство подвергается обстрелу. Редемейстер наблюдал у Троицкого моста спокойно останавливавшихся прохожих, которых матросы не пропускали дальше. «Ничего необычного усмотреть было нельзя». От подошедших со стороны Народного дома знакомых Редемейстер узнал, под звуки канонады, что Шаляпин был бесподобен в «Дон-Карлосе». Министры продолжали метаться в мышеловке.

«Выяснено, что наступающие слабы». Может быть, если продержаться лишний час, то подкрепления подоспеют все-таки? Кишкин вызвал глубокой ночью к телефону товарища министра финансов Хрущева, тоже кадета, и просил его сообщить руководителям партии, что Правительство нуждается хотя бы в небольшой подмоге, чтобы продержаться до утренних часов, когда должен же, наконец, прибыть Керенский с войсками. «Что это за партия, — негодовал Кишкин, — которая не может послать хотя бы 300 вооруженных человек!» Действительно: что это за партия? Кадеты, собиравшие в Петрограде на выборах десятки тысяч голосов, не могли в минуты смертельной опасности для буржуазного режима выставить три сотни бойцов. Еслиб министры догадались разыскать в библиотеке Дворца материалиста Гоббса, то в его диалогах о гражданской войне они прочитали бы, что нельзя ни ждать ни требовать мужества от разбогатевших лавочников,

«не видящих ничего, кроме своей минутной выгоды... и совершенно теряющих голову при одной только мысли о возможности быть ограбленными». Но вряд-ли в царской библистике можно было найти Гоббса. Да и министрам было не до исторической философии. Звонок Кишкина был последним телефонным звонком из Зимнего дворца.

Смольный категорически требовал развязки. Нельзя тянуть осаду до утра, держать в напряжении город, нервировать Съезд, ставить все успехи под знак вопроса. Ленин шлет гневные записки. Из Военно-революционного комитета звонок за звонком. Подвойский огрызается. Можно бросить массы на штурм, охотников достаточно. Но сколько будет жертв? И что останется от министров и юнкеров? Однако же, необходимость довести дело до конца слишком повелительна. Не остается ничего, как заставить заговорить морскую артиллерию. Из Петропавловки матрос доставляет на «Аврору» клочек бумаги: открыть немедленно стрельбу по Дворцу. Теперь, кажется, все ясно? За артиллеристами «Авроры» дело не станет. Но у руководителей решимости все еще нет. Делается новая попытка уклониться. «Мы порешили выждать еще четверть часа, — пишет Флеровский, — инстинктом чуя возможность смены обстоятельств». Под инстинктом нужно понимать упорную надежду на то, что дело разрешится одними демонстративными средствами. И на этот раз «инстинкт» не обманул: на исходе четверти часа примчался новый гонец, прямо из Зимнего: Дворец взят!

Дворец не сдался, а взят штурмом, но в такой момент, когда сила сопротивления осажденных успела окончательно иссякнуть. В коридор ворвалась, уже не потайным ходом, а через защищенный двор, сотня врагов, которых деморализованная охрана приняла за депутацию Думы. Их все же успели еще разоружить. Ушла в суматохе какая-то группа юнкеров. Остальные, по крайней мере, часть, еще продолжали нести охранную службу. Но штыковая и огневая перегородка между

наступающими и обороняющимися в конец разрушилась.

Часть Дворца, примыкающая к Эрмитажу, уже заполнена врагами. Юнкера пытаются зайти им в тыл. В коридорах происходят фантасмагорические встречи и столкновения. Все вооружены до зубов. В поднятых руках револьверы. У поясов ручные гранаты. Но никто не стреляет и никто не мечет гранат, ибо свои и враги перемешались так, что не могут оторваться друг от друга. Но все равно: судьба Зимнего уже решена.

Рабочие, матросы, солдаты напирают снаружи цепями, партиями, сбрасывают юнкеров с баррикад, врываются через двор, сталкиваются на ступенях с юнкерами, оттесняют их, опрокидывают, гонят перед собою. Сзади напирает уже следующая волна. Площадь вливается во двор, двор вливается во Дворец и растекается по лестницам и коридорам. На загаженных паркетах, среди матрацов и буханок хлеба, валяются люди, винтовки, гранаты. Победители узнают, что Керенского нет, и к их бурной радости примешивается горечь разочарования. Антонов и Чудновский во Дворце. Где Правительство? Вот дверь, у которой юнкера застыли в последней позе сопротивления. Старший в карауле влетает к министрам с вопросом: приказывают ли они защищаться до конца? Нет, нет, министры этого не приказывают. Дворец ведь все равно занят. Не надо крови. Надо уступить силе. Министры хотят сдаться с достоинством и садятся за стол, чтоб походило на заседание. Комендант обороны уже успел сдать Дворец, выговорив юнкерам сохранение жизни, на которую и без того никто не покушался. Относительно судьбы Правительства Антонов отказался вступать в какие-либо разговоры.

Юнкеров у последних охраняемых дверей разоружают. Победители врываются в комнату министров. «Впереди толпы шел, стараясь сдерживать напиравшие ряды, низенький невзрачный человек; одежда его была в беспорядке; широкополая шляпа сбилась на бок. На носу едва держалось пенснэ. Но маленькие глаза

сверкали торжеством победы и злобой против побежденных». Этими уничижительными чертами побежденные обрисовали Антонова. Не трудно поверить, что одежда и шляпа его были в беспорядке: достаточно вспомнить ночное путешествие по лужам Петропавловской крепости. Торжество победы можно было несомненно прочесть в его глазах; но вряд-ли в них была злоба против побежденных. — Объявляю вам, членам Временного правительства, что вы арестованы, — провозгласил Антонов от имени Военно-революционного комитета. Часы показывали 2 ч. 10 минут ночи на 26-ое октября. — Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтоб избежать кровопролития, — отвечает Коновалов. Неизбежная часть ритуала соблюдена.

Антонов вызвал 25 вооруженных, по выбору, первых отрядов, ворвавшихся во Дворец, и поручил им охрану министров. Арестованных, после составления протокола, вывели на площадь. В толпе, которая понесла жертвы убитыми и ранеными, действительно, вспыхивает злоба против побежденных. «Расстрелять! Смерть!» Отдельные солдаты пытаются нанести министрам удары. Красногвардейцы унимают необузданных: не омрачайте пролетарской победы! Вооруженные рабочие окружают пленников и конвоиров плотным кольцом. «Вперад!» Итти недалеко: через Миллионную и Троицкий мост. Но возбуждение толпы делает этот короткий путь долгим и чреватым опасностями. Министр Никитин не без основания писал позже, что, еслибы не энергичное заступничество Антонова, последствия могли бы быть «очень тяжелыми». В довершение злоключений процессия подверглась еще на мосту случайному обстрелу: и арестованным и конвоирам пришлось ложиться на мостовую. Но и здесь никто не пострадал: стреляли, повидимому, поверху, для острастки.

В тесное помещение гарнизонного клуба крепости, освещенное чадящей керосиновой лампой, — электричество сегодня отказалось служить, — набивается

несколько десятков человек. Антонов производит, в присутствии комиссара крепости, перекличку министрам. Их 18 человек, включая и ближайших помощников. Последние формальности закончены, пленников разводят по камерам исторического Трубецкого бастиона. Из обороны не арестован никто: офицеры и юнкера отпущены под честное слово, что не будут выступать против советской власти. Лишь немногие из них сдержали обещание.

Сейчас же после взятия Зимнего в буржуазных кругах пошли слухи о расстрелах юнкеров, о насилиях над ударницами, о расхищении богатств Дворца. Все эти росказни были давно уже опровергнуты, когда Милюков писал в своей Истории: «Те из ударниц, которые не погибли от пуль и были захвачены большевиками, подверглись в этот вечер и ночь ужасному обращению солдат, насилию и расстрелам». Никаких расстрелов на самом деле не было и, по настроению обеих сторон в тот период, быть не могло. Еще менее мыслимы были насилия, особенно во Дворце, куда, наряду с отдельными случайными элементами улицы, вступили сотни революционных рабочих с винтовками в руках.

Попытки хищений действительно имели место, но именно они обнаружили дисциплину победителей. Джон Рид, который не упускал ни одного из драматических эпизодов революции и вошел в Зимний по горячим следам первых цепей, рассказывает, как в полуподвальном складе группа солдат прикладами сбивала крышки с ящиков и вытаскивала оттуда ковры, белье, фарфор, стекло. Возможно, что под видом солдат орудовали прямые грабители, которые в последний год войны неизменно прикрывались солдатской шинелью и папахой. Грабеж только что начинался, как кто-то крикнул: «Товарищи, ничего не трогайте, это собственность народа». За стол у выхода сел солдат с пером и бумагой; два красногвардейца с револьверами стали рядом. Всякого выходящего обыскивали, и всякий похищенный предмет отбирали и записывали. Так

были изъяты статуэтки, бутылки чернил, свечи, кинжалы, куски мыла и страусовые перья. Тщательному обыску подверглись и юнкера, карманы которых оказались плотно набиты награбленной мелочью. Со стороны солдат раздавались по адресу юнкеров ругательства и угрозы, но дальше этого не пошло. Тем временем создалась охрана Дворца, с матросом Приходько во главе. Везде установлены посты. Дворец очищен от посторонних. Через несколько часов комендантом Зимнего назначен Чудновский.

Куда же девался, однако, народ, который, во главе с духовенством, двинулся на освобождение Дворца? Необходимо рассказать об этой героической попытке, весть о которой столь потрясла на момент сердца юнкеров. Центром антибольшевистских сил служила городская Дума. Ее здание на Невском кипело котлом. Партии, фракции, подфракции, группы, осколки и просто влиятельные лица обсуждали там преступную авантюру большевиков. Министрам, томившимся в Зимнем, сообщали время от времени по телефону, что под гнетом всеобщего осуждения восстание неминуемо должно задохнуться. На моральную изоляцию большевиков уходили часы. Тем временем заговорила артиллерия. Министр Прокопович, арестованный утром и вскоре отпущенный, со слезами в голосе жалуется Думе на то, что лишился возможности разделить участь своих товарищей. Ему горячо сочувствуют, а выражение сочувствия требует времени.

Из столпотворения идей и речей рождается, наконец, под бурные рукоплескания всего зала, практический план: Дума должна отправиться полностью к Зимнему дворцу, чтобы, в случае надобности, погибнуть там вместе с Правительством. Эсеры, меньшевики и кооператоры в равной мере охвачены готовностью либо спасти министров, либо пасть вместе с ними. Кадеты, не склонные вообще к рискованным предприятиям, на этот раз намерены сложить свои головы вместе с другими. Случайно оказавшиеся в зале провинциалы, думские журналисты, кое-кто из публики просят в

более или менее красноречивых словах разрешения разделить участь Думы. Им разрешают.

Большевистская фракция пытается подать прозаический совет: чем бродить впотьмах по улицам, ища смерти, лучше по телефону убедить министров сдаться, не доводя до кровопролития. Но демократы возмущены: агенты восстания хотят вырвать у них из рук не только власть, но и право на героическую смерть! Заодно уж гласные решают, в интересах истории, произвести поименное голосование. В конце концов умереть, хотя бы и славной смертью, никогда не поздно. Шестьдесят два гласных Думы подтверждают: да, они действительно идут поименно погибать под развалинами Зимнего дворца. На это четырнадцать большевиков отвечают, что лучше победить со Смольным, чем погибнуть с Зимним, и тут же отправляются на заседание Съезда советов. Оставаться в стенах Думы решают только три меньшевика-интернационалиста: им некуда итти и не за что погибать.

Думцы совсем уже было двинулись в свой последний путь, как телефонный звонок принес весть, что к ним на соединение идет весь Исполнительный комитет крестьянских депутатов. Нескончаемые аплодисменты. Теперь картина полна и ясна: представители стомиллионного крестьянства вместе с представителями всех классов городского населения пойдут погибать от руки ничтожной кучки насильников. Нет недостатка в речах и рукоплесканиях.

После подхода крестьянских депутатов колонна двинулась, наконец, по Невскому. Во главе выступали: городской голова Шрейдер и министр Прокопович. В числе участников Джон Рид заметил эсера Авксентьева, председателя крестьянского Исполнительного комитета, и меньшевистских лидеров: Хинчука и Абрамовича, из которых первый считался правым, а второй левым. Прокопович и Шрейдер несли два фонаря: так было условлено по телефону с министрами, дабы юнкера не приняли друзей за врагов. Прокопович, кроме того, нес зонтик, как, впрочем, и многие другие.

Духовенства не было. Духовенство создала из туманных обрывков отечественной истории небогатая фантазия юнкеров. Но не было и народа. Его отсутствие определяло характер всей затеи: триста-четыреста «представителей» и никого из тех, кого они представляли. «Была темная ночь, — вспоминает эсер Зензинов, — и фонари на Невском не горели. Мы шли стройной процессией, и слышно было только наше пение марсельезы. Вдали раздавались пушечные выстрелы: это большевики продолжали обстрел Зимнего дворца».

У Екатерининского канала тянулась через Невский застава вооруженных матросов, заграждая путь колонне демократии. «Мы пойдем вперед, — заявили обреченные, — что вы можете с нами сделать?» Моряки без околичностей ответили, что применят силу: «отправляйтесь по домам и оставьте нас в покое». Кто-то из участников процессии предложил погибнуть здесь же, на месте. Но в решении, принятом поименнным голосованием в Думе, подобный варьянт не был предусмотрен. Министр Прокопович взобрался на какое-то возвышение и, «размахивая зонтиком», — осенью в Петрограде часты дожди, — обратился к демонстрантам с призывом не вводить в искушение этих темных и обманутых людей, которые действительно могут прибегнуть к оружию. «Вернемся в Думу и обсудим средства спасения страны и революции».

Это было, поистине, мудрое предложение. Правда, первоначальный замысел оставался при этом невыполненным. Но что же поделать с вооруженными грубианами, которые не позволяют вождям демократии героически умереть. «Постояли, позябли и решили вернуться», меланхолически пишет Станкевич, тоже один из участников шествия. Уже без марсельезы, наоборот, в сосредоточенном молчании, процессия двинулась назад по Невскому к зданию Думы. Там она должна была найти, наконец, «средства спасения страны и революции».

С захватом Зимнего дворца Военно-революционный

комитет полностью овладел столицей. Но как у покойника продолжают расти ногти и волосы, так у низложенного Правительства обнаруживались признаки жизни через официальную печать. «Вестник Временного правительства», который еще 24-го сообщал об увольнении в отставку тайных советников, с мундиром и пенсией, 25-го внезапно замолк, чего, правда, никто не заметил. Зато 26-го он появился снова, как еслибы ничего не случилось. На первой странице значилось: «Вследствие прекращения электрического тока, номер от 25 октября не вышел». Во всем остальном, за вычетом тока, государственная жизнь шла своим порядком, и «Вестник» Правительства, находившегося в Трубецком бастионе, извещал о назначении десятка новых сенаторов. В отделе «Административных известий» циркуляр министра внутренних дел Никитина рекомендовал губернским комиссарам «не поддаваться ложным слухам о событиях в Петрограде, где все спокойно». Министр был не так уж неправ: дни переворота прошли достаточно спокойно, если не считать канонады, которая, впрочем, ограничилась акустическим эффектом. И все же историк не ошибется, если скажет, что в день 25-го октября не только прекратился ток в правительственной типографии, но и открылась важная страница в истории человечества.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Естественно-исторические аналогии в применении к революции настолько напрашиваются сами собою, что некоторые из них превратились в стершиеся метафоры: «вулканическое извержение», «роды нового общества», «точка кипения»... Под видом простого литературного образа здесь скрываются интуитивно схваченные законы диалектики, т. е. логики развития.

Что революция в целом — по отношению к эволюции, то вооруженное восстание — по отношению к самой революции: критический пункт, когда накопившееся количество со взрывом переходит в качество. Но и само восстание не есть однородный и нерасчленимый акт: в нем есть свои критические точки, свои внутренние кризисы и подъемы.

Чрезвычайно важным, и политически и теоретически, является короткий период, непосредственно предшествующий «точке кипения», т. е. канун восстания. Физика учит, что равномерный процесс нагревания внезапно приостанавливается, жидкость сохраняет в течение известного времени неизменную температуру, чтоб закипеть лишь после поглощения дополнительного количества теплоты. Обиходный язык приходит нам и здесь на помощь, обозначая состояние мнимо-спокойной сосредоточенности перед взрывом, как «затишье перед бурей».

Когда на сторону большевиков перешло безусловное большинство рабочих и солдат Петрограда, температура кипения, казалось, была достигнута. Именно в этот момент Ленин провозгласил необходимость немедленного восстанья. Но поразительно: для восстанья чего-то не хватало. Рабочие и особенно солдаты должны были поглотить еще какое-то дополнительное количество революционной энергии.

У масс нет противоречия между словом и делом. Но переход от слова к делу, даже к простой стачке, тем более — к восстанию, неизбежно вызывает внутренние трения и молекулярные перегруппировки: одни продвигаются вперед, другим приходится потесниться назад. На первых своих шагах гражданская война вообще отличается чрезвычайной нерешительностью. Оба лагеря как бы вязнут в одной и той же национальной почве, не могут оторваться от собственной периферии, с ее промежуточными прослойками и соглашательскими настроениями.

Затишье перед бурей в низах означало острую заминку в руководящем слое. Те органы и учреждения, которые сложились в сравнительно мирный подготовительный период, — у революции есть свои мирные периоды, как у войны — свои дни затишья, — оказываются даже в наиболее закаленной партии несоответствующими или не вполне соответствующими задачам восстания: известная передвижка и перестройка становится неизбежной в самый критический момент. Далеко не все делегаты петроградского Совета, голосовавшие за власть советов, прониклись по настоящему той мыслью, что вооруженное восстание стало задачей дня. Нужно было с наименьшими потрясениями перевести их на новый путь, чтоб превратить Совет в аппарат восстания. В условиях назревшего кризиса для этого не нужны были ни месяцы, ни даже многие недели. Но именно в последние дни опаснее всего было сбиться с ноги, скомандовать прыжок на несколько дней раньше, чем Совет готов был к нему,

вызвать замешательство в собственных рядах, оторвать партию от Совета хотя бы на 24 часа.

Ленин не раз повторял, что массы несравненно левее партии, как партия — левее своего ЦК. Применительно к революции в целом, это было совершенно верно. Но и в этих взаимоотношениях есть свои глубокие внутренние колебания. В апреле, июне, особенно в начале июля, рабочие и солдаты нетерпеливо толкали партию на путь решительных действий. После июльского разгрома массы стали осторожнее. Они по прежнему и больше того хотели переворота. Но сильно обжегшись, опасались новой неудачи. В течение июля, августа и сентября партия изо дня в день сдерживала рабочих и солдат, которых корниловцы, наоборот, всеми способами вызывали на улицу. Политический опыт последних месяцев сильно развил задерживающие центры не только у руководителей, но и у руководимых. Непрерывные успехи агитации питали. в свою очередь, инерцию выжидательных настроений. Массам мало было новой политической ориентировки: им нужно было перестроиться психологически. Восстание охватит тем более широкие массы, чем больше команда революционной партии сольется с командой обстоятельств.

Трудный вопрос перехода от политики подготовки к технике восстания вставал во всей стране, в разных формах, но однородно по существу. Муралов рассказывает, что в московской военной организации большевиков мнение о необходимости захвата власти оказалось единодушным; однако, «попытка решить вопрос конкретно, как этот захват провести, осталась нерешенной». Не хватало последнего соединительного звена.

В те дни, когда Петроград стоял под знаком вывода гарнизона, Москва жила в атмосфере непрерывных стачечных столкновений. По инициативе фабричных комитетов большевистская фракция Совета выдвинула план: разрешать экономические конфликты путем декретов. Подготовительные шаги заняли не-

мало времени. Только 23 октября советскими органами Москвы принят «революционный декрет №1»: рабочие и служащие на фабриках и заводах могут отныне приниматься и увольняться не иначе, как с согласия заводских комитетов. Это означало начать действовать, как государственная власть. Неизбежный отпор Правительства должен был, по мысли инициаторов, теснее сплотить массы вокруг Совета и привести к открытому конфликту. Замысел не получил проверки, так как переворот в Петрограде дал Москве, как и всей остальной стране, гораздо более повелительный мотив за восстанье: надо было немедленно поддержать только что возникшее советское правительство.

Нападающая сторона почти всегда заинтересована в том, чтобы выглядеть обороняющейся. Революционная партия заинтересована в легальном прикрытии. Предстоящий Съезд советов, по существу Съезд переворота, являлся в то же время бесспорным для народных масс носителем если не всего суверенитета, то, по крайней мере, доброй его половины. Дело шло о восстаньи одного из элементов двоевластия против другого. Апеллируя к Съезду, как источнику власти, Военно-революционный комитет заранее обвинял Правительство в том, что оно готовит покушение на советы. Это обвинение вытекало из обстановки. Поскольку Правительство не намеревалось капитулировать без боя, оно не могло не готовиться к самообороне. Но этим самым оно подпадало под обвинение в заговоре против высшего органа рабочих, солдат и крестьян. В борьбе против Съезда советов, который должен был низвергнуть Керенского, Правительство заносило руку на источник власти, из которого вышел Керенский.

Было бы грубой ошибкой считать все это юридическими тонкостями, безразличными для народа: наоборот, именно в таком виде основные факты революции отражались в сознании масс. Эту исключительно выгодную завязку надо было использовать до конца. Давая естественному нежеланию солдат переходить

из казармы в траншеи большую политическую цель и мобилизуя гарнизон для защиты Съезда советов, революционное руководство ни в какой мере не связывало себе этим рук относительно срока восстания. Выбор дня и часа зависел от дальнейшего хода столкновения. Свобода маневрирования была у более сильного.

«Сначала победите Керенского, потом созывайте Съезд», — повторял Лениин, опасавшийся подмены восстания конституционной игрой. Ленин явно не успел еще оценить новый фактор, врезавшийся в подготовку восстания и изменивший весь ее характер, именно острый конфликт между петроградским гарнизоном и Правительством. Если Съезд советов должен решить вопрос о власти; если Правительство хочет раздробить гарнизон, чтоб не дать Съезду стать властью; если гарнизон, не дожидаясь Съезда советов, отказывается подчиняться Правительству, то ведь это и значит, по существу, что восстанье началось, не дожидаясь Съезда советов, хоть и под прикрытием его авторитета. Политически отделять подготовку восстания от подготовки Съезда советов было бы поэтому неправильно.

Лучше всего можно понять особенности октябрьского переворота путем сопоставления его с февральским. Прибегая к этому сравнению, не приходится, как в других случаях, условно допускать тождество целого ряда условий; они тождественны на самом деле, ибо дело идет в обоих случаях о Петрограде: та же арена боев, те же социальные группировки, тот же пролетариат и тот же гарнизон. Победа в обоих случаях достигается переходом большинства запасных полков на сторону рабочих. Но в рамках этих общих основных черт — какое огромное различие! Исторически дополняя друг друга на протяжении восьми месяцев, два петроградских переворота контрастностью своих черт как бы заранее предназначены для того, чтобы помочь лучше понять природу восстанья вообще.

Февральское восстанье именуют стихийным. В своем месте мы внесли в это определение все необходимые ограничения. Но верно во всяком случае то, что в феврале никто заранее не намечал путей переворота; никто не голосовал по заводам и казармам вопроса о революции; никто сверху не призывал к восстанию. Накоплявшееся в течение годов возмущение прорвалось наружу, в значительной мере, неожиданно для самой массы.

Совсем иначе обстояло дело в октябре. В течение восьми месяцев массы жили напряженной политической жизнью. Они не только творили события, но и учились понимать их связь; после каждого действия они критически взвешивали его результаты. Советский парламентаризм стал повседневной механикой политической жизни народа. Если голосованием решались вопросы о стачке, об уличной манифестации, о выводе полка на фронт, могли ли массы отказаться от самостоятельного решения вопроса о восстании?

Из этого неоценимого и по существу единственного завоевания Февральской революции вырастали, однако, новые трудности. Нельзя было призвать массы к бою от имени Совета, не поставив вопрос формально перед Советом, т. е. не сделав задачу восстания предметом открытых прений, да еще с участием представителей враждебного лагеря. Необходимость создать особый, по возможности замаскированный, советский орган для руководства восстанием была очевидна. Но и это требовало демократических путей, со всеми их преимуществами и со всеми промедлениями. Постановление о Военно-революционном комитете, вынесенное 9-го октября, получает окончательно осуществление только 20-го. Главная трудность, однако, не здесь. Воспользоваться большинством в Совете и создать Комитет из одних большевиков значило бы вызвать недовольство беспартийных, не говоря уже о левых социалистах-революционерах и некоторых группах анархистов. Большевики в составе Военно-революционного комитета подчинялись решению своей партии,

хотя не все без сопротивления. Но дисциплины никак нельзя было требовать от беспартийных и левых эсеров. Добиться от них априорного постановления о восстании в определенный день было бы немыслимо, да и ставить перед ними самый вопрос — крайне неосторожно. Через посредство Военно-революционного комитета можно было лишь вовлечь массы в восстание, обостряя обстановку со дня на день и делая конфликт неотвратимым.

Не проще ли было, в таком случае, призвать к восстанию непосредственно от имени партии? Серьезные преимущества такого образа действий несомненны. Но едва ли не более очевидны его невыгоды. В тех миллионах, на которые партия законно рассчитывала опереться, необходимо различать три слоя: один, который уже шел за большевиками при всяких условиях; другой, наиболее многочисленный, который поддерживал большевиков, поскольку они действовали через советы; третий, который шел за советами, несмотря на то, что в них господствовали большевики.

Эти три слоя различались не только по политическому уровню, но, в значительной мере, и по социальному составу. За большевиками, как партией, шли прежде всего промышленные рабочие, в первых рядах — потомственные пролетарии Петрограда. За большевиками, поскольку у них было легальное советское прикрытие, шло большинство солдат. За советами, независимо от того, или несмотря на то, что в них воцарилось засилье большевиков, шли наиболее консервативные прослойки рабочих, бывшие меньшевики и эсеры, боявшиеся оторваться от остальной массы; более консервативные части армии, вплоть до казаков; крестьяне, высвобождавшиеся из-под руководства эсеровской партии и хватавшиеся за ее левый фланг.

Было бы явной ошибкой отождествлять силу большевистской партии и силу руководимых ею советов: последняя была во много раз больше первой; однако же, без первой она превращалась в бессилие. Таинственного здесь нет ничего. Соотношение между пар-

тией и Советом вырастало из неизбежного в революционную эпоху несоответствия между колоссальным политическим влиянием большевизма и его узким организационным охватом. Правильно примененный рычаг дает человеческой руке возможность поднять груз, во много раз превосходящий ее живую силу. Но без живой руки рычаг не больше, как мертвый шест.

На московской областной конференции большевиков, в конце сентября, один из делегатов доказывал: «В Егорьевске влияние большевиков безраздельно... Но сама по себе партийная организация слаба, находится в большом забросе; нет ни правильной регистрации, ни членских взносов». Диспропорция между влиянием и организацией, не везде столь резкая, была общим явлением. Широкие массы знали большевистские лозунги и советскую организацию. То и другое окончательно слилось для них в течение сентября-октября. Народ ждал, что именно советы укажут, когда и как осуществить программу большевиков.

Сама партия систематически воспитывала массы в этом духе. Когда в Киеве распространился слух, что готовится восстание, большевистский Исполком немедленно выступил с опровержением: «никакое выступление без призыва Совета не должно иметь места... Ни шагу без Совета!» Опровергая 18-го октября слухи о назначенном будто бы на 22-ое восстании, Троцкий говорил: «Совет — учреждение выборное и... не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам»... Повторяемые ежедневно и подкрепляемые практикой, такие формулы входили в плоть и кровь.

По рассказу прапорщика Берзина, на октябрьском военном совещании большевиков в Москве делегаты говорили: «Трудно сказать, выступят ли войска по зову Московского комитета большевиков. По зову Совета, пожалуй, выступят все». Между тем московский гарнизон еще в сентябре на 90% голосовал за большевиков. На совещании 16 октября в Петрограде Бокий, от имени партийного комитета, докладывал:

в московском районе «выйдут по призыву Совета, но не партии»; в невском районе — «за Советом пойдут все». Володарский тут же резюмировал оценку настроений в Петрограде такими словами: «Общее впечатление, что на улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся». Ольга Равич вносит поправку: «Некоторые указали, что и по призыву партии». На петроградском Гарнизонном совещании 18-го делегаты докладывали, что их полки для выступления ждут призыва Совета; никто не говорил о партии, несмотря на то, что во главе многих частей стояли большевики: сохранить единство в казарме можно было, только связывая сочувствующих, колеблющихся и полувраждебных дисциплиной Совета. Гренадерский полк заявлял даже, что выступит лишь по приказу Съезда советов. Уже самый факт, что агитаторы и организаторы, при оценке состояния масс, проводят каждый раз различие между Советом и партией, показывает, какое большое значение имел этот вопрос с точки зрения призыва к восстанию.

Шофер Митревич рассказывает, как во взводе грузовых автомобилей, где не удавалось добиться постановления в пользу восстания, большевики провели компромиссное предложение: «мы выступать не будем ни за большевиков, ни за меньшевиков, а... без всяких замедлений будем выполнять все требования второго Съезда советов». Большевики автогрузового взвода применяли в малом виде ту же обволакивающую тактику, которую применял Военно-революционный комитет. Митревич не доказывает, а рассказывает, — тем убедительнее его свидетельство!

Попытки вести восстание непосредственно через партию нигде не давали результатов. Сохранилось в высшей степени интересное свидетельство относительно подготовки переворота в Кинешме, в значительном пункте текстильной промышленности. После того, как восстание в Московской области было поставлено в порядок дня, партийный комитет в Кинешме выбрал, для учета военных сил и средств и подготовки вооpу-

женного восстания, особую тройку, названную почему-то Директорией. «Надо сказать все же, — пишет один из членов Директории, — что выбранная тройка на деле мало, кажется, что сделала. События пошли несколько иным путем... Областная стачка целиком захватила нас, и к моменту решающих событий организационный центр был перенесен в стачечный комитет и в Совет»... В скромном провинциальном масштабе повторилось то же, что и в Петрограде.

Партия приводила в движение Совет. Совет приводил в движение рабочих, солдат, отчасти крестьян. Что выигрывалось в массе, то терялось в скорости. Если представить этот аппарат передачи, как систему зубчатых колес, — сравнение, к которому, по другому поводу и в другой период, прибегал Ленин, — то можно сказать, что нетерпеливая попытка сочетать колесо партии непосредственно с гигантским колесом масс, — минуя среднее колесо советов, — грозила опасностью обломать зубья партийного колеса и все же не привести в движение достаточные массы.

Не менее реальной была, однако, и противоположная опасность — упущения благоприятной ситуации в результате внутренних трений советской системы. Теоретически рассуждая, наиболее выгодный момент для восстания сводится к такой-то точке во времени. О практическом уловлении этой идеальной точки не приходится, разумеется, и думать. Восстание может с успехом развернуться на повышающейся кривой, приближающейся к идеальной кульминации; но также и на снижающейся кривой, если соотношение сил не успело еще радикально измениться. Вместо «момента» получается отрезок времени, измеряемый неделями, иногда месяцами. Большевики могли взять власть в Петрограде уже в начале июля. Но в этом случае они не удержали бы ее. Начиная с середины сентября, они могли уже надеяться не только захватить власть, но и сохранить ее в своих руках. Еслиб большевики замедлили с восстанием в конце октября, они, вероятно, но далеко не наверное, в течение известного

времени имели бы еще возможность наверстать упущенное. Можно условно принять, что в течение трех-четырех месяцев, примерно, сентября-декабря, политические предпосылки переворота были налицо: уже созрели и еще не распались. В этих рамках, которые задним числом легче установить, чем в процессе действия, у партии была известная свобода выбора, порождавшая неизбежные, подчас острые разномыслия практического характера.

Ленин предлагал поднять восстание уже в дни Демократического совещания. В конце сентября он считал всякую оттяжку не только опасной, но гибельной. «Ждать Съезда советов, — писал он в начале октября, — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции». Вряд-ли, однако, в большевистской верхушке кто-либо руководствовался в этом вопросе формальными соображениями. Когда Зиновьев, например, требовал предварительного совещания с большевистской фракцией Съезда советов, он искал не формальной санкции, а рассчитывал попросту на политическую поддержку провинциальных делегатов против ЦК. Но факт таков, что зависимость партии от Совета, который, в свою очередь, апеллировал к Съезду советов, вносила в вопрос о сроке восстанья элемент неопределенности, чрезвычайно и не без основания тревоживший Ленина.

Вопрос о том, когда призвать, тесно связан был с вопросом, кто призовет. Ленину слишком ясны были выгоды призыва от имени Совета; но он раньше других понял, какие трудности возникнут на этом пути. Он не мог не опасаться, особенно на расстоянии, что элементы торможения окажутся в советской верхушке еще сильнее, чем в ЦК, политику которого он и без того считал слишком нерешительной. К вопросу о том, кому начинать, Совету или партии, Ленин подходил альтернативно, но в первые недели решительно склонялся к самостоятельной инициативе партии. Тут не было и тени какого-либо принципиального противопоставления: речь шла о двух подходах к восстанию на одной и той же базе, в одной и той же обстановке,

во имя одной и той же цели. Но это были все же два разных подхода.

Предложение Ленина окружить Александринку и арестовать Демократическое совещание исходило из того, что восстание будет возглавлено не Советом, а партией, непосредственно апеллирующей к заводам и казармам. Да иначе и быть не могло: провести подобный план через Совет было бы совершенно немыслимо. Ленин отдавал себе ясный отчет в том, что даже на верхах партии его замысел встретит противодействие; он заранее рекомендует «не гоняться за численностью» большевистской фракции Совещания: при решительности сверху численность обеспечат низы. Смелый план Ленина давал несомненные выгоды быстроты и внезапности. Но он слишком обнажал партию, рискуя, в известных границах, противопоставить ее массам. Даже петроградский Совет, будучи застигнут врасплох, мог бы, при первой же неудаче, растерять свое еще нестойкое большевистское большинство.

Резолюция 10-го октября предлагает местным организациям партии практически разрешать все вопросы под углом зрения восстания: о советах, как органах восстания, в резолюции ЦК речи нет. На совещани 16-го Ленин говорил: «Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать?» Этот вопрос в устах Ленина имел совсем не риторический характер; он означал: зачем терять время, приспособляясь к сложной советской трансмиссии, если ЦК может подать сигнал немедленно? Однако, предложенная Лениным резолюция заканчивалась, на этот раз, выражением «уверенности в том, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы выступленья». Упоминание о Совете, рядом с партией, и более гибкая постановка вопроса о сроке восстанья явились результатом прощупанного Лениным, через партийные верхи, сопротивления масс.

На следующий день, в полемике с Зиновьевым и Каменевым, Ленин резюмировал итоги вчерашних

прений: «Все согласны насчет того, что по призыву советов и для защиты советов рабочие выступят, как один человек». Это означало: если не все согласны с ним, Лениным, что можно призвать от имени партии, то все согласны, что можно призвать от имени советов.

«Кто должен взять власть? — пишет Ленин вечером 24-го. — Это сейчас не важно: пусть возьмет ее Военно-революционный комитет или «другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа»... «Другое учреждение», взятое в загадочные кавычки, — это конспиративное наименование ЦК большевиков. Ленин возобновляет здесь свое сентябрьское предложение: действовать прямо от имени ЦК — на тот случай, если бы советская легальность помешала Военно-революционному комитету поставить Съезд перед совершившимся фактом переворота.

Несмотря на то, что вся эта борьба из-за сроков и методов восстанья велась в течение недель, не все участники ее отдали себе отчет в ее смысле и значении. «Ленин предлагал взятие власти через советы, ленинградский или московский, а не за спиной советов, — писал Сталин в 1924 году. — Для чего понадобилась Троцкому эта более чем странная легенда о Ленине?» И еще: «Партия знает Ленина, как величайшего марксиста нашего времени..., чуждого тени бланкизма». Между тем у Троцкого будто бы «получается не великан-Ленин, а какой-то карлик-бланкист»... Не только бланкист, но и карлик! На самом деле вопрос о том, от чьего имени поднимать восстание и в руки какого учреждения брать власть, вовсе не предрешается какой-либо доктриной. При наличии общих условий для переворота восстание превращается в практическую проблему искусства, которая может быть разрешена разными способами. В этой своей части разногласия в ЦК были аналогичны спору офицеров генерального штаба, воспитанных в одной и той же военной доктрине и одинаково оценивающих общую стратегическую обстановку, но предлагающих разные варианты

для разрешения ближайшей, исключительно важной, правда, но все же частной задачи. Припутывать сюда вопрос о марксизме и бланкизме значит обнаруживать непонимание как того, так и другого.

Профессор Покровский отрицает самое значение альтернативы: совет или партия? Солдаты совсем не формалисты, — иронизирует он: они не нуждались в Съезде советов, чтоб опрокинуть Керенского. При всем остроумии такая постановка вопроса оставляет невыясненным: зачем вообще создавать советы, если достаточно партии? «Любопытно, — продолжает профессор, — что из этого стремления все сделать почти легально, советски легально, ничего не вышло, — и власть в последнюю минуту взял не Совет, а явно «нелегальная» организация, созданная ad hoc». Покровский ссылается на то, что Троцкий вынужден был «от имени Военно-революционного комитета», а не от Совета, объявить правительство Керенского несуществующим. Совершенно неожиданный довод! Военно-революционный комитет был выборным органом Совета. Руководящая роль Комитета в перевороте ни в каком смысле не нарушала советской легальности, над которой издевается профессор, но к которой массы относились крайне ревниво. Совет народных комиссаров также был создан ad hoc, что не мешало ему быть и оставаться органом советской власти, со включением самого Покровского, в качестве заместителя народного комиссара просвещения.

Удержаться на почве советской легальности и, в значительной степени, даже в рамках традиций двоевластия восстание могло, главным образом, благодаря тому, что петроградский гарнизон почти целиком подчинился Совету уже до переворота. В многочисленных воспоминаниях, юбилейных статьях, первых исторических очерках этот факт, подтверждаемый бесчисленными документами, считался бесспорным. «Конфликт в Петрограде развертывался на вопросе о судьбе гарнизона», — говорит первая книжка об Октябре, написанная автором настоящего труда в промежутках ме-

жду заседаниями брест-литовских переговорв, по самым свежим воспоминаниям, и игравшая в партии в течение нескольких лет роль исторического учебника. «Основной вопрос, вокруг которого построилось и организовалось все движение в октябре, — выражается еще определеннее Садовский, один из непосредственных организаторов переворота, — был вопрос о выводе полков петроградского гарнизона на Северный фронт»... Ни одному из ближайших руководителей восстания, участников коллективной беседы, имевшей прямой целью восстановить ход событий, и в голову не пришло возразить Садовскому или поправить его. Только с 1924 года внезапно обнаружилось, что Троцкий переоценивает значение крестьянского гарнизона в ущерб петроградским рабочим: научное открытие, которое как нельзя более счастливо дополнило обвинение в недооценке крестянства.

Десятки молодых историков, во главе с профессором Покровским, разъясняли нам за последние годы значение пролетариата для пролетарской революции, возмущались тем, что мы не говорим о рабочих в тех строках, где у нас идет речь о солдатах, и уличали нас в том, что мы анализируем реальный ход событий, вместо того, чтоб повторять школьные прописи. Результаты этой критики Покровский сжимает в следующем заключении: «Несмотря на то, что Троцкому отлично известно, что вооруженное выступление было решено партией... и было совершенно ясно, что, какой найдется предлог для выступления, дело второстепенное, тем не менее в центре всей картины для него стоит петроградский гарнизон... — как будто, не будь этого, о восстании нечего было бы и думать». Для нашего историка значение имеет лишь «решение партии» относительно восстания; а как восстание произошло в действительности, это «дело второстепенное»: предлог всегда найдется. Предлогом Покровский называет способ завоевания войск, т. е. разрешение того именно вопроса, в котором резюмируется судьба всякого восстанья. Пролетарская революция произошла

бы несомненно и без конфликта из-за вывода гарнизона, — профессор прав. Но это было бы другое восстание, и оно требовало бы иного изложения. Мы же имеем в виду те события, которые происходили в действительности.

Один из организаторов, затем историк Красной гвардии, Малаховский, настаивает, с своей стороны, на том, что именно вооруженные рабочие, в отличие от полупассивного гарнизона, проявляли инициативу, решимость и выдержку в восстании. «Красногвардейские отряды, — пишет он, — занимают во время октябрьского переворота правительственные учреждения, почту, телеграф, они же оказываются впереди во время боев»... и пр. Все это бесспорно. Не трудно, однако, понять, что если красногвардейцы могли попросту «занимать» учреждения, то только потому, что гарнизон был с ними заодно, поддерживал их или, по крайней мере, не препятствовал им. Это и решало судьбу восстания.

Самое возбуждение вопроса о том, кто важнее для переворота: солдаты или рабочие? свидетельствует о таком плачевном теоретическом уровне, на котором почти уже нет места для спора. Октябрьская революция была борьбой пролетариата против буржуазии за власть. Но решал исход борьбы в последнем счете мужик. Эта общая схема, распространяющаяся на всю страну, в Петрограде нашла наиболее законченное выражение. То, что придало здесь перевороту характер короткого удара с минимальным количеством жертв, это сочетание революционного заговора, пролетарского восстания и борьбы крестьянского гарнизона за самосохранение. Руководила переворотом партия; главной движущей силой был пролетариат; вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решал исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон.

Как раз в этом вопросе сопоставление февральского и октябрьского переворотов является особенно незаменимым. Накануне низвержения монархии гарнизон представлял для обеих сторон великое неизвест-

ное. Сами солдаты еще не знали, как они будут реагировать на восстание рабочих. Только всеобщая стачка могла создать необходимую арену для массовых столкновений рабочих с солдатами, для проверки солдат в действии, для перехода солдат на сторону рабочих. В этом и состояло драматическое содержание пяти февральских дней.

Накануне низвержения Временного правительства подавляющее большинство гарнизона стояло открыто на стороне рабочих. Нигде во всей стране Правительство не было так изолировано, как в своей резиденции: недаром оно порывалось из нее бежать. Тщетно: враждебная столица не отпускала. Безуспешной попыткой вытолкнуть вон революционные полки Правительство окончательно погубило себя.

Объяснять пассивную политику Керенского перед переворотом одними его личными свойствами значит скользить по поверхности. Керенский был не один. В составе Правительства были люди, вроде Пальчинского, не лишенные энергии. Вожди Исполнительного комитета хорошо знали, что победа большевиков означает их политическую смерть. Все они, однако, порознь и вместе, оказались парализованы, пребывали, подобно Керенскому, в каком-то тягостном полусне, когда, несмотря на нависшую над головой опасность, человек оказывается бессилен поднять руку для собственного спасения.

Братание рабочих и солдат не выросло в октябре из открытого уличного столкновения, как в феврале, а предшествовало восстанию. Если большевики не призывали на этот раз ко всеобщей стачке, то не потому, что не имели к тому возможности, а потому, что не встречали надобности. Военно-революционный комитет уже до переворота чувствовал себя хозяином положения: знал каждую часть в гарнизоне, ее настроение, внутренние группировки; получал ежедневно донесения, не показные, а выражавшие то, что есть; мог в любое время в любой полк послать полномочного комиссара, самокатчика с приказом, мог вызвать к

себе по телефону комитет части или дать наряд дежурной роте. Военно-революционный комитет занимал по отношению к войскам положение правительственного штаба, а не штаба заговорщиков.

Правда, командные высоты государства продолжали оставаться в руках Правительства. Но материальная база была из-под них вырвана. Министерства и штабы возвышались над пустотой. Телефон и телеграф продолжал служить Правительству, как и Государственный банк. Но военной силы, чтоб удержать эти учреждения в своих руках, у Правительства уже не было. Зимний и Смольный как бы поменялись местами. Воено-революционный комитет ставил призрачное правительство в такое положение, при котором оно не могло ничего предпринять, не сломив гарнизон. Всякая же попытка Керенского ударить по войскам лишь ускоряла развязку.

Однако, задача переворота все еще оставалась неразрешенной. Пружина и весь механизм часов был в руках Военно-революционного комитета. Но ему не хватало циферблата и стрелок. А без этих деталей часы не могут выполнять свое назначение. Без телеграфа, без телефона, без банка и штаба Военно-революционный комитет не мог управлять. Он располагал почти всеми реальными предпосылками и элементами власти, но не самой властью.

В феврале рабочие думали не о захвате банка и Зимнего дворца, а о том, чтоб сломить сопротивление армии. Они боролись не за отдельные командные высоты, а за душу солдата. Когда победа на этом поле была одержана, все остальные задачи разрешились сами собой: сдав свои гвардейские батальоны, монархия уже не пыталась защищать ни свои дворцы, ни свои штабы.

В октябре правительство Керенского, утеряв безвозвратно душу солдата, еще цеплялось за командные высоты. В его руках штабы, банки, телефоны составляли лишь фасад власти. Перейдя в руки советов, они должны были обеспечить обладание всей полнотой

власти. Таково было положение накануне восстанья: оно и определяло образ действий в последние 24 часа.

Демонстраций, уличных боев, баррикад, всего того, что входит в привычное понятие восстанья, почти не было: революции незачем было разрешать уже разрешенную задачу. Захват правительственного аппарата можно было выполнить по плану, при помощи сравнительно немногочисленных вооруженных отрядов, направляемых из единого центра. Казармами, крепостью, складами, всеми теми заведениями, где действовали рабочие и солдаты, можно было овладеть их собственными внутренними силами. Но ни Зимнего дворца, ни Предпарламента, ни Штаба округа, ни министерства, ни юнкерских училищ нельзя было взять изнутри. Это относилось также к телефону, телеграфу, почте, Государственному банку: служащие этих учреждений, мало весомые в общей комбинации сил, господствовали, однако, в своих четырех стенах, которые к тому же усиленно окарауливались. В бюрократические вышки нужно было проникнуть извне. Политическое завладение заменялось здесь насильственным захватом. Но так как предшествовавшее вытеснение Правительства из его военных баз сделало почти невозможным его сопротивление, то насильственный захват последних командных высот проходил по общему правилу без столкновений.

Правда, дело не обошлось все же без боев: Зимний дворец пришлось брать штурмом. Но именно тот факт, что сопротивление Правительства свелось к защите дворца, ясно определяет место 25-го октября в ходе борьбы. Зимний оказался последним редутом режима, политически разбитого в течение восьми месяцев существования и окончательно разоруженного в поледние две недели.

Элементы заговора, понимая под этим план и централизованное руководство, занимали в Февральской революции ничтожное место. Это вытекало уже из слабости и разобщенности революционных групп под прессом царизма и войны. Тем большая задача ложи-

лась на массы. Восставшие не были человеческой саранчей. У них был свой политический опыт, свои традиции, свои лозунги, свои безыменные вожди. Но если рассеянные в восстании элементы руководства оказались достаточны для низвержения монархии, то их далеко не хватило на то, чтоб доставить победителям плоды их собственной победы.

Спокойствие на октябрьских улицах, отсутствие толп и боев давали противникам повод говорить о заговоре ничтожного меньшинства, об авантюре кучки большевиков. Эта формула повторялась в ближайшие после восстания дни, месяцы, даже годы несчетное число раз. Очевидно, для того, чтоб исправить репутацию пролетарского переворота, Ярославский пишет о дне 25 октября: «Густые массы петроградского пролетариата по призыву Военно- революционного комитета встали под его знамена и залили улицы Петрограда». Официальный историк забывает объяснить, с какой целью Военно-революционный комитет призвал массы на улицы, и что именно они там делали.

Из сочетания могущества и слабости Февральской революции выросла ее официальная идеализация, как обще-национальной, в противовес октябрьскому перевороту, как заговору. В действительности же большевики могли свести в последний момент борьбу за власть к «заговору» не потому, что были маленьким меньшинством, а, наоборот, потому, что имели за собою в рабочих кварталах и казармах подавляющее большинство, сплоченное, организованное, дисциплинированное.

Правильно понять октябрьский переворот можно лишь в том случае, если не ограничивать поле своего зрения его заключительным звеном. В конце февраля шахматная партия восстания разыгрывалась с первого хода до последнего, т. е. до сдачи противника; в конце октября основная партия оставалась уже позади, и в день восстания приходилось разрешать довольно узкую задачу: мат в два хода. Период переворота необходимо поэтому считать с 9 октября, когда открылся

конфликт по поводу гарнизона, или с 12-го, когда было постановлено создать Военно-революционный комитет. Обволакивающий маневр тянулся свыше двух недель. Наиболее решительная его часть длилась 5—6 дней, с момента возникновения Военно-революционного комитета. В течение всего этого периода действовали непосредственно сотни тысяч солдат и рабочих, оборонительно по форме, наступательно по существу. Заключительный этап, когда восставшие окончательно отбросили условности двоевластия, с его сомнительной легальностью и оборонительной фразеологией, занял ровно сутки: с двух часов ночи на 25-ое до двух часов ночи на 26-ое. В течение этого срока Военно-революционный комитет открыто применял оружие для овладения городом и захвата Правительства в плен: в операциях участвовало в общем столько сил, сколько их нужно было для разрешения ограниченной задачи, во всяком случае, вряд-ли более 25—30 тысяч.

Итальянский писатель, который пишет книги не только о «Ночах евнухов», но и о высших проблемах государства, посетил в 1929 году советскую Москву, перепутал то немногое, что услышал из пятых уст, и на этом фундаменте построил книгу о «Технике государственного переворота». Фамилия этого писателя, Маляпартэ, позволяет легко отличить его от другого специалиста по государственным переворотам, который носил имя Буонапартэ.

В противовес «стратегии Ленина», которая связана с социальными и политическими условиями России 1917 года, «тактика Троцкого, по словам Маляпартэ, напротив, не связана с общими условиями страны». На соображения Ленина о политических предпосылках переворота автор заставляет Троцкого отвечать: «Ваша стратегия требует слишком многих благоприятных обстоятельств: инсуррекция не нуждается ни в чем. Она довлеет самой себе». Вряд-ли мыслим абсурд, более довлеющий самому себе. Маляпартэ много раз повторяет, что в октябре победила не стратегия Ленина,

а тактика Троцкого. Эта тактика и сейчас угрожает спокойствию европейских государств. «Стратегия Ленина не составляет непосредственной опасности для правительств Европы. Актуальной и притом перманентной опасностью для них является тактика Троцкого». Еще конкретнее: «поставьте Пуанкарэ на место Керенского, — и большевистский государственный переворот Октября 1917 года удастся так же хорошо». Тщетно стали бы мы допытываться, для чего вообще нужна стратегия Ленина, зависящая от исторических условий, если тактика Троцкого разрешает ту же задачу при всякой обстановке. Остается добавить, что замечательная книга вышла уже на нескольких языках. Государственные люди учатся по ней, очевидно, отражать государственные перевороты. Пожелаем им всякого успеха.

Критика чисто-военных операций 25-го октября до сих пор не произведена. То, что имеется по этому вопросу в советской литературе, носит не критический, а чисто апологетический характер. Рядом с писаниями эпигонства даже критика Суханова, несмотря на все противоречия, выгодно отличается внимательным отношением к фактам.

В оценке организации октябрьского переворота Суханов дал на протяжении года-двух два взгляда, как бы диаметрально противоположных. В томе, посвященном Февральской революции, он говорит: «Я опишу со временем, по личным воспоминаниям, по нотам разыгранный октябрьский переворот». Ярославский повторяет этот отзыв Суханова дословно. «Восстание в Петрограде, — говорит он, — было хорошо подготовлено и разыграно партией, как по нотам» Еще решительнее, пожалуй, выражается Клод Анэ, враждебный, но внимательный, хотя и не глубокий наблюдатель: «Государственный переворот 7 ноября позволяет только восторгаться. Ни одного прорыва, ни одной трещины, правительство опрокинуто, не успев крикнуть «уф». Наоборот, в томе, посвященном октябрьскому перевороту, Суханов рассказывает, как

Смольный «потихоньку, ощупью, осторожно и беспорядочно» приступил к ликвидации Временного правительства.

Преувеличение есть и в первом отзыве и во втором. Но, под более широким углом зрения, можно признать, что обе оценки, как они ни противоположны, имеют опору в фактах. Планомерность октябрьского переворота выросла, главным образом, из объективных отношений, из зрелости революции в целом, из места Петрограда в стране, из места Правительства в Петрограде, из всей предшествующей работы партии, наконец, из правильной политики переворота. Но оставалась еще задача военной техники. Здесь частных промахов было немало, и, если связать их воедино, то можно создать впечатление работы в слепую.

Суханов несколько раз указывает на военную беззащитность самого Смольного в последние дни перед восстаньем. Действительно, еще 23-го штаб революции был немногим лучше защищен, чем Зимний дворец. Военно-революционный комитет обеспечивал свою неприкосновенность прежде всего тем, что укреплял свои связи с гарнизоном и получал через него возможность следить за всеми военными движениями противника. Более серьезные меры военно-технического характера Комитет стал принимать приблизительно на сутки раньше Правительства. Суханов выражает уверенность в том, что в течение 23-го и в ночь на 24-ое Правительство, прояви оно инициативу, могло бы захватить Комитет: «хороший отряд в пятьсот человек был совершенно достаточен, чтобы ликвидировать Смольный со всем его содержанием». Возможно. Но, во-первых, Правительству необходимы были для этого решимость и отвага, т. е. качества, противоположные его природе. Во-вторых, требовался «хороший отряд в пятьсот человек». Где было взять его? Составить из офицеров? Мы видели их в конце августа, в качестве заговорщиков: разыскивать их приходилось в ночных учреждениях. Боевые дружины соглашателей распались. В юнкерских школах каждый острый вопрос порождал

группировки. Еще хуже обстояло у казаков. Создавать отряд путем индивидуального отбора из разных частей значило десять раз выдать себя прежде, чем предприятие окажется доведено до конца.

Однако, и наличность отряда еще не решала бы. Первый выстрел у Смольного отдался бы в рабочих районах и в казармах потрясающим отголоском. К угрожаемому центру революции во всякое время дня и ночи сбежались бы на помощь десятки тысяч вооруженных и полувооруженных людей. Наконец, и самый захват Военно-революционного комитета не спас бы Правительство. За стенами Смольного оставался Ленин и связанные с ним ЦК и ПК. В Петропавловской крепости имелся второй штаб, на «Авроре» — третий, свои штабы — в районах. Массы не остались бы без руководства. А рабочие и солдаты, несмотря на медлительность, хотели победить во что бы то ни стало.

Несомненно все же, что дополнительные меры военной предосторожности можно и должно было принять на несколько дней ранее. Критика Суханова в этой части верна. Военный аппарат революции действует неуклюже, с промедлениями и упущениями, а общее руководство слишком склонно политикой подменять технику. Ленинского глаза в Смольном очень не хватало. Другие еще не подучились.

Прав Суханов и в том, что овладеть Зимним в ночь на 25-ое или утром этого дня было бы несравненно легче, чем во вторую половину суток. Дворец, как и соседнее здание Штаба, охранялись обычными нарядами юнкеров: внезапность нападения могла бы почти наверняка обеспечить успех. Утром Керенский беспрепятственно выехал в автомобиле: одно это свидетельствует, что серьезной разведки в отношении Зимнего вообще не велось. Здесь явная прореха!

Наблюдение за Временным правительством возложено было, — правда, слишком поздно: 24-го! — на Свердлова, при помощниках Лашевиче и Благонравове. Вряд-ли Свердлов, и без того разрывавшийся на части, вообще занялся этим новым делом. Возможно

даже, что самое решение, хоть и занесенное в протокол, было позабыто в горячке тех часов.

В Военно-революционном комитете, несмотря на все, переоценивали военные ресурсы Правительства, в частности охрану Зимнего. Если непосредственные руководители осады даже и знали внутренние силы Дворца, то они могли опасаться, что, по первой же тревоге, прибудут подкрепления: юнкера, казаки, ударники. План овладения Зимним разбратывался в стиле большой операции: когда штатские и полуштатские приступают к разрешению чисто военной задачи, они всегда склоним к стратегическим мудрствованиям. Наряду с избыточным педантизмом они не могли не проявлять при этом и изрядной беспомощности.

Разнобой при взятии Дворца объясняется, до некоторой степени, и личными свойствами главных руководителей. Подвойский, Антонов-Овсенко, Чудновский — люди героического склада. Но, пожалуй, менее всего люди системы и дисциплины мысли. Подвойский, сильно зарвавшийся в июльские дни, стал гораздо осторожнее, даже скептичнее в отношении ближайших перспектив. Но в основном остался верен себе: лицом к лицу с любой практической задачей, он органически стремится вырваться за рамки ее, расширить план, вовлечь всех и все, дать максимум там, где достаточно и минимума. На гиперболичности плана можно без труда найти отпечаток его духа. Антонов-Овсенко, по характеру, — импульсивный оптимист, гораздо больше способный на импровизацию, чем на рассчет. В качество бывшего маленького офицера, он обладал кое-какими военными сведениями. Во время большой войны, в качестве эмигранта, он вел в парижской газете «Наше Слово» военный обзор и нередко проявлял стратегическую догадку. Его впечатлительный диллетантизм не мог создать противовеса чрезмерным взлетам Подвойского. Третий из военачальников, Чудновский, провел несколько месяцев на пассивном фронте, в качестве агитатора: этим исчерпывался его военный стаж. Тяготея к правому крылу,

Чудновский, однако, первым ввязывался в бой и всегда искал такого места, где погорячее. Личная отвага и политическая смелость, как известно, не всегда находятся в равновесии. Через несколько дней после переворота Чудновский был ранен под Петроградом, в стычке с казаками Керенского, а несколько месяцев спустя убит на Украине. Ясно, что и говорливый, импульсивный Чудновский не мог возместить того, чего не хватало двум другим руководителям. Ни один из них не был склонен к деталям уже потому, что не был посвящен в секрет ремесла. Чувствуя свою слабость в вопросах разведки, связи, маневрирования, красные маршалы испытывали потребность навалиться на Зимний дворец таким превосходством сил, которое снимало бы самый вопрос о практическом руководстве: несоразмерная грандиозность плана почти равносильна его отсутствию. Сказанное вовсе не означает, что в составе Военно-революционного комитета или вокруг него можно было найти более умелых военных руководителей; во всяком случае нельзя было найти более преданных и самоотверженных.

Борьба за Зимний начиналась с охвата всего района по широкой периферии. При неопытности командиров, перебоях связи, неумелости красногвардейских отрядов, вялости регулярных частей сложная операция развертывалась с чрезмерной медленностью. В те самые часы, когда красные отряды постепенно уплотняли кольцо и накопляли за собою резервы, к Зимнему проникали роты юнкеров, казачьи сотни, георгиевские кавалеры, женский батальон. Кулак сопротивления формировался одновременно с кольцом нападения. Можно сказать, что самая задача выросла из того слишком окольного способа, который был применен для ее разрешения. Между тем дерзкий налет ночью или смелый приступ днем вряд-ли стоили бы больших жертв, чем затяжная операция. Моральный эффект артиллерии «Авроры» можно было, во всяком случае, проверить на 12 и даже на 24 часа раньше: крейсер

в полной готовности стоял на Неве, и матросы совсем не жаловались на недостаток орудийного масла. Но руководители операции надеялись, что вопрос разрешится без боя, посылали парламентеров, ставили ультиматумы и не соблюдали сроков. Своевременно проверить артиллерию в Петропавловской крепости не догадались именно потому, что рассчитывали обойтись без ее помощи.

Неподготовленность военного руководства еще более явно обнаружилась в Москве, где соотношение сил считалось настолько благоприятным, что Ленин настойчиво рекомендовал даже начать с Москвы: «победа обеспечена и воевать некому». На самом деле именно в Москве восстание приняло характер затяжных боев, длившихся с перерывами восемь дней. «В этой жаркой работе, — пишет Муралов, один из главных руководителей московского восстания, — мы не всегда и не во всем были тверды и решительны. Имея подавляющее численное превосходство, раз в 10, мы затянули бои на целую неделю... вследствие малого умения управлять боевыми массами, недисциплинированности последних и полного незнания тактики уличного боя как со стороны начальников, так и со стороны солдат». Муралов имеет привычку называть вещи своими именами: недаром он сейчас находится в сибирской ссылке. Но избегая сваливать ответственность с себя на других, Муралов переносит в данном случае на военное командование главную долю вины политического руководства, которое в Москве отличалось шаткостью и легко поддавалось влиянию соглашательских кругов. Не надо, однако, упускать из виду и то, что рабочие старой Москвы, текстильной, кожевенной, чрезвычайно отставали от петроградского пролетариата. В феврале Москве восставать не пришлось: низвержение монархии легло целиком на Петроград. В июле Москва опять оставалась спокойна. Это сказалось в октябре: рабочие и солдаты не имели опыта боев.

Техника восстания доделывает то, чего не сделала политика. Гигантский рост большевизма несомненно ослаблял внимание к военной стороне дела: страстные упреки Ленина были достаточно основательны. Военное руководство оказалось несравненно слабее политического. Да и может ли быть иначе? В течение ряда месяцев еще новая революционная власть будет проявлять крайнюю неумелость во всех тех случаях, когда необходимо прибегнуть к оружию.

И все же военные авторитеты правительственного лагеря давали в Петрограде весьма лестную оценку военному руководству переворота. «Восставшие поддерживают порядок и дисциплину, — сообщало по проводу военное министерство в Ставку сейчас же после падения Зимнего, — случаев разгрома или погромов не было совсем, наоборот, патрули восставших задерживали шатающихся солдат... План восстания был несомненно заранее разработан и проводился неуклонно и стройно»... Не совсем «по нотам», как писали Суханов и Ярославский, но и не так уж «беспорядочно», как утверждал позже первый из двух авторов. К тому же и перед судом самой строгой критики успех венчает дело.

СЪЕЗД СОВЕТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

25-го октября в Смольном должен был открыться самый демократический парламент из всех парламентов мировой истории. Кто знает: может быть, и самый значительный.

Высвободившись из-под влияния соглашательской интеллигенции, местные советы послали преимущественно рабочих и солдат. Это были в большинстве люди без большого имени, но зато проверенные на деле и завоевавшие прочное доверие у себя на месте. Из действующей армии, через блокаду армейских комитетов и штабов, прорывались делегатами почти только рядовые солдаты. Большинство их политической жизнью начало жить с революции. Их сформировал опыт восьми месяцев. Они знали не многое, но знали крепко. Внешний вид Съезда говорил об его составе. Офицерские погоны, интеллигентские очки и галстухи первого Съезда почти совершенно исчезли. Безраздельно господствовал серый цвет, в одежде и на лицах. Все обносились за время войны. Многие городские рабочие обзавелись солдатскими шинелями. Окопные делегаты выглядели совсем не картинно: давно не бритые, в старых рваных шинелях, в тяжелых папахах, нередко с торчащей наружу ватой, на взлохмаченных волосах. Грубые обветренные лица, тяжелые потрескавшиеся руки, желтые пальцы от цыгарок, оборванные пуговицы, свисающие вниз хлястики, корявые рыжие, давно не смазывавшиеся сапоги. Плебейская

нация впервые послала честное, не подмалеванное представительство, по образу и подобию своему.

Статистика Съезда, собиравшегося в часы восстания, крайне неполна. В момент открытия насчитывалось 650 участников с решающими голосами. На долю большевиков приходилось 390 делегатов; далеко не все члены партии, они зато были плотью от плоти масс; а массам не оставалось иных путей, кроме большевистских. Многие из делегатов, привезших с собою сомнения, быстро дозревали в накаленной атмосфере Петрограда.

Как основательно успели меньшевики и эсеры расточить политический капитал Февральской революции! На июньском Съезде советов соглашатели располагали большинством в 600 голосов из общего числа 832 делегатов. Сейчас соглашательская оппозиция всех оттенков составляла менее четверти Съезда. Меньшевики с примыкающими к ним национальными группами насчитывали не более 80 человек, из них около половины «левых». Из 159 эсеров — по другим данным, 190 — левые составляли около трех пятых, при чем правые продолжали быстро таять в процессе самого Съезда. К концу его количество делегатов дошло, по некоторым спискам, до 900 человек; но это число, включающее немало совещательных голосов, не охватывает, с другой стороны, всех решающих. Регистрация велась с перерывами, документы утеряны, сведения о партийности не полны. Во всяком случае господствующее положение большевиков на Съезде оставалось неоспоримым.

Проведенная среди делегатов анкета выяснила, что 505 советов стоят за переход всей власти в руки советов; 86 — за власть «демократии»; 55 — за коалицию; 21 — за коалицию, но без кадетов. Красноречивые и в таком виде, эти цифры дают, однако, преувеличенное представление об остатках влияния соглашателей: за демократию и коалицию стояли советы наиболее отсталых районов и наименее значительных пунктов.

25-го с раннего утра в Смольном шли заседания фракций. У большевиков присутствовали лишь те, которые были свободны от боевых поручений. Открытие Съезда оттягивалось: большевистское руководство хотело предварительно покончить с Зимним. Но и враждебные фракции не торопили: им самим надо было решить, что делать, а это было не легко. Проходили часы. Во фракциях препирались подфракции. Раскол эсеров произошел после того, как резолюция об уходе со Съезда была отвергнута 92 голосами против 60. Только к позднему вечеру правые и левые эсеры стали заседать в разных комнатах. Меньшевики в 8 часов потребовали новой отсрочки: у них было слишком много мнений. Надвинулась ночь. Операция у Зимнего затягивалась. Но ждать дольше становилось невозможным: надо было сказать ясное слово насторожившейся стране.

Революция научила искусству уплотнения. Делегаты, гости, охрана теснились в актовом зале благородных девиц, чтоб впускать все новых и новых. Предупреждения об опасности провала пола не имели последствий, как и призывы поменьше курить. Все уплотнялись и курили вдвое. С трудом пробил себе Джон Рид путь через шумную толпу у дверей. Зал не отапливался, но воздух был тяжел и горяч.

Набившись в притворы, в боковые проходы, усевшись на каждый подоконник, делегаты терпеливо ожидали звонка председателя. На трибуне не было ни Церетели, ни Чхеидзе, ни Чернова. Только вожди второго ряда явились на свои похороны. Невысокий человек, в форме военного врача, открыл от имени Исполнительного комитета заседание в десять часов сорок минут. Съезд собирается в таких «исключительных обстоятельствах», что он, Дан, выполняя поручение ЦИК'а, воздержится от политической речи: ведь его партийные друзья находятся сейчас в Зимнем дворце под обстрелом, «самоотверженно выполняя свой долг министров». Делегаты меньше всего ждали благословения ЦИК'а. Они с неприязнью глядели на

трибуну: если эти люди еще политически существуют, то какое отношение имеют они к нам и к нашему делу?

От имени большевиков московский делегат Аванесов предлагает президиум на основе пропорциональности: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика, 1 интернационалист. Правые тут же отклоняют участие в президиуме. Группа Мартова пока воздерживается: она еще не решила. Семь голосов переходят к левым эсерам. Съезд нахмурившись следит за этими вступительными столкновениями.

Аванесов оглашает большевистских кандидатов в президиум: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Склянский, Крыленко, Антонов-Овсеенко, Рязанов, Муранов, Луначарский, Коллонтай и Стучка. «Президиум составляется, — пишет Суханов, — из главных большевистских лидеров и из шестерки (на самом деле семерки) левых эсеров». Как авторитетные партийные имена, Зиновьев и Каменев включены в президиум, несмотря на их противодействие восстанию; Рыков и Ногин, как представители московского Совета; Луначарский и Коллонтай, как популярные в тот период агитаторы; Рязанов, как представитель профессиональных союзов; Муранов, как старый рабочий-большевик, мужественно державший себя во время судебного процесса депутатов Государственной думы; Стучка, как глава латышской организации; Крыленко и Склянский, как представители армии; Антонов-Овсеенко, как руководитель петроградских боев. Отсутствие имени Свердлова объясняется, очевидно, тем, что он сам составлял список, и в суматохе никто его не поправил. Для тогдашних нравов партии характерно, что в президиум оказался включен весь штаб противников восстания: Зиновьев, Каменев, Ногин, Рыков, Луначарский, Рязанов. Из левых эсеров всероссийской известностью пользовалась только маленькая, хрупкая и мужественная Спиридонова, отбывшая долгие годы каторги за убийство усмирителя тамбовских крестьян. Других «имен» у левых эсеров не было.

Зато у правых, кроме имен, оставалось уже совсем немного.

Съезд горячо встречает свой президиум. Ленина на трибуне нет. В то время, как собирались и совещались фракции, Ленин, еще не разгримированный, в парике и больших очках, сидел в обществе двух-трех большевиков в проходной комнате. По пути в свою фракцию Дан со Скобелевым остановились против стола заговорщиков, пристально вгляделись и явно узнали Ленина. Это значило: пора разгримировываться!

Ленин не спешил, однако, появиться публично. Он предпочитал присматриваться и стягивать в своих руках нити, оставаясь пока за кулисами. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1924 г., Троцкий пишет: «В Смольном шло первое заседание второго Съезда советов. Ленин не появился на нем. Он оставался в одной из комнат Смольного, в которой, как помню, не было почему-то никакой или почити никакой мебели. Потом уже кто-то постлал на полу одеяла и положил на них две подушки. Мы с Владимиром Ильичом отдыхали, лежа рядом. Но уже через несколько минут меня позвали: «Дан*) говорит, нужно отвечать». Вернувшись после своей реплики, я опять лег рядом с Владимиром Ильичом, который, конечно, и не думал засыпать. До того ли было? Каждые пять-десять минут кто-нибудь прибегал из зала заседаний сообщить о том, что там происходит».

Председательский звонок поступает в руки Каменева, одного из тех флегматиков, которые самой природой предназначены для председательствования. В порядке дня, — провозглашает он, — три вопроса: организация власти; война и мир; созыв Учредительного собрания. Необычный, глухой и тревожный грохот врезывается извне в шум собрания: это Петропавловская крепость скрепила порядок дня артиллерийским выстрелом. Ток высокого напряжения прошел через Съезд, который сразу почувствовал себя тем,

*) Речь, повидимому, шла о выступлении Мартова, которому отвечал Троцкий.

чем был в действительности: конвентом гражданской войны.

Лозовский, противник восстания, требует доклада от петроградского Совета. Но Военно-революционный комитет запоздал: артиллерийские реплики свидетельствуют, что доклад не готов. Восстанье идет полным ходом. Вожди большевиков то и дело отлучаются в помещение Военно-революционного комитета, чтоб принять сообщение или отдать распоряжение. Отголоски боев врываются в зал заседания, как языки пламени. При голосованиях руки поднимаются среди щетины штыков. Сизый, въедчивый дым махорки скрадывает прекрасные белые колонны и люстры.

Словесные стычки двух лагерей получают на фоне пушечной стрельбы небывалую значительность. Слова требует Мартов. Момент, когда чаши весов еще колеблются, есть его момент, этого изобретательнейшего политика вечных колебаний. Своим хриплым туберкулезным голосом Мартов немедленно откликнулся на металлический голос орудий: «Необходимо приостановить военные действия с обеих сторон... Вопрос о власти стал решаться путем заговора... Все революционные партии поставлены перед совершившимся фактом... Гражданская война грозит взрывом контр-революции. Мирное решение кризиса может быть достигнуто созданием власти, которая была бы признана всей демократией». Значительная часть Съезда аплодирует. Суханов замечает иронически: «Видимо, многие и многие большевики, не усвоив духа учения Ленина и Троцкого, были бы рады пойти именно по этому пути». К предложению о мирных переговорах присоединяются левые эсеры и группа объединенных интернационалистов. Правое крыло, а может быть и ближайшие единомышленники Мартова, уверены, что большевики отклонят предложение. Они ошибаются. Большевики посылают на трибуну Луначарского, наиболее миролюбивого, самого бархатного из своих ораторов. «Фракция большевиков решительно ничего не имеет против предложения Мартова». Противники поражены. «Ле-

нин и Троцкий, идя навстречу своей собственной массе, — комментирует Суханов, — вместе с тем выбивают почву из-под ног правых». Предложение Мартова принимается единогласно. «Если меньшевики и эсеры уйдут сейчас, то они поставят крест на самих себе», — рассуждают в группе Мартова. Можно поэтому надеяться, что Съезд «станет на правильный путь создания единого демократического фронта». Тщетная надежда! Революция никогда не идет по диагонали.

Правое крыло немедленно переступает через только что одобренную инициативу мирных переговоров. Меньшевик Хараш, делегат 12-ой армии, с капитанскими звездочками на плечах, делает заявление: «Политические лицемеры предлагают решать вопрос о власти. Между тем он решается за нашей спиною... Удары по Зимнему дворцу вколачивают гвозди в гроб той партии, которая пошла на подобную авантюру...» На вызов капитана Съезд отвечает негодующим ропотом.

Поручик Кучин, выступавший на Государственном совещании в Москве от имени фронта, пытается и здесь действовать авторитетом армейских организаций: «этот Съезд несвоевременен и даже неправомочен». От чьего имени вы говорите? — кричат рваные шинели, на которых мандат написан глиной окопов. Кучин тщательно перечисляет одиннадцать армий. Но здесь это никого не обманет. На фронте, как и в тылу, генералы соглашательства остались без солдат. Фронтовая группа, продолжает меньшевистский поручик, «снимает с себя всякую ответственность за последствия этой авантюры»; это значит: объединение с контрреволюцией против советов. И как заключение: «фронтовая группа... покидает этот Съезд».

Один за другим представители правых поднимаются на трибуну. Они потеряли приходы и церкви, но в их руках остались колокольни; они торопятся в последний раз ударить в треснувшие колокола. Социалисты и домократы, правдами и неправдами осуществлявшие соглашение с империалистской буржуазией,

сегодня наотрез отказываются от соглашения с восставшим народом. Их политический расчет обнажен: большевики свалятся через несколько дней; нужно как можно скорее отделить себя от них, даже помочь опрокинуть их и тем застраховать по возможности себя и свое будущее.

От имени фракции правых меньшевиков выступает с декларацией Хинчук, бывший председатель московского Совета и будущий советский посол в Берлине. «Военный заговор большевиков... ввергает страну в междоусобицу, срывает Учредительное собрание, грозит военной катастрофой и ведет к торжеству контрреволюции». Единственный выход — «переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии». Ничему не научившись, эти люди предлагают Съезду поставить крест на восстании и вернуться к Керенскому. Сквозь шум, рев, даже свист еле различимы слова представителя правых эсеров. Декларация его партии провозглашает «невозможность совместной работы» с большевиками и самый Съезд советов, созванный и открытый соглашательским ЦИК'ом, объявляет неправомочным.

Демонстрация правых не устращает, но тревожит и раздражает. У большинства делегатов слишком наболело на душе от чванных и ограниченных вождей, которые сперва кормили фразами, а потом репрессиями. Неужели Даны, Хинчуки и Кучины собираются и дальше поучать и командовать? Латышский солдат Петерсон, с туберкулезным румянцем и горящими ненавистью глазами, обличает Хараша и Кучина, как самозванцев. «Довольно резолюций и болтовни! Нам нужно дело! Власть должна быть в наших руках. Пусть самозванцы покидают Съезд, — армия не с ними!» Напряженный страстью голос облегчает душу Съезда, на который до сих пор падали только оскорбления. Другие фронтовики спешат на поддержку Петерсону. «Кучины представляют мнение кучек, с апреля сидящих в армейских комитетах. Армия давно требует

их перевыборов». «Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки советов».

Но у правых остались еще колокольни. Представитель Бунда объявляет «несчастьем все то, что происходит в Петрограде», и приглашает делегатов присоединиться к гласным Думы, собирающимся выступить безоружными к Зимнему дворцу, чтоб погибнуть вместе с Правительством. «Среди шума, — пишет Суханов, — выделяются насмешки, частью грубые, частью ядовитые». Патетический оратор явно ошибся аудиторией. Довольно! Дезертиры! — кричат вдогонку уходящим делегаты, гости, красногвардейцы, солдаты караула. Ступайте к Корнилову! Враги народа!

Уход правых не оставляет пустого места. Рядовые делегаты явно отказываются присоединяться к офицерам и юнкерам для борьбы с рабочими и солдатами. Из фракций правого крыла ушло, повидимому, около 70 делегатов, т. е. немногим более половины. Колеблющиеся подсаживались к промежуточным группам, которые решили не покидать Съезда. Если перед открытием заседания эсеры всех направлений насчитывали не более 190 человек, то в течение ближайших часов число одних левых эсеров поднялось до 180: к ним присоединились все те, которые не решались еще примкнуть к большевикам, хотя уже готовы были поддержать их.

Во Временном правительстве или в каком-нибудь Предпарламенте меньшевики и эсеры оставались при всяких условиях. Можно ли рвать, в самом деле, с образованным обществом? Но советы — ведь это только народ. Советы хороши, пока можно опереться на них для соглашений с буржуазией. Но мыслимо ли терпеть советы, которые возомнили себя хозяевами страны? «Большевики остались одни, — писал впоследствии эсер Зензинов, — и с этого момента они начали опираться только на грубую физическую силу». Несомненно, моральное начало хлопнуло дверью, вместе с Даном и Гоцем. Моральное начало пойдет процессией в 300 человек, с двумя фонарями, к Зимнему

дворцу, чтобы натолкнуться на грубую физическую силу большевиков и — отступить.

Одобренное Съездом предложение о мирных переговорах повисло в воздухе. Еслиб правые допускали мысль о соглашении с победоносным пролетариатом, они не поспешили бы порвать со Съездом. Мартов не может не понимать этого. Но он цепляется за идею компромисса, с которой стоит и падает вся его политика. «Необходимо приостановить кровопролитие»... начинает он снова. «Это только слухи!» — кричат с мест. — «Сюда доносятся не только слухи, — отвечает он, — если вы подойдете к окнам, то услышите и пушечные выстрелы». Это неопровержимо: когда Съезд затихает, выстрелы слышны не только у окон.

Оглашенная Мартовым декларация, насквозь враждебная большевикам и безжизненная по выводам, осуждает переворот, как «совершенный одной лишь большевистской партией средствами чисто военного заговора», и требует приостановить работы Съезда до соглашения со «всеми социалистическими партиями». Гоняться в революции за равнодействующей хуже, чем ловить собственную тень!

В этот момент на заседании появляется, во главе с Иоффе, будущим первым советским послом в Берлине, большевистская фракция городской Думы, отказавшаяся искать проблематической смерти под стенами Зимнего дворца. Съезд снова уплотняется, встречая друзей радостными приветствиями.

Но нужно дать отпор Мартову. Эта задача ложится на Троцкого. «Сейчас, после исхода правых, его позиция, — признает Суханов, — настолько же прочна, насколько слаба позиция Мартова». Противники стоят рядом на трибуне, прижатые со всех сторон плотным кольцом возбужденных делегатов. «То, что произошло, — говорит Троцкий, — это восстание, а не заговор. Восстание народных масс не нуждается в оправдании. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Наше вос-

стание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда?... Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равные с равными, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом Съезде, которых они не в первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии. Нет, тут соглашение не годится! Тем, кто отсюда ушел, как и тем, кто выступает с подобными предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!»...

— Тогда мы уходим! — кричит Мартов, не дожидаясь голосования Съезда. «Мартов, в гневе и аффекте, — жалуется Суханов, — стал пробираться к выходу с эстрады. А я стал в экстренном порядке созывать на совещание свою фракцию»... Дело было совсем не в аффекте. Гамлет демократического социализма, Мартов делал шаг вперед, когда революция откатывалась, как в июле; теперь, когда революция готовилась совершить львиный скачок, Мартов отступал. Уход правых лишил его возможности парламентского маневрирования. Ему сразу стало не по себе. Он спешил покинуть Съезд, чтоб оторваться от восстания. Суханов возражал, как мог. Фракция разделилась почти пополам: 14-ью голосами против 12-ти победил Мартов.

Троцкий предлагает Съезду резолюцию — обвинительный акт против соглашателей: они подготовили пагубное наступление 18-го июня; они поддерживали Правительство народной измены; они прикрывали обман крестьян в земельном вопросе; они проводили разоружение рабочих; они ответственны за бессмысленное затягивание войны; они позволили буржуазии углубить хозяйственную разруху; потеряв доверие масс, они противодействовали созыву Съезда советов;

наконец, оказавшись в меньшинстве, они порвали с советами.

Снова внеочередное заявление: поистине терпимость большевистского президиума не имеет пределов. Представитель Исполнительного комитета крестьянских советов прибыл с поручением призвать крестьян покинуть этот «несвоевременный» Съезд и отправиться к Зимнему дворцу, «чтобы умереть вместе с теми, кто послан туда творить нашу волю». Призывы умереть под развалинами Зимнего дворца начинают изрядно надоедать своей монотонностью. Только что появившийся на Съезде матрос с «Авроры» иронически заявляет, что развалин нет, так как с крейсера стреляли холостым. «Продолжайте спокойно занятия». Съезд отдыхает душой на этом великолепном чернобородом матросе, воплощающем простую и повелительную волю восстанья. Мартов с своей мозаикой мыслей и чувств принадлежит другому миру: поэтому он и рвет со Съездом.

Еще одно внеочередное заявление, на этот раз полудружественное. «Правые эсеры, — говорит Камков, — ушли, но мы, левые, остались». Съезд приветствует оставшихся. Однако, и они считают необходимым осуществление единого революционного фронта и высказываются против резкой резолюции Троцкого, которая закрывает двери к соглашению с умеренной демократией.

Большевики и тут идут навстречу. Такими уступчивыми их, кажется, еще не видали никогда. Не мудрено: они — хозяева положения, и им незачем настаивать на словах. На трибуне опять Луначарский. «Тяжесть задачи, выпавшей на нас, — вне всякого сомнения». Объединение всех действительно революционных элементов демократии необходимо. Но разве мы, большевики, сделали какой-либо шаг, отметающий другие группы? Разве не приняли мы единогласно предложение Мартова? Нам ответили на это обвинениями и угрозами. Разве не ясно, что покинувшие

Съезд «прекращают даже свою соглашательскую ра-
большевистской партии убедиться в беспочвенности

Большевики не настаивают на немедленном голосовании резолюции Троцкого: они не хотят мешать попыткам достигнуть соглашения на советской основе. Метод наглядного обучения с успехом применяется даже под аккомпанимент артиллерии! Как раньше — принятие предложения Мартова, так теперь уступка Камкову только обнажает бессилие примирительных потуг. Однако, в отличие от левых меньшевиков, левые эсеры не покидают Съезда: они слишком непосредственно испытывают на себе давление восставшей деревни.

Взаимное прощупывание произведено. Исходные позиции заняты. В развитии Съезда наступает заминка. Принимать основные декреты и создавать советское правительство? Нельзя: еще старое Правительство сидит в Зимнем дворце, в полутемном зале, где единственная лампа на столе заставлена газетой. После двух часов ночи президиум объявляет перерыв на полчаса.

Красные маршалы с полным успехом использовали предоставленную им короткую отсрочку. Чем-то новым повеяло в атмосфере Съезда, когда заседание возобновилось. Каменев оглашает с трибуны только что полученную от Антонова телефонограмму: Зимний взят войсками Военно-революционного комитета; за исключением Керенского, арестовано все Временное правительство, во главе с диктатором Кишкиным. Хотя все уже успели узнать весть, из уст в уста, но официальное сообщение падает тяжеловеснее, чем пушечный салют. Прыжок через пропасть, отделяющую революционный класс от власти, совершен. Изгнанные в июле из особняка Кшесинской большевики вступили теперь властителями в Зимний дворец. В России нет другой власти, кроме этого Съезда. Сложный клубок чувств прорывается в аплодисментах и кликах: торжество, надежда, но и тревога. Новые, все более уверенные раскаты рукоплесканий. Свершилось! Даже

и самое благоприятное соотношение сил таит в себе неожиданности. Победа становится бесспорной, когда неприятельский штаб в плену.

Каменев внушительно оглашает перечень арестованных. Наиболее известные имена исторгают у Съезда враждебные или иронические возгласы. С особым ожесточением встречают имя Терещенко, руководителя внешних судеб России. А Керенский? Керенский? Известно, что в 10 часов утра он ораторствовал, без большого успеха, перед гарнизоном Гатчины. «Куда отправился дальше, точно не известно: по слухам — на фронт».

Попутчикам переворота не по себе. Они предчувствуют, что отныне поступь большевиков станет тверже. Кто-то из левых эсеров возражает против ареста социалистических министров. Представитель объединенных интернационалистов предостерегает: как бы министр земледелия Маслов не оказался в той же камере, в какой сидел при монархии. «Политический арест, — отвечает Троцкий, сидевший при министре Маслове в тех же «Крестах», что и при Николае, — не есть дело мести; он продиктован... соображениями целесообразности. Правительство... должно быть отдано под суд, прежде всего за свою несомненную связь с Корниловым... Министры-социалисты будут находиться только под домашним арестом». Проще и точнее было бы сказать, что захват старого Правительства диктовался потребностями еще не завершенной борьбы. Дело шло о политическом обезглавлении вражеского лагеря, а не о каре за прошлые грехи.

Но парламентский запрос по поводу арестов сейчас же оттесняется другим, неизмеримо более значительным эпизодом: 3-й батальон самокатчиков, двинутый Керенским на Петроград, перешел на сторону революционного народа! Слишком благоприятное известие кажется невероятным; но дело обстоит именно так: отборная воинская часть, первой выделенная из всей действующей армии, еще не дойдя до столицы, примкнула к восстанию. Если в радости по поводу

ареста министров был оттенок сдержанности, то сейчас Съездом овладевает беспримесный и безудержный восторг.

На трибуне — большевистский комиссар Царского села рядом с делегатом батальона самокатчиков: оба только что прибыли для доклада Съезду. «Царскосельский гарнизон охраняет подступы к Петрограду». Оборонцы ушли из Совета. «Вся работа легла на нас одних». Узнав о приближении самокатчиков, совет Царского села готовился к отпору. Но тревога оказалась, к счастью, напрасной: «среди самокатчиков нет врагов Съезда советов». Скоро в Царское прибудет другой батальон: ему уже готовят там дружескую встречу. Съезд пьет этот доклад глоток за глотком.

Представителя самокатчиков встречают бурей, вихрем, циклоном. С Юго-западного фронта 3-й батальон внезапно отправили на Север по телеграфному распоряжению: «защищать Петроград». Самокатчики двигались «с завязанными глазами», лишь смутно догадываясь, в чем дело. На Передольской наткнулись на эшелон 5-го батальона самокатчиков, также брошенного на столицу. На совместном митинге, тут же на станции, выяснилось, что «среди всех самокатчиков не найдется ни одного человека, который согласился бы выступить против братьев». Сообща решено: не подчиняться Правительству. «Я заявляю вам конкретно, — говорит самокатчик: мы не дадим власть Правительству, во главе которого стоят буржуи и помещики!» Слово «конкретно», введенное в народный обиход революцией, хорошо звучит в эту минуту.

Давно ли с этой же трибуны грозили Съезду карами фронта? Теперь сам фронт сказал свое «конкретное» слово. Пусть армейские комитеты саботируют Съезд. Пусть рядовой солдатской массе удалось прислать своих делегатов скорее в виде исключения. Пусть во многих полках и дивизиях не научились еще различать большевика и эсера. Все равно! Голос с Передольской есть подлинный, безошибочный, неопровержимый голос армии. Против этого вердикта апелляции

нет. Большевики и только они одни своевременно поняли, что кашевар батальона самокатчиков неизмеримо лучше представляет фронт, чем все Хараши и Кучины с их истлевшими мандатами. В настроениях делегатов происходит многозначительный перелом. «Начинают чувствовать, — пишет Суханов, — что дело идет гладко и благополучно, что обещанные справа ужасы как будто оказываются не столь страшными, и что вожди могут оказаться правы и во всем остальном».

Этот момент выбрали злополучные левые меньшевики, чтоб напомнить о себе. Они еще, оказывается, не ушли. Они обсуждали вопрос, как быть, в своей фракции. В стремлении увлечь за собою колеблющиеся группы Капелинский, которому поручено возвестить Съезду вынесенное решение, называет, наконец, вслух наиболее откровенный довод за разрыв с большевиками: «Помните, что к Петрограду подъезжают войска. Нам грозит катастрофа». Как, вы еще здесь? — несется с разных концов зала. Ведь вы один раз уже уходили! Меньшевики небольшой кучкой продвигаются к выходу, провожаемые пренебрежительными напутствиями. «Мы ушли, — скорбит Суханов, — совершенно развязав руки большевикам, уступив им целиком всю арену революции». Немногое изменилось бы, если бы они и остались. Во всяком случае они уходят на дно. Волны событий безжалостно смыкаются над их головами.

Пора бы Съезду обратиться с воззванием к народу. Но ход заседания по прежнему состоит из одних внеочередных заявлений. События никак не укладываются в порядок дня. В 5 часов 17 минут утра Крыленко, шатаясь от усталости, взобрался на трибуну с телеграммой в руках: 12-ая армия посылает приветствие Съезду и извещает об образовании Военно-революционного комитета, который принял на себя наблюдение за Северным фронтом. Попытки Правительства получить вооруженную помощь разбились о сопротивление войск. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов подчинился Комитету. Комиссар Вре-

менного правительства Войтинский подал в отставку и ждет заместителя. Делегации двинутых на Петроград эшелонов одна за другой заявляют Военно-революционному комитету о присоединении к петроградскому гарнизону. «Наступило нечто невообразимое, — пишет Рид. — Люди плакали, обнимая друг друга».

Луначарский получает, наконец, возможность огласить воззвание к рабочим, солдатам, крестьянам. Но это не просто воззвание: уже одним изложением того, что произошло и что предполагается, наспех написанный документ полагает начало новому государственному строю. «Полномочия соглашательского ЦИК'а кончились. Временное правительство низложено. Съезд берет власть в свои руки». Советское правительство предложит немедленный мир, передаст крестьянам землю, демократизует армию, установит контроль над производством, созовет своевременно Учредительное собрание, обеспечит право наций России на самоопределение. «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к советам». Каждая оглашенная фраза переходит непосредственно в залп рукоплесканий. «Солдаты! Будьте на страже! Железнодорожники! Останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!... В ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!»

Услышав о земле, встрепенулись крестьяне. Съезд представляет по уставу лишь советы рабочих и солдат; но в нем принимают участие и делегаты отдельных крестьянских советов: теперь они требуют, чтоб и о них было упомянуто в документе. Им тут же предоставлено право решающего голоса. Представитель петроградского крестьянского совета подписывается под воззванием «руками и ногами». Молчавший до сих пор член авксентьевского Исполкома Березин сообщает, что из 68 крестьянских советов, откликнувшихся на телеграфный опрос, половина высказалась за власть советов, другая половина — за переход власти к Учредительному собранию. Если таково настроение губернских получиновничьих советов, то можно ли сомневаться,

что будущий крестьянский съезд поддержит советскую власть?

Теснее сплачивая рядовых делегатов, воззвание пугает и даже отталкивает кое-кого из попутчиков своей бесповоротностью. Снова дефилируют на трибуне мелкие фракции и осколки. В третий раз порывает со Съездом кучка меньшевиков, очевидно, самых левых. Они уходят, оказывается, только для того, чтобы сохранить возможность спасать большевиков: «иначе вы погубите и себя, и нас, и революцию». Представитель польской социалистической партии Лапинский, хоть и остается на Съезде, чтоб «отстаивать свою точку зрения до конца», но по существу присоединяется к декларации Мартова: «большевики не справятся с властью, которую они берут на себя». Объединенная еврейская рабочая партия воздержится от голосования. Точно также и объединенные интернационалисты. Сколько, однако, все эти «объединенные» составят вместе? Воззвание принимается всеми голосами против двух, при 12 воздержавшихся! У делегатов еле хватает сил на аплодисменты.

Заседание закрыто, наконец, на исходе шестого часа. Над городом занимается серое и холодное осеннее утро. В постепенно светлеющих улицах блекнут горячие пятна костров. Посеревшие лица солдат и рабочих с винтовками сосредоточены и необычны. Если в Петербурге были астрологи, они должны были наблюдать важные небесные знамения.

Столица просыпается под новой властью. Обыватели, чиновники, интеллигенты, оторванные от арены событий, набрасываются с утра на газеты, чтоб узнать, к какому берегу прибила их ночная волна. Но нелегко уяснить себе, что произошло. Правда, газеты сообщают о захвате заговорщиками Зимнего дворца и министров, но лишь, как о мимолетном эпизоде. Керенский выехал в Ставку, судьба власти будет решена фронтом. Отчеты о Съезде воспроизводят только заявления правых, перечисляют ушедших и обличают бесси-

лие оставшихся. Политические статьи, написанные до захвата Зимнего, дышат безоблачным оптимизмом.

Слухи улицы не во всем совпадают с тоном газет. Как-никак министры сидят в крепости. От Керенского подкреплений пока не видно. Чиновники и офицеры волнуются и совещаются. Журналисты и адвокаты перезваниваются. Редакции собираются с мыслями. Оракулы гостиных говорят: надо окружить узурпаторов блокадой всеобщего презрения. Купцы не знают, торговать или воздержаться. Новые власти приказывают торговать. Рестораны открываются. Ходят трамваи. Банки томятся дурными предчувствиями. Сейсмографы биржи чертят конвульсивную кривую. Конечно, большевики долго не продержатся, но прежде, чем свалиться, они могут наделать бед.

Реакционный французский журналист Клод Анэ писал в этот день: «Победители поют песнь победы. И с полным правом. Посреди всех этих болтунов они действовали... Сегодня они пожинают плоды. Браво! Славная работа». Совсем иначе оценивали положение меньшевики. «Сутки всего прошло со дня «победы» большевиков, — писала газета Дана, — и исторический рок уже начинает жестоко мстить им... вокруг них пустота, созданная ими самими... они изолированы от всех... весь служебный и технический аппарат отказывается им служить... Они... проваливаются в самый момент своего торжества в пропасть»...

Ободряемые чиновничьим саботажем и собственным легкомыслием либеральные и соглашательские круги странным образом верили в свою безнаказанность. О большевиках говорили и писали языком июльских дней: «наемники Вильгельма», «карманы красногвардейцев полны германских марок», «восстанием командуют немецкие офицера»... Новая власть должна была показать этим людям твердую руку прежде, чем они начали верить в нее. Наиболее разнузданные из газет были задержаны уже в ночь на 26-ое. Несколько других были конфискованы в течение дня. Социалистическую печать пока щадили: надо

было дать левым эсерам, да и некоторым элементам большевистской партии убедиться в беспочвенности надежд на коалицию с официальной демократией.

Среди саботажа и хаоса большевики развивали победу. Организованный ночью временный военный штаб приступил к обороне Петрограда на случай наступления Керенского. На телефонную станцию, где началась забастовка, отправлены военные телефонисты. Армиям предложено создавать свои Военно-революционные комитеты. На фронт и в провинцию отправлялись пачками, освободившиеся после победы агитаторы и организаторы. Центральный орган партии писал: «Петроградский Совет выступил, — очередь за другими советами».

В течение дня пришло известие, особенно всполошившее солдат: бежал Корнилов. На самом деле, высокий арестант, проживавший в Быхове под охраной верных ему текинцев и державшийся Ставкой Керенского в курсе всех событий, решил 26-го, что дело принимает серьезный оборот и, без малейших затруднений, покинул свою мнимую тюрьму. Связь между Керенским и Корниловым снова получила в глазах масс наглядное подтверждение. Военно-революционный комитет призывал по телеграфу солдат и революционных офицеров поймать и доставить в Петроград обоих бывших Верховных главнокомандующих.

Как в феврале — Таврический дворец, так теперь Смольный стал средоточием всех функций столицы и государства. Здесь заседали все правящие учреждения. Отсюда исходили распоряжения, или сюда являлись за ними. Отсюда требовали оружия и сюда доставляли винтовки и револьверы, конфискованные у врагов. С разных концов города приводили арестованных. Уже стекались обиженные, ища правды. Буржуазная публика и напуганные извозчики обминали район Смольного по большой дуге.

Автомобиль — гораздо более действительный признак современной власти, чем скипетр и держава. При режиме двоевластия автомобили распределялись ме-

жду Правительством, ЦИК'ом и частными собственниками. Сейчас все конфискованные моторы стягивались в лагерь восстания. Район Смольного походил на гигантский полевой гараж. Лучшие автомобили чадили плохим горючим. Мотоциклы стучали нетерпеливо и угрожающе в полутьме. Броневики завывали сиренами. Смольный казался фабрикой, вокзалом и силовой станцией переворота.

По тротуарам прилегающих улиц тянулись люди сплошным потоком. У наружных и внутренних ворот горели костры. При их колеблющемся свете вооруженные рабочие и солдаты придирчиво разбирали пропуска. Несколько броневиков сотрясалось во дворе действующими моторами. Никто не хотел остановиться, ни машины, ни люди. У каждого входа стояли пулеметы, обильно снабженные патронами на лентах. Бесконечные, слабо освещенные, угрюмые коридоры гудели от топота ног, от возгласов и окриков. Приходящие и уходящие катились по широким лестницам вверх и вниз. Сплошную людскую лаву прорезывали нетерпеливые и повелительные одиночки, работники Смольного, курьеры, комиссары, с мандатом или приказом в высоко поднятой руке, с винтовкой на веревочке за плечом или с портфелем под мышкой.

Военно-революционный комитет ни на минуту не прерывал работы, принимал делегатов, курьеров, добровольных информаторов, самоотверженных друзей и мошенников, направлял во все уголки города комиссаров, ставил бесчисленные печати на приказах и полномочиях, — все это среди перекрестных справок, чрезвычайных сообщений, телефонных звонков и лязга оружия. Выбившиеся из сил люди, давно не спавшие и не евшие, не бритые, в грязном белье, с воспаленными глазами, кричали осипшими голосами, преувеличенно жестикулировали и если не падали замертво на пол, то, казалось, только благодаря окружающему хаосу, который вертел и носил их на своих необузданных крыльях.

Авантюристы, проходимцы, худшие отбросы старых режимов тянули носом в воздухе и искали пропуска в Смольный. Некоторые находили. Они знали какой-нибудь маленький секрет управления: у кого ключи от дипломатической переписки, как пишутся ассигновки, откуда достать бензин или пишущую машинку и, особенно, где хранятся лучшие дворцовые вина. В тюрьму или под пулю они попадали не сразу.

Еще от сотворения мира не отдавалось столько распоряжений, устно, карандашом, на машинке, по проводу, одно вдогонку другому, — тысячи и мириады распоряжений, — не всегда теми, кто имел на это право, и редко тому, кто способен был исполнить. Но в том и состояло чудо, что в этом сумасшедшем водовороте оказывался свой внутренний смысл, люди умудрялись понимать друг друга, самое важное и необходимое все же оказывалось выполнено, на смену старому аппарату управления натягивались первые нити нового, — революция крепла.

Днем работал в Смольном Центральный комитет большевиков: решался вопрос о новом правительстве России. Протоколов не велось, или они не сохранились. Никто не заботился о будущих историках, хотя для них как раз подготовлялось немало хлопот. На вечернем заседании Съезда предстоит создать кабинет министров. Ми-ни-стров? какое скомпрометированное слово! От него воняет высокой бюрократической карьерой или увенчаньем парламентского честолюбия. Решено назвать правительство Советом народных комиссаров: это все же звучит свежее. Так как переговоры о коалиции «всей демократии» не привели пока ни к чему, то вопрос о партийном и личном составе правительства упрощался. Левые эсеры жеманничают и упираются: только что порвав с партией Керенского, они сами еще не знают хорошо, что им с собой делать. ЦК принимает предложение Ленина, как единственно мыслимое: сформировать правительство из одних большевиков.

В двери этого заседания постучался Мартов, в

качестве ходатая за арестованных министров-социалистов. Не так давно ему доводилось ходатайствовать перед министрами-социалистами об освобождении большевиков. Колесо совершило изрядный поворот. Через высланного к Мартову на переговоры одного из своих членов, вернее всего Каменева, ЦК подтвердил, что министры-социалисты переводятся на домашний арест: повидимому, о них между делом забывали, либо же сами они отказывались от привиллегий, соблюдая и в Трубецком бастионе принцип министерской солидарности.

Заседание Съезда открылось в 9 часов вечера. «Картина в общем немногим отличалась от вчерашней. Меньше оружия, меньше скопления народа». Суханов, уже не в качестве делегата, а в числе публики, нашел даже свободное место. В этом заседании предстояло решить вопросы о мире, земле и правительстве. Всего три вопроса: покончить с войной, дать народу землю, установить социалистическую диктатуру. Каменев начинает с доклада о произведенных президиумом за день работах: отменена смертная казнь на фронте, введенная Керенским; восстановлена полная свобода агитации; отдано распоряжение об освобождении из тюрем солдат, посаженных за политические убеждения, и членов земельных комитетов; отстранены все комиссары Временного правительства; приказано задержать и доставить Керенского и Корнилова. Съезд одобряет и подтверждает.

Снова выступают, при нетерпении и недоброжелательстве зала, какие-то осколки осколков: одни сообщают, что уходят, — «в момент победы восстания, а не в момент поражения», — другие, наоборот, хвалятся тем, что остаются. Представитель донецких углекопов торопит принять меры, чтоб Каледин не отрезал север от угля. Пройдет немало времени, пока революция научится принимать меры такого масштаба. Наконец, можно перейти к первому пункту порядка дня.

Ленин, которого Съезд еще не видел, получает слово для доклада о мире. Его появление на трибуне

вызывает несмолкаемые приветствия. Окопные делегаты смотрят во все глаза на таинственного человека, которого их учили ненавидеть, и которого они научились заочно любить. «Крепко держась за края пюпитра и разглядывая своими небольшими глазами толпу, Ленин стоял в ожидании, не обращая, видимо, внимания на непрекращающуюся овацию, длившуюся ряд минут. Когда овация закончилась, он просто сказал: «Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка».

Протоколов Съезда не сохранилось. Парламентские стенографистки, приглашенные для записи прений, покинули Смольный вместе с меньшевиками и эсерами: это был один из первых эпизодов саботажа. Секретарские записи потонули бесследно в пучине событий. Остались лишь спешные и тенденциозные газетные отчеты, писавшиеся под звуки артиллерии или под зубовный скрежет политической борьбы. Особо пострадали доклады Ленина: вследствие быстроты речи и сложной конструкции периодов, они и в более благоприятных условиях не легко поддавались записи. Той вступительной фразы, которую Джон Рид вкладывает Ленину в уста, ни в одном из газетных отчетов нет. Но она вполне в духе оратора. Выдумать ее Рид не мог. Именно так должен был Ленин начать свое выступление на Съезде советов, просто, без пафоса, с несокрушимой уверенностью: «Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка».

Но для этого прежде всего надо покончить с войной. Из швейцарской эмиграции Лениным брошен был лозунг: превратить империалистскую войну в гражданскую. Теперь надо победоносную гражданскую войну превратить в мир. Докладчик прямо начинает с оглашения проекта декларации, которую должно будет издать подлежащее избранию правительство. Текст не роздан: техника еще очень слаба. Съезд слухом впивается в каждое слово документа.

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на советы

рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире». Справедливые условия исключают аннексии и контрибуции. Под аннексией надлежит понимать насильственное присоединение чужих народностей или удержание их против их воли, в Европе или в далеких заокеанских странах. «Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанные условия мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия», требуя лишь скорейшего приступа к переговорам и устранения всякой тайны при их ведении. С своей стороны, советское правительство отменяет тайную дипломатию и приступает к опубликованию тайных договоров, заключенных по 25 октября 1917 года. Все, что в этих договорах направлено к доставлению выгод и привиллегий русским помещикам и капиталистам, к угнетению великороссами других народов, «правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным». Для приступа к переговорам предлагается сейчас же заключить перемирие, по возможности, не менее, чем на три месяца. Со своими предложениями рабочее и крестьянское правительство обращается одновременно «к правительствам и народам всех воюющих стран... в особенности, к сознательным рабочим трех самых передовых наций», Англии, Франции и Германии, в уверенности, что именно они «помогут нам успешно довести до конца дело мира и, вместе с тем, дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс от всякого рабства и всякой эксплоатации».

Ленин ограничивается краткими пояснениями к тексту декларации. «Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира..., но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собою, мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира». «Мы, конечно, всемерно будем отстаивать нашу про-

грамму мира без аннексий и контрибуций», но мы не должны ставить наши условия ультимативно, чтоб не облегчить правительствам отказ от переговоров. Мы рассмотрим и всякие другие предложения. «Рассмотрим — это еще не значит, что примем».

Изданный соглашателями манифест 14 марта предлагал рабочим других стран свергнуть банкиров во имя мира; однако, сами соглашатели не только не призывали к свержению собственных банкиров, но вступили с ними в союз. «Теперь мы свергли правительство банкиров». Это дает нам право призывать к тому же и другие народы. У нас есть все надежды на победу: «надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно». Залог победы Ленин, как всегда, видит в превращении национальной революции в интернациональную. «Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму».

Левые эсеры выслали своего представителя для присоединения к оглашенной декларации: ее «дух и смысл им близок и понятен». Объединенные интернационалисты — за декларацию, но при условии, если она будет исходить от правительства всей демократии. Лапинский от польских левых меньшевиков приветствует «здоровый пролетарский реализм» документа, Дзержинский, от социал-демократии Польши и Литвы, Стучка, от социал-демократии Латвии, Капсукас, от литовской социал-демократии, присоединяются к декларации без оговорок. С возражениями выступил только большевик Еремеев, который требует, чтоб мирным условиям был придан ультимативный характер: иначе «могут подумать, что мы слабы, что мы боимся».

Ленин решительно, даже неистово возражает против ультимативной постановки условий: этим мы только «дадим возможность нашим врагам скрыть всю правду от народа, спрятать ее за нашу непримиримость». Говорят, что «наша неультимативность покажет наше бессилие». Пора отказаться от буржуазной

фальши в политике. «Нам нечего бояться сказать правду об усталости»... Будущие брест-литовские разногласия уже просвечивают сквозь этот эпизод.

Каменев предлагает всем, кто за обращение, поднять свои делегатские карточки. «Один из делегатов, — пишет Рид, — поднял было руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что заставил и его опустить руку». Обращение к народам и правительствам принято единогласно. Свершилось! И этот акт охватывает всех участников своим непосредственным и близким величием.

Суханов, внимательный, хотя и предубежденный наблюдатель, не раз отмечал на первом заседании вялость Съезда. Несомненно, делегаты, как и весь народ, устали от собраний, съездов, речей, резолюций, от всего вообще топтания на месте. У них не было уверенности, сможет и сумеет ли этот Съезд довести дело до конца. Не вынудит ли грандиозность задач и непреодолимость сопротивлений отступить и на этот раз? Прилив уверенности принесли известия о взятии Зимнего дворца, а затем о переходе самокатчиков на сторону восстания. Но оба эти факта относились еще к механике переворота. Только теперь раскрылся на деле его исторический смысл. Победоносное восстание подвело под Съезд рабочих и солдат несокрушимый фундамент власти. Делегаты голосовали на этот раз не за резолюцию, не за воззванье, а за правительственный акт неизмеримого значения.

Слушайте, народы! Революция предлагает вам мир. Ее будут обвинять в нарушении договоров. Но она гордится этим. Разорвать союзы кровавого хищничества — величайшая историческая заслуга. Большевики посмели. Они одни посмели. Гордость собою рвется из душ. Горят глаза. Все на ногах. Никто уже не курит. Кажется, что никто не дышет. Президиум, делегаты, гости, караульные сливаются в гимне восстания и братства. «Внезапно, по общему импульсу, — расскажет вскоре Джон Рид, наблюдатель и участник, хроникер и поэт переворота, — мы все оказались на

ногах, подхватив бодрящие звуки Интернационала. Седой старый солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай быстро моргала глазами, чтобы не расплакаться. Мощные звуки расплывались по залу, прорываясь сквозь окна и двери и вздымаясь к высокому небу». К небу ли? Скорее к осенним окопам, пересекающим несчастную распятую Европу, к ее опустошенным городам и деревням, к женам и матерям в трауре. «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!» Слова гимна освободились от своего условного характера. Они сливались с правительственным актом. Оттого они звучали силой непосредственного действия. Каждый чувствовал себя больше и значительнее в этот час. Сердце революции расширялось на весь мир. «Добьемся мы освобожденья...» Дух самостоятельности, инициативы, отваги, те счастливые чувства, которых угнетенные в обычных условиях лишены, — это принесла теперь революция. ...«Своею собственной рукой!» Всемогущая рука миллионов, опрокинувшая монархию и буржуазию, задушит теперь войну. Красногвардеец Выборгского района, серый фронтовик со шрамом, старый революционер, отбывший годы каторги, молодой чернобородый матрос с «Авроры» — все клялись довести до конца свой последний и решительный бой. «Мы наш, мы новый мир построим!» Построим! В этом слове, рвавшемся из человеческих грудей, заключались уже будущие годы гражданской войны и грядущие пятилетки труда и лишений. «Кто был ничем, тот станет всем!» Всем! Если действительность прошлого не раз превращалась в песни, почему песне не стать завтрашней действительностью? Окопные шинели уже не кажутся нарядом каторжников. Папахи с рваной ватой по иному поднимаются над светящимися глазами. «Воспрянет род людской!» Мыслимо ли, чтоб он не воспрянул из бедствий и унижений, из грязи и крови войны?

«Весь президиум, во главе с Лениным, стоял и пел с возбужденными, одухотворенными лицами и горящими глазами». Так свидетельствует скептик, с тяже-

лым чувством взирающий на чужое торжество. «Как бы я хотел присоединиться к нему, — признается Суханов, — слиться в едином чувстве и настроении с этой массой и ее вождями. Но не мог»...

Отзвучал последний звук припева, но Съезд все еще стоял слитной человеческой массой, завороженный величием того, что переживал. И взоры многих остановились на невысокой коренастой фигуре человека на трибуне, с необыкновенной головой, с простыми чертами скуластого лица, измененного сейчас бритым подбородком, с этим насквозь видящим взглядом небольших слегка монгольских глаз. Четыре месяца его не было здесь, самое имя его почти успело отделиться от живого образа. Но, нет, он — не миф, вот он стоит среди своих, — как много теперь «своих»! — с листками мирного послания к народам в руках. Даже самые близкие, те, которые хорошо знали его место в партии, впервые полностью почувствовали, что он значит для революции, для народа, для народов. Это он воспитал. Это он научил. Чей-то голос из глубины собрания выкрикнул слова привета по адресу вождя. Зал будто только и ждал сигнала. Да здравствует Ленин! Пережитые волнения, преодоленные сомнения, гордость почина, торжество победы, великие надежды, — все слилось в вулканическом извержении благодарности и восторга. Скептический свидетель сухо отмечает: «несомненный подъем настроения... Приветствовали Ленина, кричали ура, бросали вверх шапки. Пропели похоронный марш в память жертв войны. И снова рукоплескания, кричали, бросали шапки».

То, что переживал в эти минуты Съезд, на следующий день, хоть и не так сгущенно, переживал весь народ. «Надо сказать, — пишет в своих воспоминаниях Станкевич, — что смелый жест большевиков, их способность перешагнуть через колючие заграждения, четыре года отделявшие нас от соседних народов, произвели сами по себе громадное впечатление». Грубее, но не менее отчетливо выражается барон Будберг в своем дневнике: «Новое правительство товарища Ле-

нина разразилось декретом о немедленном мире... Сейчас это гениальный ход для привлечения солдатских масс на свою сторону; я видел это по настроению в нескольких полках, которые сегодня объехал; телеграмма Ленина о немедленном перемирии на три месяца, а затем о мире, произвела всюду колоссальное впечатление и вызвала бурную радость. Теперь у нас выбиты последние шансы на спасение фронта». Под спасением загубленного ими фронта эти люди уже давно понимали только спасение собственных социальных позиций.

Еслиб революция нашла в себе решимость перешагнуть через колючие заграждения в марте-апреле, она могла бы еще спаять на время армию, при условии одновременного сокращения ее вдвое или втрое, и создать таким образом для своей внешней политики позиции исключительной силы. Но час мужественных действий пробил только в октябре, когда спасти хотя бы часть армии, хотя бы на короткий срок, было уже немыслимо. Новый режим должен был взвалить на себя расплату не только за войну царизма, но и за расточительное легкомыслие Временного правительства. В этой страшной, для всех других партий безнадежной обстановке вывести страну на открытую дорогу мог только большевизм, открывший, через октябрьский переворот, неисчерпаемые источники народной энергии.

Ленин снова на трибуне, на этот раз со страничками декрета о земле. Он начинает с обвинений по адресу низвергнутого Правительства и соглашательских партий, которые затягиванием земельного вопроса довели страну до крестьянского восстания. «Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами?»... Проект декрета не размножен для раздачи: у докладчика в руках единственный черновой экземпляр, и он написан, по воспоминанию Суханова, «так плохо, что Ленин при чтении спотыкается, путается и, наконец, останавливается совсем. Кто-то из толпы, сгрудившейся на трибуне, приходит на помощь. Ленин охотно уступает свое ме-

сто и неразборчивую бумагу». Эти шероховатости ни на иоту не умаляют, однако, в глазах плебейского парламента величие совершающегося.

Суть декрета в двух строках первого пункта: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа». Помещичьи, удельные, монастырские и церковные земли, с живым и мертвым инвентарем, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания. Конфискуемое имущество, в качестве народного достояния, ставится под охрану местных советов. Земли рядовых крестьян и рядовых казаков ограждены от конфискации. Весь декрет не насчитывает и трех десятков строк: он разрубает гордиев узел топором.

К основному тексту присоединена более обширная инструкция, целиком заимствованная у самих крестьян. В «Известиях крестьянских советов» напечатана была 19 августа сводка 242 наказов, данных избирателями своим представителям на первом Съезде крестьянских депутатов. Несмотря на то, что разработку синтетического наказа производили эсеры, Ленин не остановился перед приобщением этого документа, целиком и полностью, к декрету «для руководства по осуществлению великих земельных преобразований». Сводный наказ гласит: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда». «Право пользования землею получают все граждане..., желающие обрабатывать ее своим трудом». «Наемный труд не допускается». «Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме».

При сохранении буржуазного режима, не говоря уже о коалиции с помещиками, эсеровский наказ оставался безжизненной утопией, если не превращался в сознательную ложь. Он не становился во всех своих частях осуществимым и при господстве пролетариата. Но судьба наказа радикально менялась вместе с изменением отношения к нему со стороны власти. Рабочее

государство давало крестьянству срок проверить свою противоречивую программу на деле.

«Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать... периодически снова уравнивать... — писал Ленин в августе. — Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, значит господство банков подорвано, — если инвентарь будет конфискован, значит господство капитала подорвано, то... при переходе политической власти к пролетариату, остальное... подсказано будет самой практикой».

Очень многие, не только враги, но и друзья, не поняли этого дальнозоркого, в значительной мере педагогического подхода большевистской партии к крестьянству и его аграрной программе. Уравнительное распределение земель, возражала, например, Роза Люксембург, не имеет ничего общего с социализмом. Но на этот счет и большевики не делали себе, разумеется, иллюзий. Наоборот, самая конструкция декрета свидетельствует о критической бдительности законодателя. В то время, как сводный наказ гласит, что вся земля, и помещичья, и крестьянская, «обращается во всенародное достояние», основной доклад вообще умалчивает о новой форме собственности на землю. Даже и не слишком педантичный юрист должен притти в ужас от того факта, что национализация земли, новый социальный принцип всемирно-исторического значения, устанавливается в порядке инструкции к основному закону. Но тут нет редакционной неряшливости. Ленин хотел как можно меньше связывать априорно партию и советскую власть в неизведанной еще исторической области. С беспримерной смелостью он и здесь сочетал величайшую осторожность. Еще только предстояло определить на опыте, как сами крестьяне понимают переход земли «во всенародное достояние». Рванувшись далеко вперед, надо было закреплять позиции и на случай отката: распределение помещичьей земли между крестьянами, не обеспечивая само по себе

от буржуазной контр-революции, исключало во всяком случае феодально-монархическую реставрацию.

Говорить о социалистических перспективах можно было только при установлении и сохранении власти пролетариата; а сохранить эту власть нельзя было иначе, как оказав решительное содействие крестьянину в проведении его революции. Если раздел земли укреплял социалистическое правительство политически, то этим он, как ближайшая мера, оправдан полностью. Надо было брать крестьянина таким, каким его застала революция. Перевоспитать его сможет только новый режим, не сразу, а в течение многих лет, в течение поколений, при помощи новой техники и новой организации хозяйства. Декрет в сочетании с наказом означал для диктатуры пролетариата обязательство не только внимательно относиться к интересам земельного труженика, но и терпеливо — к его иллюзиям мелкого хозяйчика. Было ясно заранее, что в аграрной революции будет еще немало этапов и поворотов. Сводный наказ меньше всего был последним словом. Он представлял лишь исходную позицию, которую рабочие соглашались занять, помогая крестьянам осуществить их прогрессивные требования и предостерегая их от ложных шагов.

«Мы не можем обойти, — говорил Ленин в своем докладе, — постановление народных низов, хотя бы мы были с ними несогласны... Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, и пусть сами крестьяне решают все вопросы и сами устраивают свою жизнь». Оппортунизм? Нет, революционный реализм.

Не дав еще улечься приветствиям, правый эсер Пьяных, явившийся от крестьянского Исполнительного комитета, выступает с бешеным протестом по поводу пребывания социалистических министров под арестом. «За последние дни творится что-то такое, — кричит оратор, стуча в самозабвении по столу, — чего

не бывало ни в одной революции. Наши товарищи, члены Исполнительного комитета, Маслов и Салазкин, заключены в тюрьму. Мы требуем немедленного их освобождения!» «Если с головы их упадет хоть один волос»... угрожает другой посланец, в военной шинели. Оба они уже кажутся Съезду выходцами с того света.

К моменту переворота в двинской тюрьме сидело, по обвинению в большевизме, около 800 человек, в Минске — около 6 000, в Киеве — 535 человек, преимущественно солдат. А сколько в разных местах страны пребывало под замком членов крестьянских комитетов! Наконец, добрая доля самих делегатов Съезда, начиная с президиума, прошла после июля через тюрьмы Керенского. Немудрено, если негодование друзей Временного правительства не могло рассчитывать в этом собрании на потрясение сердец. В довершение беды поднялся с места никому неведомый делегат, тверской крестьянин, длинноволосый, в тулупе, и, поклонившись учтиво на все четыре стороны, заклинал Съезд от имени своих выборщиков не останавливаться перед арестом авксентьевского Исполнительного комитета в целом: «Это не крестьянские представители, а кадеты... место им в тюрьме». Так стояли друг против друга эти две фигуры: эсер Пьяных, опытный парламентарий, наперсник министров, ненавистник большевиков, и безыменный тверской крестьянин, привезший Ленину от своих избирателей горячий поклон. Два социальных слоя, две революции: Пьяных говорил от имени Февральской, тверской крестьянин боролся за Октябрьскую. Съезд устраивает делегату в тулупе подлинную овацию. Посланники Исполнительного комитета уходят с ругательствами.

«Проект Ленина фракция эсеров приветствует, как торжество ее идеи», — заявляет Калегаев. Но в виду чрезвычайной важности вопроса, необходимо обсуждение по фракциям. Максималист, представитель крайнего левого крыла распавшейся эсеровской партии, требует немедленного голосования: «Мы должны бы воздать почести партии, которая в первый же день, не

болтая, проводит такую меру в жизнь». Ленин настаивает, чтоб перерыв был во всяком случае как можно короче. «Новости, столь важные для России, должны быть к утру уже отпечатаны. Никаких задержек!» Ведь декрет о земле — не только основа нового режима, но и орудие переворота, которому еще только предстоит завоевать страну. Недаром Рид записывает в этот момент чей-то повелительный возглас, врезывающийся в шум зала: «Пятнадцать агитаторов в комнату №17. Немедленно! Для отправки на фронт!»

В первом часу ночи делегат русских войск в Македонии жалуется, что их забыли сменявшие друг друга петербургские правительства. Поддержка за мир и за землю со стороны солдат в Македонии обеспечена! Такова новая проверка настроений армии, на этот раз в далеком углу европейского Юго-востока. Каменев тут же сообщает: десятый батальон самокатчиков, вызванный Правительством с фронта, сегодня утром вступил в Петроград и, подобно своим предшественникам, присоединился к Съезду советов. Горячие аплодисменты свидетельствуют, что новые и новые подтверждения собственной силы никогда не кажутся лишними.

После единогласно и без прений принятой резолюции, объявляющей делом чести местных советов не допустить еврейских и всяких иных погромов со стороны темных сил, ставится на голосование законопроект о земле. Против одного при восьми воздержавшихся Съезд с новым взрывом энтузиазма принимает декрет, полагающий конец крепостничеству, этой основе основ старой русской культуры. Отныне аграрная революция узаконена. Тем самым революция пролетариата приобретает могучую базу.

Остается последняя задача: создание правительства. Каменев оглашает проект, выработанный Центральным комитетом большевиков. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, которые должны работать над прове-

дением в жизнь программы, провозглашенной Съездом советов, «в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих». Правительственная власть сосредоточивается в руках коллегии председателей этих комиссий, под именем Совета народных комиссаров. Контроль над деятельностью правительства принадлежит Съезду советов и его Центральному исполнительному комитету.

В состав первого Совета народных комиссаров намечены семь членов Центрального комитета большевистской партии: Ленин, в качестве главы правительства, без портфеля; Рыков, как народный комиссар внутренних дел; Милютин, как руководитель ведомства земледелия; Ногин — глава торговли и промышленности; Троцкий — руководитель иностранных дел; Ломов — юстиции; Сталин, как председатель комиссии по делам национальностей. Военные и морские дела вручены комитету в составе Антонова-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко; во главе комиссариата труда предполагается Шляпников; руководить просвещением должен будет Луначарский; тяжелая и неблагодарная забота о продовольствии возложена на Теодоровича; почта и телеграф — на рабочего Глебова. Не замещен пока пост народного комиссара путей сообщения: дверь оставлена открытой для соглашения с организациями железнодорожников.

Все пятнадцать кандидатов, 4 рабочих и 11 интеллигентов, числили за собой в прошлом годы тюремного заключения, ссылки и эмиграции; пять из них сидели в тюрьме уже при режиме демократической республики; будущий премьер только накануне вышел из демократического подполья. Каменев и Зиновьев не вошли в Совет народных комиссаров: первый намечался председателем нового ЦИК'а, второй — редактором официального органа советов. «Когда Каменев читал список народных комиссаров, — пишет Рид, — взрыв аплодисментов следовал за взрывом после каждого имени и, особенно, после имени Ленина и Троцкого». Суханов прибавляет к ним также и Луначарского.

Против предложенного состава правительства выступает с большой речью представитель объединенных интернационалистов Авилов, бывший некогда большевиком, литератор из газеты Горького. Он добросовестно перечисляет трудности, стоящие перед революцией в области внутренней и внешней политики. Надо «отдать себе ясный отчет в том..., куда мы идем... Перед новым правительством стоят все те же старые вопросы: о хлебе и о мире. Если оно не разрешит этих вопросов, оно будет свергнуто». Хлеба в стране мало. Он в руках зажиточного крестьянства. Дать в обмен на хлеб нечего: промышленность падает, не хватает топлива и сырья. Собрать хлеб принудительными мерами — трудно, долго и опасно. Нужно поэтому создать такое правительство, чтоб не только беднота, но и зажиточное крестьянство сочувствовало ему. Для этого необходима коалиция.

«Еще труднее добиться мира». На предложение Съезда о немедленном перемирии правительства Антанты не отзовутся. Союзные послы и без того уже собираются уезжать. Новая власть окажется изолированной, ее мирная инициатива повиснет в воздухе. Народные массы воюющих стран пока еще очень далеки от революции. Последствий может быть два: либо разгром революции войсками Гогенцоллерна, либо сепаратный мир. Условия мира в обоих случаях не смогут не оказаться самыми тягостными для России. Справиться со всеми трудностями смогло бы только «большинство народа». Беда, однако, в расколе демократии, левая часть которой хочет создать в Смольном чисто большевистское правительство, а правая организует в Городской думе Комитет общественной безопасности. Для спасения революции необходимо образовать власть из обеих групп.

В том же духе высказывается представитель левых эсеров Карелин. Нельзя осуществить принятую программу без тех партий, которые ушли со Съезда. Правда, «большевики не повинны в их уходе». Программа Съезда должна бы объединить всю демокра-

тию. «Мы не хотим итти по пути изоляции большевиков, ибо понимаем, что с судьбой большевиков связана судьба всей революции: их гибель будет гибелью революции». Если они, левые эсеры, отклонили, тем не менее, предложение вступить в правительство, то цель у них благая: сохранить свои руки свободными для посредничества между большевиками и партиями, покинувшими Съезд. «В этом посредничестве... левые эсеры в настоящий момент видят свою главную задачу». Работу новой власти по разрешению неотложных вопросов левые эсеры будут поддерживать. В то же время они голосуют против предложенного правительства. Словом, молодая партия путала, как могла.

«Защищать власть одних большевиков, — рассказывает Суханов, полностью сочувствующий Авилову и вдохновлявший за сценой Карелина, — вышел Троцкий. Он был очень ярок, резок и во многом совершенно прав. Но он не желал понять, в чем состоит центр аргументации его противников»... Центр аргументации состоял в идеальной диагонали. В марте ее пытались провести между буржуазией и соглашательскими советами. Сейчас Сухановы мечтали о диагонали между соглашательской демократией и диктатурой пролетариата. Но революции не развиваются по диагонали.

«Возможной изоляцией левого крыла — говорит Троцкий, — нас пугали неоднократно. Несколько дней тому назад, когда вопрос о восстании был поднят открыто, нам говорили, что мы идем навстречу гибели. И, в самом деле, если по политической печати судить о том, какова группировка сил, то восстание грозило нам неминуемой гибелью. Против нас стояли не только контр-революционные банды, но и оборонцы всех разновидностей; левые эсеры только в одном своем крыле мужественно работали с нами в Военно-революционном комитете; другая их часть занимала позицию выжидательного нейтралитета. И тем не менее, даже при этих неблагоприятных условиях, когда, казалось, мы всеми покинуты, восстание победило...

«Если бы реальные силы были действительно против нас, каким образом могло бы случиться, что мы одержали победу почти без кровопролития? Нет, изолированы были не мы, а правительство и якобы-демократы. Своими колебаниями, своим соглашательством они вычеркнули себя из рядов подлинной демократии. Наше великое преимущество, как партии, состоит в том, что мы заключили коалицию с классовыми силами, создав союз рабочих, солдат и беднейших крестьян.

«Политические группировки исчезают, но основные интересы классов остаются. Побеждает та партия, которая способна нащупать и удовлетворить основные требования класса... Коалицией нашего гарнизона, главным образом крестьянского, с рабочим классом мы можем гордиться. Она, эта коалиция, испытана в огне. Петроградский гарнизон и пролетариат вступили совместно в великую борьбу, которая явится классическим примером в истории революции всех народов.

«Авилов говорил о величайших трудностях, которые стоят перед нами. Для устранения этих трудностей он предлагает заключить коалицию. Но при этом он не делает никакой попытки раскрыть эту формулу и сказать: какая коалиция — групп, классов или просто коалиция газет?...

«Говорят, раскол среди демократии — недоразумение. Когда Керенский высылает против нас ударников, когда с соизволения ЦИК мы лишаемся телефона в самый острый момент нашей борьбы с буржуазией, когда нам наносят удары за ударами, — неужели можно говорить о недоразумении?...

«Авилов говорит нам: хлеба мало, — нужна коалиция с оборонцами. Но разве эта коалиция увеличит количество хлеба? Вопрос о хлебе, это — вопрос программы действия. Борьба с разрухою требует определенной системы внизу, а не политических группировок наверху.

«Авилов говорил о союзе с крестьянством: но, опять-таки, о каком крестьянстве идет речь? Сегодня здесь представитель крестьян Тверской губернии тре-

бовал ареста Авксентьева. Нужно выбирать между этим тверским крестьянином и Авксентьевым, наполнившим тюрьмы членами крестьянских комитетов. Коалицию с кулацкими элементами крестьянства мы решительно отвергаем во имя коалиции рабочего класса и беднейших крестьян. Мы — с тверскими крестьянами против Авксентьева, мы с ними до конца и нерасторжимо.

«Кто гонится за тенью коалиции, окончательно изолирует себя от жизни. Левые эсеры будут терять опору в массах, поскольку вздумают противодействовать нашей партии. Каждая группа, противопоставляющая себя партии пролетариата, с которой объединилась деревенская беднота, изолирует себя от революции.

«Открыто, перед лицом всего народа, мы подняли знамя восстания. Политическая формула этого восстания: все власть советам — через Съезд советов. Нам говорят: вы не подождали Съезда с переворотом. Мы-то стали бы ждать, но Керенский не хотел ждать; контр-революционеры не дремали. Мы, как партия, своей задачей считали создать реальную возможность для Съезда советов взять власть в свои руки. Если бы Съезд оказался окруженным юнкерами, каким путем он мог бы взять власть? Чтобы эту задачу осуществить, нужна была партия, которая исторгла бы власть из рук контр-революции и сказала бы вам: «Вот власть, и вы обязаны ее взять!» (Бурные, не смолкающие аплодисменты).

«Несмотря на то, что оборонцы всех оттенков в борьбе против нас не останавливались ни пред чем, мы их не отбросили прочь, — мы Съезду в целом предложили взять власть. Как нужно извратить перспективу, чтобы после всего, что произошло, говорить с этой трибуны о нашей непримиримости! Когда партия, окутанная пороховым дымом, идет к ним и говорит: «Возьмем власть вместе!», они бегут в Городскую думу и объединяются там с явными контр-революционерами. Они — предатели революции, с которыми мы никогда не объединимся!

«Для борьбы за мир — говорит Авилов — нужна коалиция с соглашателями. В то же время он признает, что союзники не хотят заключить мир... Маргаринового демократа Скобелева, — сообщает Авилов, — союзные империалисты высмеивали. Но если вы заключите блок с маргариновыми демократами, дело мира будет обеспечено.

«Есть два пути в борьбе за мир. Один путь: правительствам союзных и враждебных стран противопоставить моральную и материальную силу революции. Второй путь: блок со Скобелевым, что означает блок с Терещенко и полное подчинение союзному империализму. В своем заявлении о мире мы обращаемся одновременно к правительствам и народам. Но это лишь формальная симметрия. Мы, разумеется, не думаем влиять на империалистские правительства своими воззваниями; однако, пока они существуют, мы не можем их игнорировать. Всю же надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, — это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию.

— Есть третий путь, — раздается голос с места.

«Третий путь, — отвечает Троцкий, — есть путь ЦИК'а, с одной стороны, посылающего делегации к западно-европейским рабочим, а с другой — заключающего союз с Кишкиными и Коноваловыми. Это — путь лжи и лицемерия, на который мы не станем никогда!

«Разумеется, мы не говорим, что только день восстания европейских рабочих будет днем подписания мирного договора. Возможно и так, что буржуазия, напуганная приближающимся восстанием угнетенных, поспешит заключить мир. Сроков здесь не дано. Конкретных форм предусмотреть невозможно. Важно и нужно определить метод борьбы, в принципе своем

одинаковый как во внешней, так и во внутренней политике. Союз угнетенных везде и всюду — вот наш путь».

«Делегаты Съезда, — пишет Рид, — приветствовали его безграничным взрывом аплодисментов, загораясь смелой мыслью защиты человечества». Во всяком случае никому из большевиков не могло притти тогда на ум протестовать против того, что судьба советской республики в официальной речи от имени большевистской партии ставилась в прямую зависимость от развития международной революции.

Драматический закон этого Съезда состоял в том, что каждый значительный акт завершался или даже прерывался короткой интермедией, во время которой на сцену внезапно появлялась фигура другого лагеря, чтоб заявить протест, пригрозить или предъявить ультиматум. Представитель Викжеля, Исполнительного комитета союза железнодорожников, добивается слова сейчас же и немедленно: ему надо бросить в собрание бомбу до голосования вопроса о власти. Оратор, на лице которого Рид прочитал непримиримую враждебность, начинает с обвинения: его организация, «самая сильная в России», не приглашена на Съезд. — Это ЦИК вас не пригласил! кричат ему со всех сторон. — Да будет известно: первоначальное решение Викжеля о поддержке Съезда советов отменено! Оратор спешит огласить уже разосланный телеграфно по всей стране ультиматум: Викжель осуждает захват власти одной партией: правительство должно быть ответственно перед «всей революционной демократией»; впредь до возникновения демократической власти на железнодорожной сети распоряжается только Викжель. Оратор присовокупляет, что контр-революционные войска к Петрограду пропускаться не будут; вообще же передвижение войск будет отныне совершаться только по распоряжению ЦИК'а старого состава. В случае репрессий по отношению к железнодорожникам Викжель лишит Петроград продовольствия!

Съезд встрепенулся под ударом. Заправилы железнодорожного союза пытаются разговаривать с

представительством народа, как держава с державой. Когда рабочие, солдаты и крестьяне берут в свои руки управление государством, Викжель хочет командовать рабочими, солдатами и крестьянами. Ниспровергнутую систему двоевластия он пытается разменять на мелкую монету. Пытаясь опереться не на свою численность, а на исключительное значение железных дорог в экономике и культуре страны, демократы Викжеля разоблачают всю шаткость критериев формальной демократии в основных вопросах социальной борьбы. Поистине революция не скупа на гениальные поученья!

Момент для удара выбран соглашателями во всяком случае не плохо. Лица президиума озабочены. К счастью, Викжель вовсе не безусловный хозяин на путях сообщения. На местах железнодорожники входят в состав городских советов. Уже здесь, на Съезде, ультиматум Викжеля вызывает отпор. «Вся железнодорожная масса нашего района — говорит делегат Ташкента — высказывается за передачу власти советам». Другой представитель железнодорожных рабочих называет Викжель «политическим трупом». Это, пожалуй, преувеличение. Опираясь на довольно многочисленный верхний слой железнодорожных служащих, Викжель сохранил больше жизненных сил, чем другие верхушечные организации соглашателей. Но он принадлежит, несомненно, к тому же типу, что армейские комитеты или ЦИК. Его орбита быстро катится вниз. Рабочие везде отделяются от служащих. Низшие служащие противопоставляют себя высшим. Дерзкий ультиматум Викжеля неминуемо ускорит эти процессы. Нет, не начальникам станций задержать поезд Октябрьскй революции!

«Никаких разговоров о неправомочности Съезда быть не может, — авторитетно заявляет Каменев. — Кворум Съезда установлен не нами, а старым ЦИК'ом... Съезд является верховным органом рабочих и солдатских масс». Простой переход к порядку дня!

Совет народных комиссаров утвержден подавляющим большинством. Резолюция Авилова собрала, по

чрезмерно щедрой оценке Суханова, голосов полтораста, главным образом, левых эсеров. Съезд единодушно утверждает затем состав нового ЦИК'а: из 101 члена — 62 большевика, 29 левых эсеров. ЦИК должен в дальнейшем пополниться представителями крестьянских советов и переизбранных армейских организаций. Фракциям, покинувшим Съезд, предоставлено послать в ЦИК своих делегатов на основе пропорционального представительства.

Повестка Съезда исчерпана. Советская власть создана. У нее есть программа. Можно приступать къ работе, в которой недостатка нет. В 5 час. 15 минут утра Каменев закрывает учредительный съезд советского режима. На вокзалы! По домам! На фронт, по заводам и казармам, в шахты и далекие деревни! В декретах Съезда делегаты повезут дрожжи пролетарского переворота во все концы страны.

В это утро центральный орган большевстской партии, снова принявший старое имя «Правда», писал: «Они хотят, чтобы мы одни взяли власть, чтобы мы одни справились со страшными затруднениями, ставшими перед страной... Что ж, мы берем власть одни, опираясь на голос страны и в расчете на дружную помощь европейского пролетариата. Но, взяв власть, мы применим к врагам революции и к ее саботерам железную рукавицу. Они грезили о диктатуре Корнилова... Мы им дадим диктатуру пролетариата»...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В развитии русской революции, именно потому что это подлинно народная революция, приведшая в движение десятки миллионов, наблюдается замечательная последовательность этапов. События сменяют друг друга, как бы повинуясь законам тяжести. Соотношение сил проверяется на каждом этапе двояко: сперва показывают могущество своего натиска массы; затем имущие классы, пытаясь взять реванш, тем ярче обнаруживают свою изолированность.

В феврале рабочие и солдаты Петрограда поднялись на восстание — не только вопреки патриотической воле всех образованных классов, но и наперекор расчетам революционных организаций. Массы показали, что они непреодолимы. Еслиб они сами сознавали это, они стали бы властью. Но во главе их еще не было сильной и авторитетной революционной партии. Власть попала в руки мелкобуржуазной демократии, окрашенной в покровительственные социалистические тона. Меньшевики и эсеры неспособны были сделать из доверия масс иное употребление, как призвать к рулю либеральную буржуазию, которая, в свою очередь, не могла не поставить подкинутую ей соглашателями власть на службу интересам Антанты.

В апрельские дни возмущенные полки и заводы — снова без призыва какой-либо партии — выходят на улицы Петрограда, чтоб дать отпор империалистской

политике правительства, навязанного им соглашателями. Вооруженная демонстрация достигает видимости успеха. Милюков, глава русского империализма, отстранен от власти. Соглашатели вступают в правительство, по внешности, как уполномоченные народа, на деле — как приказчики буржуазии.

Не разрешив ни одной из задач, вызвавших революцию, коалиционное правительство нарушает в июне установившееся фактически перемирие на фронте, бросив войска в наступление. Этим актом февральский режим, характеризующийся и без того убывающим доверием масс к соглашателям, наносит себе фатальный удар. Открывается полоса непосредственной подготовки второй революции.

В начале июля правительство, имея за собой все имущие и образованные классы, преследовало любое революционное проявление, как измену родине и помощь врагу. Официальные массовые организации — советы, социал-патриотические партии, — боролись против выступления из последних сил. Большевики, по тактическим соображениям, удерживали рабочих и солдат от выхода на улицу. Тем не менее массы выступили. Движение оказалось неудержимым и всеобщим. Правительства не видно было. Соглашатели попрятались. Рабочие и солдаты оказались в столице хозяевами положения. Наступление разбилось, однако, о недостаточную подготовленность провинции и фронта.

В конце августа все органы и учреждения имущих классов стояли за контр-революционный переворот: дипломатия Антанты, банки, союзы землевладельцев и промышленников, кадетская партия, штабы, офицерство, большая пресса. Организатором переворота выступал ни кто другой, как Верховный главнокомандующий, опирающийся на командный аппарат многомиллионной армии. Специально отобранные со всех фронтов воинские части перебрасывались, по секретному соглашению с главой Правительства, на Петроград под прикрытием стратегических соображений.

В столице все, казалось, подготовлено для успеха предприятия: рабочие разоружены властями при содействии соглашателей; большевики не выходят из-под ударов; наиболее революционные полки выведены из города; сотни специально отобранных офицеров сосредоточены в ударный кулак: с юнкерскими училищами и казацкими частями они должны составить внушительную силу. И что же? Заговор, которому покровительствовали, казалось, сами боги, едва наткнувшись на революционный народ, немедленно рассыпался прахом.

Эти два движения, в начале июля и в конце августа, относились друг к другу, как прямая теорема и обратная. Июльские дни показали могущество самопроизвольного движения масс. Августовские дни обнажили полное бессилие правящих. Это соотношение знаменовало неизбежность нового столкновения. Провинция и фронт тем временем теснее примкнули к столице. Это предопределяло октябрьскую победу.

«Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть последнее коалиционное правительство Керенского, — писал кадет Набоков, — обнаружила его внутреннее бессилие. Степень этого бессилия изумила тогда даже хорошо осведомленных людей». Сам Набоков как бы не догадывается, что дело шло о его собственном бессилии, о бессилии его класса, его общественного строя.

Как от июльской вооруженной демонстрации кривая восходит к октябрьскому восстанию, так движение Корнилова кажется репетицией контр-революционного похода, предпринятого Керенским в последние дни октября. Единственной военной силой, которую бежавший, под прикрытием американского флажка, демократический Верховный главнокомандующий нашел на фронте против большевиков, оказался тот же самый III конный корпус, который за два месяца до того предназначался Корниловым для низвержения самого Керенского. Во главе корпуса все еще стоял казачий генерал Краснов, боевой монархист, поста-

вленный на эту должность Корниловым: более подходящего для защиты демократии военачальника так и не нашлось.

От корпуса оставалось, впрочем, уже одно имя: он свелся к нескольким казачьим сотням, которые после неудачной попытки наступления на красных под Петроградом, побратались с революционными матросами и выдали Краснова большевикам. Керенский оказался вынужден бежать — от казаков и от матросов. Так через восемь месяцев после низвержения монархии во главе страны стали рабочие. И стали твердо.

«Кто же поверит, — с возмущением писал по этому поводу один из русских генералов, Залесский, — чтобы дворник или сторож здания суда сделался бы вдруг председателем съезда мировых судей? Или больничный служитель — заведующим лазаретом; цирульник — большим чиновником; вчерашний прапорщик — главнокомандующим; вчерашний лакей или чернорабочий — градоначальником; вчерашний смазчик вагонов — начальником участка или начальником станции; вчерашний слесарь — начальником мастерской».

«Кто же поверит?» Пришлось поверить. Нельзя было не поверить, когда прапорщики разбили генералов; градоначальник из чернорабочих смирил сопротивление вчерашних господ; смазчики вагонов наладили транспорт; слесаря, в качестве директоров, подняли промышленность.

Важнейшая задача политического режима, согласно известному английскому афоризму, состоит в том, чтобы ставить надлежащих людей на надлежащее место. Как выглядит под этим углом зрения опыт 1917 года? В первые два месяца Россией повелевал еще, по праву наследственной монархии, обделенный природой человек, веривший в мощи и подчинявшийся Распутину. В течение дальнейших восьми месяцев либералы и демократы пытались со своих правительственных высот доказать народу, что революции совершаются

для того, чтоб все осталось по старому. Не мудрено, если эти люди прошли над страною, как зыбкие тени, не оставив следа. С 25 октября во главе России стал Ленин, самая большая фигура русской политической истории. Его окружал штаб сотрудников, которые, по признанию злейших врагов, знали, чего хотели, и умели бороться за свои цели. Какая же из трех систем оказалась в данных конкретных условиях способной выдвинуть надлежащих людей на надлежащие места?

Историческое восхождение человечества, взятое в целом, можно резюмировать, как цепь побед сознания над слепыми силами — в природе, в обществе, в самом человеке. Критическая и творческая мысль наибольшими успехами могла похвалиться доныне в борьбе с природой. Физико-химические науки подошли уже к тому пункту, когда человек явно готовится стать хозяином материи. Но общественные отношения по прежнему складываются на подобие коралловых островов. Парламентаризм осветил только поверхность общества, да и то достаточно искусственным светом. По сравнению с монархией и другими наследиями антропофагии и пещерной дикости, демократия представляет, конечно, большое завоевание. Но она оставляет нетронутой слепую игру сил в социальных взаимоотношениях людей. Именно на эту наиболее глубокую область бессознательного впервые поднял руку октябрьский переворот. Советская система хочет внести цель и план в самый фундамент общества, где до сих пор царили только накопленные последствия.

Противники злорадствуют по поводу того, что страна советов через полтора десятилетия после переворота очень мало еще походит на царство всеобщего благополучия. Такой довод мог бы быть продиктован только чрезмерным преклонением пред магической силой социалистических методов, еслиб на самом деле он не объяснялся ослеплением враждебности. Капитализму понадобились столетия, чтоб, подняв науку и технику, ввергнуть человечество в ад войны и кризиса. Социализму противники отпускают лишь полтора де-

сятилетия на то, чтоб построить и обставить земной рай. Таких обязательств мы на себя не брали. Таких сроков никогда не назначали. Процессы великих преобразований надо мерять адэкватными им масштабами.

Но бедствия, обрушивающиеся на живых людей? Но огонь и кровь гражданской войны? Оправдывают ли вообще последствия революции вызываемые ею жертвы? Вопрос телеологичен и потому бесплоден. С таким же правом можно, пред лицом трудностей и горестей личного существования, спросить: стоит ли вообще родиться на свет? Меланхолические размышления не мешали, однако, до сих пор людям ни рождать, ни рождаться. Даже в эпоху нынешних невыносимых бедствий к самоубийству прибегает все же лишь небольшой процент населения нашей планеты. Народы же ищут выхода из невыносимых тягот в революции.

Не замечательно ли, что о жертвах социальных переворотов с наибольшим возмущением говорят чаще всего те, которые, если и не являлись непосредственными виновниками жертв мировой войны, то подготовляли и прославляли их или, по крайней мере, мирились с ними. Наша очередь спросить: оправдала ли себя война? что дала? чему научила?

Вряд ли стоит теперь останавливаться на утверждениях обиженных русских собственников, будто революция привела к культурному снижению страны. Опрокинутая октябрьским переворотом дворянская культура представляла собою, в конце концов, лишь поверхностное подражание более высоким западным образцам. Оставаясь недоступной русскому народу, она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества.

Октябрьская революция заложила основы новой культуры, рассчитанной на всех, и именно поэтому сразу получила международное значение. Даже если бы, силою неблагоприятных обстоятельств и вражеских ударов, советский режим — допустим на минуту — оказался временно опрокинут, неизгладимая печать

октябрьского переворота все равно осталась бы на всем дальнейшем развитии человечества.

Язык цивилизованных наций ярко отметил две эпохи в развитии России. Если дворянская культура внесла в мировой обиход такие варваризмы, как *царь, погром и нагайка,* то Октябрь интернационализировал такие слова, как *большевик, совет* и *пятилетка.* Это одно оправдывает пролетарскую революцию, если вообще считать, что она нуждается в оправдании.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Помимо исторической справки о теории перманентной революции, мы переносим в это Приложение две самостоятельные главы: «Легенды бюрократии» и «Социализм в отдельной стране?» Глава о «легендах» посвящена критическому восстановлению ряда фактов и эпизодов октябрьского переворота, искаженных эпигонской историографией. Одна из побочных целей этой главы состоит в том, чтоб не позволить ленивым умам, вместо проработки фактического материала, успокоиться на дешевом априорном выводе: «истина, наверное, где-нибудь посредине».

Глава «Социализм в отдельной стране?» посвящена важнейшему вопросу идеологии и программы большевистской партии. Исторически освещенный нами вопрос не только сохраняет сегодня весь свой теоретический интерес, но приобрел в последние годы первостепенное практическое значение.

Мы выделили две указанные главы из общего текста, интегральной частью которого они являются только для того, чтобы облегчить читателя, не склонного заниматься спорными вопросами второго плана или сложными теоретическими проблемами. Если, однако, десятая, даже сотая часть читателей этой книги даст себе труд внимательно прочитать настоящее Приложение, автор будет считать себя вполне вознагражденным за произведенную им большую работу: через людей вдумчивых, трудолюбивых и критических истина пролагает себе в конце концов дорогу в более широкие круги.

ЛЕГЕНДЫ БЮРОКРАТИИ

Развитую в этой книге концепцию октябрьского переворота автор неоднократно излагал, правда, лишь в общих чертах, уже в первые годы советского режима. Чтоб ярче оттенить свою мысль, он сообщал ей иногда количественное выражение: задача переворота, писал он, была «на $^3/_4$, если не на $^9/_{10}$» разрешена уже до 25 октября, методом «тихого», или «сухого» восстания. Если не придавать цифрам большего значения, чем то, на которое они могут в данном случае претендовать, то самая мысль остается совершенно бесспорной. Но с того времени, как началась переоценка ценностей, наша концепция подверглась и в этой своей части ожесточенной критике.

«... Если 9 октября на $^9/_{10}$ «победоносное» восстание было уже совершившимся фактом, — писал Каменев, — то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10 октября в горячих спорах решал, итти ли на восстание или нет, и если итти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16 октября... и еще и еще судили о шансах восстания?... Да ведь, оказывается, оно уже было устроено 9 октября «тихо» и «легально», и настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали». Этот внешне столь эффектный довод, канонизированный в литературе эпигонства и политически переживший

своего автора, является, на самом деле, подкупающим нагромождением ошибок.

9 октября восстание никоим образом еще не могло быть «на 9/10» совершившимся фактом, ибо в этот день вопрос о выводе гарнизона был только поставлен в Совете, и нельзя было знать, какое развитие он получит в дальнейшем. Именно поэтому на следующий день, 10-го, настаивая на важности вопроса о выводе войск, Троцкий не имел еще достаточных оснований требовать, чтоб конфликт гарнизона с командованием был положен в основу всего плана. Только в течение двух недель упорной повседневной работы главная задача восстания — прочное завоевание на сторону народа правительственных войск — оказалась «на 3/4, если не на 9/10» разрешенной. Этого не было не только 10-го, но еще и 16 октября, когда ЦК вторично обсуждал вопрос о восстании, и когда Крыленко уже с полной определенностью ставил во главу угла вопрос о гарнизоне.

Но если бы даже переворот уже 9-го победил на 9/10, как ошибочно излагает нашу мысль Каменев, определить это с уверенностью можно было бы все равно не путем догадок, а путем действия, то-есть через восстание: «умственные способности» членов ЦК и в этом, чисто гипотетическом случае нисколько не компрометируются их участием в страстных прениях 10 и 16 октября. Однако, еслиб даже члены ЦК могли уже 10-го, в порядке априорных оценок, незыблемо установить, что победа действительно одержана на 9/10, оставалось бы еще доделать последнюю десятую; а это требовало бы такого же внимания, как если бы дело шло о десяти десятых. Сколько история показывает «почти выигранных сражений и восстаний, которые привели к поражениям только потому, что не были своевременно доведены до полного разгрома противника! Наконец, — Каменев умудряется забыть и об этом, — район деятельности Военно-революционного комитета ограничивался Петроградом. Как ни велико значение столицы, но, кроме нее, существует

все же еще страна. И с этой стороны у ЦК были достаточные основания тщательно взвешивать шансы восстания не только 10-го и 16-го, но и 26-го, т. е. после победы в Петрограде.

В разобранном рассуждении Каменев берет под защиту Ленина, — все эпигоны защищают себя под этим внушительным псевдонимом: как мог, де, Ленин так страстно бороться за восстание, если оно на 9/10 было уже совершено! Но сам Ленин писал в начале октября: «Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания»... Другими словами, Ленин допускал, что «тихий» переворот произошел уже до 9-го октября, при том не на девять, а на десять десятых. Однако, он понимал, что эту оптимистическую гипотезу нельзя проверить иначе, как действием. Поэтому в том же письме Ленин говорил: «Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас». Именно этот вопрос и обсуждался 10-го, 16-го и в другие дни.

Новейшая советская историография совершенно вычеркнула из Октябрьской революции крайне важную и поучительную главу о разногласиях Ленина с ЦК, как в том основном и принципиальном, где Ленин был прав, так и в тех частных, но крайне важных вопросах, где правота была на стороне ЦК: согласно новой доктрине ни ЦК, ни Ленин не могли ошибаться, следовательно, между ними не могло быть и конфликтов. В тех случаях, когда расхождения отрицать невозможно, их, в порядке общего предписания, переносят на Троцкого.

Факты говорят, однако, другое. Ленин настаивал на поднятии восстания в дни Демократического совещания: ни один из членов ЦК не поддержал его. Неделю спустя Ленин предлагал Смилге организовать штаб восстания в Финляндии и оттуда нанести удар по Правительству силами моряков. Еще через десять дней он настаивал на том, чтоб Северный съезд стал исходным моментом восстания. На Съезде никто не поддержал этого предложения. Ленин счи-

тал в конце сентября оттягивание восстания на три недели, до Съезда советов, гибельным. Между тем восстание, отложенное до кануна Съезда, закончилось во время его заседаний. Ленин предлагал начать борьбу в Москве, предполагая, что там дело разрешится без боя. На самом деле восстание в Москве, неемотря на предшествовавшую победу в Петрограде, длилось восемь дней и стоило многих жертв.

Ленин не был автоматом непогрешимых решений. Он был «только» гениальным человеком, и ничто человеческое не было ему чуждо, в том числе и свойство ошибаться. Ленин говорил об отношении эпигонов к великим революционерам: «После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени»... чтобы тем безопаснее изменять им на деле. Эпигоны требуют признания непогрешимости Ленина, чтоб тем легче распространить этот догмат на себя. *)

То, что характеризовало Ленина в политике, это сочетание смелых перспектив с тщательной оценкой мелких фактов и симптомов. Изолированность Ленина не мешала ему с несравненной глубиной определять основные этапы и повороты движения, но отнимала у него возможность своевременно оценивать эпизодические факторы и конъюнктурные изменения. Политическая обстановка была, в общем, настолько благоприятна для восстания, что допускала возможность победы при разных варьянтах. Если бы Ленин находился в Петрограде и провел в начале октября решение о немедленном восстании, безотносительно к Съезду советов, он политически обставил бы, несомненно, проведение собственного плана таким образом, чтоб свести к минимуму его невыгоды. Но, по меньшей мере, столь же вероятно, что он сам остановился бы в том случае на том плане, который был проведен на деле.

---

*) См. стр. 414.

Оценка роли Ленина в общей стратегии переворота дана нами в особой главе. Чтоб уточнить нашу мысль относительно тактических предложений Ленина, прибавим: без нажимов со стороны Ленина, без его настояний, предложений, варьянтов, переход на путь восстания совершился бы с неизмеримо большими затруднениями; еслиб Ленин был в критические недели в Смольном, общее руководство восстанием, притом не только в Петрограде, но и в Москве, стояло бы на значительно большей высоте; но Ленин в «эмиграции» не мог заменить Ленина в Смольном.

Острее всего недостаточность своей тактической ориентировки чувствовал сам Ленин. 24 сентября он пишет в «Рабочем Пути»: «Заведомо идет нарастание новой революции, — мы очень мало знаем, к сожалению, о широте и быстроте этого нарастания». Эти слова представляют и упрек по адресу партийного руководства, и жалобу на собственную неосведомленность. Напоминая в своих письмах важнейшие правила восстания, Ленин не забывает прибавить: «Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации». 8 октября Ленин пишет Северному областному съезду советов: «Я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера... состоится вскоре, но еще не состоялось». Свою полемику против Зиновьева и Каменева Ленин начинает словами: «Публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются на свет». Здесь снова жалоба на свою изолированность рядом с упреком по адресу редакции, задерживавшей печатание слишком острых статей Ленина или выбрасывавшей из них наиболее колючие места. За неделю до переворота Ленин пишет в конспиративном письме членам партии: «Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я *издалека* не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбре-

херскими выступлениями (Зиновьева и Каменева) в непартийной печати». Слово «издалека» подчеркнуто самим Лениным.

Как же объясняет эпигонская школа несоответствия между тактическими предложениями Ленина и действительным ходом восстания в Петрограде? Она либо придает конфликтам анонимный и бесформенный характер; либо проходит мимо разногласий, объявляя их незаслуживающими внимания; либо пытается опровергнуть несокрушимо установленные факты; либо подставляет имя Троцкого там, где у Ленина идет речь о ЦК в целом или о противниках восстания внутри ЦК; либо, наконец, комбинирует все эти приемы, не заботясь об их согласовании.

«Образцом (большевистской) стратегии, — пишет Сталин, — можно считать проведение Октябрьского восстания. Нарушение этого условия (правильного выбора момента) ведет к опасной ошибке, называемой «потерей темпа», когда партия отстает от хода движения или забегает вперед, создавая опасность провала. Примером такой «потери темпа», примером того, как не следует выбирать момент восстания, нужно считать попытку одной части товарищей начать восстание с ареста Демократического совещания в августе 1917 г.». Под именем «одной части товарищей» фигурирует в этих строках Ленин. Никто, кроме него, не предлагал начать восстание с ареста Демократического совещания и никто не поддержал этого предложения. Тактический план Ленина Сталин рекомендует в качестве «примера того, как не следует выбирать момент восстания». Анонимная форма изложения позволяет Сталину в то же время начисто отрицать разногласия между Лениным и ЦК.

Еще проще выходит из затруднений Ярославский. «Дело не в частностях, конечно, — пишет он, — дело не в том, началось ли восстание в Москве или в Петрограде», — дело в том, что весь ход событий показал «правильность ленинской линии, правильность линии нашей партии». Находчивый историк чрезвычайно

упрощает свою задачу. Что Октябрь дал проверку стратегии Ленина и показал, в частности, какое значение имела его апрельская победа над руководящим слоем «старых большевиков» — это бесспорно. Но если дело вообще не в том, где начинать, когда начинать и как начинать, то не только от эпизодических разногласий с Лениным, но и от тактики вообще не остается ничего.

В книге Джона Рида есть рассказ о том, будто 21 октября вожди большевиков имели «второе историческое заседание», на котором, как передавали Риду, Ленин говорил: «24 октября слишком рано действовать: для восстанья нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26-го будет слишком поздно действовать... Мы должны действовать 25-го — в день открытия Съезда»... Рид был исключительно чуткий наблюдатель, сумевший перенести на страницы своей книги чувства и страсти решающих дней революции. Именно поэтому Ленин пожелал в свое время несравненной хронике Рида распространения в миллионах экземпляров во всех странах света. Но работа в огне событий, записи в коридоре, на улицах, у костров, схваченные на лету беседы и обрывки фраз, при необходимости пользоваться переводчиками, все это делало неизбежными частные ошибки. Рассказ о заседании 21 октября представляет одну из наиболее явных ошибок в книге Рида. Рассуждение о необходимости «всероссийской советской основы» для восстания никак не могло принадлежать Ленину, ибо он не раз называл погоню за такой основой не более и не менее, как «полным идиотизмом и полной изменой». Ленин не мог говорить, что восставать 24-го слишком рано, ибо уже с конца сентября он считал недопустимым откладывать восстание ни на один лишний день: запоздать оно может, но «преждевременного в этом отношении быть теперь не может». Однако, и помимо этих политических соображений, решающих сами по себе, сообщение Рида опровергается

тем простым фактом, что 21-го никакого «второго исторического совещания» не было: такое совещание не могло бы не оставить после себя следов в документах и памяти участников. Было всего два совещания с участием Ленина: 10-го и 16-го. Рид не мог этого знать. Но опубликованные после того документы не оставляют никакого места для «исторического заседания» 21 октября. Эпигонская историография не задумалась, однако, включить явно ошибочное показание Рида во все официальные издания: этим достигается внешнее, календарное совпадение директив Ленина с действительным ходом событий. Правда, официальные историографы заставляют при этом Ленина вступать в непонятные и необъяснимые противоречия с самим собою. Но ведь по существу дело и не идет вовсе о Ленине: эпигоны превратили Ленина попросту в свой исторический псевдоним и бесцеремонно пользуются им для подтверждения своей непогрешимости задним числом.

Официальные историки идут и дальше по пути подгонки фактов под маршруты. Так, Ярославский пишет в своей «Истории партии»: «На заседании Центрального комитета 24 октября, последнем заседании перед восстанием, присутствовал Ленин». Официально изданные протоколы, дающие точный перечень участников, свидетельствуют, что Ленин отсутствовал. «Ленину и Каменеву было поручено вести переговоры с левыми эсерами», пишет Ярославский. Протоколы говорят, что это поручение было дано Каменеву и Берзину. Но и без протоколов должно было бы быть ясно, что второстепенного «дипломатического» поручения ЦК на Ленина не стал бы возлагать. Решающее заседание ЦК происходило утром. Ленин прибыл в Смольный только ночью. Член петроградского Комитета Свешников рассказывает, как Ленин «вечером (24-го) куда-то ушел, оставив в комнате записку, что ушел тогда-то. Узнав об этом, мы в душе испугались за Ильича»... В районе уже

«поздно вечером» стало известно, что Ленин отправился в Военно-революционный комитет.

Удивительнее всего, однако, то, что Ярославский прошел мимо первостепенного политического и человеческого документа: письма к руководителям районов, написанного Лениным в часы, когда открытое восстание уже в сущности началось. «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го... Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.»... Ленин в такой мере опасается нерешительности ЦК, что пытается в самый последний момент организовать давление на него снизу. «Надо, — пишет он, — чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом, — решать дело сегодня непременно вечером или ночью». Когда Ленин писал эти строки, полки и районы, которые он призывал мобилизоваться для давления на Военно-революционный комитет, были уже мобилизованы Военно-революционным комитетом для захвата города и низвержения правительства. Из письма, каждая строка которого трепещет тревогой и страстью, видно, во всяком случае, что Ленин не мог ни предлагать 21-го отложить восстание до 25-го, ни участвовать в утреннем заседании 24-го, где решено было немедленно перейти в наступление.

В письме есть, все же, элемент загадки: каким образом Ленин, укрывавшийся в Выборгском районе, не знал до самого вечера о решении столь исключительной важности? Из рассказа того же Свешникова, как и из других источников, видно, что связь с Ле-

ниным поддерживалась в этот день через Сталина. Остается предположить, что, не явившись на утреннее заседание ЦК, Сталин так и не узнал до вечера о вынесенном решении.

Непосредственным толчком к тревоге Ленина могли послужить сознательно и настойчиво распространявшиеся в этот день из Смольного слухи, что до решения Съезда советов никаких решительных шагов предпринято не будет. Вечером этого дня на экстренном заседании петроградского Совета Троцкий говорил в докладе о деятельности Военно-революционного комитета: «Вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского Съезда советов. Мы считаем, что Съезд проведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить, — 24, 48 или 72 часа, — и выступит против нас, то мы ответим контр-наступлением, ударом на удар, сталью на железо». Таков был лейтмотив всего дня. Оборонительные заявления имели задачей в последний момент перед ударом усыпить и без того не очень активную бдительность противника. Именно этот маневр дал, по всей вероятности, Дану основание заверять Керенского в ночь на 25-ое, что большевики вовсе и не собираются сейчас восставать. Но, с другой стороны, и Ленин, если одно из этих успокоительных заявлений Смольного успело дойти до него, мог, в своем состоянии напряженной недоверчивости, принять военную уловку за чистую монету.

Хитрость входит в искусство войны необходимым элементом. Плоха, однако, та хитрость, которая может попутно обмануть свой собственный лагерь. Еслиб дело шло об огульном призыве масс на улицы, слова насчет «ближайших 72 часов» могли бы оказать пагубное действие. Но 24-го переворот уже не нуждался в революционных призывах без адреса. Вооруженные отряды, предназначенные для захвата важнейших пунктов столицы, находились наготове и ждали от

своих командиров, связанных телефонными проводами с ближайшим революционным штабом, сигнала к выступлению. В этих условиях обоюдоострая военная хитрость революционного штаба была вполне на своем месте.

В тех случаях, где официальные исследователи наталкиваются на неприятный документ, они меняют на нем адрес. Так, Яковлев пишет: «Большевики не поддались «конституционными иллюзиям», отказавшись от предложения Троцкого приурочить восстание обязательно ко 2-му Съезду советов и взяли власть до открытия Съезда советов». О каком предложении Троцкого здесь идет речь, где и когда оно обсуждалось, какие большевики отклонили его, автор не указывает, и не случайно: тщетно стали бы мы искать в протоколах или чьих-либо воспоминаниях указаний на предложение Троцкого «приурочить восстание обязательно ко второму Съезду советов». В основе утверждения Яковлева лежит слегка стилизованное недоразумение, давно разъясненное никем иным, как Лениным.

Как видно из давно опубликованных воспоминаний, Троцкий, с конца сентября, не раз указывал противникам восстания, что назначение срока Съезда советов равносильно для большевиков назначению восстания. Это не значило, разумеется, что переворот должен произойти не иначе, как по решению Съезда советов, — о таком ребяческом формализме не могло быть и речи. Дело шло о предельном сроке: нельзя было откладывать восстание на неопределенное время после Съезда. Через кого и в каком виде эти споры в ЦК дошли до Ленина, из документов не видно. Свидания с Троцким, который был слишком на виду у врагов, представляли для Ленина слишком большую опасность. В своей тогдашней настороженности Ленин мог опасаться, что Троцкий ставит ударение на Съезде, а не на восстании, и во всяком случае не дает «конституционным иллюзиям» Зиновьева и Каменева необходимого отпора. Могли Ленина беспокоить также и

мало знакомые ему новые члены ЦК, бывшие межрайонцы (или объединенцы), Иоффе и Урицкий. На это есть прямое указание в речи Ленина уже после победы, на заседании петроградского Комитета 1 ноября. «Был поднят вопрос на заседании (10 октября) о выступлении. Боялся оппортунизма со стороны интернационалистов-объединенцев, но это рассеялось; в нашей же партии (некоторые старые) члены (ЦК) не согласились. Это меня крайне огорчило». 10-го Ленин, по собственным словам, убедился, что не только Троцкий, но и находившиеся под его непосредственным влиянием Иоффе и Урицкий решительно стоят за восстание. Вопрос о сроках вообще ставился впервые на этом заседании. Когда же и кем отвергнуто было «предложение Троцкого» не начинать восстания без предварительного решения Съезда советов? Как бы специально для того, чтоб еще более увеличить радиус путаницы, официальные справочники, как мы уже знаем, приписывают точно такое же предложение и Ленину, со ссылкой на апокрифическое решение 21 октября.

Здесь в спор вторгается Сталин с новой версией, которая опрокидывает Яковлева, но вместе с ним и многое другое. Оказывается, отложение восстания до дня Съезда, т. е. до 25-го, само по себе не вызывало возражений Ленина; но дело было испорчено опубликованием заранее срока восстания. Предоставим, однако, слово самому Сталину: «Ошибка петроградского Совета, открыто назначившего и распубликовавшего день восстания (25 октября), не могла быть исправлена иначе, как фактическим восстанием до этого легального срока восстания». Это утверждение обезоруживает своей несостоятельностью. Как будто в спорах с Лениным дело шло о выборе между 24 и 25 октября! На самом деле Ленин почти за месяц до восстания писал: «Ждать Съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить недели, а недели и даже дни решают теперь все». Где и когда, с другой стороны, Совет распубликовывал срок восстания?

Трудно даже придумать мотивы, по которым он мог бы совершить подобную бессмыслицу. В действительности на 25-ое было заранее и гласно назначено не восстание, а открытие Съезда советов; сделано это было не петроградским Советом, а соглашательским ЦИК'ом. Из этого факта, а не из мнимой неосторожности Совета, вытекали для противника известные выводы: большевики, если не хотят сойти со сцены, должны будут попытаться захватить к моменту Съезда власть. «По логике вещей, — писали мы впоследствии, — выходило, что мы назначили восстание на 25 октября. Так именно понимала дело вся буржуазная печать». Смутные воспоминания о «логике вещей» превратились у Сталина в «неосторожное» распубликование дня восстания. Так пишется история!

Во вторую годовщину переворота автор этой книги, ссылаясь, в разъясненном только что смысле, на то, что «Октябрьское восстание было, так сказать, заранее назначено на определенное число, на 25 октября», и завершилось в этот именно день, присовокуплял: тщетно стали бы мы в истории искать другой пример восстания, которое ходом вещей заранее было бы приурочено к определенному сроку. Это утверждение было ошибочным: восстание 10 августа 1792 года тоже оказалось, примерно за неделю, назначено на определенное число, и тоже не по неосторожности, а по логике вещей.

3 августа Законодательное собрание постановило, что петиции парижских секций, требующие низложение короля, будут обсуждаться 9-го числа. «Назначив таким образом день прений, — пишет Жорес, подметивший многое, что ускользало от старых историков, — оно тем самым назначило и день восстания». Руководитель секций Дантон занимал оборонительную позицию: «Если вспыхнет новая революция, — заявлял он настойчиво, — то она... явится ответом на вероломство власти». Перенесение секциями вопроса на рассмотрение Законодательного собрания вовсе не было «конституционной иллюзией»: оно было лишь

методом подготовки восстания и вместе его легальным прикрытием. Для поддержания своих петиций секции, как известно, поднялись по набату с оружием в руках.

Черта сходства двух переворотов, отделенных один от другого промежутком в 125 лет, представляется отнюдь не случайной. Оба восстания разыгрываются не в начале революции, а на втором ее этапе, что делает их политически гораздо более сознательными и умышленными. В обоих случаях революционный кризис достигает высокой зрелости. Массы отдают себе заранее отчет в неотвратимости и близости переворота. Потребность в единстве действий заставляет их сосредоточить свое внимание на определенной «легальной» дате, как на фокусе надвигающихся событий. Этой логике движения масс подчиняется руководство. Уже господствуя над политической обстановкой, уже почти наложив руку на победу, оно занимает по внешности оборонительную позицию. Провоцируя ослабленного противника, оно заранее возлагает на него ответственность за близящееся столкновение. Так происходит восстание в «заранее назначенный срок».

Поражающие своей несообразностью утверждения Сталина — некоторые из них приведены в предшествующих главах — показывают, как мало он продумывал события 1917 года в их внутренней связи, и какой суммарный след они оставили в его памяти. Как объяснить это? Известно, что люди делают историю, не зная ее законов, как они переваривают пищу, не имея понятия о физиологии пищеварения. Но, казалось бы, это не может относиться к руководящим политикам, да еще вождям партии, опирающейся на научно-обоснованную программу. А между тем факт таков, что многие революционеры, принимавшие участие в революции на видных постах, уже через очень короткое время обнаруживают неспособность разобраться во внутреннем смысле того, что происходило при их прямом участии. Чрезвычайно обильная литература эпигонства порождает впечатление, будто грандиозные события прокатились по человеческим

мозгам и отдавили их, как чугунный каток отдавливает руки и ноги. До некоторой степени так оно и есть: чрезмерное психическое напряжение быстро расходует людей. Гораздо важнее, однако, другое обстоятельство: победоносная революция радикально изменяет положение вчерашних революционеров, усыпляет их научную пытливость, примиряет с шаблонами и побуждает оценивать вчерашний день под влиянием новых интересов. Так ткань бюрократической легенды все плотнее прикрывает реальные очертания событий.

В 1924 году автор этой книги пытался в своей работе «Уроки Октября» разъяснить, почему Ленин, ведя партию к восстанию, вынужден был бороться с такой резкостью против правого крыла, представленного Зиновьевым и Каменевым. Сталин возражал на это: «Были ли тогда разногласия в нашей партии? Да, были. Но они имели исключительно деловой характер, вопреки уверениям Троцкого, пытающегося открыть «правое» и «левое» крыло партии»... «Троцкий уверяет, что, в лице Каменева и Зиновьева, мы имели в Октябре правое крыло нашей партии... Как могло случиться, что разногласия с Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней?... Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней потому, и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков». Не так же ли точно семь лет перед тем, за пять дней до восстания, Сталин обвинял Ленина в преувеличенной резкости и утверждал, что Зиновьев и Каменев стоят на общей почве «большевизма»? Через все зигзаги Сталина проходит известная преемственность, вытекающая не из продуманного миросозерцания, а из общего склада характера. Через семь лет после переворота, как и накануне восстания, он одинаково смутно представлял себе глубину разногласий в партии.

Оселком для революционного политика является вопрос о государстве. В направленном против восстания письме 11 октября Зиновьев и Каменев писали: «При правильной тактике мы можем получить треть,

а то и больше мест в Учредительном собрании... Учредительное собрание плюс советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». «Правильная тактика» означала отказ от завоевания власти пролетариатом. «Комбинированный тип» государства означал сочетание Учредительного собрания, в котором буржуазные партии составляют две трети, и советов, в которых господствует партия пролетариата. Этот тип комбинированного государства лег впоследствии в основу идеи Гильфердинга: включить советы в Веймарскую конституцию. Генерал фон-Линсинген, комендант марки Бранденбург, запретивший 7 ноября 1918 года образование советов на том основании, что «подобные учреждения противоречат существующему государственному порядку», проявил во всяком случае несравненно большую проницательность, чем австро-марксисты и германская независимая партия.

Что Учредительное собрание отходит на второй план, об этом Ленин предупреждал с апреля; однако, ни он сам ни партия в целом в течение всего 1917 года формально не отказывались от идеи демократического представительства: нельзя было с уверенностью утверждать заранее, как далеко зайдет революция. Предполагалось, что, взяв власть, советы успеют достаточно скоро завоевать армию и крестьян, так что Учредительное собрание, особенно при расширении избирательного права (Ленин предлагал, в частности, снизить возрастной ценз до 18 лет), даст большинство большевикам и лишь формально увенчает советский режим. В этом смысле Ленин говорил иногда о «комбинированном типе» государства, т. е. о приспособлении Учредительного собрания к советской диктатуре. На самом деле развитие пошло иным путем. Несмотря на настояния Ленина, ЦК не решился, после завоевания власти, отложить на несколько недель созыв Учредительного собрания, без чего нельзя было ни расширить избирательное право, ни, главное, дать крестьянам по новому определить свое

отношение к эсерам и большевикам. Учредительное собрание пришло в столкновение с советами и было распущено. Враждебные лагери, представленные в Собрании, вступили в состояние гражданской войны, длившейся годы. В системе советской диктатуры для демократического представительства не нашлось и второстепенного места. Вопрос о «комбинированном типе» оказался практически снят. Теоретически он, однако, сохранил все свое значение, как показал впоследствии опыт независимой партии в Германии.

В 1924 году, когда Сталин, повинуясь потребностям внутрипартийной борьбы, впервые попытался самостоятельно оценить опыт прошлого, он взял под защиту «комбинированное государство» Зиновьева, ссылаясь при этом — на Ленина. «Троцкий не понимает... особенности большевистской тактики, фыркая на теорию сочетания Учредительного собрания с советами, как на гильфердинговщину», писал в свойственной ему манере Сталин. «Зиновьев, которого Троцкий готов превратить в гильфердинговца, целиком и полностью разделял точку зрения Ленина». Это значит, что через семь лет после теоретических и политических боев 1917 года Сталин совершенно не понял, что у Зиновьева, как и у Гильфердинга, дело шло о согласовании и примирении власти двух классов, буржуазии — через Учредительное собрание, пролетариата — через советы; тогда как у Ленина речь шла о комбинировании учреждений, выражающих власть одного и того же класса, пролетариата. Идея Зиновьева, как тогда же разъяснил Ленин, — была противоположна самым основам марксистского учения о государстве. «При власти в руках советов... — писал Ленин 17 октября против Зиновьева и Каменева, — «комбинированный тип» все признали; но протащить теперь под словечком «комбинированный путь» отказ от передачи власти советам..., можно ли подыскать для характеристики этого парламентское выражение?» Мы видим: для оценки идеи Зиновьева, которую Сталин объявляет «особенностью больше-

вистской тактики», будто бы непонятой Троцким, Ленин затрудняется даже найти парламентское выражение, хотя чрезмерной мнительностью на этот счет он совсем не отличался. Через год с лишним Ленин писал применительно к Германии: «... Попытка совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата есть полное отречение и от марксизма, и от социализма вообще»... Да и мог ли Ленин писать иначе?

«Комбинированный тип» Зиновьева означал по существу попытку увековечения двоевластия, т. е. возрождение опыта, до конца исчерпанного меньшевиками. И если Сталин в 1924 году по прежнему стоял в этом вопросе на общей почве с Зиновьевым, то это значит, что несмотря на свое присоединение к тезисам Ленина, он все еще оставался, по крайней мере, на половину, верен той философии двоевластия, которую он сам развивал в докладе 29 марта 1917 года: «Роли поделились, Совет фактически взял почин революционных завоеваний... Временное же правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа». Взаимоотношение между буржуазией и пролетариатом определяется здесь, как простое политическое разделение труда.

В последнюю неделю перед восстанием Сталин явно маневрировал между Лениным, Троцким и Свердловым, с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым, с другой. Редакционное заявление 20-го, бравшее под защиту противников восстанья от ударов Ленина, именно у Сталина не могло быть случайным: в вопросах внутрипартийного маневрирования его мастерство является неоспоримым. Как в апреле, после приезда Ленина, Сталин осторожно выдвинул вперед Каменева, а сам молча выжидал в стороне, прежде, чем заново ангажироваться, так теперь, накануне переворота, он явно готовит себе, на случай возможной неудачи, отступление по линии Зиновьева-Каменева. Сталин доходит по этому пути до грани, за которой

открывается разрыв с большинством ЦК. Эта перспектива пугает его. На заседании 21-го Сталин восстановляет полуразрушенный мост к левому крылу ЦК, предлагая поручить Ленину подготовку тезисов по основным вопросам Съезда советов и возложить на Троцкого политический доклад. И то и другое принято единогласно. Застраховав себя слева, Сталин в последнюю минуту отходит в тень: он выжидает. Все новейшие историки, начиная с Ярославского, тщательно обходят тот факт, что Сталин не присутствовал в Смольном на заседании ЦК 24-го и не взял на себя никакой функции в организации восстания! Между тем этот факт, неоспоримо устанавливаемый документами, как нельзя лучше характеризует политическую личность Сталина и его приемы.

С 1924 года неисчислимые усилия были затрачены на то, чтоб заполнить пустое место, каким Октябрь является в политической биографии Сталина. Делалось это под двумя псевдонимами: «ЦК» и «практический центр». Мы не поймем ни механики октябрьского руководства, ни механики позднейшей эпигонской легенды, если не подойдем здесь несколько ближе к личному составу тогдашнего ЦК.

Ленин, признанный вождь, для всех авторитетный, но, как показывают факты, отнюдь не «диктатор» в партии, в течение четырех месяцев не принимал непосредственного участия в работах ЦК и по ряду тактических вопросов находился к нему в резкой оппозиции. Виднейшими руководителями в старом большевистском ядре, на очень большом расстоянии от Ленина, но и от тех, кто следовал за ними, считались Зиновьев и Каменев. Зиновьев скрывался, как и Ленин. Перед Октябрем Зиновьев и Каменев находились в решительной оппозиции к Ленину и большинству ЦК: это вывело их обоих из строя. Из старых большевиков быстро выдвигался Свердлов. Но он был тогда еще новичком в ЦК. Его талант организатора расцвел лишь позже, в годы строительства советского государства. Дзержинский, недавно прим-

кнувший к партии, выделялся своим революционным темпераментом, но не претендовал на самостоятельный политический авторитет. Бухарин, Рыков и Ногин проживали в Москве. Бухарин считался даровитым, но ненадежным теоретиком. Рыков и Ногин были противниками восстания. Ломов, Бубнов и Милютин при решении больших вопросов вряд-ли кем-либо принимались в рассчет; к тому же Ломов работал в Москве, Милютин был в разъездах. Иоффе и Урицкий были своим эмигрантским прошлым тесно связаны с Троцким и действовали в согласии с ним. Молодой Смилга работал в Финляндии. Состав и внутреннее состояние ЦК достаточно объясняют, почему партийный штаб, до возвращения Ленина к непосредственному руководству, не играл и не мог играть, хотя бы в отдаленной степени, той роли, какая ему принадлежала впоследствии. Протоколы показывают, что важнейшие вопросы: о Съезде советов, о гарнизоне, о Военно-революционном комитете не обсуждались предварительно в ЦК, не исходили из его инициативы, а возникали в Смольном, из практики Совета, чаще всего при участии Свердлова.

Сталин в Смольный вообще не показывался. Чем решительнее становится напор революционных масс, чем больший размах принимают события, тем более Сталин стушевывается, тем бледнее его политическая мысль, тем слабее его инициатива. Так было в 1905 году. Так было осенью 1917 года. То же повторялось и дальше каждый раз, когда большие исторические вопросы поднимались на мировой арене. Когда выяснилось, что опубликование протоколов ЦК за 1917 год только обнажило октябрьский пробел в биографии Сталина, бюрократическая историография создала легенду «практического центра». Разъяснение этой версии, широко популяризованной за последние годы, входит необходимым элементом в критическую историю Октябрьского переворота.

На совещании ЦК в Лесном, 16 октября, одним из доводов против форсирования восстания служило ука-

зание на то, что «мы не имеем еще даже центра». По предложению Ленина, Центральный комитет решил тут же, на летучем заседании в углу, заполнить пробел. Протокол гласит: «ЦК организует военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного советского комитета». Забытое всеми постановление было открыто в архивах впервые в 1924 году. Его стали цитировать, как важнейший исторический документ. Так, Ярославский писал: «Этот орган (а никто другой) руководил всеми организациями, принимавшими участие в восстании (революционными военными частями, Красной гвардией)». Слова «а никто другой» достаточно откровенно указывают цель всей этой конструкции задним числом. Еще откровеннее писал Сталин: «В состав практического центра, призванного руководить восстанием, странным образом не попал... Троцкий». Чтоб иметь возможность развивать эту тему, Сталин вынужден был опустить вторую половину постановления: «Этот центр входит в состав Революционного советского комитета». Если принять во внимание, что Военно-революционный комитет возглавлялся Троцким, то не трудно понять, почему ЦК ограничился назначением новых работников в помощь тем, которые и без того уже стояли в центре работы. Ни Сталин ни Ярославский не объяснили к тому же, почему о «практическом центре» впервые вспомнили в 1924 году.

Между 16-м и 20-м октября восстание, как мы видели, окончательно становится на советские рельсы. Военно-революционный комитет с первых шагов сосредоточивает в своих руках непосредственное руководство не только гарнизоном, но и Красной гвардией, которая уже с 13 октября встала в подчинение петроградского Исполнительного комитета. Для какого-либо другого руководящего центра не остается никакого места. Во всяком случае ни в протоколах ЦК ни в каких-либо иных материалах за вторую половину

октября нельзя открыть ни малейших следов деятельности столь важного, казалось бы, учреждения. Никто не дает отчета о его работах, на него не возлагают никаких поручений, самое имя его никем не произносится, хотя члены его присутствуют на заседаниях ЦК и участвуют в разрешении вопросов, которые должны были бы входить в прямую компетенцию «практического центра».

Свешников, член петроградского Комитета партии, почти непрерывно дежуривший для связи в Смольном в течение второй половины октября, должен был во всяком случае знать, где искать практических указаний по вопросам восстания. Вот, что он пишет: «Возникает Военно-революционный комитет. С его возникновением стихия революционной активности пролетариата приобретает руководящий центр». Каюров, хорошо известный нам по февральским дням, рассказывает, как Выборгский район в напряжении ждал сигнала из Смольного: «К вечеру (24-го) был ответ Военно-революционного комитета — готовить Красную гвардию к бою». Каюрову ничего не известно о каком-либо другом центре в момент перехода к открытому восстанию. Можно с таким же правом сослаться на воспоминания Садовского, Подвойского, Антонова, Мехоношина, Благонравова и других непосредственных участников переворота: ни один из них не упоминает о «практическом центре», который, по утверждению Ярославского, руководил, будто бы, всеми организациями. Наконец, сам Ярославский в своей Истории ограничивается голым сообщением о создании центра: о деятельности его он не сообщает ни слова. Вывод напрашивается сам собою: руководящий центр, о котором не знает никто из руководимых, для истории не существует.

Но можно представить и более прямые доказательства фиктивности практического центра. В заседании ЦК 20 октября Свердлов оглашает заявление Военной организации, заключавшее в себе, как видно из прений, требование привлекать руково-

дителей Военной организации при решении вопросов восстания. Иоффе предлагает отклонить эту претензию: «Все желающие работать могут войти в революционный центр при Совете». Троцкий придает предложению Иоффе смягченную формулировку: «Все наши организации могут войти в революционный центр и в нашей фракции там обсуждать все интересующие их вопросы». Вынесенное в этом виде решение показывает, что революционный центр был один, при Совете, т. е. Военно-революционный комитет. Еслиб существовал какой-либо другой центр по руководству восстанием, то кто-нибудь должен был бы, по крайней мере, вспомнить о его существовании. Но не вспомнил никто, ни даже Свердлов, имя которого стоит первым в составе «практического центра».

Еще поучительнее, если возможно, на этот счет протокол заседания 24 октября. В часы, непосредственно предшествовавшие захвату города, не только нет речи о практическом центре восстания, но само постановление о создании его настолько пришло в забвение в вихре протекших восьми дней, что, по предложению Троцкого, «в распоряжение Военно-революционного комитета» назначаются: Свердлов, Дзержинский и Бубнов, т. е. те члены ЦК, которые, по смыслу решения 16 октября, и без того должны были входить в состав Военно-революционного комитета. Самая возможность такого недоразумения объясняется тем, что едва вышедший из подполья ЦК, по организации и методам работы, еще очень мало походил на могущественную всеохватывающую канцелярию позднейших лет. Главную часть аппарата ЦК Свердлов носил в боковом кармане.

Эпизодических органов, создававшихся к концу заседания и сейчас же тонувших в забвении, в то горячее время было немало. На заседании ЦК 7 октября создано было «бюро для информации по борьбе с контр-революцией»: это было зашифрованное имя первого органа по разработке вопросов восстания. О составе его протокол гласит: «От ЦК в бюро избраны

трое: Троцкий, Свердлов, Бубнов, которым и поручено составить самое бюро». Существовал ли этот первый «практический центр» восстания? Очевидно, нет, так как он не оставил после себя никаких следов. Политическое бюро, созданное на заседании 10-го, также оказалось нежизнеспособным и решительно ничем себя не проявило: вряд-ли оно заседало хоть один раз. Чтоб петроградская организация партии, непосредственно ведшая работу в районах, не оказалась оторвана от Военно-революционного комитета, Троцкий, по инициативе Ленина, который любил систему двойной и тройной страховки, был введен на критические недели в руководящую головку петроградского Комитета. Однако, и это решение осталось только на бумаге: ни одного заседания с участием Троцкого не было. Такая же участь постигла и так называемый «практический центр». В качестве самостоятельного учреждения он не должен был существовать и по замыслу; но он не существовал и в качестве подсобного органа.

Из намеченной в состав «центра» пятерки Дзержинский и Урицкий полностью вошли в работу Военно-революционного комитета только после переворота. Свердлов играл крупнейшую роль по связи Военно-революционного комитета с партией. Сталин в работе Военно-революционного комитета не принимал никакого участия и никогда не появлялся на его заседаниях. В многочисленных документах, показаниях свидетелей и участников, как и в позднейших воспоминаниях, имя Сталина не встречается ни разу.

В официальном справочнике по истории революции октябрю месяцу посвящен самостоятельный том, группирующий по дням все фактические сведения из газет, протоколов, архивов, воспоминаний участников и прочее. Несмотря на то, что сборник издан был в 1925 году, когда ревизия прошлого шла уже полным ходом, указатель в конце книги сопровождает имя Сталина лишь одной цифрой, и когда мы открываем соответственную страницу сборника, то находим все тот же текст решения ЦК о «практическом центре», с упоми-

нанием Сталина, как одного из пяти членов. Тщетно стали бы мы искать в этом сборнике, столь обильном даже и третьестепенными материалами, сведений о том, какую, собственно, работу выполнял Сталин в октябре, в составе ли «центра» или вне его.

Если определить политическую физиономию Сталина одним словом, то он всегда был «центристом» в большевизме, т. е. органически стремился занять промежуточное положение между марксизмом и оппортунизмом. Но это был центрист, боявшийся Ленина. Каждый отрезок сталинской орбиты до 1924 г. можно всегда разложить на эти две силы: собственную центристскую природу и революционное давление Ленина. Несостоятельность центризма полнее всего должна обнаруживаться на испытании великих исторических событий. «Наше положение противоречиво», — говорил Сталин 20 октября в оправдание Зиновьева и Каменева. На самом деле противоречивая природа центризма не позволяла Сталину занять в революции сколько-нибудь самостоятельное место. Наоборот, те же черты, которые парализовали его на больших перекрестках истории — выжидательность и эмпирическое лавирование, — должны были обеспечить ему серьезные преимущества, когда массовое движение стало входить в берега, а на передний план выдвигался чиновник, стремившийся закрепить достигнутое, то-есть прежде всего застраховать свое собственное положение от новых потрясений. Чиновник, правящий именем революции, нуждается в революционном авторитете. В качестве «старого большевика» Сталин явился как нельзя более подходящим воплощением этого авторитета. Оттеснив массы, коллективный чиновник говорит им: «Это мы все для вас сделали». Он начинает распоряжаться не только настоящим, но и прошлым. Чиновник-историк переделывает историю, ремонтирует биографии, создает репутации. Понадобилось бюрократизировать революцию, прежде чем Сталин смог увенчать ее.

В личной судьбе Сталина, представляющей для марксистского анализа выдающийся интерес, мы имеем новое преломление закона всех революций: развитие режима, созданного переворотом, неизбежно проходит через приливы и отливы, измеряемые годами, при чем периоды идейной реакции выдвигают на передний план те фигуры, которые по всем своим основным качествам не играют и не могли играть руководящей роли во время подъема.

Бюрократическим пересмотром истории партии и революции непосредственно руководит Сталин. Вехи этой работы ярко отмечают этапы в развитии и советского аппарата. 6-го ноября (нового стиля) 1918 года Сталин писал в юбилейной статье «Правды»: «Вдохновителем переворота сначала до конца был ЦК партии, во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире. 24 октября, вечером, он был вызван в Смольный для общего руководства движением. Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого».

Ни автор этой книги, ни, надо думать, Ленин, оправлявшийся от эсеровских пуль, не обратили в те дни внимания на это ретроспективное распределение ролей и заслуг. Статья осветилась новым светом лишь несколько лет спустя, обнаружив, что Сталин уже в тяжкие осенние месяцы 1918 года подготовлял, пока еще с чрезвычайной осторожностью, новое изображение партийного руководства в октябре. «Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии, во главе с тов. Лениным». Эта фраза есть полемика против тех, кто считал, и вполне правильно, что действи-

тельным вдохновителем восстания был Ленин, в значительной мере в борьбе против ЦК. В этот период Сталин не мог еще прикрывать свои октябрьские колебания иначе, как безличным псевдонимом ЦК. Дальнейшие две фразы — о том, что Ленин жил в Петрограде на конспиративной квартире и был вызван вечером 24-го в Смольный для общего руководства движением, имеют целью ослабить господствовавшее в партии представление, что руководителем переворота был Троцкий. Следующие затем фразы, посвященные Троцкому, звучат в сегодняшней политической акустике, как панегирик; на самом деле это было наименьшее из того, что Сталин был вынужден сказать, чтоб замаскировать свои полемические намеки. Сложность конструкции и тщательная покровительственная окраска этой «юбилейной» статьи сами по себе дают недурное представление о тогдашнем общественном мнении партии.

В статье, к слову сказать, совершенно не упоминается о «практическом центре». Наоборот, Сталин категорически заявляет: «вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством... Троцкого». Но Троцкий не входил в практический центр; от Ярославского же мы слышали, будто именно «этот орган (а никто другой) руководил всеми организациями, принимавшими участие в восстании». Разгадка противоречия проста: в 1918 году события были еще слишком свежи в памяти у всех, и попытка извлечь из протоколов постановление о никогда не существовавшем «центре» не могла рассчитывать на успех.

В 1924 году, когда многое уже было позабыто, Сталин следующим образом объяснял, почему Троцкий не входил в «практический центр»: «Должен сказать, что никакой особой роли в октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог». Сталин прямо провозгласил в этом году задачей историков разрушение «легенды об особой роли Троцкого в октябрьском восстании». Как примиряет, однако, Сталин эту

новую версию со своей собственной статьей 1918 года? Очень просто: он запретил цитировать свою старую статью. Историки, пытающиеся взять среднюю линию между Сталиным 1918 и Сталиным 1924 годов, немедленно исключаются из партии.

Существуют, однако, более авторитетные свидетельства, чем первая юбилейная статья Сталина. В примечаниях к официальному изданию сочинений Ленина под словом *Троцкий* значится: «после того, как петербургский Совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25-го октября». Таким образом «легенда об особой роли» прочно утвердилась в Собрании сочинений Ленина при жизни их автора.

По официальным справочникам можно из года в год проследить процесс переработки исторического материала. Так, в 1925 году, когда кампания против Троцкого была уже в полном разгаре, официальный ежегодник, «Календарь коммуниста», писал еще: «В Октябрьской революции Троцкий принимает самое деятельное, руководящее участие. В октябре 1917 года его избирают Председателем Петроградского Революционного Комитета, который организовал вооруженное восстание». В издании 1926 года это место заменяется короткой нейтральной фразой: «В октябре 1917 г. — председатель Ленинградского ревкома». С 1927 года школой Сталина выдвинута новая версия, вошедшая во все советские учебники: будучи противником «социализма в одной стране», Троцкий не мог по существу не являться противником октябрьского переворота. К счастью, существовал «практический центр», который довел дело до счастливого конца! Находчивые историки упускают лишь объяснить, почему большевистский Совет выбрал Троцкого председателем и почему тот же Совет, руководимый партией, поставил Троцкого во главе Военно-революционного комитета.

Ленин не был доверчив, особенно в таком вопросе где дело шло о судьбе революции. Словесными заве-

рениями его успокоить нельзя было. На расстоянии он склонен был каждый признак истолковывать в худшую сторону. Он окончательно поверил, что дело ведется правильно, когда увидел собственными глазами, т. е. когда появился в Смольном. Троцкий рассказывает об этом в своих воспоминаниях 1924 г.: «Помню, огромное впечатление произвело на Ленина сообщение о том, как я вызвал письменным приказом роту Литовского полка, чтобы обеспечить выход нашей партийной и советской газеты... Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора. Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь... он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события».

Этот рассказ тоже был впоследствии оспорен. Между тем он находит себе несокрушимую опору в объективной обстановке. 24-го вечером Ленин переживал последнюю вспышку тревоги, захватившей его с такой силой, что он сделал запоздалую попытку мобилизовать солдат и рабочих для давления на Смольный. Как бурно должно было переломиться его настроение, когда он через несколько часов узнал в Смольном действительную обстановку! Не ясно ли, что он не мог хоть в нескольких фразах, в нескольких словах, не подвести итог своей тревоге, своим прямым и косвенным упрекам по адресу Смольного? В сложных объяснениях не было надобности. Каждому из двух собеседников, встретившихся с глазу на глаз в этот не совсем обычный час, были совершенно понятны источники недоразумений. Теперь они были ликвидированы. Возвращаться к ним не стоило. Одной фразы было достаточно: «можно и так!» Это значило: «может быть, я и хватал иногда через край в придирчивой подозрительности, но ведь вы же понимаете?...» Еще бы

не понять! Ленин не был склонен к сентиментальностям. Одной фразы его: «можно и так», с особым смешком, было совершенно достаточно, чтоб отодвинуть эпизодические недоразумения вчерашнего дня и крепче связать узы доверия.

Настроение Ленина в день 25-го как нельзя ярче обнаружилось во внесенной им, через Володарского, резолюции, в которой восстание характеризовалось, как «на редкость бескровное и на редкость успешное». Тот факт, что Ленин взял на себя эту, как всегда у него, скупую на слова, но очень высокую по существу оценку переворота, не случаен. Именно он, как автор «советов постороннего», считал себя наиболее свободным, чтоб воздать должное не только героизму масс, но и заслугам руководства. Вряд ли можно сомневаться в том, что у Ленина были для этого и дополнительные психологические мотивы: он все время опасался взятого Смольным слишком медленного курса, и он спешил теперь первым признать его обнаруженные на деле преимущества.

С момента появления Ленина в Смольном он, естественно, становится во главе всей работы: политической, организационной, технической. 29-го в Петрограде происходит восстание юнкеров. Керенский наступает на Петроград во главе нескольких казачьих сотен. Военно-революционный комитет стоит перед задачей обороны. Этой работой руководит Ленин. В своих воспоминаниях Троцкий пишет: «Быстрый успех обезоруживает, как и поражение. Не терять из виду основной нити событий; после каждого успеха говорить себе: еще ничего не достигнуто, еще ничто не обеспечено; за пять минут до решающей победы вести дело с такою же бдительностью, энергией и с таким же напором, как за пять минут до открытия вооруженных действий; через пять минут после победы, еще прежде, чем отзвучали первые приветственные клики, сказать себе: завоевание еще не обеспечено, нельзя терять ни минуты, — таков подход, таков образ действий, таков метод Ленина, таково органическое суще-

ство его политического характера, его революционного духа».

Упомянутое выше заседание петроградского Комитета 1-го ноября, где Ленин говорил о своих неоправдавшихся опасениях относительно межрайонцев, было посвящено вопросу о коалиционном правительстве с меньшевиками и эсерами. На коалиции настаивали после победы правые: Зиновьев, Каменев, Рыков, Луначарский, Рязанов, Милютин и др. Ленин и Троцкий решительно выступают против всякой коалиции, которая выходила бы за рамки 2-го Съезда советов. «Разногласия, — заявляет Троцкий, —имели значительную глубину до восстания — в Центральном комитете и в широких кругах нашей партии... То же говорилось, что и сейчас, после победоносного восстания: не будет-де технического аппарата. Сгущались краски для того, чтобы запугать, как теперь, — для того, чтобы не воспользоваться победой». Рука об руку с Лениным Троцкий ведет против сторонников коалиции ту же самую борьбу, которую вел до переворота против противников восстания. Ленин говорит на этом же заседании: «Соглашение? — Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

В числе важнейших условий соглашения эсеры и меньшевики выставили требование устранения из правительства двух наиболее ненавистных им фигур: «персональных виновников октябрьского переворота, Ленина и Троцкого». Отношение ЦК и партии к этому требованию было таково, что Каменев, крайний сторонник соглашения, лично готовый и на эту уступку, счел необходимым заявить на заседании ЦИК'а 2-го ноября: «Предложено исключить Ленина и Троцкого: это предложение обезглавить нашу партию, и мы его не принимаем».

Революционная точка зрения — за восстание, против коалиции с соглашателями — называлась в районах «точкой зрения Ленина и Троцкого». Это выра-

жение, как свидетельствуют документы и протоколы, получило обиходный характер. В момент кризиса внутри ЦК многолюдная конференция женщин-работниц в Петрограде единогласно вынесла резолюцию: «Приветствовать политику Центрального комитета нашей партии, руководимого Лениным и Троцким». Барон Будберг уже в ноябре 1917 года пишет в своем дневнике о «новых дуумвирах Ленине и Троцком». Когда группа эсеров решила, в декабре, «срезать большевистскую головку», им, по рассказу Бориса Соколова, одного из заговорщиков, «представлялось ясным, что наиболее зловредными и важными большевиками являются Ленин и Троцкий. Надо начать именно с них». В годы гражданской войны эти два имени назывались всегда неразрывно, как еслибы речь шла об одном лице. Парвусъ, некогда революционный марксист, а затем злостный враг Октябрьской революции, писал: «Ленин и Троцкий — это собирательное имя для всех тех, которые из идеализма шли по большевистскому пути»... Роза Люксембург, сурово критиковавшая политику Октябрьской революции, относила свою критику одинаково к Ленину и Троцкому. Она писала: «Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, которые подали пример мировому пролетариату. Они и сейчас еще остаются *единственными*, которые могут воскликнуть вместе с Гуттеном: *я дерзнул на это!*» В октябре 1918 года Ленин на торжественном заседании ЦИК'а цитировал иностранную буржуазную прессу: «итальянские рабочие ведут себя так, что, кажется, они позволили бы ездить по Италии только Ленину и Троцкому». Такие свидетельства неисчислимы. Они проходят, как лейтмотив, через первые годы советского режима и Коммунистического интернационала. Участники и наблюдатели, друзья и враги, близкие и дальние, скрепили деятельность Ленина и Троцкого в октябрьском перевороте таким крепким узлом, что ни развязать, ни разрубить его эпигонской историографии не удастся.

Примечание к стр. 386. Во время третьего конгресса Коммунистического Интернационала Ленин, чтоб смягчить свои удары по некоторым „ультра-левым",

СОЦИАЛИЗМ В ОТДЕЛЬНОЙ СТРАНЕ?

«Промышленно более развитая страна показывает менее развитой лишь образ ее собственного будущего». Это положение Маркса, методологически исходившее не из мирового хозяйства, как целого, а из отдельной капиталистической страны, как типа, становилось тем менее применимо, чем более капиталистическое развитие охватывало все страны, независимо от их предшествующей судьбы и экономического уровня. Англия показывала в свое время будущее Франции, значительно меньше — Германии, но уже никак не России и не Индии. Между тем русские меньшевики понимали условное положение Маркса безусловно: отсталая Россия должна не забегать вперед, а покорно следовать готовым образцам. С этим «марксизмом» соглашались и либералы.

Другая, не менее популярная формула Маркса: «общественная формация гибнет не раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она открывает простор......», исходит, наоборот, не из отдельно взятой страны, а из смены универсальных общественных укладов (рабство, средневековье, капитализм). Между тем меньшевики, взяв это положение в аспекте отдельного государства, сделали вывод, что русскому капитализму остается еще пройти большой путь, прежде чем он достигнет европейского или американского уровня. Но производительные силы не развиваются в безвоздушном пространстве! Нельзя

ссылался на то, что и ему приходилось делать „ультра-левые“ ошибки, особенно в эмиграции, в том числе и в последней „эмиграции“, в Финляндии в 1917 году, когда он отстаивал менее выгодный план восстания, чем тот, который был осуществлен на деле. Ссылку на эту свою ошибку, если память нам не изменяет, Ленин сделал и в письменном заявлении в комиссии конгресса по немецким делам. К сожалению, архив Коминтерна нам недоступен, а интересующее нас заявление Ленина, повидимому, не было опубликовано.

говорить о возможностях национального капитализма, игнорируя, с одной стороны, развертывающуюся на его основе классовую борьбу, а с другой — его зависимость от мировых условий. Низвержение буржуазии пролетариатом выросло из реального русского капитализма, превратив тем самым в ничто его абстрактные экономические возможности. Структура хозяйства, как и характер классовой борьбы в России, определялись в решающей степени международными условиями. Капитализм достиг на мировой арене такого состояния, когда он перестал оправдывать свои издержки производства, понимаемые не в коммерческом, а в социологическом смысле: таможни, милитаризм, кризисы, войны, дипломатические конференции и другие бичи поглощают и расточают столько творческой энергии, что, несмотря на все достижения техники, для роста благосостояния и культуры не остается больше места.

Парадоксальный по внешности факт, что первой жертвой за грехи мировой системы пала буржуазия отсталой страны, на самом деле вполне закономерен. Еще Маркс наметил его объяснение для своей эпохи: «насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там». Под чудовищными тяготами империализма должно было прежде всего пасть государство, которое не успело накопить большого национального капитала, но которому мировое соперничество не давало никакой скидки. Крах русского капитализма явился местным обвалом универсальной общественной формации. «Правильная оценка нашей революции, — говорил Ленин, — возможна только с точки зрения международной».

Октябрьский переворот мы свели в последнем счете не к факту отсталости России, а к закону комбинированного развития. Историческая диалектика не знает голой отсталости, как и химически чистой прогрессивности. Все дело в конкретных соотношениях. Нынешняя история человечества полна «парадоксов», не столь

грандиозных, как возникновение пролетарской диктатуры в отсталой стране, но подобного же исторического типа. Тот факт, что студенты и рабочие отсталого Китая жадно усваивают доктрину империализма, тогда как рабочие вожди цивилизованной Англии верят магической силе церковных заклинаний, свидетельствует с несомненностью, что в известных областях Китай обогнал Англию. Но презрение китайских рабочих к средневековому тупоумию Макдональда не дает оснований для вывода, что по общему развитию Китай выше Великобритании. Наоборот, экономический и культурный перевес последней может быть выражен точными цифрами. Их внушительность не помешает, однако, тому, что рабочие Китая могут оказаться у власти раньше, чем рабочие Великобритании. В свою очередь, диктатура китайского пролетариата вовсе еще не будет означать построение социализма в границах великой китайской стены. Школьные, прямолинейно-педантские или слишком короткие национальные критерии не годятся для нашей эпохи. Россию из ее отсталости и азиатчины выбило мировое развитие. Вне переплета его путей не может быть понята и ее дальнейшая судьба.

Буржуазные революции направлялись в одинаковой мере против феодальных отношений собственности и против партикуляризма провинций. На освободительных знаменах рядом с либерализмом стоял национализм. Западное человечество давно растоптало эти детские башмаки. Производительные силы нашего времени переросли не только буржуазные формы собственности, но и границы национальных государств. Либерализм и национализм стали в одинаковой мере оковами мирового хозяйства. Пролетарская революция направляется как против частной собственности на средства производства, так и против национального раздробления мирового хозяйства. Борьба народов Востока за независимость включается в этот мировой процесс, чтобы затем слиться с ним. Создание национального социалистического общества, если б такая

цель была вообще осуществима, означало бы крайнее снижение экономического могущества человека; но именно поэтому оно неосуществимо. Интернационализм — не отвлеченный принцип, а выражение экономического факта. Как либерализм был национален, так социализм интернационален. Исходя из мирового разделения труда, социализм имеет задачей довести международный обмен благ и услуг до высшего расцвета.

Революция никогда и нигде еще не совпадала и не могла совпадать полностью с теми представлениями, которые делали себе о ней ее участники. Тем не менее идеи и цели участников борьбы входят в нее очень важным составным элементом. Это особенно относится к октябрьскому перевороту, ибо никогда еще в прошлом представления революционеров о революции не подходили так близко к действительному существу событий, как в 1917 году.

Работа об Октябрьской революции осталась бы незаконченной, еслиб не ответила со всей возможной исторической точностью на вопрос: как представляла себе партия, в разгаре самих событий, дальнейшее развитие революции и чего ждала от нее? Вопрос приобретает тем большее значение, чем больше вчерашний день затемняется игрой новых интересов. Политика всегда ищет опоры в прошлом и, если не получает ее добровольно, то начинает нередко вымогать ее путем насилия. Нынешняя официальная политика Советского Союза исходит из теории «социализма в отдельной стране», как из традиционного будто бы воззрения большевистской партии. Молодые поколения не только Коминтерна, но, пожалуй, и всех других партий воспитываются в убеждении, что советская власть была завоевана во имя построения самостоятельного социалистического общества в России.

Историческая действительность не имела ничего общего с этим мифом. До 1917 года партия вообще не допускала мысли, чтоб пролетарская революция могла совершиться в России раньше, чем на Западе.

Впервые на апрельской конференции, под давлением обнажившейся до конца обстановки, партия признала задачу завоевания власти. Открыв новую главу в истории большевизма, это признание не имело, однако, ничего общего с перспективой самостоятельного социалистического общества. Наоборот, большевики категорически отвергали подсовывавшуюся им меньшевиками карикатурную идею построения «крестьянского социализма» в отсталой стране. Диктатура пролетариата в России была для большевиков мостом к революции на Западе. Задача социалистического преобразования общества объявлялась по самому существу своему международной.

Только в 1924 году в этом основном вопросе произошел перелом. Впервые было провозглашено, что построение социализма вполне осуществимо в границах Советского Союза, независимо от развития остального человечества, если только империалисты не опрокинут советскую власть военной интервенцией. Новой теории сразу придана была обратная сила. Если бы в 1917 году партия не верила в возможность построить самостоятельное социалистическое общество в России, — заявили эпигоны, — она не имела бы права брать власть в свои руки. В 1926 г. Коминтерн официально осудил непризнание теории социализма в отдельной стране, распространив это осуждение на все прошлое, начиная с 1905 года.

Три ряда идей были отныне признаны враждебными большевизму: отрицание возможности для Советского Союза продержаться неопределенно-долгое время в капиталистическом окружении (проблема военной интервенции); отрицание возможности собственными силами и в национальных границах преодолеть противоречие города и деревни (проблема экономической отсталости и проблема крестьянства); отрицание возможности построения замкнутого социалистического общества (проблема мирового разделения труда). Оградить неприкосновенность Советского Союза можно, согласно новой школе, и без революции в других

странах: путем «нейтрализации буржуазии». Сотрудничество крестьянства в области социалистического строительства должно быть признано обеспеченным. Зависимость от мирового хозяйства ликвидирована октябрьским переворотом и хозяйственными успехами советов. Непризнание этих трех положений есть «троцкизм», т. е. доктрина, несовместимая с большевизмом.

Исторический труд упирается здесь в задачу идеологической реставрации: необходимо высвободить подлинные взгляды и цели революционной партии из-под позднейших политических наслоений. Несмотря на краткость сменявших друг друга периодов, эта задача принимает тем большее сходство с расшифровкой палимпсестов, что построения эпигонской школы далеко не всегда возвышаются над теологическими мудрствованиями, ради которых монахи VII и VIII веков губили пергамент и папирус классиков.

Если вообще на протяжении этой книги мы избегали загромождать изложение многочисленными цитатами, то настоящая глава, в соответствии с существом самой задачи, должна будет дать читателю подлинные тексты, притом в таком объеме, чтоб исключить самую мысль об их искусственном отборе. Необходимо предоставить большевизму заговорить своим собственным языком: при режиме сталинской бюрократии он этой возможности лишен.

Большевистская партия была со дня своего возникновения партией революционного социализма. Но ближайшую историческую задачу она видела, по необходимости, в низвержении царизма и установлении демократического строя. Главным содержанием переворота должно было стать демократическое разрешение аграрного вопроса. Социалистическая революция отодвигалась в достаточно далекое, во всяком случае, неопределенное будущее. Считалось неоспоримым, что она сможет практически стать в порядок дня лишь после победы пролетариата на Западе. Эти положения, выкованные русским марксизмом в борьбе с народни-

чеством и анархизмом, входили в железный инвентарь партии. Дальше следовали гипотетические соображения: в случае, если демократическая революция достигнет в России могущественного размаха, она сможет дать непосредственный толчок социалистической революции на Западе, а это позволит затем русскому пролетариату ускоренным маршем притти к власти. Общая историческая перспектива не менялась и в этом, наиболее благоприятном варианте: ускорялся лишь ход развития и приближались сроки.

Именно в духе этих воззрений Ленин писал в сентябре 1905 года: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути». Эта цитата, как ни поразительно, послужила Сталину для отождествления старого прогноза партии с действительным ходом событий в 1917 году. Непонятно только, почему кадры партии оказались застигнуты врасплох «апрельскими тезисами» Ленина.

На самом деле борьба пролетариата за власть должна была, согласно старой концепции, развернуться лишь после того, как аграрный вопрос будет разрешен в рамках буржуазно-демократической революции. Но беда в том, что удовлетворенное в своем земельном голоде крестьянство не имело бы никаких побуждений поддержать новую революцию. А так как русский рабочий класс, в качестве заведомого меньшинства в стране, не мог бы завоевать власть одними собственными силами, то Ленин вполне последовательно считал невозможным говорить о диктатуре пролетариата в России до победы пролетариата на Западе.

«Полная победа теперешней революции, — писал Ленин в 1905 году, — будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции,

завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм...» Под именем мелкой буржуазии здесь понимается прежде всего крестьянство.

Откуда же при этих условиях могла возникнуть «непрерывная» революция? Ленин отвечал на это: русские революционеры, стоящие на плечах целого ряда революционных поколений Европы, имеют право «мечтать» о том, что им удастся «осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум... А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу... Европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий». Самостоятельное содержание русской революции, даже в ее наивысшем развитии, не выходит еще за пределы буржуазно-домократического переворота. Только победоносная революция на Западе сможет открыть эру борьбы за власть и для русского пролетариата. Эта концепция полностью сохранила в партии свою силу до апреля 1917 года.

Если отбросить эпизодические наслоения, полемические преувеличения и частные ошибки, то существо споров по вопросу о перманентной революции в течение 1905 — 1917 годов сводилось не к тому, сможет ли русский пролетариат, завоевав власть, построить национальное социалистическое общество, — об этом вообще никто из русских марксистов никогда не заикался до 1924 года, — а к тому, возможна ли еще в России буржуазная революция, действительно способная разрешить аграрный вопрос, или же для осуществления этой работы понадобится диктатура пролетариата.

Какую часть старых взглядов Ленин подверг пересмотру в своих апрельских тезисах? Он ни на минуту

не отказывался ни от учения о международном характере социалистической революции, ни от мысли о том, что переход на путь социализма осуществим для отсталой России лишь при непосредственном содействии Запада. Но Ленин здесь впервые провозгласил, что русский пролетариат, именно вследствие запоздалости национальных условий, может притти к власти раньше, чем пролетариат передовых стран.

Февральская революция оказалась бессильна разрешить аграрный вопрос, как и национальный. Крестьянству и угнетенным народностям России пришлось своей борьбой за демократические задачи поддержать октябрьский переворот. Только потому, что русская мелкобуржуазная демократия не смогла выполнить ту историческую работу, которую совершила ее старшая сестра на Западе, русский пролетариат получил доступ к власти раньше, чем пролетариат Запада. В 1905 году большевизм собирался лишь после завершения демократических задач переходить к борьбе за диктатуру пролетариата. В 1917 году диктатура пролетариата выросла из незавершенных демократических задач.

Комбинированный характер русской революции на этом не остановился. Завоевание власти рабочим классом автоматически снимало водораздел между «программой-минимум» и «программой-максимум». При диктатуре пролетариата — но только при ней! — перерастание демократических задач в социалистические становилось неизбежностью, несмотря на то, что рабочие Европы не успели еще показать, «как это делается».

Перемещение революционных очередей между Западом и Востоком, при всей своей важности для судеб России, как и всего мира, имеет, однако, исторически-ограниченное значение. Как ни далеко русская революция забежала вперед, зависимость ее от мировой революции не исчезла и даже не ослабела. Непосредственно возможности перерастания демократических реформ в социалистические открываются сочетанием

внутренних условий, прежде всего, соотношением пролетариата и крестьянства. Но в последней инстанции пределы социалистических преобразований определяются состоянием хозяйства и политики на мировой арене. Как ни велик национальный разбег, возможности перепрыгнуть через планету он не дает.

В своем осуждении «троцкизма» Коминтерн с особой силой обрушился на тот взгляд, согласно которому русский пролетариат, став у руля и не встретив поддержки с Запада, «придет во враждебные столкновения... с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти»... Если даже считать, что исторический опыт полностью опроверг этот прогноз, формулированный Троцким в 1905 году, когда ни один из нынешних критиков его не допускал самой мысли о диктатуре пролетариата в России, и в этом случае остается неопровержимым фактом, что взгляд на крестьянство, как на ненадежного и вероломного союзника, составлял общее достояние всех русских марксистов, включая и Ленина. Действительная традиция большевизма не имеет ничего общего с учением о предустановленной гармонии интересов рабочих и крестьян. Наоборот, критика этой мелкобуржуазной теории всегда входила важнейшим элементом в многолетнюю борьбу марксистов с народниками.

«Минет для России эпоха демократической революции, — писал Ленин в 1905 году, — тогда смешно будет и говорить о «единстве воли» пролетариата и крестьянства»... «Крестьянство, как землевладельческий класс, сыграет в этой борьбѣ (за социализм) ту же предательскую неустойчивую роль, какую играет теперь буржуазия в борьбе за демократию. Забывать это — значит забывать социализм, обманывать себя и других насчет истинных интересов и задач пролетариата».

Разрабатывая в конце 1905 года для себя самого схему соотношения классов в ходе революции, Ленин следующими словами характеризовал обстановку, которая должна будет сложиться после ликвидации по-

мещичьего землевладения: «Пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы неизбежно... если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат... В этой стадии либеральная буржуазия и зажиточное (плюс отчасти среднее) крестьянство организуют контр-революцию. Российский пролетариат плюс европейский пролетариат организуют революцию. При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет социалистическим переворотом в Европе. Европейские рабочие покажут нам, «как это делается».

В те же, примерно, дни Троцкий писал: «Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». Сталин приводил впоследствии именно эти слова, чтобы показать «всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию диктатуры пролетариата от теории Троцкого». Между тем цитата свидетельствует, что, при несомненном различии тогдашних революционных концепций Ленина и Троцкого, как раз в вопросе о «неустойчивой» и «предательской» роли крестьянства взгляды их по сути совпадали уже и в те далекие дни.

В феврале 1906 года Ленин пишет: «Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, не того, который может совершить и совершит социалистический переворот». «Русская революция, — заявляет он в апреле 1906 года, — имеет достаточно своих собственых сил, чтобы победить. Но у нее недостаточно сил, чтобы удержать плоды победы... ибо в стране с громадным развитием мелкого хозяйства мелкие товаропроизводители, крестьяне в том числе,

неизбежно повернут против пролетария, когда он от свободы пойдет к социализму... Чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен не русский резерв, нужна помощь со стороны. Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе».

В разных сочетаниях, но неизменные в основе, эти мысли проходят через все годы реакции и войны. Нет надобности умножать число примеров. Представления партии о революции должны будут получить наибольшую законченность и отчетливость в огне революционных событий. Если бы теоретики большевизма уже до революции склонялись к социализму в отдельной стране, эта теория должна была бы достигнуть полного расцвета в период непосредственной борьбы за власть. Так ли это оказалось на деле? Ответ даст 1917 год.

Отправляясь в Россию после февральского переворота, Ленин писал в прощальном письме к швейцарским рабочим: «Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может... облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника, европейского и американского социалистического пролетариата».

Одобренная апрельской конференцией резолюция Ленина гласит: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелко-крестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования». Плотно примыкая в этих исходных строках к теоретической традиции партии, резолюция делает, однако, решительный шаг на новом пути. Она объявляет: невозможность самостоятельного социалистического преобразования крестьянской России ни в каком случае не дает права отказываться от завоевания власти не только ради демократических задач, но и во имя «ряда практически назревших шагов к социализму», как национализация земли, кон-

троль над банками и пр. Антикапиталистические меры смогут получить дальнейшее развитие, благодаря наличию объективных предпосылок социалистической революции... в наиболее развитых передовых странах». Именно из этого надо исходить. «Говорить только о русских условиях, — поясняет Ленин в своем докладе, — ошибка... Какие задачи встанут перед российским пролетариатом при условии, если всемирное движение поставит нас перед социальной революцией, — вот главный вопрос, разбирающийся в этой резолюции». Ясно: новая исходная позиция, занятая партией в апреле 1917 года, после того, как Ленин одержал победу над демократической ограниченностью «старых большевиков», как небо от земли, отстоит от теории социализма в отдельной стране!

В любой организации партии, в столице, как и в провинции, мы встретим отныне ту же постановку вопроса: в борьбе за власть надо помнить, что дальнейшая судьба революции, как социалистической, будет определена победой пролетарских передовых стран. Эта формула никем не оспаривается; наоборот, она предпосылается спорам, как положение, равно признаваемое всеми.

На петроградской конференции партии, 16 июля, Харитонов, один из прибывших с Лениным в «пломбированном» вагоне большевиков, заявляет: «Мы всюду говорим, что если революции на Западе не будет, наше дело будет проиграно». Харитонов не теоретик; он — средний агитатор партии. В протоколах той же конференции читаем: «Павлов указывает на общее положение, выдвигаемое большевиками, что русская революция будет процветать только тогда, когда будет поддержана мировой революцией, которая мыслима только, как социалистическая»... Десятки и сотни Харитоновых и Павловых развивают основную идею апрельской конференции. Никому в голову не приходит оспорить или поправить их.

VI съезд партии, состоявшийся в конце июля, определил диктатуру пролетариата, как завоевание власти

рабочими и беднейшими крестьянами. «Только эти классы будут... способствовать на деле росту международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство». Доклад Бухарина был построен на той мысли, что мировая социалистическая революция является единственным выходом из создавшегося положения. «Если революция в России победит прежде, чем вспыхнет революция на Западе, — мы должны будем... разжигать пожар мировой социалистической революции». Не многим иначе вынужден был в то время ставить вопрос и Сталин: «Настанет момент, — говорил он, — когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе».

Заседавшая в начале августа московская областная конференция позволяет нам, как нельзя лучше, заглянуть в лабораторию партийной мысли. В руководящем докладе, излагавшем решения VI съезда, Сокольников, член Центрального комитета, говорит: «Нужно разъяснять, что русская революция должна выступить против всемирного империализма, или она должна погибнуть, быть задушенной тем же империализмом». В том же духе высказывается ряд делегатов. Витолин: «Нам нужно готовиться к социальной революции, которая будет толчком для развития революции социальной в Западной Европе». Делегат Беленький: «Если разрешать вопрос в национальных рамках, то у нас нет выхода. Сокольников правильно говорит, что русская революция победит лишь, как революция международная... В России еще не созрели условия для социализма, но если в Европе начнется революция, то и мы пойдем за Западной Европой». Стуков: «Положение — русская революция победит только, как революция международная, — не может вызывать никакого сомнения... Социалистическая революция возможна только в общемировых размерах».

Все согласны друг с другом в трех основных положениях: рабочее государство не сможет устоять, если не будет опрокинут империализм на Западе; в России еще не созрели условия для социализма; задача социалистической революции является международной по своему существу. Еслиб, наряду с этими взглядами, которые через 7—8 лет будут осуждены, как ересь, в партии существовали иные воззрения, ныне признанные правоверными и традиционными, они должны были бы найти свое выражение на московской конференции, как и на предшествовавшем ей съезде партии. Но ни докладчик, ни участники прений, ни газетные статьи ни словом не упоминают о наличии в партии большевистских взглядов в противовес «троцкистским».

На общегородской конференции в Киеве, предшествовавшей партийному съезду, докладчик Горовиц говорил: «Борьба за спасение нашей революции может вестись только в международном масштабе. Перед нами две перспективы: если революция победит, мы создадим переходное к социализму государство, если нет, — мы попадем под власть международного империализма». После партийного съезда, в начале августа, Пятаков говорил на новой киевской конференции: «С самого начала революции мы утверждали, что судьба русского пролетариата находится в полной зависимости от хода пролетарской революции на Западе... Мы таким образом входим в стадию перманентной революции». По поводу доклада Пятакова уже знакомый нам Горовиц заявляет: «Я совершенно согласен с Пятаковым в его определении нашей революции, как перманентной»... Пятаков: «...Единственное возможное спасение для русской революции — в революции мировой, которая положит начало социальному перевороту». Может быть, эти два докладчика представляли меньшинство? Нет, никто им по этому основному вопросу не возражал; при выборах киевского комитета оба получили наибольшее количество голосов.

Можно считать, таким образом, совершенно установленным, что на общепартийной конференции в апреле, на съезде партии в июле, на конференциях в Петрограде, Москве и Киеве излагались и подтверждались голосованиями те самые взгляды, которые позже будут провозглашены несовместимыми с большевизмом. Мало того: в партии не поднялось ни одного голоса, который можно было бы истолковать, как предчувствие будущей теории социализма в отдельной стране, хотя бы в той степени, как в псалмах царя Давида открывают предвкушение проповедей Христа.

13 августа центральный орган партии разъясняет: «Полновластие советов, отнюдь еще не означая «социализма», сломило бы во всяком случае сопротивление буржуазии, и — в зависимости от наличных производительных сил и положения на Западе — направляло бы и преобразовывало экономическую жизнь в интересах трудящихся масс. Сбросив с себя оковы капиталистической власти, революция стала бы перманентной, т.е. непрерывной, она применяла бы государственную власть не для того, чтобы упрочить режим капиталистической эксплоатации, а, наоборот, для того, чтобы преодолеть его. Ее окончательный успех на этом пути зависел бы от успехов пролетарской революции в Европе... Такова была и остается единственно реальная перспектива дальнейшего развития революции». Автором статьи был Троцкий, писавший ее из Крестов. Редактором газеты был Сталин. Значение цитаты определяется уже одним тем, что термин «перманентная революция» до 1917 года употреблялся в большевистской партии исключительно для обозначения точки зрения Троцкого. Через несколько лет Сталин заявит: «Ленин боролся против теории перманентной революции до конца своих дней». Сам Сталин во всяком случае не боролся: статья появилась без каких бы то ни было примечаний редакции.

Через 10 дней Троцкий снова писал в той же газете: «Интернационализм для нас не отвлеченная идея..., а непосредственно руководящий, глубоко прак-

тический принцип. Прочный, решающий успех немыслим для нас вне европейской революции». Сталин опять не возражал. Более того, через два дня он сам повторял: «Пусть знают они (рабочие и солдаты), что только в союзе с рабочими Запада, только расшатав основы капитализма на Западе, можно будет рассчитывать на торжество революции в России!» Под «торжеством революции» понималось не построение социализма, — об этом вообще не было еще речи, — а только завоевание и удержание власти.

«Буржуа кричат, — писал Ленин в сентябре, — о неизбежном поражении коммуны в России, т. е. поражении пролетариата, если бы он завоевал власть». Не надо пугаться этих криков: «Завоевав власть, пролетариат России имеет все шансы удержать ее и довести Россию до победоносной революции на Западе». Перспектива переворота определяется здесь с полной ясностью: удержать власть до начала социалистической революции в Европе. Эта формула не брошена наспех; она повторяется у Ленина изо дня в день. Программную статью: «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин резюмирует в словах: «... не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции».

Правое крыло большевиков требовало коалиции с соглашателями, ссылаясь на то, что «одни» большевики власти не удержат. Ленин отвечал им 1-го ноября, уже после переворота: «Говорят, что мы одни не удержим власти и пр. Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать». Из диалогов Ленина с правыми особенно ярко выступает, что ни одной из спорящих сторон не приходит даже в голову мысль о самостоятельном построении социалистического общества в России.

Джон Рид рассказывает, как на одном из петроградских митингов, на Обуховском заводе, солдат с румынского фронта кричал: «Мы будем держаться изо

всех сил, покуда народы всего мира не поднимутся, не помогут нам». Эта формула не упала с неба и не была выдумана ни безыменным солдатом, ни Ридом: она была привита массам большевистскими агитаторами. Голос солдата с румынского фронта был голосом партии, голосом Октябрьской революции.

«Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа», — программный государственный акт, внесенный от имени советской власти в Учредительное собрание, — провозглашала задачей нового строя «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах ... Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала». Ленинская «Декларация прав», не отмененная формально до сего дня, превратила перманентную революцию в основной закон Советской республики.

Еслиб Роза Люксембург, со страстным и ревнивым вниманием следившая из тюрьмы за делами и словами большевиков, уловила у них оттенок национального социализма, она немедленно забила бы тревогу: в те дни она очень сурово — в основном, ошибочно — критиковала политику большевиков. Но нет, вот что она писала по поводу генеральной линии партии: «Что большевики взяли в своей политике курс полностью на мировую революцию пролетариата, есть как раз самое блестящее свидетельство их политической дальнозоркости и их принципиальной твердости, смелого размаха их политики».

Именно те взгляды, которые Ленин развивал изо дня в день; которые проповедывались в центральном органе партии, при редакторе Сталине; которые вдохновляли речи больших и малых агитаторов; которые повторялись солдатами отдаленных участков фронта; которые Роза Люксембург считала высшим свидетельством политической дальнозоркости большевиков, именно эти взгляды бюрократия Коминтерна осудила в 1926 году. «Взгляды Троцкого и его единомышленников по основному вопросу о характере и перспекти-

вах нашей революции, — гласит постановление VII пленума Коминтерна, — не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом». Так эпигоны большевизма расправлялись с собственным прошлым.

Если кто действительно боролся в 1917 году против теории перманентной революции, так это кадеты и соглашатели. Милюков и Дан разоблачали «революционные иллюзии троцкизма», как главную причину гибели революции 1905 года. Во вступительной речи на Демократическом совещании Чхеидзе бичевал стремление «потушить пожар капиталистической войны превращением революции в социалистическую и мировую». 13-го октября Керенский говорил в Предпарламенте: «Нет сейчас более опасного врага революции, демократии и всех завоеваний свободы, чем те, которые ... под видом углубления революции и превращения ее в перманентную социальную революцию, развращают и, кажется, развратили уже массы»... Чхеидзе и Керенский были противниками перманентной революции по той же причине, по которой были врагами большевиков.

На втором Съезде советов, в момент захвата власти, Троцкий говорил: «Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, — это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию... — Есть третий путь, — раздается голос с места. Может быть, это был голос Сталина? Нет, это был голос меньшевика. Большевики открыли «третий путь» только через несколько лет.

Под влиянием неисчислимых повторений мировой сталинской печати в самых разнообразных политических кругах считается почти установленным, будто в основе брест-литовских разногласий лежали две концепции: одна исходила из возможности не только продержаться, но и построить социализм внутренними силами России; другая надеялась исключительно на восстание в Европе. На самом деле это противопоставление было создано несколько лет спустя, при чем авторы его не

дали себе труда хоть внешним образом согласовать свой вымысел с историческими документами. Правда, это было бы нелегко: все большевики, без единого исключения, одинаково считали в период Бреста, что, если революция не разразится в Европе в самом близком будущем, советская республика обречена на гибель. Одни исчисляли время неделями, другие — месяцами, никто не считал годами.

«С самого начала русской революции... — писал Бухарин 28 января 1918 года, — партия революционного пролетариата заявила: или международная революция, развязанная революцией в России, задушит войну и капитал, или международный капитал задушит русскую революцию». Не переносил ли, однако, Бухарин, возглавлявший в те дни сторонников революционной войны с Германией, взгляды своей фракции на всю партию? Как ни естественно такое предположение, оно начисто опровергается документами.

Изданные в 1929 году протоколы ЦК за 1917 и начало 1918 года, несмотря на неполноту и тенденциозную обработку, дают и в этом вопросе неоценимые указания. «Заседание 11 января 1918 года. Тов. Сергеев (Артем) указывает, что все ораторы согласны в том, что нашей социалистической республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе». Сергеев стоял на позиции Ленина, т.е. за подписание мира. Никто Сергееву не противоречит. Все три борющиеся группы апеллируют наперебой к одной и той же общей посылке: без мировой революции нам не сдобровать.

Сталин вносит, правда, в прения особую ноту: необходимость подписания сепаратного мира он мотивирует тем, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться». Еще весьма далекий от теории социализма в отдельной стране, он, однако, явно обнаруживает в этих словах свое органическое недоверие к интернациональному движению. «С потенцией мы не можем считаться!» Ленин сейчас же отмежевывается

«в некоторых частях» от сталинской поддержки: что революция на Западе еще не началась, это верно, «однако, если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму». Если он, Ленин, за немедленный сепаратный мир, то не потому, что не верит в революционное движение Запада, и еще меньше потому, что верит в жизнеспособность изолированной русской революции: нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир». Смысл брестской капитуляции исчерпывался для Ленина словом «передышка».

Протоколы свидетельствуют, что, после ленинского предостережения, Сталин искал случая поправиться. «Заседание 23 февраля 1918 года. Тов. Сталин ... Мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а (мы) — на месяцы». Сталин дословно повторяет здесь формулу Ленина. Расстояние между крайними флангами в ЦК по вопросу о мировой революции есть расстояние между неделями и месяцами.

Защищая на VII съезде партии, в марте 1918 года, подписание брестского мира, Ленин говорил: «Абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, ... но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем». Дело идет, однако, не только о Германии. «Международный империализм, который ... представляет гигантскую реальную силу ... ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не мог... Тут конфликкт представлялся неизбежным. Здесь... величайшая историческая проблема — ...необходимость вызвать международную революцию». В вынесенном секретном решении говорится: «Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей

в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию».

Несколько дней спустя Ленин докладывал на Съезде советов: «Всемирный империализм и рядом с ним победное шествие социальной революции ужиться вместе не могут». 23 апреля он говорил на заседании московского Совета: «Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран». «...Надо отступать (перед империализмом) хотя бы до Урала, — пишет он в мае 1918 года, — ибо это единственный шанс выигрыша для периода назревания революции на Западе»...

Ленин отдавал себе ясный отчет в том, что затягивание переговоров в Бресте ухудшает условия мира. Но революционные международные задачи он ставил выше «национальных». 28 июня 1918 года Ленин, несмотря на эпизодические разногласия с Троцким по поводу подписания мира, говорит на московской конференции профессиональных союзов: «Когда дело дошло до брестских переговоров, тогда перед всем миром выступили разоблачения т. Троцкого, и разве не эта политика привела к тому, что во враждебной стране... во время войны возникает громадное революционное движение»... Через неделю, в докладе Совета народных комиссаров на 5 съезде советов, он снова возвращается к тому же вопросу: «мы исполнили свой долг перед всеми народами... через нашу брестскую делегацию, с тов. Троцким во главе...» Год спустя Ленин напоминал: «...В эпоху брестского мира... советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были».

«Какое значение, — вопрошал Сталин, когда время стерло в его памяти не слишком отчетливые и без того разграничения идей, — может иметь заявление Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы? Оно

может иметь лишь одно значение: Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции».

На самом деле вся партия была единодушна в том убеждении, что «перед лицом консервативной Европы» советская республика устоять не могла бы. Но это была лишь обратная сторона убеждения в том, что консервативная Европа не сможет устоять перед лицом революционной России. В негативной форме выражалась несокрушимая вера в международную силу русской революции. И в основном партия не ошиблась. Полностью консервативная Европа во всяком случае не устояла. Даже преданная социал-демократией германская революция оказалась все же достаточно сильной, чтоб обрезать Людендорфу и Гофману когти: без этой операции советская республика вряд ли избежала бы гибели.

Но и после крушения германского милитаризма общая оценка международного положения не подверглась изменению. «Наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции... — говорил Ленин на заседании ЦИК в конце июля 1918 года. Дело обстоит таким образом, что, выйдя... из войны с одной коалицией, (мы) сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны». В августе, когда разгоралась на Волге гражданская война, с участием чехо-словаков, Ленин говорил на митинге в Москве: «Наша революция выступила, как революция всеобщая... Пролетарские массы обеспечат Советской республике победу над чехо-словаками и возможность удержаться до тех пор, пока не вспыхнет всемирная социалистическая революция». Продержаться, пока не вспыхнет революция на Западе, — такова по прежнему формула партии.

В те же дни Ленин писал американским рабочим: «мы находимся в осажденной крепости, пока другие армии международной социалистической революции не пришли нам на помощь». Еще категоричнее он выражается в ноябре: «...факты мировой истории показали, что превращение нашей, русской революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью,

ибо иного выбора не оказалось: англо-французский и американский империализм неизбежно задушит независимость и свободу России, если не победит всемирная социалистическая революция, всемирный большевизм». Говоря словами Сталина, Ленин явно не чувствует «внутренней мощи нашей революции».

Первая годовщина переворота осталась позади. Партия имела достаточно времени, чтобы осмотреться. И тем не менее в докладе на VIII съезде партии, в марте 1919 года, Ленин снова заявляет: «Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит».

В третью годовщину, совпавшую с разгромом белых, Ленин вспоминал и обобщал: «если бы в ту ночь (ночь октябрьского переворота) нам сказали, что через три года... будет вот эта наша победа, — никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил бы. Мы тогда знали, что наша победа будет победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию». Более непререкаемого свидетельства требовать нельзя: в момент октябрьского переворота «самый заядлый оптимист» не только не мечтал о построении национального социализма, но не верил в возможность обороны революции без прямой помощи извне! «Мы начинали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию». Чтобы в трехлетних боях обеспечить победу над сонмом врагов, ни партия, ни Красная армия не нуждались в мифе социализма в отдельной стране.

Мировая обстановка сложилась благоприятнее, чем можно было ждать. Массы обнаружили исключительную способность к жертвам во имя новых целей. Руководство умело использовало противоречия империализма в первый, наиболее трудный период. В результате революция проявила большую устойчивость, чем

рассчитывали наиболее «заядлые оптимисты». Но при этом партия целиком сохраняла прежнюю интернациональную установку.

«Не будь войны,—разъяснял Ленин в январе 1918 года, — мы наблюдали бы соединение капиталистов всего мира: сплочение на почве борьбы с нами». «Почему в течение недель и месяцев... после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу?.. — спрашивал он на VII съезде партии. Только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма». В апреле Ленин говорил на заседании ЦИК: «Мы получили передышку только потому, что на Западе империалистская бойня все еще продолжается, а на Дальнем Востоке империалистское соревнование расширяется все шире; только этим и объясняется существование советской республики».

Исключительное сочетание обстоятельств не могло длиться вечно. «Мы сейчас перешли от войны к миру, — говорил Ленин в ноябре 1920 года, — но мы не забыли, что вернется опять война. Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой, в конце концов, победят; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму. Это — отсрочка в войне».

Превращение первоначальной «передышки» в длительный период неустойчивого равновесия обеспечено было не только борьбой капиталистических группировок, но и международным революционным движением. Под влиянием ноябрьского переворота в Германии немецким войскам пришлось покинуть Украину, Прибалтику, Финляндию. Проникновение мятежного духа в армии Антанты вынудило французское, английское и американское правительства убрать свои войска с южного и северного побережий России. Пролетарская революция на Западе не победила, но на пути к победе прикрыла на ряд лет советское государство.

В июле 1921 года Ленин подводит итоги: «Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое,

но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении». Так, переходя от недель к месяцам, от месяцев к годам, партия лишь постепенно осваивалась с той мыслью, что рабочее государство может некоторое — «конечно, недолгое» — время мирно просуществовать в капиталистическом окружении.

Один немаловажный вывод вытекает из приведенных данных с полной неоспоримостью: раз, по общему убеждению большевиков, советское государство не могло долго продержаться без победы пролетариата на Западе, то практически уже этим одним исключалась программа построения социализма в отдельной стране; самый вопрос как бы снимался в предварительном порядке.

Было бы, однако, совершенно ошибочным, полагать, как это пыталась внушить за последние годы эпигонская школа, будто единственное препятствие на пути к национальному социалистическому обществу партия видела в капиталистических армиях. Угроза вооруженной интервенции практически действительно выдвигалась на передний план. Но сама военная опасность представляла лишь наиболее острое выражение технически-промышленного перевеса капиталистических стран. В последнем счете проблема сводилась к изолированности советской республики и к ее отсталости.

Социализм есть организация планомерного и гармонического общественного производства для удовлетворения человеческих потребностей. Коллективная собственность на средства производства не есть еще социализм, а лишь его правовая предпосылка. Проблему социалистического общества нельзя отвлекать от проблемы производительных сил, которая на нынешней стадии человеческого развития является мировой по самому своему существу. Отдельное государство, ставшее тесным для капитализма, тем менее способно стать ареной законченного социалистического обще-

ства. Отсталость революционной страны увеличивает для нее, сверх того, опасность быть отброшенной назад, к капитализму. Отвергая перспективу изолированного социалистического развития, большевики имели в виду не механически выделенную проблему интервенции, а всю совокупность вопросов, связанных с международной экономической базой социализма.

На VII съезде партии Ленин говорил: «Если Россия идет теперь, — а она бесспорно идет, — от «тильзитского» мира к национальному подъему... то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции». Такова альтернатива: или международная революция, или откат назад, — к капитализму. Национальному социализму места нет. «Сколько еще будет переходных этапов к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция».

Призывая в апреле того же года перестраивать ряды для практической работы, Ленин пишет: «Серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу». Первый приступ к хозяйственному строительству сразу же включается в международную схему: дело идет о «содействии социалистической революции на Западе», а не о создании самодовлеющего социалистического царства на Востоке.

По поводу надвигающегося голода Ленин говорит московским рабочим: «Надо во всей своей агитации... объяснять, что бедствие, которое на нас обрушилось, есть бедствие международное, что выхода из него, кроме международной революции, нет». Чтоб победить голод, нужна революция мирового пролетариата, — говорит Ленин. Чтоб построить социалистическое общество, достаточно революции в отдельной стране, — отвечают эпигоны. Такова амплитуда разногласий!

Кто прав? Не забудем, во всяком случае, что, несмотря на успехи индустриализации, голод не побежден до сих пор.

Съезд советов народного хозяйства формулировал в декабре 1918 года схему социалистического строительства в следующих словах: «Диктатура мирового пролетариата становится исторической неизбежностью... Этим определяется развитие как всего мирового общества, так и каждой страны в отдельности. Установление диктатуры пролетариата и советской формы правления в других странах сделает возможным установление теснейших экономических сношений между странами, международное разделение труда в производственом отношении, наконец, организацию международных экономических органов управления». Тот факт, что подобная резолюция могла быть вынесена съездом государственных органов, перед которыми стояли чисто практические задачи, — уголь, дрова, свекла, — лучше всего показывает, как безраздельно господствовала в тот период над сознанием партии перспектива перманентной революции.

В «Азбуке коммунизма», партийном учебнике, составленном Бухариным и Преображенским и выдержавшем большое число изданий, читаем: «Коммунистическая революция может победить только, как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено экономическое строительство... Для победы коммунизма необходима победа мировой революции».

В духе тех же идей Бухарин в популярной брошюре, которая многократно переиздавалась партией и переводилась на иностранные языки, писал: «...Перед российским пролетариатом становится так резко, как никогда, проблема международной революции... Перманентная революция в России переходит в европейскую революцию пролетариата».

В известной книге Степанова-Скворцова «Электрификация», вышедшей под редакцией и с предисловием Ленина, в главе, которую редактор особенно горячо

рекомендует вниманию читателей, говорится: «Пролетариат России никогда не думал создавать изолированное социалистическое государство. Самодовлеющее «социалистическое» государство — мелкобуржуазный идеал. Известное приближение к нему мыслимо при экономическом и политическом преобладании мелкой буржуазии; в обособлении от внешнего мира она ищет способа для закрепления своих экономических форм, которые новой техникой и новой экономикой превращены в самые неустойчивые формы». Эти замечательные строки, по которым несомненно прошлась рука Ленина, бросают яркий луч света на последующую эволюцию эпигонов!

В тезисах по национальному и колониальному вопросу ко II конгрессу Коминтерна Ленин определяет общую задачу социализма, возвышающуюся над национальными этапами борьбы, как «создание единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций всемирного хозяйства, как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме». По отношению к этой преемственной и прогрессивной тенденции идея социалистического общества в отдельной стране представляет собою реакцию.

Условия возникновения диктатуры пролетариата и условия построения социалистического общества не тождественны, не однородны, в известных отношениях даже антагонистичны. То обстоятельство, что русский пролетариат первым пришел к власти, вовсе еще не значит, что он первым придет к социализму. Противоречивая неравномерность развития, приведшая к октябрьскому перевороту, не исчезла с его завершением: она оказалась заложена в самый фундамент первого рабочего государства.

«Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, — говорил Ленин в марте 1918 года, — тем труднее для нее переход от старых капита-

листических отношений к социалистическим». Эта идея проходит через речи и статьи Ленина из года в год. «Нам революцию легко начать и труднее продолжать... — говорит он в мае того же года, — на Западе — революцию труднее начать, но будет легче продолжать». В декабре Ленин развивает ту же мысль пред крестьянской аудиторией, которой труднее всего перенестись за национальные границы: «там (на Западе) переход к социалистическому хозяйству... пойдет быстрее и будет совершаться легче, чем у нас... В союзе с социалистическим пролетариатом всего мира русское трудящееся крестьянство... поборет все невзгоды»... «По сравнению с передовыми странами, — повторяет он в 1919 году, — русским было легче начать великую пролетарскую революцию, но им труднее будет продолжать ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества». «России, — снова настаивает Ленин 27 апреля 1920 года, — ...было легко начать социалистическую революцию, тогда как продолжать ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения»...

Века истории живут в виде разных уровней культуры. Для преодоления прошлого нужно время, не новые века, но десятилетия. «Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму», — говорил Ленин на заседании ЦИК 29 апреля 1918 года. Почти через два года, на съезде земледельческих коммун, он намечает еще более отдаленные сроки: «Сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, дай бог, чтобы при наших детях, а, может быть, и внуках, он был установлен у нас». Русские рабочие раньше других выступили в путь, но позже других придут к цели. Это не пессимизм, а исторический реализм.

«...Мы, пролетариат России, впереди любой Англии и любой Германии по нашему политическому

строю... — писал Ленин в мае 1918 года, — и вместе с тем позади самого отсталого из западно-европейских государств... по степени подготовки к материально-производственному введению социализма». Та же мысль выражается у него сопоставлением двух государств: «Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны». Элементы будущего общества как бы расщеплены между разными странами. Собрать и соподчинить их друг другу есть задача ряда национальных переворотов, слагающихся в мировую революцию.

Мысль о самодовлеющем характере советского хозяйства Ленин заранее подвергал осмеянию: «Пока наша советская Россия останется одинокой окраиной всего капиталистического мира, — говорил он в декабре 1920 года, на VIII съезде советов, — до тех пор думать о полной нашей экономической независимости... было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом». 27 марта 1922 года, на XI съезде партии, Ленин предостерегал: впереди предстоит «экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться; экзамен этот серьезный, ибо тут могут побить нас экономически и политически».

Мысль о зависимости советского хозяйства от мирового Коминтерн считает ныне «контр-революционной»: социализм не может зависеть от капитализма! Эпигоны умудрились позабыть, что капитализм, как и социализм, опираются на мировое разделение труда, которое именно в социализме должно достигнуть высшего расцвета. Хозяйственное строительство в изолированном рабочем государстве, как ни важно оно само по себе, будет оставаться урезанным, ограниченным и противоречивым: достигнуть высот нового гармонического общества оно не может.

«Подлинный подъем социалистического хозяйства в России, — писал Троцкий в 1922 году, — станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». Эти слова вошли в обвинительный акт; между тем они выражали в свое время общую мысль партии. «Дело строительства, — говорил Ленин в 1919 году, — целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы можем серьезно приняться за дело строительства». Эти слова выражали не неверие в русскую революцию, а веру в близость мировой революции. Но и сейчас, после крупнейших хозяйственных успехов Союза, остается верным, что «подлинный подъем социалистического хозяйства» возможен только на международной основе.

Под тем же углом зрения партия рассматривала и проблему коллективизации сельского хозяйства. Пролетариат не может построить новое общество, не приведя к социализму через ряд переходных ступеней крестьянство, которое составляет значительную, в ряде стран преобладающую часть населения и заведомое большинство — на всем земном шаре. Разрешение этой труднейшей из проблем зависит в последнем счете от количественного и качественного взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством: крестьянство тем добровольнее и успешнее станет на путь коллективизации, чем щедрее город способен оплодотворить его экономику и культуру.

Существует ли, однако, достаточная для преобразования деревни промышленность? Ленин и эту задачу выводил за национальные границы. «Если взять вопрос в мировом масштабе, — говорил он на IX съезде советов, — такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле... Мы кладем это в основу своих расчетов». Соотношение промышленности и сельского хозяйства, несравненно менее благоприятное в России, чем в странах Запада, до сего дня остается основой

экономических и политических кризисов, угрожающих в некоторые моменты устойчивости советской системы.

Политика так называемого «военного коммунизма», как ясно из сказанного, вовсе не была рассчитана на построение социалистического общества в национальных границах: только меньшевики, издеваясь над советской властью, приписывали ей такие планы. Для большевиков дальнейшая судьба спартанского режима, навязанного разрухой и гражданской войной, стояла в прямой зависимости от развития революции на Западе. В январе 1919 года, в разгар военного коммунизма, Ленин говорил: «Мы основы своей продовольственной коммунистической политики отстоим и донесем их непоколебимыми до того времени, когда придет пора полной и всемирной победы коммунизма». Вместе со всей партией Ленин ошибся. Продовольственную политику пришлось переменить. Сейчас можно считать установленным, что, если бы даже социалистический переворот в Европе произошел в первые два-три года после Октября, отступление на путь НЭП'а было бы все равно неизбежно. Но при ретроспективной оценке первого этапа диктатуры становится особенно ясно, до какой степени методы военного коммунизма и его иллюзии тесно переплетались с перспективой перманентной революции.

Глубокий внутренний кризис на исходе трех лет гражданской войны означал угрозу прямого разрыва между пролетариатом и крестьянством, между партией и пролетариатом. Понадобился радикальный пересмотр методов советской власти. «...Мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, — объяснял Ленин, — иначе — сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя...» Не сопровождался ли, однако, переход на НЭП принципиальным разрывом связей между внутренними проблемами и международными?

Общую оценку открывавшегося этапа Ленин давал в своих тезисах для III конгресса Коминтерна: «...С

точки зрения всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе». Уже самое определение рамок НЭП'а начисто снимает проблему социализма в отдельной стране.

Не менее поучительны те строки, которые Ленин записал для самого себя в дни обсуждения и выработки новых методов хозяйства: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)». Цель поставлена: приспособиться к новым, более длительным срокам, которые могут понадобиться для созревания революции на Западе. В этом и только в этом смысле Ленин выражал уверенность в том, что «из России нэповской будет Россия социалистическая».

Мало сказать, что идея международной революции не подверглась пересмотру; в известном смысле она получает теперь более глубокое и отчетливое выражение. «В странах развитого капитализма, — говорит Ленин на X съезде партии, выясняя историческое место НЭП'а, — есть в течение десятков лет сложившийся класс наемных рабочих земледелия... Где этот класс достаточно развит, переход от капитализма к социализму возможен. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах... Другое условие — это соглашение между... держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения...

Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах». Все элементы проблемы связаны воедино. Союз с крестьянством необходим для самого существования советской власти; но он не заменяет международной революции, которая одна только и может создать экономическую базу социалистического общества.

На том же X съезде поставлен особый доклад: «Советская республика в капиталистическом окружении», продиктованный затяжкой революции на Западе. В качестве докладчика от ЦК выставлен Каменев. «...Никогда мы не ставили своей задачей, — говорит он, как о чем-то для всех бесспорном, — построить коммунистический строй в одной, изолированной стране. Мы оказались, однако, в таком положении, что нам необходимо удержать основу коммунистического строя, основу социалистического государства, Советскую пролетарскую республику, окруженную со всех сторон капиталистическими отношениями. Разрешим ли мы эту задачу? Я думаю, что это вопрос схоластический. На этот вопрос в такой постановке ответить нельзя. Вопрос стоит так: как при данных отношениях удержать советскую власть и удержать ее до того момента, когда пролетариат в той или другой стране придет нам на помощь?» Если идеи докладчика, который несомненно не раз согласовывал свой конспект с Лениным, находились в противоречии с традицией большевизма, то как же съезд не поднял протеста? Как это не нашлось ни одного делегата, который указал бы, что по самому основному вопросу революции Каменев развивает взгляды, не имеющие «ничего общего» со взглядами большевизма? Как никто во всей партии не заметил ереси?

«По Ленину, —утверждает Сталин, — революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь на арене мировой революции пролетариата». На это противопо-

ставление, как и на многие другие, Ленин ответил заранее: «Ни на минуту мы не забывали и не забываем, — говорил он 14 мая 1918 года в заседании ЦИК, — слабости русского рабочего класса по сравнению с другими отрядами международного пролетариата... Но мы должны остаться на этом посту, пока не придет наш союзник — международный пролетариат». В третью годовщину октябрьского переворота Ленин подтверждал: «...Наша ставка была ставкой на международную революцию, и эта ставка безусловно была верна... Мы всегда подчеркивали, что в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя»... В феврале 1921 года Ленин заявлял на съезде рабочих швейной промышленности: «Мы всегда и неоднократно указывали рабочим, что коренная, главная задача и основное условие нашей победы есть распространение революции, по крайней мере, на несколько наиболее передовых стран». Нет, Ленин слишком скомпрометирован своим упорным стремлением «черпать» силы на мировой арене: обелить его невозможно!

Подобно тому, как Троцкий противопоставляется Ленину, сам Ленин противопоставляется Марксу, — и с таким же основанием. Если Маркс предполагал, что пролетарская революция начнется во Франции, но завершится не иначе, как в Англии, то это, по Сталину, объясняется тем, что Маркс не знал еще закона неравномерного развития. На самом деле марксов прогноз, противопоставлявший страну революционной инициативы стране социалистического завершения, построен целиком на законе неравномерного развития. Во всяком случае сам Ленин, не допускавший недомолвок в больших вопросах, никогда и нигде не устанавливал своего расхождения с Марксом и Энгельсом относительно международного характера революции. Как раз наоборот! Если «дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс», — говорил Ленин на III съезде советов, — то только в отношении исторического чередования стран: на долю русского пролета-

риата выпала ходом вещей «почетная роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далее развитие революции: русский начал, — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»...

Дальше нас подстерегает довод от государственного престижа: отрицание теории национального социализма «ведет, — по словам Сталина, — к развенчанию нашей страны». Одна эта невыносимая для марксистского уха фразеология выдает всю глубину разрыва большевистской традиции. Не «развенчания» боялся Ленин, а национального чванства. «Мы являемся, — учил он в апреле 1918 года на заседании московского Совета, — одним из революционных отрядов рабочего класса, выдвинувшимся вперед, не потому, что мы лучше других..., но только и только потому, что мы были одной из самых отсталых стран в мире... Мы придем к полной победе только вместе со всеми рабочими других стран, рабочими всего мира».

Призыв к трезвой самооценке становится лейтмотивом ленинских речей. «Русская революция, — говорит он 4 июня 1918 года, — ...вовсе не особой заслугой руского пролетариата, а ходом... исторических событий вызвана, и этот пролетариат поставлен волей истории временно на первое место и сделан на время авангардом мировой революции». «Первая роль пролетариата России в мировом рабочем движении, — говорит Ленин на конференции завкомов 23 июля 1918 года, — объясняется не хозяйственным развитием страны; как раз наоборот: отсталостью России... Русский пролетариат ясно сознает, что необходимым условием и основной предпосылкой его победы является объединенное выступление рабочих всего мира или некоторых передовых в капиталистическом отношении стран». Октябрьский переворот вызван, конечно, не только отсталостью России, и Ленин это хорошо понимал. Но он сознательно перегибает палку, чтоб выпрямить ее.

На съезде советов народного хозяйства, т. е. органов, специально призванных строить социализм, Ленин говорит 26 мая 1918 года: «Мы не закрываем глаза, что нам одним социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия... своими силами всецело не выполнить». Предупреждая и здесь будущие голоса бюрократического ханжества, оратор поясняет: «Это не может вызвать ни капли пессимизма, потому что задача, которую мы себе ставим, это задача всемирной исторической трудности».

На VI съезде советов, 8 ноября, он говорит: «полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем»... Ленин не только отказывает России в праве на свой собственный социализм, но демонстративно отводит ей второстепенное место при построении социализма другими странами. Какое преступное «развенчание нашей страны»!

В марте 1919 года, на съезде партии, Ленин одергивает зарывающихся: «У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны». Кому-нибудь это покажется обидным? «А разве, — восклицает Ленин 19 мая 1921 года, — кто-либо когда-либо из большевиков отрицал, что революция может в окончательной форме победить лишь тогда, когда она охватит или все или, по крайней мере, некоторые из наиболее передовых стран!» В ноябре 1920 года, на московской губернской конференции партии, он снова напоминает, что большевики не обещали и не мечтали «силами одной России переделать весь мир... До такого сумасшествия мы никогда не доходили, а

всегда говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран».

«Мы не доделали, — пишет он в начале 1922 года, — даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий и головокружения, особенно на больших высотах. И нет решительно ничего «страшного», ничего, дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины; ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран».

Через два с лишним года Сталин потребует отречения от марксизма в этом коренном вопросе. Основание? Маркс оставался в неведении относительно неравномерности развития, т. е. элементарнейшего закона диалектики природы, как и общества. Но как же быть с самим Лениным, который, по Сталину, впервые «открыл» будто бы закон неравномерности на опыте империализма и тем не менее упорно держался за «азбучную истину марксизма»? Тщетно стали бы мы искать разъяснения.

«Троцкизм — согласно обвинительному приговору Коминтерна — исходил и продолжает исходить из того, что наша революция сама по себе(!) не является по существу дела социалистической, что Октябрьская революция есть лишь сигнал, толчок и исходный пункт социалистической революции на Западе». Национальное перерождение прикрывается здесь чистейшей схоластикой. Октябрьская революция «сама по себе» вообще не существует. Она была бы невозможной без всей предшествующей истории Европы, и она была бы безнадежной без своего продолжения в Европе и во всем мире. «...Русская революция есть только одно звено в цепи революции международной» (Ленин). Сила ее как раз в том, в чем эпигоны видят ее «развенчание». Именно потому и только потому, что она

является не самодовлеющим целым, а «сигналом», «толчком», «исходным пунктом», «звеном», она и приобретает социалистический характер.

«Конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна», — говорил Ленин на III Съезде советов, в январе 1918 года, — но зато возможно другое: «живой пример, приступ к делу где-либо в одной стране, — вот что зажигает трудящиеся массы во всех странах». В июле на заседании ЦИК'а: «наша задача сейчас... удержать... этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать для усиливающегося пожара социальной революции». Через месяц на рабочем митинге: «революция (европейская) нарастает... И мы должны сохранить советскую власть до ее начала, наши ошибки должны послужить уроком западному пролетариату». Еще через несколько дней на съезде работников просвещения: «русская революция — только пример, только первый шаг в ряде революций»... В марте 1919 года на съезде партии: «русская революция была в сущности генеральной репетицией... всемирной пролетарской революции». Не революция «сама по себе», а факел, урок, только пример, только первый шаг, только звено! Не самостоятельная пьеса, а только генеральная репетиция! Какое упорное и жестокое «развенчание»!

Но Ленин и на этом не останавливается. «Если бы случилось, — говорит он 8 ноября 1918 года, — что нас вдруг смело бы... — мы имели бы право сказать, не скрывая ошибок, что мы использовали тот период времени, который судьба нам дала, полностью для социалистической мировой революции». Как далеко это и по методу мысли, и по политической психологии от чванного самодовольства эпигонов, возомнивших себя вечным пупом земли.

Фальшь в основном вопросе, если политический интерес заставляет за нее цепляться, ведет к неисчислимым производным ошибкам и постепенно перестраивает все мышление. «...Наша партия не имеет права

обманывать рабочий класс, — говорил Сталин на пленуме Исполкома Коминтерна в 1926 году, — она должна была бы сказать прямо, что отсутствие уверенности в возможности построения социализма в нашей стране ведет к отходу от власти и переходу нашей партии от положения правящей к положению оппозиционной партии»... Коминтерн канонизировал этот взгляд в своей резолюции: «Отрицание этой возможности (социалистического общества в отдельной стране) со стороны оппозиции есть ни что иное, как отрицание предпосылок для социалистической революции в России». «Предпосылками» являются не общее состояние мирового хозяйства, не внутренние противоречия империализма, не соотношение классов в России, а заранее данная гарантия осуществимости социализма в отдельной стране!

На телеологический довод, выдвинутый эпигонами осенью 1926 года, можно ответить теми самыми соображениями, которыми мы отвечали меньшевикам весной 1905 года: «Раз объективное развитие классовой борьбы выдвигает пред пролетариатом в известный момент революции альтернативу: взять на себя права и обязанности государственной власти или сдать свою классовую позицию, социал-демократия ставит завоевание государственной власти своей очередной задачей. Она при этом нимало не игнорирует объективных процессов развития более глубокого порядка, процессов роста и концентрации производства, но она говорит: раз логика классовой борьбы, опирающейся, в последнем счете, на ход экономического развития, толкает пролетариат к диктатуре прежде, чем буржуазия исчерпала свою экономическую миссию..., то это значит лишь, что история взваливает на пролетариат колоссальные по своей трудности задачи. Может быть, пролетариат даже изнеможет в борьбе и падет под их тяжестью, — может быть. Но он не может отказываться от этих задач под страхом классового разложения и погружения всей страны в варварство». К этому мы и сейчас ничего не могли бы прибавить.

«...Непоправимой ошибкой, — писал Ленин в мае 1918 года, — было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических сил и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власть... Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества, что только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран». Трудности международной революции побеждаются не пассивным приспособлением, не отказом от власти, не национальным выжиданием всеобщего восстания, а живым действием, преодолением противоречий, динамикой борьбы, расширением ее радиуса.

Если брать всерьез историческую философию эпигонов, то большевики накануне Октября должны были знать заранее: и то, что удержатся против сонма врагов; и то, что с военного коммунизма перейдут на НЭП; и то, что, в случае надобности, построят свой национальный социализм; словом, прежде, чем взять власть, они должны были подвести точный баланс и вывести активное сальдо. Между тем то, что происходило на самом деле, очень мало походило на эту благочестивую карикатуру.

В отчете на партийном съезде в марте 1919 года Ленин говорил: «Мы должны были сплошь и рядом итти ощупью. Этот факт более всего бросается в глаза, когда мы пытаемся охватить одним взглядом пережитое. Но это нисколько не поколебало нас даже 10 октября 1917 года, когда решался вопрос о взятии власти. Мы не сомневались, что нам придется, по выражению тов. Троцкого, экспериментировать — делать опыт. Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался». И далее: «Кто когда-либо мог делать величайшую революцию, зная заранее, как ее делать до конца? Откуда можно взять

такое знание? Оно не почерпается из книг. Таких книг нет. Только на опыте масс могло родиться наше решение».

Уверенности в том, что в России можно построить социалистическое общество, большевики не искали, она им не нужна была, с ней нечего было делать, она противоречила всему, чему они учились в школе марксизма. «Тактика большевиков... — писал Ленин против Каутского, — была единственно интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском неверии в нее»... Большевики «проводили максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах». При такой тактике нельзя было заранее начертать для себя непогрешимый маршрут и еще менее можно было застраховать свою национальную победу. Но большевики знали: опасность есть элемент революции, как и войны. С открытыми глазами они шли навстречу опасностям.

Ставя мировому пролетариату в пример и в укор, как смело буржуазия рискует войнами во имя своих интересов, Ленин с ненавистью клеймит тех социалистов, которые «боятся начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех... Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают». Ленин, как известно, не затруднял себя выбором выражений, когда негодование душило его.

«А как быть, — допытывался Сталин, — если международной революции суждено притти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Троцкий не дает никакого просвета». Эпигоны требуют для русского пролетариата исторических привиллегий: он должен иметь готовые рельсы для непрерывного движения к социализму, независимо от того, что произойдет со всем остальным человечеством. Увы, таких рельс история не заготовила. «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, — говорил

Ленин на VII съезде партии, — то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой..., была бы безнадежной».

Но и в этом случае она не была бы бесплодной. «Даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, — говорил Ленин в мае 1919 года на съезде педагогов, — мы бы ни на одну секунду не раскаялись, что мы ее взяли. И ни один из сознательных рабочих ... не раскается в этом, не усомнится, что наша революция тем не менее победила». Ибо победу Ленин мыслил только в международной преемственности развития и борьбы. «Новое общество... есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных, конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство». Отчетливое разграничение и, в известном смысле, противопоставление «социалистического государства» и «нового общества» дает ключ ко многочисленным злоупотреблениям, которые эпигонская литература производит над ленинскими текстами.

С предельной простотой Ленин разъяснял смысл большевистской стратегии в исходе пятого года после завоевания власти. «Когда мы начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной, мировой революции, победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: сейчас же, или, по крайней мере очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в

противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции. Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции точно так же, как и непосредственно после нее, и во время заключения брест-литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно». Сроки передвинулись, узор событий сложился во многом непредвиденно, но основная ориентировка осталась неизменной.

Что можно прибавить к этим словам? «Мы начинали... международную революцию». Если переворот на Западе не наступит «сейчас же, или, по крайней мере очень быстро», — полагали большевики, — «мы должны погибнуть». Но и в этом случае завоевание власти окажется оправданным: на опыте погибших будут учиться другие. «Мы работаем не только для себя, но и для международной революции». Эти насквозь проникнутые интернационализмом идеи Ленин излагал на конгрессе Коммунистического интернационала. Возразил ли ему кто-нибудь? Намекнул ли кто на возможность национального социалистического общества? Никто и ни единым словом!

Пять лет спустя, на VII пленуме Исполкома Коммунистического интернационала, Сталин развивал соображения прямо противоположного характера. Они уже известны нам: если нет «уверенности в возможности построения социализма в нашей стране», то партия должна перейти «от положения правящей к положению оппозиционной партии»... Надо иметь предварительную страховку успеха, прежде чем брать власть; эту страховку разрешается искать только в национальных условиях; нужна уверенность в построении социализма в крестьянской России; зато вполне можно обойтись без уверенности в победе мирового пролетариата. Каждое из этих логических звеньев бьет по лицу традицию большевизма!

Для прикрытия разрыва с прошлым сталинская школа пыталась использовать несколько ленинских строк, казавшихся ей наименее неподходящими. Статья 1915 года о Соединенных Штатах Европы бросает вскользь замечание, что рабочий класс должен в каждой отдельной стране завоевывать власть и приступать к социалистическому строительству, не дожидаясь других.Еслиб за этими бесспорными строками скрывалась мысль о национальном социалистическом обществе, как мог бы Ленин так основательно забыть о ней в течение последующих годов и так упорно противоречить ей на каждом шагу? Но незачем прибегать к косвенным доводам, когда имеются прямые. Программные тезисы, выработанные Лениным в том же 1915 году, отвечают на вопрос точно и непосредственно: «Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь черезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России, для первой задачи сотрудник — мелкобуржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран». Большей ясности требовать нельзя.

Вторая ссылка на Ленина не более основательна. Незаконченная статья его о кооперации говорит, что в Советской республике имеется налицо «все необходимое и достаточное», чтобы без новых революций совершить переход к социализму: речь идет, как совершенно ясно из текста, о политических и правовых предпосылках. Автор не забывает напомнить о недостатке предпосылок производственных и культурных. Эту мысль Ленин вообще повторял не раз. «Нам... не хватает — писал он в другой статье того же периода, начала 1923 года, — цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки». В этом случае, как и во всех других, Ленин исходил из того, что к

социализму, наряду с русским пролетариатом и впереди его, пойдет пролетариат Запада. Статья о кооперации не заключает и намека на то, будто Советская республика может реформистски и гармонически создать свой национальный социализм, вместо того, чтобы в процессе антагонистического и революционного развития включиться в мировое социалистическое общество. Обе цитаты, введенные даже в текст программы Коминтерна, давно подвергнуты разъяснению в нашей «Критике программы», при чем противники ни разу не пытались отстаивать свои натяжки и ошибки. Впрочем, такая попытка была бы слишком безнадежной.

В марте 1923 года, т.е. в тот же последний период своей творческой работы, Ленин писал: «Мы стоим... в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?» Мы видим снова: передвигались сроки, менялась ткань событий, но незыблемой оставалась интернациональная основа политики. Вера в международную революцию, — по Сталину, «неверие» во внутренние силы русской революции, — сопровождала великого интернационалиста до могилы. Только придавив Ленина мавзолеем, эпигоны получили возможность национализировать его воззрения.

* *
*

Из мирового разделения труда, из неравномерности развития разных стран, из их экономической взаимозависимости, из неравномерности разных сторон культуры в отдельных странах, из динамики современных производительных сил вытекает то, что социалистический строй может быть построен лишь по системе экономической спирали, путем вынесения внутренних несоответствий отдельной страны на целую группу стран, путем взаимного обслуживанья разных стран

и взаимного восполнения разных отраслей их хозяйства и культуры, т.е. в последнем счете на мировой арене.

Старая программа партии, принятая в 1903 году, начинается словами: «Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным»... Подготовка пролетариата к предстоящей социальной революции определяется, как задача «международной социал-демократии». Однако, «на пути к их общей конечной цели... социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи». В России такой задачей является низвержение царизма. Демократическая революция рассматривается заранее, как национальная ступень к интернациональной социалистической революции.

Та же концепция легла в основу новой программы, принятой партией уже после завоевания власти. При предварительном обсуждении проекта программы на VII съезде Милютин внес редакционную поправку в резолюцию Ленина: «Я предлагаю, — говорил он — вставить слова «международной социалистической революции», там, где говорится «начавшейся эрой социальной революции»... Я думаю это мотивировать незачем... Социальная революция наша может победить только, как международная революция. Не может она победить только в России, оставивши в окружающих странах буржуазной строй... Я предлагаю во избежание недоразумений вставить это». Председатель Свердлов: «Тов. Ленин принимает эту поправку, так что незачем голосовать». Маленький эпизод парламентской техники («мотивировать незачем» и «незачем голосовать»!) опрокидывает фальшивую историографию эпигонов, пожалуй, более убедительно, чем самое тщательное исследование! То обстоятельство, что сам Милютин, как и цитированный выше Скворцов-Степанов, как сотни и тысячи других, осудили вскоре собственные взгляды под именем «троцкизма», ничего не меняет в природе вещей. Большие исторические потоки силь-

нее человеческих позвоночников. Прибои поднимают, а отливы сносят целые политические поколения. С другой строны, идеи имеют способность жить и после физической или духовной смерти своих носителей.

Через год, на VIII съезде партии, утверждавшем новую программу, тот же вопрос был снова освещен в обмене ярких реплик между Лениным и Подбельским. Московский делегат протестовал против того, что, несмотря на октябрьский переворот, о социальной революции все еще говорится в будущем времени. «Подбельский нападал на то, — говорит Ленин, — что в одном из параграфов говорится о *предстоящей* социальной революции... Такой довод явно несостоятелен, ибо у нас в программе речь идет о социальной революции в мировом масштабе». Поистине история партии не оставила эпигонам ни одного неосвещенного прикрытия!

В принятой в 1921 году программе Комсомола тот же вопрос преподнесен в особо популярной и простой форме. «Россия, хотя и обладает огромными естественными богатствами, — гласит один из параграфов, — но все же является отсталой в промышленном отношении страной, в которой преобладает мелко-буржуазное население. Она может притти к социализму лишь через мировую пролетарскую революцию, в эпоху развития которой мы вступили». Одобренная в свое время Политбюро, с участием не только Ленина и Троцкого, но также и Сталина, эта программа сохраняла еще полную свою силу осенью 1926 года, когда Исполком Коминтерна приравнивал непризнание социализма в отдельной стране к смертному греху.

В ближайшие два года эпигоны оказались, однако, вынуждены сдать программные документы ленинской эпохи в архив. Склеенный из кусочков новый документ они назвали программой Коммунистического Интернационала. Если у Ленина в «русской» программе речь шла о международной революции, то у эпигонов в международной программе речь идет о «русском» социализме.

Когда и как обнаружился впервые открыто разрыв с прошлым? Историческую дату неметить тем легче, что она совпадает с вехой в биографии Сталина. Еще в апреле 1924 года, через три месяца после смерти Ленина, Сталин скромно излагал традиционные взгляды партии. «... Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране — писал он в своих «Вопросах ленинизма» — еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран»... Изложение этих мыслей Сталин заканчивает словами: «Таковы в общем характерные черты ленинской теории пролетарской революции».

К осени того же года, под влиянием борьбы с троцкизмом, неожиданно обнаружилось, что именно Россия, в отличие от других стран, может собственными силами построить социалистическое общество, если ей не помешает интервенция... «Упрочив свою власть и поведя за собою крестьянство, — писал Сталин в новом издании той же работы, — пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество». Может и должен! Только для того, чтобы «вполне гарантировать страну от интервенции... необходима победа революции, по крайней мере в нескольких странах»... Провозглашение этой новой концепции, которая отводит мировому пролетариату роль пограничной охраны, заканчивается все теми же словами: «... Таковы, в общем, характерные черты ленин-

ской теории пролетарской революции». На протяжении года Сталин подсовывает Ленину два прямо противоположных воззрения по основному вопросу социализма.

На пленуме ЦК в 1927 году Троцкий говорил по поводу двух противоположных взглядов Сталина: «Можно сказать: Сталин ошибался, а потом поправился. Но каким же образом он мог *так* ошибаться в *таком* вопросе? Если верно, что Ленин уже в 1915 году дал теорию построения социализма в отдельной стране (что в корне неверно); если верно, что в дальнейшем Ленин только подкреплял и развивал эту точку зрения (что в корне неверно), — то как же, спрашивается, Сталин мог по такому важнейшему вопросу выработать для себя при жизни Ленина, в последний период его жизни, тот взгляд, который нашел свое выражение в сталинской цитате 1924 года? Выходит, что в этом коренном вопросе Сталин попросту был всегда троцкистом и только после 1924 года перестал быть им... Было бы недурно, если бы Сталин нашел у себя хотя одну цитату, доказывающую, что он и до 1924 г. говорил о построении социализма в одной стране. Не найдет!» На этот вызов ответа не последовало.

Не надо, однако, преувеличивать действительную глубину поворота, совершенного Сталиным. Как в вопросах о войне и об отношении к Временному правительству или в национальном вопросе, так и в вопросе об общих перспективах революции Сталин имел две позиции: одну самостоятельную, органическую, не всегда высказанную и, во всяком случае, никогда не высказанную до конца, и другую — условную, фразеологическую, воспринятую от Ленина. Поскольку дело идет о людях одной и той же партии, нельзя представить себе более глубокую пропасть, чем та, которая отделяет Сталина от Ленина, как в основных вопросах революционной концепции, так и в политической психологии. Оппортунистическая природа Сталина маскируется тем, что он опирается на победоносную пролетарскую революцию. Но мы видели самостоятельную позицию Сталина в марте 1917 года: имея за спиною

уже совершившуюся буржуазную революцию, он ставил задачей партии «затормозить откалывание» буржуазии, т.е. фактически сопротивлялся пролетарской революции. Если она совершилась, то не по его вине. Вместе со всей бюрократией Сталин стал на почву факта. Раз есть диктатура пролетариата, должен быть и социализм. Вывернув на изнанку доводы меньшевиков против пролетарской революции в России, Сталин теорией социализма в отдельной стране стал отгораживаться от международной революции. И так как он никогда не продумывал принципиальных вопросов до конца, то ему не могло не казаться, что он «в сущности» всегда так думал, как осенью 1924 года. А так как он к тому же никогда не становился в противоречие с господствующим мнением партии, то ему не могло не представиться, что и партия «в сущности» так же думала, как он.

Первоначально подмена имела бессознательный характер. Дело шло не о фальсификации, а об идеологическом линянии. Но по мере того, как доктрина национального социализма наталкивалась на хорошо вооруженную критику, потребовалось организованное, преимущественно хирургическое вмешательство аппарата. Теория национального социализма была декретирована. Она доказывалась методом от обратного: арестами тех, которые ее не разделяли. Одновременно открылась эра систематической переделки партийного прошлого. История партии превратилась в палимпсест. Порча пергаментов продолжается и ныне, притом со все возростающим неистовством.

Решающее значение имели, все же, не репрессии и не фальсификации. Торжество новых взглядов, отвечающих положению и интересам бюрократии, опиралось на объективные обстоятельства, временные, но крайне могущественные. Возможности, открывшиеся перед советской республикой оказались во внешней, как и во внутренней политике, гораздо значительнее, чем кто бы то ни было мог рассчитывать перед переворотом. Изолированное рабочее государство не только

удержалось среди сонма врагов, но и поднялось экономически. Эти тяжеловесные факты формировали общественное мнение молодого поколения, которое еще не научилось исторически мыслить, т.е. сравнивать и предвидеть.

Европейская буржуазия слишком обожглась на последней войне, чтоб легко решиться на новую. Страх перед революционными последствиями парализовал до сих пор планы военного вмешательства. Но фактор страха — неустойчивый фактор. Угроза революции никогда еще не заменяла самой революции. Опасность, которая долго не реализуется, теряет в своем действии. В то же время непримиримое противоречие между рабочим государством и миром империализма стремится прорваться наружу. События последнего времени настолько красноречивы, что надежды на «нейтрализацию» мировой буржуазии, вплоть до завершения социалистического строительства, покинуты ныне правящей фракцией; в известном смысле они превратились даже в свою противоположность.

Достигнутые в течение мирных годов промышленные успехи являются навсегда завоеванным доказательством несравненных преимуществ планового хозяйства. В этом факте нет никакого противоречия с международным характером революции: социализм не мог бы осуществиться и на мировой арене, если бы его элементы и опорные базы не подготовлялись в отдельных странах. Не случайно, что именно противники теории национального социализма были протагонистами индустриализации, планового начала, пятилетки и коллективизации. Борьбу за смелую хозяйственную инициативу Раковский и с ним тысячи других большевиков оплачивают годами ссылки и тюрьмы. Но они же, с другой стороны, первыми восстали против переоценки достигнутых результатов и национального самодовольства. Наоборот, недоверчивые и близорукие «практики», которые раньше считали, что пролетариат отсталой России не сможет овладеть властью, а после завоевания власти отрицали возможность широкой ин-

дустриализации и коллективизациии, стали затем на прямо противоположную позицию: достигнутые против их собственных ожиданий успехи они попросту умножили на ряд пятилеток, подменив историческую перспективу таблицей умножения, — это и есть теория социализма в отдельной стране.

На самом деле рост нынешнего советского хозяйства остается антагонистическим процессом. Упрочивая рабочее государство, экономические успехи вовсе не ведут автоматически к созданию гармонического общества. Наоборот, они подготовляют обострение противоречий изолированного социалистического строительства на более высокой основе. Деревенская Россия по прежнему нуждается в общем хозяйственном плане с городской Европой. Мировое разделение труда стоит над диктатурой пролетариата в отдельной стране и повелительно предписывает ей дальнейшие пути. Октябрьский переворот не выключил Россию из развития остального человечества, наоборот, теснее связал с ним. Россия уже не гэто варварства, но еще и не Аркадия социализма. Она наиболее переходная страна в нашей переходной эпохе. «Русская революция есть только одно звено в цепи революции международной». Нынешнее состояние мирового хозяйства позволяет сказать без колебаний: капитализм гораздо ближе подошел к пролетарской революции, чем Советский Союз — к социализму. Судьба первого рабочего государства нерасторжимо связана с судьбою освободительного движения на Западе и Востоке. Но эта большая тема требует самостоятельного рассмотрения. Мы надеемся к ней вернуться.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПО ВОПРОСУ О ТЕОРИИ «ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В приложении к 1-му тому «Истории» мы дали обширные извлечения из серии статей, написанных автором этого труда в марте 1917 года въ Нью-Иорке и из его позднейших полемических статей против профессора Покровского. В обоих случаях дело идет об анализе движущих сил русской, отчасти и международной революции. На оселке этого вопроса определялись в русском революционном лагере с начала столетия основные принципиальные группировки. По мере нарастания революционного прибоя они все больше приобретали программно-стратегический, а затем и непосредственно тактический характер. 1903—1906 годы являются периодом интенсивного формирования политических направлений в тогдашней русской социал-демократии. К этому времени относится наша работа «Итоги и перспективы». Она писалась частями и по разным поводам. Тюремное заключение с декабря 1905 г. позволило автору более систематически изложить свои взгляды на характер русской революции и ее перспективы. В виде книги, эта сводная работа появилась на русском языке в 1906 году. Чтобы печатаемые ниже извлечения из нее заняли в сознании читателя надлежащее место, напомним еще раз, что в 1904—1905 годах никто из русских марксистов не защищал и не выдвигал мысли о возможности постро-

ения социалистического общества в отдельной стране вообще, в России — в особенности. Эта концепция была впервые выдвинута в печати лишь двадцать лет спустя, осенью 1924 года*). В период первой революции, как и в годы между двух революций, споры велись вокруг динамики буржуазной революции, а не вокруг шансов и возможностей революции социалистической. Все нынешние сторонники теории социализма в отдельной стране, без единого исключения, ограничивали в тот период перспективу русской революции буржуазно-демократической республикой и до апреля 1917 года считали невозможным не только построение национального социализма, но и завоевание власти пролетариатом России прежде, чем установится диктатура в более передовых странах.

Под «троцкизмом» понимали в период 1905—1917 годов ту революционную концепцию, согласно которой буржуазная революция в России не сможет разрешить свои задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. Только с осени 1924 г. под «троцкизмом» стали понимать концепцию, согласно которой русский пролетариат, став у власти, не сможет построить национальное социалистическое общество одними своими силами.

Для удобства читателя мы представим споры схематически, в форме диалога, где под инициалом Т фигурирует представитель «троцкистской» концепции, а под инициалом С один из тех русских «практиков», которые возглавляют сейчас советскую бюрократию.

1905—1917 годы.

Т. Русская революция не сможет разрешить своих демократических задач, прежде всего аграрного вопроса, не поставив у власти рабочий класс.

---

*) Попытка задним числом открыть в двух строках статьи Ленина 1915 года утвердительный ответ на вопрос о «социализме в отдельной стране» представляет собою один из самых поразительных курьезов в богатой курьезами истории человеческих заблуждений. Об этом говорится в нашей критике программы Коминтерна (Die Internationale Revolution und die Kommunistische Internationale).

С. Но ведь это означает диктатуру пролетариата?

Т. Бесспорно.

С. В отсталой Росси? Раньше, чем в передовых капиталистических странах?

Т. Именно так.

С. Но вы игнорируете русскую деревню, т. е. отсталое крестьянство, погрязающее в полукрепостничестве.

Т. Наоборот: только глубина аграрного вопроса и открывает непосредственную перспективу диктатуры пролетариата в России.

С. Вы отрицаете, следовательно, буржуазную революцию?

Т. Нет, я только пытаюсь показать, что ее динамика ведет к диктатуре пролетариата.

С. Но это значит, что Россия созрела для построения социализма?

Т. Нет, не значит. Историческое развитие не имеет столь планомерного и гармонического характера. Завоевание власти пролетариатом в отсталой России неотвратимо вытекает из соотношения сил в буржуазной революции. Какие дальнейшие экономические перспективы откроет диктатура пролетариата, это зависит от внутренних и мировых условий, при которых она установится. Самостоятельно Россия не может, разумеется, притти к социализму. Но, открыв эру социалистических преобразований, она может дать толчок социалистическому развитию Европы и таким образом притти к социализму на буксире передовых стран.

1917—1923 годы.

С. Троцкий «еще до революции 1905 года выдвинул своеобразную и особенно знаменательную теперь теорию перманентной революции, утверждая, что буржуазная революция 1905 г. непосредственно перейдет в социалистическую, являясь первой из ряда нацио-

нальных революций» (из примечания к «Сочинениям» Ленина, изданным при его жизни).

1924—1932 годы.

С. Итак, вы отрицаете, что наша революция может привести к социализму?

Т. Я попрежнему считаю, что наша революция может и должна привести к социализму, приняв международный характер.

С. Вы не верите, следовательно, во внутренние силы русской революции?

Т. Это не мешало мне предвидеть и проповедывать диктатуру пролетариата, когда вы ее отвергали, как утопию.

С. Но вы отрицаете все же социалистическую революцию в России?

Т. До апреля 1917 года вы меня обвиняли в том, что я отрицаю буржуазную революцию. Секрет наших теоретических противоречий в том, что вы очень долго отставали от исторического процесса, а теперь пытаетесь его обогнать. В этом же, к слову сказать, и секрет ваших хозяйственных ошибок.

Читатель должен всегда иметь пред собою эти три исторических этапа в развитии революционных концепций в России, чтоб правильно оценить действительное содержание нынешней борьбы фракций и группировок в русском коммунизме.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТАТЬИ 1905 Г. «ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

4. Революция и пролетариат.

Пролетариат растет и крепнет вместе с ростом капитализма. В этом смысле развитие капитализма есть развитие пролетариата к диктатуре. Но день и час, когда власть перейдет в руки рабочего класса, зависит непосредственно не от уровня производительных сил, а от отношений классовой борьбы, от международной ситуации, наконец, от ряда субъективных моментов: традиции, инициативы, боевой готовности...

В стране, экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой...

Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны представляет собою предрассудок упрощенного до крайности «экономического» материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего.

Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции должна) перейти в руки пролетариата, прежде, чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений.

Марксизм есть прежде всего метод анализа, — не анализа текстов, а анализа социальных отношений. Верно ли в применении к России, что слабость капиталистического либерализма непременно означает слабость рабочего движения?

Численность промышленного пролетариата, его концентрированность, его культурность, его политическое значение зависят несомненно от степени развития капиталистической индустрии. Но это зависимость не непосредственная. Между производительными силами страны и политическими силами ее классов в каждый данный момент пересекаются различные социально-политические факторы национального и интернационального характера, и они отклоняют и даже совершенно видоизменяют политическое выражение экономических отношений. Несмотря на то, что производительные силы индустрии Соединенных Штатов в десять раз выше, чем у нас, политическая роль русского пролетариата, его влияние на политику несравненно выше, чем роль и значение американского пролетариата.

Пролетариат у власти и крестьянство.

В случае решительной победы революции, власть переходит в руки класса, игравшего в борьбе руководящую роль, — другими словами, в руки пролетариата. Разумеется, скажем тут же, это вовсе не исключает вхождения в правительство революционных представителей непролетарских общественных групп... Весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство? Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократических слоев народа, — другое дело, когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют, в качестве более или менее почетных заложников, представители пролетариата.

Пролетариат не сможет упрочить свою власть, не расширив базы революции. Многие слои трудящейся массы, особенно в деревне, будут впервые вовлечены в революцию и получат политическую организацию лишь после того, как авангард революции, городской пролетариат, станет у государственного кормила.

...Характер наших социально-исторических отношений, который всю тяжесть буржуазной революции взваливает на плечи пролетариата, создаст для рабочего правительства не только громадные трудности, но, по крайней мере, в первый период его существования, даст ему также и неоценимые преимущества. Это скажется в отношениях пролетариата и крестьянства.

Русская революция не дает и еще долго не даст установиться какому-нибудь буржуазно-конституционному порядку, который мог бы разрешить самые примитивные задачи демократии... Вследствие этого судьба самых элементарных революционных интересов крестьянства — даже всего крестьянства, как сословия, — связывается с судьбой всей революции, т. е. с судьбой пролетариата. Пролетариат у власти предстанет пред крестьянством, как класс-освободитель.

Но может быть само крестьянство оттеснит пролетариат и займет его место? Это невозможно. Весь исторический опыт протестует против этого предположения. Он показывает, что крестьянство совершенно неспособно к *самостоятельной* политической роли.

Русская буржуазия сдает пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством. При той ситуации, которая создастся переходом власти к пролетариату, крестьянству останется лишь присоединиться к режиму рабочей демократии. Пусть даже оно сделает это не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму! Но в то время, как каждая буржуазная партия, овладев голосами крестьянства, спешит воспользоваться властью, чтоб обобрать крестьянство и обмануть его во всех ожиданиях и обещаниях, а затем, в худшем для себя

случае, уступить место другой капиталистической партии, — пролетариат, опираясь на крестьянство, приведет в движение все силы для повышения культурного уровня деревни и развития в крестьянстве политического сознания.

6. Пролетарский режим.

Достигнуть власти пролетариат может, только опираясь на национальный подъем, на общенародное воодушевление. Пролетариат вступит в правительство, как революционный представитель нации, как признанный народный вождь в борьбе с абсолютизмом и крепостным варварством. Но став у власти, пролетариат откроет новую эпоху — эпоху революционного законодательства, положительной политики, — и здесь сохранение за ним роли признанного выразителя нации вовсе не обеспечено.

Каждый новый день будет углублять политику пролетариата у власти и все более и более определять ее классовый характер. И вместе с тем будет нарушаться революционная связь между пролетариатом и нацией, классовое расчленение крестьянства выступит в политической форме, антагонизм между составными частями будет расти в той мере, в какой политика рабочего правительства будет самоопределяться и из общедемократической становиться классовой.

Уничтожение сословного крепостничества встретит поддержку всего крестьянства, как тяглого сословия... Но законодательные меры в защиту земледельческого пролетариата не только не встретят такого активного сочувствия большинства, но и натолкнутся на активное сопротивление меньшинства. Пролетариат окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню и таким образом нарушать эту общность интересов, которая несомненно имеется у всего крестьянства, но в сравнительно узких пределах. Пролетариату придется в ближайшие же моменты своего господства искать опоры в противопоставлении деревенской бед-

ноты деревенским богачам, сельскохозяйственного пролетариата — земледельческой буржуазии.

Раз власть находится в руках революционного правительства с социалистическим большинством, как тотчас же различие между минимальной и максимальной программой теряет и принципиальное, и непосредственно-практическое значение. Удержаться в рамках этого разграничения пролетарское правительство никоим образом не сможет.

Вступая в правительство не как бессильные заложники, а как руководящая сила, представители пролетариата тем самым разрушают грань между минимальной и максимальной программой, т. е. ставят коллективизм в порядок дня. На каком пункте пролетариат будет остановлен в этом направлении, это зависит от соотношения сил, но никак не от первоначальных намерений партии пролетариата.

Вот почему не может быть и речи о какой-то особенной форме пролетарской диктатуры в буржуазной революции, именно о демократической диктатуре пролетариата (или пролетариата и крестьянства). Рабочий класс не сможет обеспечить демократический характер своей диктатуры, не переступая за границы своей демократической программы. Всякие иллюзии на этот счет были бы совершенно пагубны.

Раз партия пролетариата возьмет власть, она будет бороться за нее до конца. Если одним средством этой борьбы за сохранение и упрочение власти будет агитация и организация, особенно же в деревне, то другим средством будет коллективистская политика. Коллективизм станет не только неизбежным выводом из положения партии, но и средством сохранить это положение, опираясь на пролетариат.

Когда в социалистической прессе была формулирована идея непрерывной революции, связывающей ликвидацию абсолютизма и гражданского крепостничества с социалистическим переворотом рядом нарастающих социальных столкновений, восстаний новых

слоев массы, непрекращающихся атак пролетариата на политические и экономические привиллегии господствующих классов, наша «прогрессивная» печать подняла единодушный негодующий вой.

Более радикальные представители той же демократии... не только считают фантастической самую идею рабочего правительства в России, но и отвергают возможность социалистической революции в Европе в ближайшую историческую эпоху. Еще нет налицо необходимых «предпосылок». Верно ли это? Дело, конечно, не в том, чтоб назначить срок социалистической революции, а в том, чтобы установить ее в реальные исторические перспективы...

(Дальше следуют анализ общих предпосылок социалистического хозяйства и доказательства того, что в настоящее время — начало XX века — эти предпосылки, если брать вопрос в европейском и мировом масштабе, уже имеются налицо).

...В замкнутых границах отдельных государств социалистическое производство уже не могло бы вместиться — как по экономическим, так и по политическим причинам.

7. *Рабочее правительство в России и социализм.*

Выше мы показали, что объективные предпосылки социалистической революции уже созданы экономическим развитием передовых капиталистических стран. Но что можно в этом отношении сказать относительно России? Можно ли ожидать, что переход власти в руки русского пролетариата будет началом преобразования нашего национального хозяйства на социалистических началах?

Парижские рабочие, как говорил Маркс, не требовали от Коммуны чудес. Нельзя ждать мгновенных чудес от диктатуры пролетариата и теперь. Государственная власть не всемогуща. Нелепо было бы думать, что стоит пролетариату получить власть, — и он путем нескольких декретов заменит капитализм

социализмом. Экономический строй не есть продукт деятельности государства. Пролетариат сможет лишь со всей энергией применять государственную власть для того, чтобы облегчить и сократить путь хозяйственной эволюции в сторону коллективизма.

Обобществление производства начнется с тех отраслей, которые представят для этого наименьше затруднений. В первый период обобществленное производство будет представлять собой оазисы, связанные с частными хозяйственными предприятиями законами товарного обращения. Чем шире будет поле, уже захваченное обобществленным хозяйством, тем очевиднее будут его выгоды, тем прочнее будет себя чувствовать новый политический режим, тем смелее будут дальнейшие хозяйственные мероприятия пролетариата. В этих мероприятиях он сможет и будет опираться не только на национальные производительные силы, но и на интернациональную технику, подобно тому, как в своей революционной политике он опирается не только на опыт национальных классовых отношений, но и на весь исторический опыт международного пролетариата.

Пролетарский режим на первых же порах должен будет приняться за разрешение аграрного вопроса, с которым связан вопрос о судьбе огромных масс населения России. В решении этого вопроса, как и всех других, пролетариат будет исходить из основного стремления своей экономической политики: овладеть как можно большим полем для организации социалистического хозяйства, — при чем формы и темп этой политики в аграрном вопросе должны определяться как теми материальными ресурсами, которыми сможет овладеть пролетариат, так и необходимостью располагать свои действия так, чтоб не отталкивать в ряды контр-революции возможных союзников.

Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо

раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру...

Политический «оптимизм» может быть двоякого рода. Можно преувеличенно оценивать свои силы и выгоды революционной ситуации и ставить себе задачи, разрешение которых не допускается данным соотношением сил. Но можно и, наоборот, оптимистически ограничивать свои революционные задачи пределом, за который нас неизбежно перебросит логика нашего положения.

Можно ограничивать рамки всех запросов революции утверждением, что наша революция — буржуазная по своим объективным целям и, значит, по своим неизбежным результатам, и можно при этом закрывать глаза на тот факт, что главным деятелем этой буржуазной революции является пролетариат, который всем ходом революции толкается к власти...

Можно успокаивать себя тем, что социальные условия России еще не созрели для социалистического хозяйства, — и можно при этом не задумываться над тем, что, став у власти, пролетариат неизбежно, всей логикой своего положения, будет толкаться к ведению хозяйства за государственный счет.

Общее социологическое определение — буржуазная революция — вовсе не разрешает тех политико-тактических задач, противоречий и затруднений, которые выдвигаются механикой данной буржуазной революции.

В рамках буржуазной революции конца XVIII века, имевшей своей объективной задачей господство капитала, оказалась возможной диктатура санкюлотов. В революции начала XX века, которая также является буржуазной по своим непосредственным объективным задачам, вырисовывается в ближайшей перспективе неизбежность или, хотя бы только, вероятность политического господства пролетариата. Чтоб

это господство не оказалось простым мимолетным «эпизодом», как надеются некоторые реалистические филистеры, об этом позаботится сам пролетариат. Но уже сейчас можно поставить пред собой вопрос: должна ли неизбежно диктатура пролетариата разбиться о рамки буржуазной революции или же, на данных мировых исторических основаниях, она может открыть пред собой перспективу победы, разбив эти ограниченные рамки?

(Дальше следует развитие той мысли, что русская революция может развязать и, по всей вероятности, развяжет пролетарскую революцию на Западе, что, в свою очередь, обеспечит социалистическое развитие России.

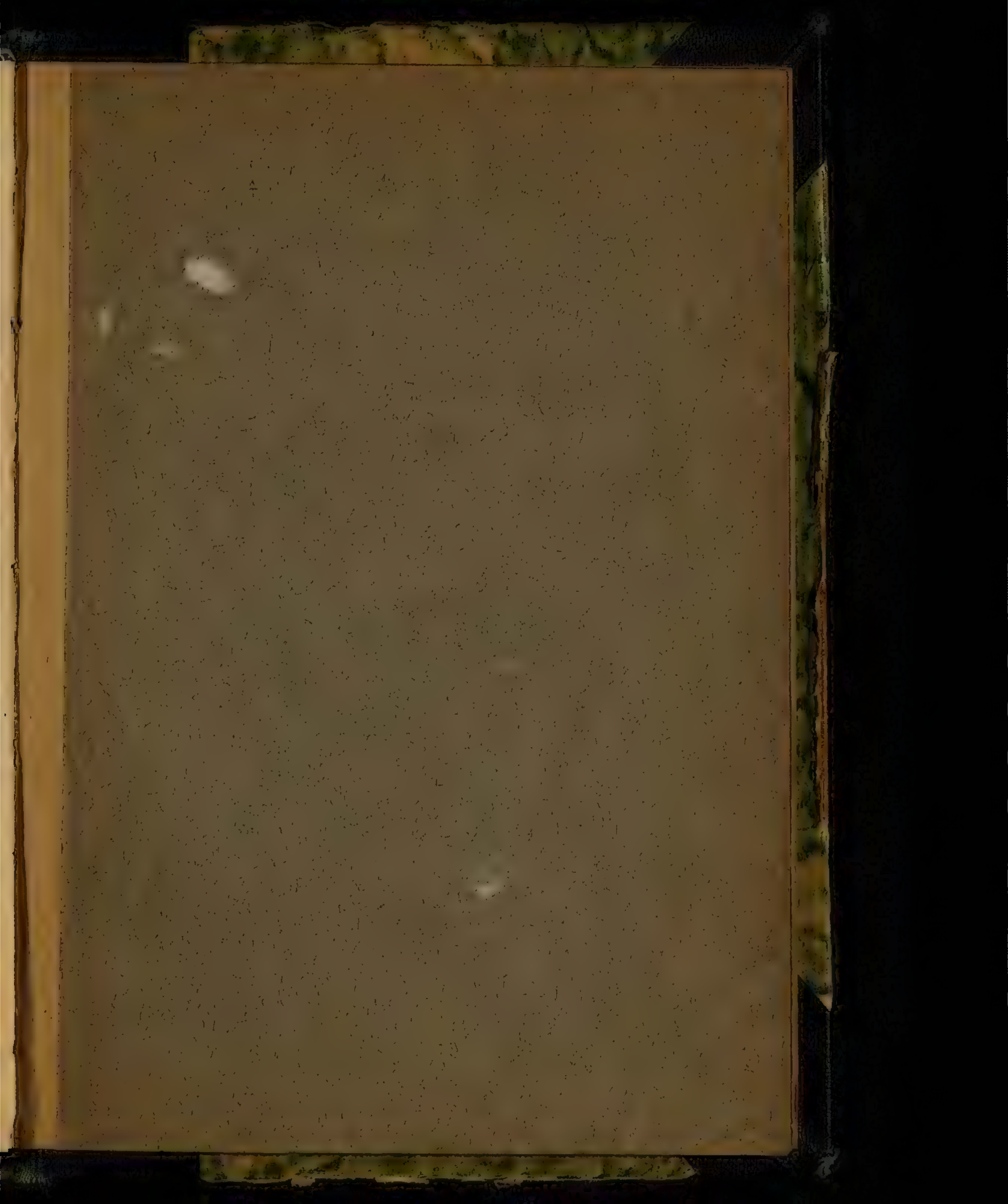
Остается еще прибавить, что в первые годы существования Коммунистического Интернационала цитированная работа официально издавалась на иностранных языках, как теоретическое истолкование Октябрьской революции).

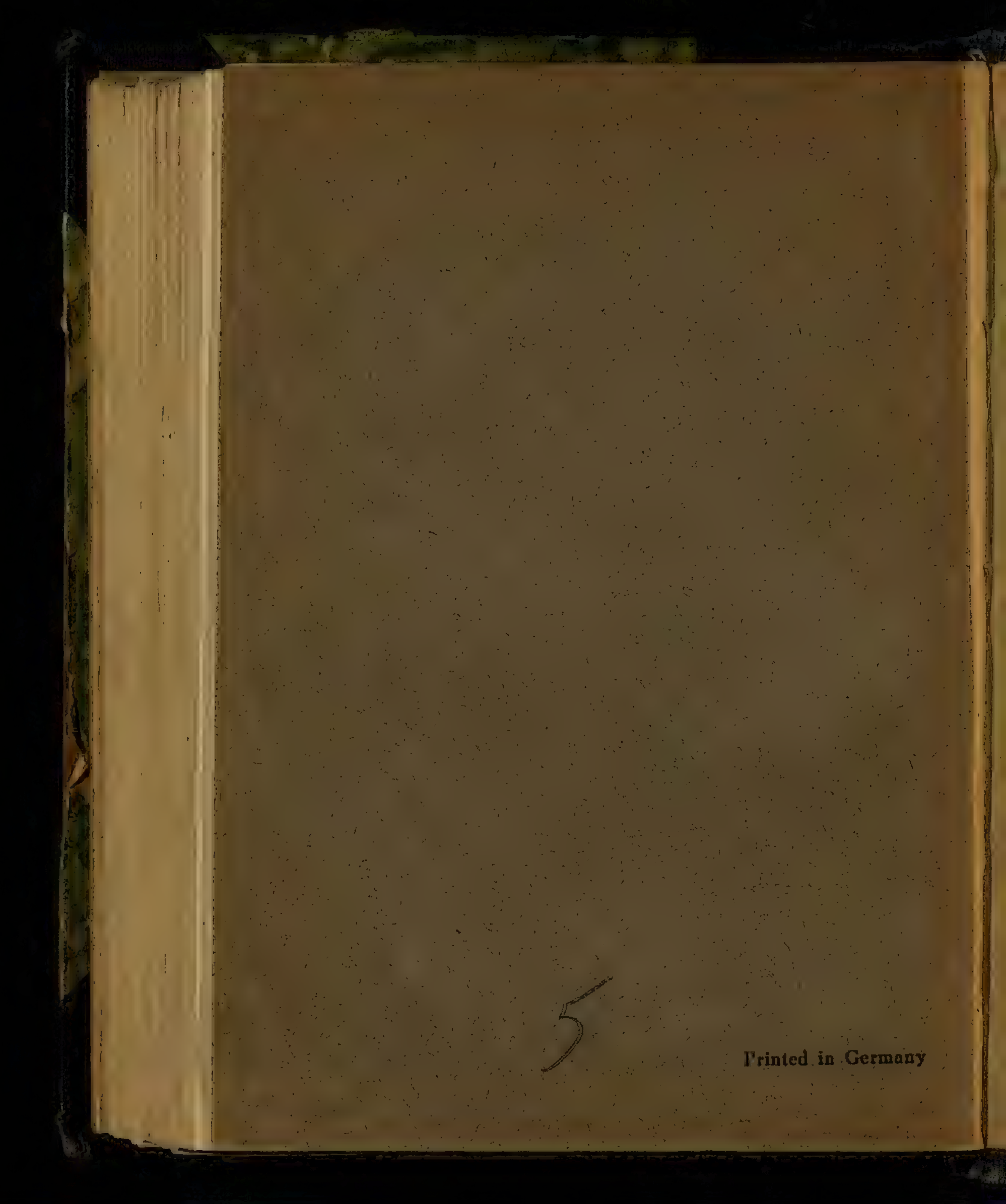
СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ ВТОРОГО ТОМА

СПИСОК ОПЕЧАТОК
ПЕРВОГО ТОМА «ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	15 сверху	освобождалась	освобождалось
7	10 снизу	стремиться	стремится
15	8 сверху	гочке	точке
16	12 снизу	глвным	главным
26	5 сверху	частых	частных
49	15 сверху	облачениями	обличениями
49	15 снизу	была	был
51	5 сверху	осенью 1917 года	осенью 1916 года
73	7 сверху	После первого в строке слова «них» пропущена фраза: «Но все эти силы действуют через людей».	
105	14 сверху	несмотри	несмотря
116	7 сверху	губернатора	——
117	3 сверху	отодвинули	сдвинули
130	22 сверху	замечательный	замечателен
140	4 сверху	яркостью	яростью
170	16 сверху	представить	предоставить
189	7 сверху	давал	давала
211	20 сверху	После слов «депутат Караулов, который» пропущено слово «издал».	
211	20 сверху	депутатов	депутат
219	22 сверху	филистры	филистеры
235	10 снизу	конституции	конституцию
284	19 сверху	неизеримо	неизмеримо
285	13 снизу	безотговорочно	безоговорочно
306	12 снизу	пленных	пленные
336	4 снизу	апологитическая	апологетическая
343	11 снизу	к	——
372	15 снизу	от Москвы	от Петрограда
405	15 сверху	правительству	парламенту
448	18 сверху	теория	теориям
448	6 снизу	После слова «обозревающего» пропущено слово «происходящее».	
519	16 сверху	придеся	придется
530	5 снизу	обвинили	обвиняли

5

Printed in Germany

257.

